

КНИГА ПАЛОМНИКА СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ

Спасо-Преображенский Соловецкий
Ставропигиальный мужской монастырь

Общество сохранения
литературного наследия

Москва 2008

УДК 271.22-788(470)(036)
ББК 86.372-6(2РОС-4АРХ)Я2
В61

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

ВО ОТОЦЕ ОКЕАНА МОРЯ...
Книга паломника Соловецкой обители. Автор-составитель М.В. Осипенко. — М.: О-во сохранения лит. наследия, 2008. — 360 с., фот.

ISBN 978-5-902484-13-4
Агентство CIP РГБ

В предлагаемом издании представлены материалы по истории Соловецкого подвижничества от основания обители до наших дней. В первой главе излагаются исторические события, раскрывающие роль Соловецкого монастыря как форпоста Православия на севере России; во второй — речь идет о храмах обители — каменных свидетелях минувших времен; в третьей главе собраны жизнеописания тех, чьими трудами и молитвами созидалась Соловецкая обитель; четвертая и пятая главы содержат материалы о тех, кто невольно оказался на Соловках в качестве узников; в шестой и седьмой главах рассказывается о Соловецком пустынножительстве, проявлением духовной мощи которого стало создание скитов на острове Анзер; в восьмой главе обсуждаются образы Соловков как грядущего града Небесного Иерусалима, как потерянного рая и одновременно как острова спасения — духовной лечебницы, в которой врачуются души всех притекающих сюда.

Для удобства паломников в конце путеводителя приведены тропари, кондаки и молитвы наиболее почитаемым Соловецким святым, именной указатель, точный адрес обители и как до неё добраться.

Путеводитель будет полезен паломникам и всем, кому не безразличны судьбы нашего народа, ибо в истории Соловков, как в капле воды, отражаются все ключевые моменты истории России.

ISBN 978-5-902484-13-4

© Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2007
© Общество сохранения литературного наследия (ОСЛН), 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово к читателю 6

О возможных маршрутах 8

Глава 1. Святыни и история Соловецкого монастыря 17
1.1. Начало иночества на Соловецком острове. Основание Соловецкой обители преподобными Зосимой, Савватием и Германом. XV век 17
1.2. Строительство первых каменных храмов и обустройство монастырского хозяйства при игумене Филиппе. XVI век 24
1.3. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Конец XVI — начало XVII века 27
1.4. Смута по поводу исправления богослужебных книг. XVII век 32
1.5. Посещения Петра I и учреждение ставропигии. XVIII век 63
1.6. Дальнейшее благоустройство монастыря. Бомбардировка монастыря британскими пароходами (6—7 июля 1854 года). XIX век 71
1.7. Ризница и библиотека 86
1.8. Монастырь в XX веке 93
1.9. Возрождение монастыря. Конец XX — начало XXI века 99

Глава 2. Храмы и постройки Соловецкой обители 104
2.1. Успенская церковь с Трапезной и Келарской палатами 104
2.2. Спасо-Преображенский собор 112
2.3. Строительство крепости 118
2.4. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы 120
2.5. Строительство каменных келий 122
2.6. От звонницы к колокольне 126
2.7. Церковь Святителя Филиппа 126
2.8. Церковь Святителя Николая 128
2.9. Троицкий собор 128
2.10. Хозяйственные постройки южного и северного двориков 129
2.11. Часовни вокруг монастыря 132
2.11.1. Филипповская часовня 132
2.11.2. Иоанно-Предтеченская часовня 133
2.11.3. Петровская часовня 134
2.11.4. Константиновская часовня 135
2.11.5. Александровская часовня 135
2.11.6. Варваринская часовня 138

2.12. Некрополь Соловецкого монастыря: монастырское кладбище, церковь преподобного Германа и подклеты Троицкого собора 139

Глава 3. История обители в личностях Соловецких подвижников 148
3.1. Преподобный Савватий 148
3.2. Преподобный Зосима 153
3.3. Преподобный Герман 166
3.4. Святитель Филипп, митрополит Московский 167
3.5. Преподобный Феодорит Кольский 175
3.6. Святитель Маркелл, архиепископ Вологодский 180
3.7. Авраамий Палицын 182
3.8. Монах Наум 186
3.9. Архимандрит Макарий 189
3.10. Архимандрит Досифей 190
3.11. Архимандрит Димитрий 191
3.12. Архимандрит Александр 192
3.13. Архимандрит Порфирий 196
3.14. Архимандрит Феофан 196
3.15. Архимандрит Варлаам 199
3.16. Архимандрит Иоанникий 200
3.17. Монах Гурий 207
3.18. Преподобномученик архимандрит Вениамин 212

Глава 4. За крепкими засовами 218
4.1. Режим и места содержания ссыльных в Соловецком монастыре 218
4.2. Узники XVI—XVIII веков 221
4.3. Узники XIX века 225

Глава 5. Соловецкий лагерь особого назначения — СЛОН 230
5.1. Власть Соловецкая 231
5.2. Прибытие на Соловки 236
5.3. Структура СЛОН 237
5.4. Труд заключенных 241
5.5. Смертию смерть поправ 243
5.6. Детский барак УСЛОН 245
5.7. О лагерной культуре 247
5.8. Соловки — национальная Голгофа 250

Глава 6. Скиты и памятные места на Соловецких островах 259
6.1. Савватиево 259
6.2. Свято-Вознесенский скит на Секирной горе 263
6.3. Исаково 268
6.4. Макариева пустынь 269
6.5. Филипповы садки и места келий преподобных Зосимы и Германа 271
6.6. Переговорный камень 273
6.7. Филиппова пустынь 274
6.8. Большая Муксалма 276
6.9. Андреевский скит на Большом Заяцком острове 279

Глава 7. Пустынножительство на острове Анзер 287
7.1. Дивный Анзер 287
7.2. Сказание о начале жития на острове Анзерском преподобного старца Елеазара 290
7.3. Об устроении Троицкого скита 294
7.4. Об устроении Голгофо-Распятского скита 307
7.5. Гора Голгофа 320
7.6. Об Анзерских дорожках 324

Глава 8. Образы Соловков 331

Прощальное слово 334

Песнопения и молитвы наиболее чтимым Соловецким святым 336

Библиография 349

Указатель имен 352

Благотворителям и паломникам 359

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

ногие из боголюбивых посетителей Соловецкой обители за короткий срок пребывания своего не успевают ознакомиться со святыней и со всем, что в ней достойно внимания благочестивого паломника. Предлагаемое издание поможет паломнику сориентироваться в непростом духовном пространстве современных Соловков, а также сохранить и упорядочить в памяти полученные впечатления. В настоящем путеводителе можно найти: краткую историю Соловецкого монастыря; описание нынешнего уклада жизни в обители и удобнейшие пути ознакомления со святынями и достопримечательностями острова; душеполезные сведения из жизнеописаний святых и подвижников благочестия, в Соловецкой обители спасавшихся, описания храмов Божиих и других строений монастыря; описания скитов; песнопения и молитвы святым, особо почитаемым в Соловецкой обители.

Чтение этой книги позволит увидеть в исторической перспективе историю Соловецкого подвижничества, то есть духовно настроиться на паломничество. Можно объехать весь мир и при этом не расстаться с суетой своей повседневной жизни. Смысл паломничества — раскрыть очи своей души, а для этого необходим труд сердца: покаяние и молитва. Итак, приидите трудолюбнейшие искатели духовного бисера, стецемся к берегам студеного моря Белого, где красуется величием храмов, но более преданиями о мужах дивных и подвигах душеспасительных Святая Соловецкая обитель. «Святое семя иночества, насажденное подвижническою рукою преподобных Зосимы и Савватия на дикий и необитаемый остров студенаго моря, не переставало приносить плоды до ближайшей к нам современности. Надеемся, что оно, при благословении Божием, останется также плодоносно и на будущее время» [1, с. 2]. Этими словами заканчивается предисловие к Соловецкому патерику, изданному в 1873 году[1]. С тех пор список Соловецких святых продолжен именами многих новомучеников и исповедников Соловецких, пострадавших на Соловецких островах в 1923—1939 годах и прославленных на Юбилейном Соборе 2000 года[2]. Новейшая история Соловецкой обители началась с 1989 года, когда по просьбе православной общины, созданной жителями острова, на Соловки для совершения богослужений был направлен игумен Герман (Чеботарь). Под его духовное окормление стали стекаться ищущие монашеской жизни. 25 октября 1990 года Священный Синод вынес решение о возобновлении деятельности Спасо-Преображенского Соловецкого мо-

[1] Переиздан Московской Синодальной библиотекой в 1991 году.

[2] В 2000 году установлен день памяти всех пострадавших за веру на Соловках — Собор новомучеников и исповедников Соловецких — 10/23 августа.

настыря. Новая лоза, привитая к старому корню, даёт первые плоды: в 2005 году монастырь отметил свое пятнадцатилетие, и теперь во всех храмах обители совершается богослужение, возрождена традиция крестных ходов вокруг монастыря по воскресным дням и церковным праздникам, оживают скиты, воздвигаются поклонные кресты в знак того, что, освященная трудами подвижников и кровью мучеников, Соловецкая земля есть удел Божий. Тысячи паломников, притекающих в Святую Соловецкую обитель, убеждаются на собственном опыте, что по молитвам Соловецких угодников благодать Божия не отступает от места сего и изобильно изливается на всякого, могущего ее вместить. И пожалуй, главное для паломника — приготовить свое сердце к встрече с Соловецкими святыми: разглядеть за гранитными валунами, составляющими стены и храмы монастыря, истинные драгоценные камни, избранные Господом для созидания Града Небесного Иерусалима. Хотя внешние события, происходившие в обители, такие как защита от шведов и англичан, посещения государей, Соловецкое сидение, а также благолепие храмов и образцовое монастырское хозяйство, более привлекают внимание паломников, но не в этом состоит назначение монашества. Монашеская община — это братство воинов Христовых, бросивших вызов не «плоти и крови, но духам злобы поднебесной». Их дело — война с грехом, совершающаяся в тайной храмине души. «Иноческая жизнь, и по назначению и по свойству своему, есть внутренняя, сокровенная. Подвиги на этом поприще большею частию остаются известны одному всевидящему Богу» [1, с.3]. Конечно, духовная жизнь иноков остаётся скрытой от посетителей монастыря, но, по милости Божией, для нас сохранено множество примеров подвижнической жизни Соловецких боголюбцев. Мы постарались, сохраняя, по возможности, стиль древнерусских жизнеописаний, подобрать свидетельства из монастырской жизни, которые помогли бы современному читателю проникнуться духом Соловецких подвижников, полюбить их и понудить себя, хотя бы в малой степени, подражать им. Это подражание могло бы начаться с минимального отречения от своей воли, хотя бы на короткое время пребывания на Соловках: «Не как я хочу, а как Бог даст». Вместо того чтобы стараться побывать на всех достопримечательных местах, попробуем поучаствовать в нынешней монастырской жизни: проснуться по-монастырски в половине шестого, помолиться на долгих службах, если благословят, потрудиться. Только будем помнить: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Лучше лишний раз спросить: «Как сделать? Как здесь принято?» — чем нарушать монастырский дух любви и взаимной терпимости мирским самоутверждением. Будем радоваться, если приходится себя утеснить, потерпеть, значит, по молитвам преподобных Зосимы, Савватия и Германа нам дана возможность стать чуточку чище. Соловки не место отдыха, а место подвига.

О ВОЗМОЖНЫХ МАРШРУТАХ

Готовясь к паломничеству в Соловецкую обитель, прежде всего стоит прочитать главу 1, в которой кратко изложена история Соловецкого монастыря, и ознакомиться с жизнеописаниями преподобных Зосимы, Савватия, Германа и Святителя Филиппа (3.1—3.4) — основателей монашеской жизни на Соловецких островах[3]. Знание общей канвы событий поможет вам более полно воспринять рассказы экскурсоводов во время путешествия. Если вы совершаете паломничество в составе группы, то программа пребывания на Соловках обычно настолько обширная и насыщенная, что трудно удержать в памяти все те сведения, впечатления и переживания, которые затронули вашу душу и сердце. Зато по возвращении домой вы сможете раскрыть этот путеводитель и, путешествуя по страницам книги, погрузиться в атмосферу паломничества, уточнить и углубить свои представления об истории Соловецкого подвижничества.

Оставшаяся часть этого раздела для тех, кто уже прибыл на остров и решил самостоятельно открыть для себя Соловки с помощью этого путеводителя. Потратьте некоторое время, чтобы выбрать наиболее подходящий для вас лично маршрут. Далее цифрами обозначены ссылки на разделы, содержащие информацию к размышлениям, подобающим тому или иному месту. Чтобы составить общее впечатление о монастыре, хорошо, помолившись у мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа (1.1), пройти неспешно по центральному двору и, обращаясь к разделам (1.2 и 2), попытаться представить себе, как складывался архитектурный ансамбль монастыря и как сохранившиеся памятники связаны с историческими событиями и личностями. Далее возможны варианты:

А) Вы решили побродить по монастырским закоулкам, не углубляясь в исторические детали. Тогда можно начать с Успенской церкви с трапезной. Заходим через арку между трапезной и колокольней в уютный

[3] Соловецкие острова, или Соловки, — группа островов в Белом море у входа в Онежскую губу. Самый крупный из них — Большой Соловецкий, его протяженность около 24 км с запада на восток и около 16 км с севера на юг, площадь — 219 кв. км. Второй по величине остров — Анзер — занимает 48 кв. км. На остальные острова: Большая Муксалма (19,8 кв. км), Малая Муксалма (1,2 кв. км), Большой и Малый Заяцкие (1,4 и 1,1 кв. км) и множество мелких островков приходится 5,6 % общей площади Соловецкого архипелага, которая составляет 283 кв. км. Существует несколько версий происхождения названия Соловки: в русском языке слово «соловый» означает туманный, на финском языке «suol» означает остров, а на новгородском диалекте «соловки» — барашки на волнах. Поморский сказ повествует о том, что остров Соловецкий «из моря Белого встал для спасения людей» и назван был «по малой птице соловью» и жителей его звали соловьянами, но соловьи, однако, на Соловках не водятся [2, №1, 2002, с. 62].

Святые врата. Фото нач. XX в.

дворик[4]. Рассматриваем южный фасад Успенской церкви, поражающий типичным для XVI века отсутствием ложных форм и симметрии, и сравниваем с северным фасадом Никольской церкви (XIX в.), на котором для симметрии даже добавлен нижний ряд глухих круглых окон. Здесь же видно, что основание и первый ярус колокольни — остатки трехшатровой звонницы XVII века. Просфорный корпус был построен в XVII веке и дважды перестраивался — в 1799 и 1817 годах. В корпусе размещались келии просфорников. Просфорная служба была под Успенской церковью в подклете вместе с пекарней. Пекарня действует и сейчас, что подтверждает аппетитный запах свежего хлеба. Обойдя с восточной стороны Успенскую церковь, поднимемся в трапезную либо по деревянной лестнице, либо через паперть. Об Успенской церкви и трапезной подробно рассказывается в разделе (2.1). Хорошо также вспомнить здесь о видениях старца Гурия, предрекавшего пожар 1923 года (3.17).

С паперти Успенской церкви можно выйти на галерею. С открытой её части открывается панорама бухты Благополучия. При входе в закрытую часть обратим внимание на то, что мы переходим из XVII века (двускатная деревянная тесовая крыша, открытое пространство между столбами, кирпичный пол) в XIX (крыша односкатная металлическая, про-

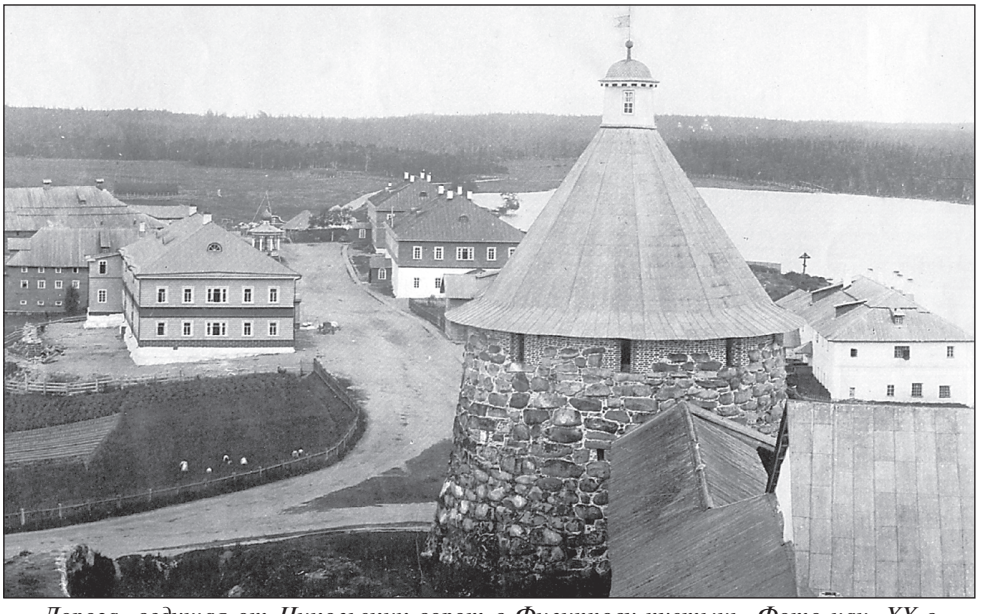
[4] В XVI веке дворик был мощен булыжным камнем. У стены палаты существовал лоток (канава) для отвода дождевой воды от цоколя здания. Двор имел заметную покатость от трапезной — к югу и от Никольской церкви — к северу, общий наклон шел в западную сторону. Толщина культурного слоя над мощением достигает 50-60 сантиметров, на отдельных участках — до метра.

емы между столбами заложены и вставлены застеклённые рамы, на полу деревянный настил). Заглянув под колокольню, мы окажемся в сводчатой палате XVII века, в которой в монастырские времена была библиотека. Следуя далее по переходу, мы минуем лестницу, ведущую в храм Святителя Николая, монастырскую ризницу, окно во дворик церкви преподобного Германа и попадем на паперть Спасо-Преображенского собора (2.2). Осмотрев собор, можно выйти через главный вход во двор. Обратим внимание на памятные плиты снаружи у входа, рассказывающие о заступничестве Божией Матери за монастырь при нападении англичан (1.6). История этого нападения изложена также в надписи на колоколе.

Если вы хотите представить себе монашеский быт XVII века, можно осмотреть восстановленную келию в Святительском корпусе (2.5). Здесь внимание посетителей привлекают две детали: во-первых, в оконных переплетах и ставнях вместо стекла вставлена слюда, во-вторых, у печи отсутствует труба. Дым в те времена выходил прямо через вентиляционное отверстие, расположенное над входом в жилое помещение келии. Чтобы на опыте узнать, что такое монашеская келия, попробуйте хотя бы пять минут посидеть в ней молча в одиночестве. Удалось ли вам помолиться, или приходили в голову всякие мысли, или вам просто стало скучно? Этот опыт можно продолжить и дома: умение пребывать в одиночестве и в тишине — первый шаг к молитвенному общению с Богом.

В такой келии мог жить, например, знаменитый Авраамий Палицын (3.7), чьё надгробие находится у южной стены Спасо-Преображенского собора. Вспоминая об этом великом муже, отметим характерную черту соловецких монахов, которые, по замечанию писателя В.И. Немировича-Данченко, «фанатически привязаны к своей обители. Когда им предлагали ехать настоятелями в другие монастыри, они заболевали от отчаяния и умирали. Добровольно из них не выезжает никто» [3, с. 86]. Так и Авраамий Палицын. Исполняя многие годы послушание келаря в Троице-Сергиевой Лавре, он пожелал вернуться на покой в Соловецкую обитель, чтобы провести последние годы жизни «на своем обещании», то есть там, где он произнес монашеские обеты, и навсегда упокоиться в Соловецкой земле. Рядом с его могилой находились надгробные плиты просветителя лопарей Феодорита Кольского (3.5) и воеводы Михаила Озерова[5]. Если дальше пройти в южный дворик (2.10), можно полюбоваться нарядным фасадом мельницы и ознакомиться с устройством крепостных стен и башен (2.3). На прясло стены можно подняться через Прядильную башню, по стене пройти в Белую, а там подняться на следу-

[5] Гранитная плита со стилизованной надписью «Михаил Озеров» — грубая копия белокаменного надгробия XVI века, которое находится в фондах СГИАПМЗ. Подробное описание см. в статье В.А. Бурова (Российская археология, 2001, № 2, с. 132—134).



Дорога, ведущая от Никольских ворот в Филиппову пустынь. Фото нач. XX в.

ющий ярус и осмотреть с высоты док, Архангельскую гостиницу, старое монастырское кладбище и Святое озеро. По стене можно пройти до Архангельской башни и оттуда вернуться в центральный двор.

Б) Вы решили поближе познакомиться с жизнью Святителя Филиппа. Возможно, что после осмотра Успенского и Спасо-Преображенского соборов, у вас возник вопрос, что же это были за люди, которые за несколько лет без мощной техники воздвигли на необитаемом острове эти непоколебимые твердыни. Тогда лучше всего обратиться к житию Святителя Филиппа (3.4). В жизни Соловецкого игумена была некая тайна. Силы духовные для совершения своих трудов он обретал, уходя в свою пустынную келию в двух верстах от монастыря. Последуем и мы его путем — через Никольские врата, по улице И. Сивко[6], ведущей на восток

[6] По выходе из Никольских ворот справа на берегу Святого озера видно белое здание кузницы XVII—XIX века. В нижнем ярусе располагались горны, вначале — 4, а в XIX веке — 8. В верхнем ярусе (пристроен в 1841 г.) размещались келии для проживания кузнецов и слесарей. В настоящее время здание передано Соловецкому монастырю. Здесь находится гостиница для паломниц. Слева первое здание по ул. И. Сивко — Никольский корпус, построенный по проекту архангельского губернского архитектора Вуколова для проживания трудников в 1896—1897 годы. Сейчас в этом здании жилой дом. Напротив, по правой стороне расположено деревянное здание Овощного (Лукового) корпуса XIX века. В нижнем этаже находилось овощехранилище, в верхнем проживали трудники, работавшие на монастырских огородах. Сейчас в нем также жилой дом. Далее по правой стороне монастырское училище для «безбрадых трудников», построенное в 1860—1862 годы. Сейчас в первом ярусе размещаются почта, АТС, отделение Сбербанка, школьный спортзал. Второй этаж передан Соловецкому монастырю для паломнической гостиницы.

вдоль Святого озера[7]. Само Святое озеро было очищено и расширено при игумене Филиппе, а чтобы наполнить его водой, была устроена система каналов, соединяющих 52 озера. И сейчас, около поворота на аэродром, виден питьевой канал, питающий Святое озеро. На этом канале в 2002 году была устроена крестильная часовня. Через две версты по дороге на Муксалму, сразу за Игуменским озером, — поворот налево к Филипповой пустыни (6.7). Там, на месте духовных подвигов Святителя Филиппа, хорошо почитать ему акафист. На обратном пути, любуясь видом монастыря, отражающегося в озере, можно себе представить, как радовалось сердце игумена Филиппа, когда он, также возвращаясь из пустыни в монастырь, видел как день ото дня растут задуманные им храмы.

Что ещё в монастыре могло бы помочь нам приблизиться к пониманию личности Святителя Филиппа? Во-первых, это молитва на месте его упокоения в крипте около северного входа в Спасо-Преображенский собор (2.2). Во-вторых, молитва в храме, посвященном Святителю Филиппу. В 1687—1689 годах Филипповская церковь с трапезной была пристроена к Казначейскому корпусу[8], а в 1690 году церковь была освящена[9]. Она, однако, не сохранились. Нынешний храм Святителя Филиппа был построен в 1798 году (2.7). После запустения советских времен этот храм был восстановлен и освящен 22 августа 2001 года Святейшим Патриархом Алексием II. К этому событию по благословению Патриарха Алексия монастырю был передан ковчег с частицей мощей Святителя Филиппа. Он находится теперь в алтаре храма, а во время служения в Спасо-Преображенском соборе (т.е. в августе и сентябре) ковчег с мощами ставится на место, где прежде стояла гробница с мощами Святителя Филиппа: справа на солее собора. Вторая реликвия, возвращенная Патриархом Алексием II монастырю, — камень, который Святитель Филипп клал под голову вместо подушки, когда отдыхал в своей пустынной келии. В XIX веке на камне был высечен монашеский лик [4, 1998, с. 56].

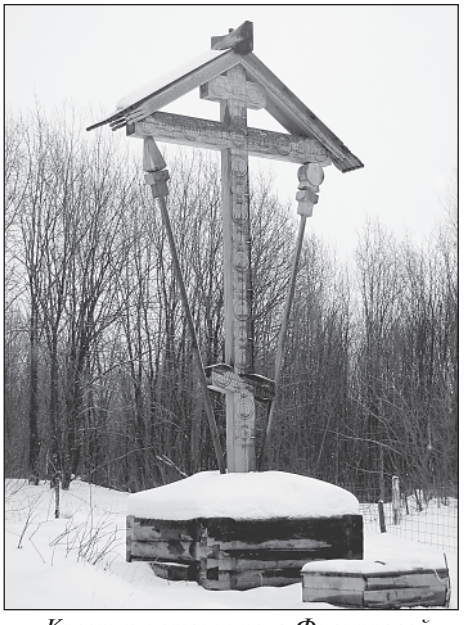
Примечательно, что первым зданием, переданным Соловецкой администрацией церкви для совершения богослужений, оказалась часовня

[7] Святое озеро — одно из средних по размерам озер Большого Соловецкого острова. Его площадь — 12 га. Дважды в год здесь совершается чин Великого водоосвящения: во время крестных ходов в Крещенский Сочельник и на само Крещение Господне — 6/19 января, а во время крестных ходов в воскресные и праздничные дни совершается чин малого освящения воды. Считается, что вода Святого озера целительна от многих недугов. Прежде, по прибытии на Соловки, богомольцы совершали «цельбоносное купание в телесное здравие и душевное спасение» в специально оборудованных купальнях.

[8] В XVII веке Казначейский корпус был одноэтажным, в нем располагались келии и больничные палаты. В XVIII веке больничные палаты были надстроены вторым этажом.

[9] «При том архимандрите Иннокентии построена в Соловецком монастыре при братской больнице поземная каменная церковь во имя Святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России; освящена архимандритом Фирсом в 1690 году» [6, л. 20 об].

Святителя Филиппа рядом с бывшей монастырской пристанью, а в качестве земли под огороды была передана Филиппова пустынь. То есть Святитель не оставляет обитель своим попечением.



Крест у источника в Филипповой пустыни

В) Многие гости монастыря интересуются событиями, связанными с нападением англичан на монастырь в 1854 году (1.6). Начать осмотр можно от колокола «Благовестник», который поставлен сейчас почти на том месте, где находилась прежде «Царская колокольня». Затем стоит внимательно прочитать текст надписей на памятных плитах при входе в Спасо-Преображенский собор. Архимандрит Александр, усилиями которого дан был достойный отпор притязаниям англичан, не забыл даже помолиться о вразумлении врагов. Архимандрит Александр обладал сердцем мужественным и в то же время чутким и любящим. Об этом свидетельствуют надписи на надгробных плитах его дочери и сына (3.12). Эти плиты можно видеть во дворике у храма преподобного Германа. В благодарность за помощь Божию при отражении нападения англичан архимандрит Александр испросил разрешение на строительство десяти храмов. При нём успели освятить только два престола: в церкви в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» в Филипповой пустыни и в приделе в честь иконы Божией матери «Знамение» во втором ярусе храма Святителя Филиппа. В 1857 году архимандрит Александр был назначен епископом в Архангельск. Он успел также выстроить часовню в Макариевой пустыни, которую посвятил своему святому покровителю благоверному Великому Князю Александру Невскому.

Ещё одно напоминание о бомбардировке англичан сохранилось в южном дворике. На южном фасаде святительского корпуса можно увидеть черные круги, отмечавшие места попадания английских снарядов. Множество таких отметин видно на фотографии XIX века [5, с. 0]. Монахи после ремонта стен корпуса специально подрисовывали эти круги чёрной краской в напоминание потомкам.

Вне монастырских стен о бомбардировке напоминают надписи на обелисках дока, Архангельская гостиница, больше всего пострадавшая от обстрела, мыс, где находилась монастырская батарея, а также переговор-

ный камень (6.6.) — памятник мужеству архимандрита Александра, который согласился встретиться с английским офицером Антоном (Энтони) и отказался снабдить неприятеля провиантом, как он того требовал.

В память чудесного спасения от разорения обители англичанами в монастыре постановлено проводить 7 (20 июля) в посте, а 8 (21 июля) торжественно праздновать с крестным ходом вокруг обители.

Г) Прочитав главу о Соловецком сидении (1.4), хорошо пройти по монастырю, размышляя о кипевших здесь страстях. Начать можно от трапезной палаты, где проходили соборы, на которых спорили об исправлении книг. Затем выйти на галерею, откуда открывается панорама бухты Благополучия. Посреди бухты располагается Бабий остров, на западной оконечности которого в 2001 году старообрядцами был поставлен поклонный крест в память о захороненных здесь «сидельцах». В 1676 году тела казненных мятежников были брошены на лед в бухте Благополучия и пролежали там до весны, пока новый настоятель архимандрит Макарий не распорядился их похоронить. При осмотре южной стены крепости (2.3) становится понятно, что она действительно была неприступной: царские войска взяли крепость только благодаря помощи монаха Феоктиста, который показал слабоукрепленный «пролаз» в Сушиле. Через него царские стрельцы и ворвались в монастырь. Погибшие при попытках взять монастырь стрельцы были похоронены вблизи Таборской часовни (2.11.2).

Д) Паломники всех времен старались обязательно побывать на местах молитвенных подвигов основателей Соловецкой обители. Места, где прежде стояли келии преподобных, ощутимо выделены из окружающего пространства: во-первых, здесь царит особенная тишина и безмятежность — молитвами преподобных нечистые духи изгнаны отсюда навсегда; во-вторых, присутствие преподобных здесь ощущается реально. Последнее трудно описуемо, но объективно переживается паломниками, так как молитвы их бывают услышаны. Более того, преподобные часто посылают какое-либо утешение: будь то крепкий красивый гриб, поразительно сладкие ягоды или необыкновенно доверчивые зверушки и птицы. Все это начатки той райской сладости и мира Христова, которые преподобные вкусили еще в земной жизни. И вам, молитвами преподобных, откроется благодать этих мест, если вы решитесь приложить хотя бы малое усердие: почитать молитвы или акафист преподобным или иным способом обратить свое сердце «горе».

Начать паломничество лучше всего от Савватиева (6.1) — места первого монашеского поселения на Соловецком острове. Если у вас достаточно времени и сил, туда можно добраться пешком (14 км) или пройти большую часть пути на лодках. Тогда вы сможете полюбоваться Соловец-

кими пейзажами и, хотя бы в малой мере, почувствовать дух пустынножительства. При необходимости сэкономить силы и время можно присоединиться к автобусной поездке. Савватиево расположено на берегу Долгого озера в живописной луговине, укрытой от северных ветров возвышенностью, поросшей соснами. Помолившись на месте келии Савватия и Германа (3.1), отправимся вслед за преподобным Германом к горе Секирной (6.2). Белый храм с красным куполом хорошо виден от Савватиева. Озеро приходится огибать справа. Переходя через мостик, мы увидим ручей, отводящий излишки озерной воды в море. Возможно, именно вдоль этого ручья Савватий и Герман шли от моря в глубь острова, выбирая подходящее место для жительства. Пройдя через лесок, мы окажемся на болотистых луговинах. Здесь вспоминается картина М.В. Нестерова «Молчание»: храм на горке как часовой, а внизу на тихой глади озера лодочки с монахами, рыболовами. За озером дорога круто сворачивает налево — отсюда хорошо видна лестница, помогающая преодолеть крутой подъем к вершине горы[10]. У подножия горы — поклонный крест в память всех здесь пострадавших в лагерные времена. Полюбовавшись панорамой, открывающейся с Секирной горы, и помолившись в храме Вознесения Господня, паломники отправляются на мемориальное кладбище почтить память погибших здесь во время СЛОНа.

Спустившись по более пологому южному склону Секирной горы, вы окажетесь на дороге, ведущей к поселку. Чтобы пройти в Исаково (6.3), нужно приблизительно через полтора километра пути свернуть налево по проселочной дороге. В Исаково хорошо искупаться в озере с кувшинками и полюбоваться сенокосными лугами. От Исакова в юго-восточном направлении идет проезжая дорога, которая выходит на основную дорогу в поселок. Двигаясь по ней, вы минуете большое живописное озеро Карзино с лодочным причалом (слева по ходу). Вскоре покажется беседка и тропинка с досчатым настилом, уходящая налево. Это — поворот на Макариеву пустынь (6.4), иначе — ботанический сад, или же — хутор Горка. Территория ботанического сада принадлежит музею, вход платный. Начать осмотр удобно от бывшего дома архимандрита, затем от центральной аллеи свернуть налево по тропинке на Александровскую гору, откуда открывается панорама монастыря. Далее, спустившись на лиственничную аллею, можно осмотреть ледник и напиться воды из колодца. Затем паломники поднимаются на Крестовую гору к поклонному кресту, поставленному еще в монастырские времена в 1907 году. От креста в восточную сторону идёт тропинка, по которой можно спуститься к выходу с территории ботанического сада.

[10] Лестница обновлена в 2002 году на средства норвежского банка.

Двигаясь по основной дороге в сторону поселка, вы увидите справа поворот на мыс Толстик. Менее чем через 50 м от развилки в сторону Толстика налево уходит зеленая дорожка в сторону моря, которая приводит прямо к месту келии преподобного Германа. Оттуда по старой монастырской дороге вдоль берега морского залива можно пройти к месту келии преподобного Зосимы и Филипповым садкам (6.5).

Часовня на месте келии преподобного Зосимы, освященная в 1859 г. Фото нач. XX в.

ГЛАВА 1

СВЯТЫНИ И ИСТОРИЯ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

1.1. НАЧАЛО ИНОЧЕСТВА НА СОЛОВЕЦКОМ ОСТРОВЕ. ОСНОВАНИЕ СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ ПРЕПОДОБНЫМИ ЗОСИМОЙ, САВВАТИЕМ И ГЕРМАНОМ. XV ВЕК

Паломничество в Святую Соловецкую обитель всегда имело характер непосредственного обращения богомольцев к её святым основателям: Зосиме, Савватию и Герману. Они здесь хозяева — молитвенники, заступники, наказатели нерадивых. Поэтому ищущий душевной пользы посетитель направляется прежде всего к святым мощам преподобных, чтобы испросить у них благословение на пребывание в обители.

Гробницы с мощами преподобных Зосимы, Савватия и Германа обычно находятся в храме Благовещения Пресвятой Богородицы над Святыми вратами[11]. Они поставлены справа на солее под резной деревянной сенью, сооруженной в 1997 году. Здесь же находится каменный крест, принесенный на остров самим преподобным Савватием и обретенный в XVI веке игуменом Филиппом в келии на месте первого поселения преподобных. Мощи открывают для поклонения утром после братского молебна (приблизительно в 7.30) и по окончании вечернего богослужения, если оно совершается в Благовещенском храме. Этот обычай возник в XVIII веке, после того как пустыннику Феофану было видение, что, когда братия подходит к ракам с мощами преподобных, сами они невидимо стоят при своих гробницах и одних благословляют, а от других отвращаются [1, с. 150]. Это видение — исполнение обещания преподобного Зосимы, который, отходя ко Господу, говорил: «Аще[12] телесно и отхожу от вас, но духом с вами неотступно пребуду. И уразумеете это потому, что,

[11] В летний период при большом стечении паломников святые мощи переносят в храм Святителя Филиппа или в Спасо-Преображенский собор (в зависимости от того, где проходят богослужения).

[12] Аще — хотя, если.

Раки со святыми мощами преподобных Зосимы и Савватия в Свято-Троицком соборе. Фото нач. XX в.

аще обрящу благодать от Господа, то обитель моя по моем отшествии наипаче распространится, и соберутся множество братии в любви духовней, и в телесных потребах ничим же скорбни будете» [7, с. 50]. Нетленные мощи преподобных постоянно напоминают инокам о данных ими обетах и, строго внимающие голосу совести, стараются подражать святым первоначальникам. Мощи преподобных можно сравнить с неиссякаемым источником чистоты и святости, который течет, разливаясь широкою рекою в XVI—XVII веках, и в своем течении достигает настоящего времени.

На паперти храма Благовещения, являющейся одновременно и частью галереи крепостной стены, помещена икона[13], на которой изображе-

[13] Эта икона была чудесным образом обретена в 1992 году. Ожидая возвращения мощей преподобных на Соловки, решили покрасить дверь на паперти храма Благовещения Пресвятой Богородицы. Когда стали счищать слой старой краски, обнаружилась живопись замечательной сохранности. Икона написана соловецким живописцем с множеством узнаваемых деталей: крест поставлен в срубе, так как вкопать его в каменистую почву невозможно; в руках у преподобного Германа деревянная лопата с металлическим краем; штормовое море также изображено натуралистично.

Каменный крест преподобного Савватия.
Альбом ризницы Соловецкого монастыря, 1886 г.

но водружение поклонного креста преподобными Савватием и Германом на месте первого их поселения. Савватий и Герман пришли на Соловецкий остров в 1429 году на «малом кораблеце» (3.1). Путь их по Белому морю от устья реки Выг занял три дня. Утлое судёнышко во власти волн (изображённое в правом углу иконы) — что это, как не образ человеческой жизни, подвластной стихиям бурного моря житейского. Твердь зем-

Каждое утро братия монастыря и паломники прикладываются к мощам преподобных, прося благословения на дневные труды

Видение церкви на воздухе. Фрагм. резьбы на сени, 1997 г.

ная посреди моря воспринималась как земля обетованная — остров спасения. Крест же — главное орудие нашего спасения («Аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой», Лк 9; 23), и знак силы Божией, ограждающей нас в нашем странствии. Крест на месте монашеских поселений ставили в знак того, что это место взято Богом в удел. В отношении Соловков изволение Божие было открыто преподобным Савватию и Герману ангелами, изгнавшими с острова семью рыбака, который намеревался устроиться там для постоянного жительства. Ангелы высекли жену рыбака, говоря: «Изыдите из места сего, вам бо недостоит быти здесь, но сие место устроил Бог в жилище иноческому чину, да соберется ту множество черноризец и прославится ими Имя Божие» [6, л. 1 об.]. Преподобных Савватия и Германа можно назвать духовными основателями пустынножительства на Соловках, они подвизались в течение 6 лет в 13 верстах к северо-западу от нынешнего монастыря, у губы Сосновой, до кончины преподобного Савватия.

Преподобный Герман не решился пустынножительствать на Соловках в одиночестве. Божиим смотрением через год после смерти Савватия он встретил в Суме палеостровского постриженника Зосиму и рассказал ему о преподобном Савватии и об острове Соловецком, «яко угоден есть к житию иноческому. И совещастеся оба вкупе и приидоста на Соловецкий остров в лето 1436» [6, л. 2]. На этот раз монахи избрали для своего поселения другое место — берег бухты Благополучия, «идеже морстии пловцы от обуревания покой и тишину имеют» (в двух километрах к западу от нынешнего монастыря). Однажды утром, выйдя из келии, преподобный Зосима увидел «луч пресветлый, просвещающий его, и осияние божественное, и к востоку церковь превелику зело и пречудну, простерту на воздусе, стоящу» [7, с. 28]. Вскоре на указанном Богом месте была выстроена небольшая деревянная церковь. По просьбе братии и преподобного Зосимы для освящения новосозданного храма и попечения о душах собравшихся иноков архиепископом Ионой Новгородским (1450—1470 гг.) был прислан игумен Павел. Им был освящен храм во имя Преображения Господня с приделом Святителя Николая. К храму примыкали трапезная палата и звонница с каменными колоколами-билами, сделанными, по преданию, самим Зосимой. (В описаниях ризницы зна-

чатся «зазвонный каменный колокол» и «клепало каменное» преподобного Зосимы [8, с. 75].) Вокруг располагались келии и хозяйственные постройки, обнесенные оградой. Все это помещалось на площади, занимаемой ныне Спасо-Преображенским собором. Однако игумен Павел «не мог понести труда пустынного жительства и, не многа лета пребыв, отиде восвояси» [7 а, т. 2, с. 165]. Также и два других игумена, Феодосий и Иона, присланные от архиепископа Новгородского, управляли недолгое время монастырём, но затем стремились вернуться в Новгород. При игумене Ионе была заложена основа экономической самостоятельности Соловецкого монастыря. На имя игумена Ионы и всех старцев оформлена грамота Господина Великого Новгорода, передавшая Соловецкий архипелаг в собственность монастырю «в веки». На его же имя оформлена грамота посадницы Марфы Борецкой, отдавшей «в дом Святому Спасу» два лука своих угодий на реке Суме. В течение 1459—1470 годов, согласно сохранившимся источникам, на имя игумена Ионы было оформлено еще 6 данных, 2 купчих и 1 закладная грамоты, по которым монастырь становился хозяином пахотных земель, пожен, лесов, озер, рыбных ловищ по рекам Кемь, Шуя, Выг, Сума, Шижня и по близлежащим морским побережьям. В это время старец Иона уже вернулся в Новгород и не был Соловецким игуменом, но он, по-видимому, исходатайствовал эти грамоты для Соловецкой обители по просьбе игумена Зосимы [5, с. 18].

По удалении игумена Ионы преподобный Зосима усиленным прошением всей братии вынужден был принять настоятельство. Он был посвящен в сан пресвитера и игумена Соловецкого Святителем Ионой, архиепископом Новгородским. При нем принят общежительный монастырский устав, построены деревянные храмы Преображения Господня и Успения Пресвятой Богородицы, в 1465 году перенесены в монастырь мощи преподобного Савватия. То есть преподобный Зосима по справедливости может быть назван первым игуменом Соловецкой обители, которой он управлял в течение 26 лет (1452—1478 гг.). Именно от преподобного Зосимы берёт начало дух Соловецкого монастыря, утвердившийся при игумене Филиппе, и определивший все пять столетий его славной истории: традиция духовной жизни в Соловецкой обители всегда сочеталась с широкой хозяйственной деятельностью. В силу необходимости выживания в суровейших условиях приполярных, необжитых дотоле человеком, островов выработался особый тип соловецкого подвижничества, выражавшийся в органичном сочетании деятельной и созерцательной жизни, в соединении труда и молитвы: «И тружахуся постом и молением, купно же и ручным делом: овогда землю копаху, иногда же древеса на устрой монастырю заготовляху, иногда дров множество секуще, го-

товляху и росол морской, черплюще, и тако соль варяху и даяху купцем, приходящим к острову, и от них взымаху всяко орудие на потребу монастырскую, и в прочих делех тружахуся... И тако от своих трудов и потов питахуся. Бе бо их числом братии с игуменом блаженым Зосимою 20 и два и бе всем подвиг о обители, яко едина душа в разных телесех тщание»[14].

После того, как преподобный Зосима был поставлен во игумена, на месте малой Преображенской церкви начали рубить «церковь превелику» того же наименования [7, с. 39]. Однако сруб, возведенный до порога церковных дверей, сгорел от огня, который разводили строители ради отгнания комаров и мух. Тогда сам преподобный Зосима, отслужив водосвятный молебен Господу и Пречистой Его матери, окропил место и строителей и сам заложил основание церкви. Строительство возобновилось. И когда в полуденное время мастера отдыхали, многие слышали стук топоров. Церковь продолжала строиться Божией помощью по молитвам преподобного Зосимы и вскоре была завершена. С северной стороны к церкви был пристроен придел Святителя Николая, и отдельно на высоких подклетах была выстроена трапезная с церковью Успения Пресвятой Богородицы. Вокруг — ограда. Внутри вдоль ограды — келии, поварня, хлебня и другие хозяйственные постройки.

Предчувствуя приближение кончины, преподобный Зосима вручил игуменство благочестивому иноку Арсению, считая его способным к управлению монастырём и братией. Преподобный заповедал новому игумену ненарушимо хранить все установленные им, согласно Иерусалимскому уставу [7, с. 40], обычаи монастырского общежития: ***«Не желать и не искать ничего для себя, а заботиться только об общем благе; в храме стоять со страхом Божиим, не сходить с места до конца службы, не разговаривать друг с другом. В трапезе сохранять молчание и внимать назидательному чтению; игумен, священники и старцы ядят и пьют в трапезе, кушанье для всех одинаково; по келиям, за исключением больных, нет стола; из трапезы не выносить кушанья и питья; одежда и обувь выдаются от обители; если кто может — покупает себе келию, иначе братия живут в монастырских келиях; дохода нет никому никакого, все нужное выдается от обители»*** [5, с. 16]. Дав последнее целование братии, преподобный Зосима в последний раз всех благословил и с воздеянием рук помолился о монастыре, о своей духовной пастве и о себе, чтобы стать одесную Господа на Страшном суде. Затем он лег на одр и предал душу свою Господу, для Которого трудился всю свою жизнь. Это было 17 апреля 1478 г. Совершив отпевание, иноки похоронили своего игумена в гробе,

[14] И все подвижнически трудились для обители, стараясь единодушно.

который он сам приготовил, за алтарём Преображенского собора, а впоследствии устроили над его могилою часовню, в которой поставили святые иконы. Все, притекающие сюда за духовной помощью, получали по молитвам преподобного облегчение скорби и исцеление болезней.

В 1479 году при игумене Арсении (Коневском) преподобный Герман, будучи послан им в Великий Новгород по нуждам монастырским, окончил течение временной жизни своей в монастыре преподобного Антония Римлянина. Ученики преподобного решили перенести его мощи в монастырь, но из-за распутицы они не успели добраться до островов и погребли мощи в веси Ховроньиной на берегу реки Свири.

Во время настоятельства игумена Арсения пожертвован в монастырь колокол от Каянских воевод, как свидетельствует вкладная крепость: «Се аз, Феодор Иванович, воевода Каянския рати, и Подвомские Олферей и Феодор, и Новгородцы, и дети Корельстии вымольцы и Тиврульцы, и вся рать Каянская, что ходили есма на Ию реку, за обиду детей Корельских; и на войны своея дали осмя колокол Святому Спасу на Соловки игумену Арсению, и старцем всем монастыря Соловецкого в веки» [25, с. 160].

При игумене Феодосии II в 1479 году Великий Князь Московский Иоанн Васильевич III дал монастырю подтвердительную грамоту на владение островами и рыбной ловлей. Эта грамота была подтверждена в 1507 году Великим Князем Василием Иоанновичем на имя Соловецкого игумена Евфимия. После покорения Новгорода Соловецкий монастырь, оставаясь в подчинении Новгородских архипастырей, стал пользоваться особым покровительством Московских государей.

Следующим игуменом на короткое время стал Досифей — современник и ученик преподобного Зосимы, живший в одной келии с преподобным Германом. Он, по благословению новгородского архиепископа Геннадия, написал первое житие преподобных Зосимы и Савватия, а затем в 1503 году, будучи в Ферапонтовом монастыре, упросил жившего там на покое митрополита Киевского Спиридона литературно обработать свою рукопись. Он много сделал для пополнения монастырской библиотеки, и его книжный знак считается первым экслибрисом в России.

С 1483 года игуменствовал Исаия, при котором в 1484 году святые мощи преподобного Германа были обретены нетленными, с радостью перенесены из Хавроньиной веси в родную Соловецкую обитель и положены под спудом с восточной стороны рядом с храмом Святителя Николая, близ алтаря, рядом с мощами преподобного Савватия. Во время игуменства Исаии в 1485 году зимней ночью случился опустошительный пожар, который уничтожил трапезную палату, Успенскую церковь и хранившиеся в подклетах припасы: «все погоре, ни едины иконы успеша

вынести из церкви» [7, с. 62]. Оставшиеся в нищете братия унывали и даже советовались, не разойтись ли им, куда кого Бог направит. Однако чудным заступлением преподобных Зосимы и Савватия через старца именем Зосима, жившего на реке Шуе, были посланы монастырю короб со всем необходимым для богослужения и запас рыбы для пропитания. Братия ободрились, и вскоре монастырь был отстроен заново: церковь с трапезной возобновили «по обычаю», т.е. в прежних формах.

1.2. СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВЫХ КАМЕННЫХ ХРАМОВ И ОБУСТРОЙСТВО МОНАСТЫРСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПРИ ИГУМЕНЕ ФИЛИППЕ. XVI ВЕК

Свидетелем тяжких последствий второго пожара, бывшего в мае 1538 года[15], был пришедший в монастырь в 1538 году Феодор Колычев — бывший наставник малолетнего царя Иоанна Грозного и будущий игумен Соловецкого монастыря. Вскоре Соловецкий игумен Алексий постриг его с именем Филипп, а спустя 10 лет, в 1548 году, он избрал иеромонаха Филиппа своим преемником, так как никто житием, разумом и опытностью не мог с ним сравниться. Уступив просьбам настоятеля и братии, Филипп был поставлен в игумена, но ещё полтора года обителью управлял престарелый игумен Алексий, пока старческая немощь не одолела его. В это время игумен Филипп безмолвствовал в пустынной келии в двух верстах от монастыря, нарушая свое уединение только для принятия Святых Таин в храме Божием. Благодаря подвижнической жизни ему открыта была воля Божия — что он должен устроить для монастыря и дана благодать эту волю Божию исполнить. По послушанию Господу любитель пустынножительства и молитвы стал рачительным хозяином, положившим незыблемое основание для существования монастыря во все времена. Его заботами не только был обустроен монастырь, но был окультурен и весь остров: проложены дороги, осушены болота, озера соединены каналами, расчищены от леса луга и пастбища. Игумен Филипп с любовью «возделывал» свой остров в том смысле, как заповедано было Богом Адаму возделывать рай. Летописец свидетельствует, что игумен

[15] Об этом пожаре преподобные предупредили старца Леонида, явившись ему в его пустынной келии в четырёх верстах от монастыря. Леонид поклонился им и принял от них благословение. Зосима сказал: «Не бойся, брат и не ужасайся; мы много молили Всемилостиваго и Всещедраго Бога, но Он не послушал нас, и, прогневавшись на это место, хотел вскоре наказать обитель огнем: имеющие власть в обители неправо поступают с братией, а братия всегда ропщут и терпения не имеют и этим наводят гнев Божий на обитель. Поди в монастырь и расскажи, что ты слышал от нас». Поскольку исправления не последовало, в праздник Вознесения, поздно вечером, весь монастырь выгорел от молнии. Это посещение Божие послужило вразумительным уроком для обитателей монастыря [5, с. 33].

Филипп «два пруда каменные[16] делал — людей наимовал от себя, да в Заяцком <острове> построил становище (гавань) каменное, палату и поварню каменные построил. При Филиппе ж вновь учинены разные кушанья и доспехи. При нем же прибыли олени на остров. При нем же и коровы заведены, токмо в Муксалмах, на расстоянии 10 верст от монастыря. При Филиппе прибыли промыслов разных — соль, железо и рыбных. Да Филипп-игумен мельницы построил, да ручей копал, к мельницам воду приводил в монастырь из пятидесяти двух озер в Святое озеро; дороги делал вновь и чистил; двор коровий построил в Муксалмах да на Вараксе; да построил кирпичные заводы, печи и анбары. Да при нем же, Филиппе, прибыло сосудов медных и оловянных, такожде и серебряных. Да при Филиппе ж прибыло волов, и лодей, и коней, и всякаго заводу; сена причистил больше полуторых тысящ копен; сделал каменные колокола, и звон прекрасный был. Да при Филиппе ж игумене варят квас старец да пять человек, и сливают те же, а братия уже не сливают и ни слуги, а тот квас насосом кверху подымут и в погреб трубою спустят. Да до Филиппа-игумена на сушило рожь носили многие братия, а Филипп-игумен устроил телегу — сама насыпается и привезется сама, и высыплется рожь на сушило. Да до Филиппа игумена братия подсевали рожь, а Филипп устроил севальню — десятью решеты один старец сеет; да при Филиппе ж доспето решето — само сеет, и насыпает, и отруби и муку разводит разно да и крупу тако ж. Да до Филиппа братия многие носили рожь на гумно веять, а Филипп устроил ветр мехами, в мельнице рожь веют» [6, л. 8—9].

Главным видимым плодом хозяйственной деятельности игумена Филиппа стало строительство каменных храмов и келий. Средства для строительства доставлял солеваренный промысел (согласно царскому указу, монастырю разрешено было беспошлинно продавать 10 000 пудов соли вместо прежних 6000, поэтому было построено еще 6 солеварниц), кроме того, царь пожертвовал земли и деньги. В первую очередь игумен Филипп заботится об обеспечении монастыря местными строительными материалами: в двух километрах за Святым озером было разведано месторождение глины и организован кирпичный завод, на котором производили отменного качества большемерный («филипповский») кирпич.

В 1552 году началось возведение Успенской церкви с Трапезной и Келарской палатами «в одной стопе[17], единостолпна, со своды, на погребах; на трапезе колокольня каменная с часами, под трапезою погребы —

[16] Филипповы садки для содержания пойманной морской рыбы.

[17] То есть все здания объединены в комплекс, что позволяло удобнее преодолевать суровость северного климата: во-первых, экономичнее обогревать здания; во-вторых, переходить из одного здания в другое, не выходя на открытый воздух.

хлебной да квасной, под олтарем и под церковию просвиренная служба, вверху над церковию Успенскою предел Усекновения честныя главы Иоанна Предтечи. Совершена и освящена им же игуменом Филиппом в лето 7065 (1557 г.) августа 15 дня» [6, л. 6].

Уже через год игумен Филипп приступает к строительству соборного храма Преображения. Согласно житию Филиппа, братия, считая это начинание дерзостью, «недоумением покровени быша, но не смеяху препяти добраго его речения». Однако святой игумен уповал на помощь Божию и милость царскую. Действительно, царь Иоанн Грозный пожаловал на строительство собора тысячу рублей. Строительство собора продолжалось 8 лет (1558—1566 гг.). Высокий, с мощными стенами Спасо-Преображенский собор с четырьмя башнями-приделами по углам имеет вид крепостной твердыни. Собор трехъярусный. В нижнем ярусе были подклеты, имевшие хозяйственное назначение, а также использовавшиеся для захоронений. Во втором ярусе — сам храм с двумя приделами: северным — Зосимо-Савватиевским и южным — Архистратига Михаила. В третьем ярусе — в угловых башенных надстройках — помещались еще четыре придела: северо-западный — Иоанна Лествичника, юго-западный — Феодора Стратилата (оба эти придела освящены в честь святых покровителей сыновей Иоанна Грозного), юго-восточный — Двенадцати Апостолов и северо-восточный — Семидесяти Апостолов. Собор увенчан пятью луковичными главами — центральной и четырьмя придельными, покрытыми лемехом. Несмотря на массивность и грандиозность размеров собора, при взгляде на него создаётся ощущение стройности, устремлённости к небу. Этот эффект достигается за счёт заметного наклона стен внутрь

Главы Спасо-Преображенского собора

собора, а также благодаря отсутствию горизонтальных членений фасадов, наличию вертикальных лопаток, сужению граненого барабана.

Успенский и Спасо-Преображенский соборы были соединены деревянной галереей, к которой примыкала также деревянная церковь Николая Чудотворца, которая была отстроена в камне в 1577—1584 годах. Известно, что это был двустолпный одноглавый храм на высоких подклетах, крытый щипцами в два яруса. С запада к нему примыкала каменная паперть с трехшатровой звонницей на традиционной для соловецкого зодчества XVI века аркаде.

1.3. СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ И ОБОРОНА БЕЛОМОРЬЯ. КОНЕЦ XVI — НАЧАЛО XVII ВЕКА

В 1571 году вблизи монастыря появляются шведские корабли. Хотя «свитцкие немцы», постояв несколько дней «на голомяни»[18], удалились, было ясно, что не имевший ни крепостных стен, ни воинского отряда, ни оружия, ни боезапаса беззащитный монастырь мог при случае стать легкой добычей для неприятеля. Это побудило игумена Варлаама обратиться к царю с просьбой учинить на острове крепость с надлежащим гарнизоном. Просьба была удовлетворена.

В 1578 году на Соловки прибыл воевода Михаил Озеров[19], с ним четыре пушкаря и десять стрельцов. На остров были доставлены пушки, ядра и порох. За одно лето монастырские плотники срубили вокруг обители деревянный острог, но уже четыре года спустя осложнение военно-политической ситуации в Поморье заставило монахов позаботиться о более надежном укреплении обители.

Возведение каменной стены началось при игумене Иакове[20] в 1582

[18] В открытом море.

[19] Сведения о нем сохранились в грамоте Иоанна Грозного игумену Варлааму с братией от 2 августа 1578 года: «а велели Михайлу... сделати острог около Соловецкого монастыря... и людей по острогу, и по башням, и по воротам расписать... А ты б, богомолец наш Варлаам, с Михайлом Озеровым делом острожным промышлял сообща, чтоб острог вскоре сделали, чтоб дал Бог Соловецкого монастыря от немецких людей уберечи» [4, 1998 г., с. 7]. Михаил был убит в стычке со шведами вблизи Кеми в 1579 году и похоронен у южной стены Спасо-Преображенского собора. Сохранилась белокаменная надгробная плита, которая находится в фондах Соловецкого музея. Могилу закрывает гранитная копия. Дата кончины, указанная на белокаменной плите (27 марта 1575 г.), не совпадает с известной датой (начало 1579 г.), когда был убит воевода Михаил Владимирович Озеров. В.А. Буров высказывает предположение, что надпись на плите и, соответственно, сама могила относятся к другому представителю московского боярского рода Озеровых (Российская археология, № 2, 2001, с. 132—134).

[20] Игумен Иаков — ученик Святителя Филиппа — «игумен многотрудный, чудного стеноздания соградитель, зело подвижного жития», правивший в монастыре 16 лет (1581—1597), собиратель и любитель книг. При нем сложилась традиция переписывания рукописей в самом монастыре; на некоторых рукописях сохранились пометы о том, что написаны они «по велению игумена Иакова». У него была и личная библиотека, некоторые из книг сохранили экслибрис игумена Иакова.

году и продолжалось 14 лет, а полностью было завершено только в 1621 году. На начальном этапе (1582—1583 гг.) строительством руководил каменных дел мастер из Вологды Иван Михайлов. Затем работы возглавил соловецкий монах Трифон (Кологривов)[21], талантливый зодчий, построивший позднее Благовещенскую церковь (1601 г.) и каменные переходы центрального комплекса (1602 г.).

Крепостные стены сложены из необработанных валунов, в изобилии встречающихся на Соловках. Валуны заготавливали и подвозили к месту строительства зимой, по санному пути. Архимандрит Досифей писал, что некоторые валуны весят до 700 пудов (более 11 тонн). По-видимому, с помощью системы блоков и рычагов неотесанные камни укладывали один на другой, тщательно подгоняя друг к другу. При этом самые крупные валуны старались поместить в нижней, наиболее широкой части стены. Пустоты между валунами забутовывались битым камнем и кирпичом и заливались известковым раствором. Кирпич применяли только в случае необходимости: из него, например, выложены верхние бойницы, сделаны своды печур подошвенных бойниц. Из кирпича также сложен внутренний парапет галереи боевого хода и столбы, на которые одной стороной опирается двускатная тесовая кровля стен. Башни венчаются также тесовыми кровлями в виде шатров. С востока подступы к крепостным стенам защищены Святым озером, с запада — Белым морем, а с севера и юга в начале XVII века были ископаны рвы.

Соловецкая крепость представляет в плане вытянутый с севера на юг пятиугольник (с круглыми боевыми башнями по углам), напоминающий по виду корабль, который, конечно, ассоциируется с Ноевым ковчегом, в который преподобные собирают желающих спасения из мира, тонущего во грехе. Правда, размеры крепости существенно превосходят размеры ковчега.

Приведем надписи каменного летописца, касающиеся строительства крепости. Надпись на плите, вмонтированной в стену, слева от Святых ворот: «По указу государя Царя и Великого князя Феодора Иоанновича построена кругом монастыря доселе существующая каменная крепость для защиты обители от нападения иноплеменников на монастырскую сумму, собранную с береговых монастырских вотчин, по плану Соловецкого монаха Трифона, строение продолжалось 12 лет под смотрением воеводы Ивана Яхонтова». Надпись на плите, вмонтированной в стену на паперти Благовещенской церкви, подводит итог строительства: «Крепостная стена вокруг 509 сажень, с 8 башнями и 8 воротами. Внизу с амбра-

[21] «Сей Трифон, старец соловецкий, был уроженец поморского селения Неноксы. По смерти его, в уважение незабвенных трудов, записан он в синодик за вклад 50 рублей для всегдашнего поминовения, доколе обитель стоит»[9, с.86].

зурами для пушек». Надпись на плите, вмонтированной в кирпичную кладку стены, около северных ворот пристенка рассказывает о продолжении строительства: «Построен этот каменный пристенок при игумене 30 Иринархе Святом в 1621 году, спустя 37 лет по строении стены вокруг монастыря. Надпись сия сделана в 1854 году при Архимандрите Александре». Надпись на стене, справа от Святых ворот, свидетельствует о том, что монахи более надеялись на покровительство Божие, чем на мощь крепостных стен: «Сей образ Спаса и Господа нашего Иисуса Христа написан тщанием и усердием основателя Анзерского скита преподобного Елеазара чудотворца. Во времена нападения на обитель англичан в 1854 году сей образ перенесен и поставлен здесь, над Святыми вратами, в защищение и спасение обители от врагов видимых и невидимых».

По окончании строительства крепости тем же зодчим Трифоном Кологривовым над главным входом в монастырь — Святыми вратами — была выстроена церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Она была освящена 1 октября 1601 года игуменом Исидором.

В 1602 году главные храмы обители были объединены каменными переходами на валунном основании, в котором сделаны сквозные арки[22] и подклеты. Поверху шла открытая галерея, над которой на кирпичных столбах была устроена тесовая кровля на два ската. Переходы не только связали в единое целое главные храмы монастыря, но и, будучи выполнены в той же технике, что и крепостные стены, обеспечили единство восприятия всего архитектурного комплекса монастыря.

В 1796 году столбы и парапеты ограждения галереи были частично разобраны при расширении трапезной и соборной папертей, открытые пространства между столбами заложены кирпичом, сделаны окна, у колокольни переход надстроен. В 1826—1827 годах галерея и паперть собора были расписаны «хорошею живописью с изображением патерических и аллегорических духовных повестей» [9, с. 242].

Ныне северная часть переходов восстановлена в том виде, в каком она была в начале XVII века. Южную часть предполагается оставить в том виде, какой она имела в начале XX века.

Начало XVII века — время самозванцев и смут для всего Отечества русского. В это время был поставлен в игумена Соловецкого Антоний (1605—1613 гг.) — «муж трезвенный и терпеливый в подвигах иноческих — молитве и посте» [5, с. 64]. В Смутное время он проявил себя как истинный патриот и стойкий борец за интересы России. Его благоразумием была спасена обитель Соловецкая, а с ней и все Поморье от шведов. В 1611 году, по низложении царя Василия Шуйского, шведский ко-

[22] Некоторые из них впоследствии были забраны кирпичом.

роль стал захватывать русские города и надеялся возложить на свою голову венец Мономаха. Для этого он старался заручиться поддержкой Соловецкой обители. В ответ на его грамоту игумен Антоний писал 12 марта: «И у нас, в Соловецком монастыре, и в Сумском остроге, и во всей поморской области тот же единомышленный совет: не хотим никого из иноверцев на Московское государство царем и великим князем, опричь своих природных бояр Московского государства» [5, с. 67]. Вскоре шведы показали свои намерения. Летом 1611 года они, замышляя разорение монастыря, пристали на кораблях к островам, в 30 верстах от Соловецкого, которые и теперь называются Немецкие Кузова. Узнав, что обитель хорошо укреплена, они не решились напасть и, простояв все лето, ушли. Однако вплоть до 1613 года шведы беспокоили своими набегами пограничных жителей и требовали себе Сумской острог. После кончины игумена Антония в 1613 года на его место по грамоте царя Михаила Феодоровича был поставлен постриженик Соловецкого монастыря Иринарх. 28 сентября 1614 года он заключил перемирие со шведами. Однако ввиду угрозы нападения со стороны датчан ему пришлось привести в боевое состояние монастырскую крепость: достроить пристенок с восточной стороны, выкопать рвы, выложить их камнем и обнести частоколом с северной и южной сторон. Большое количество военных и всякого звания людей, участвовавших в этих работах, привносили с собой мирские нравы, нарушающие монастырскую жизнь. Будучи сам строгим подвижником, преподобный Иринарх поучал братию примером своей жизни. Он охотно благословил на пустынножительство преподобного Елеазара и способствовал устроению Троицкого скита на о. Анзер. 30 июля 1623 года при игумене Иринархе были обретены мощи преподобного аввы Германа [6, л. 15]. Последние два года своей жизни он провел в удалении от дел в совершенном безмолвии и молитве. Преставился он 17 июля 1628 года и погребен в часовне, названной его именем. На плите надпись: «Зде погребен Иринарх, игумен Соловецкий, преставился в лето от Адама 7136, а от Р.Х. 1628 июля 17 дня. Игуменом был 12 лет. Память его чтится то панихидами, то молебнами». Посмертные явления преподобного Иринарха свидетельствовали, что он обрел благодать пред Господом и стал молитвенником за бедствующих и страждущих.

Игуменство Макария (1626—1632 гг.) ознаменовалось двумя чудесными событиями, утешившими Соловецкую братию. В 1627 году на сосне, растущей вблизи морской губы, явилась инокам чудотворная икона Богородицы Корсунской, которая впоследствии именовалась Сосновской. Так как по преданию даже щепки от дерева, на котором явилась икона, излечивали зубную боль, сосна была «разобрана паломниками на благословение». На месте явления иконы в XVII веке возникла пустынь:

были устроены часовня в честь образа Пресвятой Богородицы Корсунской и келейный корпус. В XIX веке здесь была рыболовная тоня, в которой трудился подвижник Соловецкий старец Наум, а в 1812 году на месте обретения иконы был поставлен поклонный крест, сохранившийся до наших дней.

В 1628 году произошло чудесное исцеление строителя московского подворья старца Даниила. В грамоте царя Михаила Феодоровича и Патриарха Филарета от 28 сентября 1628 года говорится, что накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы старец Даниил лишился зрения. На память преподобного Сергия 25 сентября Бог дал ему видеть только свет, а на память преподобного Савватия 27 сентября ночью ему явились чудотворцы Сергий и Савватий. Савватий стал умолять преподобного Сергия, чтобы возвратить зрение страдальцу. Сергий отвечал, что Даниил наказан за ослушание, так как будучи послан в обитель в 1622 году царем и патриархом, он без благословения уехал из монастыря. Савватий просил Сергия: «Пощади его ныне ради меня!» Тогда преподобный Сергий, вынув из сумки сосуд с кисточкой, помазал очи больного, после чего святые стали невидимы. Проснувшись, Даниил ясно увидел икону преподобных Сергия и Савватия. Он был совершенно исцелен и был оставлен строителем московского подворья. Царь и Патриарх повелели совершить благодарственный молебен за такое дивное проявление милости Божией.

В 1631 году царь Михаил Феодорович подтвердил монастырю прежние его права и даровал несудимые грамоты. Монастырь пожертвовал на нужды Отечества значительные суммы.

При игумене Рафаиле (1632—1636 гг.) в 1635 году было большое наводнение, причинившее монастырю значительный ущерб. Уровень воды в Белом море поднялся настолько, что вода доходила до крыльца Спасо-Преображенского собора, были затоплены нижние этажи многих монастырских строений.

В августе 1641 года при игумене Маркелле (1640—1645 гг.) царь Михаил Феодорович повелел ежедневно служить Литургию в церкви преподобных Зосимы и Савватия, что и исполнялось вплоть до закрытия монастыря в 1920 г.

Преемником Маркелла стал игумен Илия (Пестриков), постриженник Соловецкий, который управлял монастырем с 1645 по 1659 год. 31 мая 1646 года по благословению Патриарха Иосифа и желанию царя Алексея Михайловича были открыты мощи Святителя Филиппа и перенесены из его усыпальницы в Спасо-Преображенский собор. Через шесть лет, в 1652 году, мощи Святителя Филиппа были перенесены митрополитом Великого Новгорода и Великих Лук Никоном в Успенский собор Мо-

сковского Кремля. 2 марта 1651 года по указу царя Алексея Михайловича Соловецкий игумен Илия в награду за его труды был посвящен в архимандриты митрополитом Никоном, и святую Литургию велено было служить полным архимандричьим чином, «в шапке, и с палицею, и с набедерником, и ручным сулогом, и с рипидами, и со осеняльными свещами, и с ковром» [6, л. 17]. С этого времени в Соловецком монастыре установлено в должности настоятеля быть в сане архимандрита.

По неизвестным причинам в 1653 году братия Соловецкой обители попыталась сменить настоятеля: вместо архимандрита Илии избрали Соловецкого постриженника книгохранителя Никанора. 16 июня 1653 года Никанор отправился для поставления в Москву, но его неожиданно назначили настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, где он и оставался до 1660 года. Вернувшись в Соловецкий монастырь «на покой», архимандрит Никанор стал духовным лидером Соловецкого восстания.

1.4. СМУТА ПО ПОВОДУ ИСПРАВЛЕНИЯ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ. XVII ВЕК

Вопрос об интерпретации исторических событий, связанных с Соловецким восстанием 1668—1676 годов, чрезвычайно сложен и неоднозначен. Наиболее полный обзор известных на настоящее время исторических документов проведён в работе О.В. Чумичевой «Соловецкое восстание 1668—1676 гг.» (Новосибирск 1998 г.) В этой работе на основании архивных источников по возможности объективно восстановлен ход событий во время восстания и проанализированы его причины и идеология. Автор показывает, что идеи неприятия соборных постановлений Русской Церкви и указов царя о служении по новопечатным книгам возникли среди монастырских иноков и трудников, и они же сыграли основную роль в организации вооруженного сопротивления. Это видно и из того факта, что во время осады монастырем, как и прежде, управлял черный собор. Чтобы понять, почему плавное течение монастырской жизни было нарушено невиданным взрывом страстей, обратимся вначале к историческому контексту, в котором задумывалось исправление богослужебных книг и обрядов.

В 1646 году при дворе царя Алексея Михайловича сложился кружок «боголюбцев», или «ревнителей» благочестия, во главе с настоятелем Благовещенского собора в Московском Кремле Стефаном Вонифатьевым[23].

[23] В кружок входили: постельничий (с 1655 г. — окольничий) Федор Михайлович Ртищев, смоленский дворянин Симеон Потемкин, глава печатного двора князь А.М. Львов, игумен Макариевского Желтоводского монастыря Иларион, игумен Московского Златоустовского

Главная цель кружка состояла в оздоровлении церковной и духовно-нравственной жизни русского общества после Смутного времени. Хотя русское благочестие и живая вера XVII века достойны были всякого восхищения, однако невежество помрачило чистоту нашего древнего вероучения изобретением новых, неизвестных Церкви, догматов[24]; обезобразило величественный чин богослужения искажением богослужебных книг и обрядов, многогласием в пении и чтении. Причём быстро обнаружилось, что установить верное и отбросить нелепости и ошибки, противоречащие уставу и духу Церкви, в России чрезвычайно трудно[25]. Даже соборного определения было недостаточно — «своим» не верили. Требовался авторитетный богословский разбор, опирающийся на тысячелетний богословско-литургический опыт Вселенской Церкви, выстраданный в острейшей борьбе с ересями. Кроме того, после падения Византии Русь осталась единственной православной мировой державой — Третьим Римом — и ощущала ответственность за судьбу «Рима Второго» — всех древних православных народов[26]. Стремление царской власти к политическому единству с православным Востоком подразумевало единство религиозное. Поэтому при Патриархе Иосифе дело исправления русских книг и обрядов в пользу греческих приобрело статус государственного. [13, с. 79]. Уже тогда среди «ревнителей» наметились разногласия: бояре Ртищев и Морозов придерживались взглядов царя и о. Стефана Вонифатьева о необходимости единения с Греческой церковью. Неронов, Аввакум, Лазарь и Даниил полагали, что достаточно лишь исправления нравов, отмены многогласия, введения живой проповеди, исправления некоторых богослужебных книг согласно древним русским книгам. Греческую православную учёность и богослужебную практику они совершенно отвергали, считая современных греков людьми крайне неблаго-

монастыря Феоктист, настоятель Казанского собора на Красной площади Иван Неронов, протопопы: костромской Даниил, муромский Лонгин, темниковский Даниил, юрьевский Аввакум. Из членов кружка особым расположением царя и царского духовника С. Вонифатьева пользовался Новоспасский архимандрит Никон — бывший постриженник Соловецкий (1636—1639 гг.) и будущий митрополит Новгородский (1649—1652 гг.), а затем Патриарх Московский и всея Руси (1652—1666 гг.).

[24] Например, обычай преподносить мирянам святое причастие троекратно во образ Святой Троицы, упраздненный при Патриархе Филарете.

[25] Так, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий был осужден как еретик за попытку исправить в русском Требнике молитву в чине великого освящения воды: «Освяти воду сию Духом Святым и огнем». Он исключил слова «и огнем» [16, с. 170; 17, с. 39]. Лишь Патриарх иерусалимский Феофан, поставлявший Патриарха Филарета, смог убедить русских, что слова «и огнем» действительно ошибка.

[26] 27 января 1649 года прибывший в Москву Патриарх иерусалимский Паисий заявил на приёме у государя: «Пресвятая Троица... да сподобит вас восприяти превысочайший престол великого царя Костантина... да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения» [17, с. 44].

честивыми[27]. Никон вначале поддерживал эту точку зрения, но, разобравшись глубже, понял, что «поместная Церковь есть только часть единой Вселенской Церкви, что между частями этой Церкви должно быть каноническое общение и согласование» [14, с. 218].

После того как 25 июля 1652 года Новгородский митрополит Никон, «собинный[28] друг» царя Алексея Михайловича, был поставлен Патриархом Московским и всея Руси, правильное устроение церковной жизни в России стало его непосредственной обязанностью. Из грамот Константинопольского Патриарха Иеремии и Собора Греческого на имя первого русского Патриарха Иова, Патриарх Никон знал, какое страшное осуждение грозит за каждое нововведение в чине православной Церкви. Поэтому, когда на древнем саккосе митрополита Фотия, присланном из Греции, он прочел подлинный Символ веры, то ужаснулся, увидев, что с ним не сходен Символ в Русских печатных книгах, а равно и чин тогдашней Литургии разнился с древнейшими списками оной. Никон, как предстоятель Церкви, не мог не считать себя ответчиком перед Богом за эти несоответствия — вот исходная точка его ревности по приведению всего богослужебного чина Русской Церкви в согласие с чином Вселенской Церкви. Патриарх Никон совершил то, на что был призван и что до него не смогли сделать все бывшие митрополиты и патриархи Московские с 1464 по 1652 год [15, с. 564—570].

Все решения об исправлении книг и обрядов принимались соборно. Собор, состоявшийся в 1654-м году (27 февраля — 2 мая ст.ст.), не только признал необходимость исправления книг, но и утвердил правило, как вести это исправление: «Достойно и праведно исправити против харатейных (рукописных) и греческих» [18, с. 83]. Для этого было собрано более 2700 книг, к которым прибавились книги, привезенные из Греции старцем Арсением Сухановым. Также на специальный Собор 1656 года (23 апреля — 2 июня ст. ст.) Святейший Никон вынес рассмотрение перевода книги «Скрижаль», содержавшей духовное толкование богослужения. Понимание догматического и таинственного смысла Литургии, церковных священнодействий и обрядов освобождало от рабского следования «букве» и исключало возможность ошибок при выборе между старо-

[27] После Флорентийской церковной унии (1439 г.) и захвата Константинополя турками (1453 г.) русские считали, что истинное христианство осталось только на Руси. Все, что исходило от живших под бусурманским игом греков, считалось подозрительным и ложным. Например, греческие богослужебные книги, по словам Арсения Суханова, были исполнены «латинских ересей». Наиболее рельефно идея исключительности Руси, как хранительницы Православия и наследницы Византии, была выражена в начале XVI века в писаниях старца Филофея о Москве — Третьем Риме.

[28] Особенно близкий друг. Так именовал Патриарха Никона сам царь Алексей Михайлович.

и новопечатными книгами. Отцы Собора Русской Церкви признали книгу не только «непорочной», но и «достойной всякой похвалы и удивления, и много благодарили Бога за такое безценное сокровище» [18, с. 105]. Этот же Собор постановил правило о троеперстии в крестном знамении и изрек письменное проклятие на неповинующихся учению Церкви [18, с. 106], подтвердив первую анафему на последователей двуперстия, произнесенную в Успенском соборе 24 февраля 1656 года в неделю Православия Патриархами Антиохийским Макарием и Сербским Гавриилом и митрополитом Никейским Григорием [18, с. 106].

В августе 1657 года на Соловки были присланы новоисправленные служебники. Под влиянием архимандрита Илии черный собор, не вникая в существо исправлений и опасаясь якобы содержавшихся в них «многих ересей и новшеств лукавых», определил их как «писание слуг антихристовых, ересь латинскую» и приговорил: новые служебники отставить, а службу править по-прежнему, как при чудотворцах правили. 8 июня 1658 года братия скрепила соборный приговор поручными записями. Монастырь вступил в противоборство с официальной Церковью, а следовательно, с государством. Немедленной реакции не последовало, так как в это время Никон, не снимая с себя патриаршего сана, удалился от дел, а фактически возглавивший Церковь Алексей Михайлович был слишком занят внешней политикой, в частности, войной с Речью Посполитой, а также делом Никона.

Будучи Патриархом, Никон принимал все меры к тому, чтобы в Русской Церкви не произошло раскола. Так, при условии послушания Церкви разрешал служить и по старым книгам, допуская разность мнений в вещах, не затрагивающих существа веры. Митрополит Макарий пишет, что, «если бы Никон не оставил кафедры, раскола в Русской Церкви не было бы» [18, с. 119]. Предвидел ли сам Патриарх Никон все печальные последствия своего ухода, была ли у него в тот момент возможность ещё послужить Русской Церкви в качестве умелого кормчего, исторические документы убедительного ответа пока дать не могут.

О причине своего ухода от правления Патриарх Никон написал в своем знаменитом «Возражении или разорении»: «Царь знал, что гневается на меня без правды... Я говорил, что иду из Москвы от немилосердия государя, пусть ему будет просторнее без меня; а то, гневаясь на меня, он не ходит в церковь, не исполняет своих обещаний, данных при нашем избрании на патриаршество, отнял себе суд церковный, велел судить нас самих и всех архиереев и духовный чин приказным людям» [18, с. 201]. Царь именовал себя владыкою всех вещей, а Патриарху следовало «послушным ему быти, яко сущему в большем достоинстве и наместнику

Божию». Понимая губительность подобных притязаний, Патриарх Никон также сознавал, что открытое сопротивление царской власти со стороны духовной власти может вызвать в России смуту, разрушающую религиозную основу русского бытия — любовь народа к Церкви-матушке и царю-батюшке. «После длительных молитвенных размышлений он выбрал единственно возможный для себя путь: незаконным притязаниям не подчиняться, в открытое противостояние не вступать; указывая на нетерпимость положения, рассчитывая на отрезвление и покаяние светской власти, оставить кафедру Московского первосвятителя и удалиться в Воскресенский монастырь» [19, с. 400].

В отсутствии Патриарха царь Алексей Михайлович по существу возглавил управление церковными делами. Предшествующая его деятельность: принятие Соборного Уложения (1649 г.), ограничивавшего монастырское землевладение и уничтожавшего церковную юрисдикцию церковных людей по гражданским и уголовным делам[29]; активное участие царя в никоновской реформе и жестокие преследования ее противников; набиравшая силу тенденция к секуляризации общественной жизни; активизация международных контактов Руси (общение с еретиками — латинянами и люторами), — все это давало соловецким монахам повод к недоверию царю в вопросах благочестия. Поэтому смута в Соловецком монастыре, не будучи подавленной в самом начале, набирала силу. Тому было несколько причин: во-первых, сохранение древнего благочестия для Соловецких монахов означало строгое и неуклонное следование уставу, завещанному святыми основателями, то есть к любым переменам отношение было подозрительное; во-вторых, малообразованное духовенство не желало служить по новым книгам: «старики и по старым книгам едва читают, а по новым, сколько ни учиться, не навыкнуть будет» [15, с. 599]; в-третьих, в начале XVII века для соловецких монахов военное дело было «за обычай», и они могли взяться за оружие, отстаивая своё право независимо решать свои духовные и мирские дела; в-четвертых, в то время в монастыре находилось множество ссыльных как раз по делу исправления книг и обрядов (начальник печатного двора при Патриархе Иосифе князь Львов, Арсений Грек, бывший царский духовник и архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Никанор, беглые сообщники волжского разбойника Разина).

Между прочим, ещё будучи митрополитом Новгородским (апрель 1649 — июль 1652 гг.), Никон пытался исправлять известные ему беспорядки

[29] В частности, это означало, что монастырские власти, рядовые монахи и население монастырских вотчин по всем гражданским и уголовным делам должны были судиться светским судом. В результате (помимо моральных издержек) монастырь нес серьезный материальный урон, лишаясь судебных пошлин — одной из крупных и постоянных статей дохода.

в Соловецкой обители: запретил рыбный стол по субботам и воскресениям в Великий пост и во всю страстную седмицу; под угрозой запрещения велел делать раздаточные просфоры не из ржаной, а из пшеничной муки; запретил в монастыре хмельное питие; а также потребовал ужесточить режим содержания ссыльных и заточенных, «вы им даете свободу, а потому от тех ссыльных бесчинников бывают большие смуты» [5, с. 90]. Развитие событий показало, что неисполнение последнего распоряжения имело особенно печальные последствия.

Заметим, что реформа не затрагивала основ православного вероучения: она лишь приводила форму (обряды) в соответствие с содержанием (догматикой). К числу наиболее значительных преобразований относились: замена двоеперстия троеперстием при совершении крестного знамения; перемена формы креста: вместо «трисоставного» (восьмиконечного) с изображением Распятия — «двоечастный» (четырехконечный); перемена хождения по солнцу («посолонь») на хождение против солнца при совершении чинов крещения, венчания, во время крестных ходов и т.д.; сокращение числа просфор с 7 до 5 для проскомидии (в начале Литургии). Из книжных исправлений: изменение написания имени Христа (Иисус вместо Исус). Замена текста в «Символе Веры»: до Никона — «Господа Истиннаго и Животворящаго», «Его же Царствию несть конца», после Никона — «Господа Животворящаго», «Его же Царствию не будет конца». В конце пения псалма вместо дважды повторяемого слова «аллилуиа» («сугубая аллилуиа») введение трехкратного его повторения («трегубая аллилуиа»), были упразднены земные поклоны (коленное метание) на молитве Ефрема Сирина и т.д.

Неприятие обрядовых изменений в Соловецком монастыре во многом определялось позицией архимандрита Илии[30]. Многие священнослужители (Василий, Кирилл, Исидор, Никон, Спиридон и Герман [5, с. 93]) не разделяли его точку зрения и в 1658 году послали Патриарху грамоту, в которой свидетельствовали, что они желали бы служить по новым служебникам, а архимандрит и посмотреть их не дал, и силой заставил приложить руки к соборному определению о неприятии новых служебников. То есть в монастыре не было единого мнения по поводу исправления богослужебных книг. В Соловецкой библиотеке хранилась рукопись, писанная Герасимом Фирсовым, в которой были собраны свидетельства как в пользу двуперстия, так и троеперстия.

[30] Он явно сочувствовал противникам исправления книг. Когда протопоп Иоанн Неронов с тремя духовными детьми бежал 10 августа 1655 года из Кандалакшского монастыря, Илия с честью принял их в монастыре, трапезовал с ними и снабдил всем необходимым на дорогу. «Страдальче, одолевай биемый!» — сказал он ему на прощание. Патриарх Никон, узнав об этом, временно запретил архимандрита Илию к священнослужению.

Архимандрит Илия скончался в 1659 году. На место его братия избрала постриженника своего же монастыря — иеромонаха Варфоломея, который жил тогда в звании приказного старца на Соловецком подворье в Вологде. В марте 1660 года, на Вербное воскресенье, Варфоломей был поставлен в Москве в сан архимандрита Новгородским митрополитом Макарием и затем присутствовал на происходившем тогда Соборе по делу Патриарха Никона до самого окончания Собора, и подписался под его решением, так что мог отправиться в свою обитель только в конце августа. Но и новый настоятель Соловецкого монастыря ничего не мог сделать против общего приговора братии, состоявшегося 8 июня 1658 года, о непринятии новопечатных Служебников. 22 октября 1661 года он успел было составить вместе со всеми священниками и со всей братией монастыря на черном Соборе новый приговор, чтобы по примеру соборной церкви в Москве и всех обителей ввести и в Соловецком монастыре «пение наречное» и впредь совершать службы по новоисправленным печатным книгам, только этот приговор остался мертвою буквою и вовсе не исполнялся, как и обнаружилось через некоторое время.

В начале 1663 года, едва только архимандрит Варфоломей отправился по монастырским делам в Москву, в обители произошла великая смута из-за того, что 7 февраля при совершении Литургии священниками Варламом и Геронтием «диакон Евангелие чел без свечи, и пелены на аналое не было, и святыни де пономарь не возносил на заамвонной молитве» [20, т. 3, с. 19—23]. Особенно нападали все на уставщика иеромонаха Геронтия, обвиняя его, будто он приходил к келарю и просил новых Служебников, все еще находившихся в монастырском казнохранилище, чтобы по ним служить. И грозили его камением побить, несмотря на клятвенные уверения Геронтия, что у него «ни в уме, ни в помышлении того никогда не бывало, чтобы желать новых Служебников: кое мне приобретение спасению, что желати нового? Довлеет мне на спасение последовать преданию преподобных чудотворцев» [20, т. 3, с. 20]. Сохранилось письмо иеромонаха Геронтия в Москву к строителю Иосифу об учиненных на него, Геронтия, наветах (от 15 февраля 1663 г.). Для нас это письмо — замечательное свидетельство о духовной обстановке в монастыре, показывающее, с какой легкостью возникают слухи и смуты через тех, кто небрежет бороться против козней врага рода человеческого и первого клеветника. Тон письма тёплый и искренний, так как адресовано оно духовному отцу: «Государю моему батюшку, священноиноку Иосифу, сын твой духовной убогий поп Геронтий...» Желая открыть свою душевную скорбь и прося молитв, Геронтий рассказывает о происхождении «новизн» в служении Литургии 7 февраля. Пономарь Игнатий Драницын не приготовил заранее покрывала на аналой. «И как учал диакон Евангелие

чести (читать) и пономарь хватился пелены на аналой, и пелены сыскать не мог, а в кое время пономарь пелену искал, и в ту пору диакон Евангелие и прочел, и со свечею у Евангелия пономарю стоять не дошло ж, и после того, как заамвонную молитву стал Варлаам-священник говорить, и пономарь со святынею выйти не поспел. И того ж дня приходили к келарю слуги: Григорей Чорной, Сидор Хломыга со товарищи, били челом на меня, будто я тою Божественную Литургию служил по-новому... И я у келаря и у казначея милости просил со слезами, чтоб мужикам-мятежникам не поверили, велели сыскать допряма, а они порадовались моему безвременью... От их неправедного сыску учинился о мне мятеж и гил великой, и говорят, что я служил по-новому, и за то хотели меня побить камением, и окошко сенное заклали калом человечьим. И не выходил из келии до возвращения архимандрита Варфоломея... И ныне за грехи своя не по делу всем монастырем возненавиден, аки враг Божий. И ныне, Государь, от безмерныя кручины и печали я слег, свету Божия не могу видети, и молю твое преподобие, помолися обо мне всещедрому Богу, чтоб Господь Бог такую вражию бурю на мя восстающую укротил, и тех мятежников и убийц сердца на кротость преложил» [20, т. 3, с. 36—39].

Смута была прекращена тем, что архимандрит, получив известия о происшедшем и от келаря, и от Геронтия, поспешил возвратиться с дороги в обитель и учинил сыск. В результате разбирательства невиновность иеромонаха Геронтия была доказана. Пономарь признался, что все изменения в служении Литургии произошли из-за его нерасторопности, а когда стоявшие в Благовещенском храме стали его о том спрашивать, он сказал, что уставщик Геронтий велел ему так служить. В этой лжи он каялся и просил прощения. Келарь же Савватий, имевший какое-то неудовольствие на Геронтия, дал ход этой лжи. То есть из-за мелких человеческих страстишек вспыхнул огонь мятежа, о котором архимандрит Варфоломей пишет с опасением: «неведомо, чему было бы и быть; только Бог умирил на колико время» [20, т. 3, с. 35]. Главной жертвой смуты оказался иеромонах Геронтий, который вел себя истинно по-монашески и о главном своем преследователе келаре писал: «помилуй его Бог и должен (я) за него молити Бога» [20, т. 3, с. 35].

Наказав, по расследовании дела, виновников смуты, архимандрит Варфоломей составил вместе со всеми священниками и диаконами монастыря приговор (16 февраля 1663 г.), чтобы «впредь от них возмущения никакого не было и никаких чинов нововводных», а кто из них станет вводить какие-либо новые чины без государева указа и святительского повеления или укорять другого нововводными чинами и того не докажет, тех смирять монастырским жестоким смирением; если даже сам архи-

мандрит станет превращать церковные чины и вводить новые без государя и святительского веления, то и архимандриту священники должны смело говорить о том, а если не послушается, то писать на него Новгородскому митрополиту. После такого приговора о введении в Соловецком монастыре новых Служебников вместо доселе употреблявшихся старых нечего было и думать, хотя приговор, не без намерения изложенный в таких общих чертах, по букве вовсе не касался новых Служебников.

В 1666 году архимандрит Варфоломей был вызван в Москву для участия в соборе, низложившем Патриарха Никона, но, как ни парадоксально, непреложно утвердившем плоды пастырских трудов его[31]. С Варфоломеем была послана челобитная (первая, от 14 февраля 1666 г.), которую подписали келарь Савватий с братией и приключившиеся на острове миряне, просившие царя «церковных чинов не переменять», а подписи архимандрита под челобитной не было.

Зато архимандрит Варфоломей подписался под соборным деянием, в котором служение по новым книгам признавалось обязательным. Когда об этом узнали на Соловках, оппозиционная Варфоломею группа монахов и мирян отстранила от дел ставленников его — келаря Савватия и казначея Варсонофия, мотивируя это тем, что «они нас оскорбляют всяким жестоким и бесчеловечным оскорблением, священников и диаконов и рядовую братию напрасно плетьми бьют без милости, и в тюрьмы глухие в цепях сажают, и голодом морят, и, вынув из тюрьмы, ограбят донага, и, платье сняв, безмилостивно и бесчеловечно высылают из монастыря вон напрасно». Мятежники били челом царю утвердить настоятелем бывшего Саввинского (в Звенигороде) архимандрита Никанора[32]. Одна-

[31] Собор принял сделанные Патриархом Никоном исправления в богослужебных книгах и обрядах; постановил правило о неподсудности духовенства мирским судьям; изрек строгий суд на нарушителей уставов Церкви; умолил царя и пастырей устроить училища для духовного просвещения; отстоял даже позицию Патриарха Никона в его споре с царем об ограничении царской власти в делах церковных: в результате споров было определено, что «царь имеет преимущество в политических делах, а Патриарх в церковных».

[32] Постриженник Соловецкого монастыря (до 1640 г.). В 1644—1653 годах был книгохранителем. В 1653 г. поставлен строителем подворья в Вологде, но вскоре был наречен братией в архимандриты Соловецкого монастыря вместо неугодного Илии, но неожиданно поставлен был настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря, то есть духовным советником царя Алексея Михайловича. С 1660 года находился на покое в Соловецком монастыре и вместе со старцем Герасимом Фирсовым составлял партию, враждебную архимандриту Варфоломею, на которого в 1666 году старец Герасим с князем Михайлом Львовым и с братией написали донос, прося назначить в архимандриты Никанора. В 1667 году отправился в Москву вместе с архимандритом Сергием, чтобы ходатайствовать за Соловецких старцев. На соборе он изъявил раскаяние в заблуждении и обещал стоять за истину, так что на соборе предполагали даже поручить ему заведование духовными делами в Соловецком монастыре «во еже увещевати Соловецкие отцы к покорению Патриарху и к принятию новоисправленных книг». Однако на самом деле Никанор намеревался усилить смуту. Возвращаясь в монастырь вместе с бывшим настоятелем Варфоломеем и вновь назначенным Иосифом, он послал братии письмо, в котором призывал «Иосифа в архимандриты не принимать и под благословение к нему не ходить» [20, с. 99—100].

ко в Москве челобитчиков посадили под стражу, а в монастырь по повелению царя и Вселенских патриархов было послано «Соборное повеление о приятии новоисправленных книг и чинов», его вез архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Сергий. О нем в «Жизнеописании Патриарха Никона» И. Шушерин пишет: «Сергий был муж гордый, якоже древний фараон, и велеречивый». Поэтому он не только не смог умирить Соловецкую братию, но и даже усилил смуту. Когда в Преображенском храме он зачитал братии царский указ и наказ освященного Собора, раздались крики: «Мы указу великого государя послушны и во всем ему повинуемся, а повеления о Символе веры, о сложении трех перстов для крестного знамения, о трегубой аллилуйе, о молитве "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас" и о новоисправленных печатных книгах не приемлем, и слышать не хочем, и готовы все пострадать единодушно» [18, с. 332; 20, т. 3, с. 145]. Тут бывший архимандрит Саввы Сторожевского монастыря Никанор, подняв высоко руку со сложенными тремя перстами, стал говорить, что учение о сложении трех перстов для крестного знамения есть предание латинское, что это печать антихристова и что он готов ехать в Москву и за всех пострадать. Поднялся неистовый крик. Архимандрит Сергий едва уговорил братию выбрать кого-нибудь, с кем можно было бы говорить благочинно о деле. Братия указали на черного попа Геронтия, который, не участвуя в борьбе за власть в монастыре, твердо придерживался старых обрядов[33]. Тот сразу стал приводить известные и опровергнутые уже в Москве мнения раскольников: зачем отняли «Сына Божия» в молитве «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» и про аллилуйя трижды. Опять поднялся шум. На вопросы архимандрита Сергия, считают ли они царя и Собор православными и благочестивыми, соловчане отвечали утвердительно, но повеление Собора принимать отказывались: «Повеления их не хулим, но новых веры и учения не принимаем, держимся предания Святых чудотворцев и за их предание все готовы умереть охотно» [18, с. 333; 20, т. 3, с. 152—160]. Единственным результатом приезда архимандрита Сергия[34] была увезенная им «Скаска»[35] и посланная челобитная (вторая, сентябрь 1666

[33] Хотя впервые его подпись появляется только под четвертой челобитной.

[34] Сергий оставался в монастыре с 4 по 11 октября 1666 года. Причем у келии, в которой он проживал, был выставлен караул. Сопровождавших Сергия стрельцов тоже взяли под стражу, и они имели все основания опасаться за свои жизни: караульщики рассуждали вслух, что неплохо бы тех стрельцов «побить каменьем» — «посланы де они от антихриста прельщати нас» [20, т. 3, с.152—160].

[35] «Скаска соловецких иноков, поданная архимандриту Сергию 6 октября 1666 г». Подписана она за келаря Азария черным попом Леонтием, Саввы Чудотворца Сторожевского монастыря бывшим архимандритом Никанором, черным попом Геронтием и т.д. В ней впервые обсуждаются те исправления, о которых говорится в разосланном от Собора 1666 года «Наставлении благочестия церковного» [20, т. 2, с. 120—144]. Далее во всех челобитных изложение мнимых отступлений от веры только слегка видоизменяется и дополняется. Писана эта «Скаска», очевидно, тем же Геронтием, выбранным для беседы с архимандритом Сергием.

года), которую первым подписал архимандрит Никанор, затем братия и миряне. Они во всем обещали покориться царской власти, просили лишь: «Не вели, государь, ему священноархимандриту Сергию, прародителей твоих государевых, благоверных царей и благочестивых великих князей, и начальников наших великих чудотворцев, преподобных и богоносных отец Зосимы, и Савватия, и Германа, и преосвященного Филиппа, митрополита Московского и всея Руси предания нарушать» [20, т. 3, с. 160—164] и вновь жаловались на архимандрита Варфоломея и просили поставить Никанора[36].

Первоначально московские церковные и светские власти пытались разрешить конфликт мирным путем: вызванного в Москву в том же феврале 1667 года. Никанора встретили как архимандрита, он отказался от прежних взглядов, однако притворно, т.к., вернувшись в монастырь, раскаялся вторично, «с раскольники вчинися». Архимандритом же назначили Иосифа, «келейного брата» и единомышленника Варфоломея. Когда Иосиф вместе с архимандритами Варфоломеем (для сдачи и приема дел) и Никанором (которому было определено «здесь жить на покое») прибыли к Заяцкому острову, в монастыре был Собор, принимать ли архимандритов. И решили принять с честью и радостию, если «по-старому учнут служить, а буде ли станет служить по-новому, и нам де он, архимандрит Иосиф, в монастыре не надобен... сиди де у нас в келии, а в монастыре и в церкви ничего не ведай». Архимандрит Иосиф не отступил от позиции Собора (хотя имел основания даже опасаться за свою жизнь), поэтому под благословение к нему не подходили — даже его бывший духовный сын Геронтий, выбранный к тому времени казначеем. 15 сентября 1667 года старец Геронтий сам читал в соборной церкви перед всей братией Патриаршие отписную и настольную грамоты, и сам вместе с келарем сказал: «Нам де ты в архимандриты не надобен с такою службою, как написано в грамоте». Архимандрит Иосиф пытался братию вразумить, чтобы они послушались указа Великого Государя и Вселенских Патриархов, но казначей и вся братия с великим шумом ему отказали: «Нам де ты архимандрит не надобен, сиди де в келии» [20, т. 3, с. 276—282].

Архимандрит Никанор, выждав в Архангельске, пока без него, хотя и по его письму, будет отвергнут архимандрит Иосиф, 20 сентября прибыл в монастырь. Он объявил, что ему по-прежнему велено быть в монастыре на покое, о своем покаянии перед Собором [20, т. 3, с. 199—201] и о послушании Соловецкой братии Собору ничего не сказал. Сказал, что клобук «рогатый» на него надели силой. А когда братия напомнили, что в Москву его посылали, «чтоб ты Великому Государю заступник смел за

[36] Последнюю жалобу подписал и Геронтий, хотя он прежде противником Варфоломея не был. Вскоре братия выбрали его казначеем самовольно, не бив челом царю.

нас стоял, а ты к нам что привез, неведомо умом», он отвечал: «Сами де поедете к Москве и про то отведаете» [20, т. 3, с. 282].

По поводу этих событий в Москву был послан старец Кирилл Чаплин со следующей челобитной (четвертой): «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцу бьют челом богомольцы твои, Соловецкого монастыря келарь Азарий, казначей Геронтий, и священницы, и дияконы, и соборные чернцы, и вся рядовая и больничная братия, и служки, и трудники все. В нынешнем, государь, во 7176-м (1668)[37] году, сентября в 15-й день, по твоему, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца, указу и по благословению, и по грамотам Святейшего Патриарха Иоасафа Московского и всея Руси, и преосвященного Питирима, митрополита Новгородского и Великолуцкого, прислан к нам в Соловецкий монастырь в архимандриты, на Варфоломеево место архимандрита, нашего монастыря постриженник священноинок Иосиф. А велено ему служить у нас по новым Служебникам, а мы, богомольцы твои, предания апостольского и святых отец изменить отнюдь не смеем, бояся Царя царствующих и страшного от Него прещения и хощем все скончатися в старой вере, в которой отец твой государев, благоверный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси и прочие благоверные цари и великие князи богоугодно препроводиша дни свои. Понеже, государь, та прежняя наша християнская вера известна всем нам, что богоугодна, и святых Господу Богу угодило в ней многое множество, и вселенские Патриархи Иеремия и Феофан, и прочие палестинские власти книг наших русских и веры православные ни в чем до сего времени не хулили, наипаче же и до конца тое нашу православную веру похвалили, и тем их свидетельством известно надеемся в день Страшного суда пред Самым Господом Богом не осуждены быти, наипаче же и милость получити. Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержец! Молим твою, великого государя, благочестивую державу и плачемся все со слезами, помилуй нас, нищих своих богомольцев и сирот, не вели, государь, у нас предания и чину преподобных отец Зосимы и Савватия переменить! Повели, государь, нам быти в той же нашей старой вере, в которой отец твой государев и все благоверные цари и великие князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима и Савватий, и Герман, и Филипп-митрополит, и все святии отцы угодили Богу. Аще ли ты, великий государь наш, помазанник Божий,

[37] По современному летоисчислению это был сентябрь 1667 года, так как тогда год начинался в сентябре.

нам в прежней, святыми отцы преданной, в старой вере быти не благоволишь и книги переменити изволишь, милости у тебя, государя, просим: помилуй нас, не вели, государь, больше того к нам учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будем прежней своей православной вере применить. И вели, государь, на нас свой меч прислать царский и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие. А мы тебе, великому государю, не противны. Ей, государь, от всея души у тебя, великого государя, милости о сем просим и все с покаянием и с восприятием на себя великого ангельского чину на той смертный час готовы. Великий государь царь, смилуйся — пожалуй!»

Архимандрита Иосифа выслали из обители в «безгодное» зимнее время, и он обосновался в Сумском остроге, сосредоточив в своих руках управление вотчиной. Мятежную братию возглавил архимандрит Никанор.

22 сентября 1667 года царю была отправлена известная «Соловецкая челобитная», составленная казначеем Геронтием [20, т. 3, с. 213—276]. В основу её были положены старые раскольничьи челобитные Лазаря и Никиты. Содержание её сводилось к тому, что были повторены все старообрядческие доказательства неправоты новой веры и канонические достоинства веры старой. Прежде всего Геронтий обратил все усилия своего ума на то, чтоб опровергнуть корректурные исправления в новых книгах. Вот образчик этих опровержений: в новых книгах написано в молитве «Царю небесный, Утешителю, Душе истины», а не истинный, как в прежних книгах; две буквы «н» и «й» отъяли из истинный и вышло, что Дух Святой не вполне истинный, а только сопричастен истине [20, т. 3, с. 238]. Исчислив такого рода поправки, Соловецкая челобитная приходит к такому общему заключению: «Також и прочее церковное пение заутреню и вечерню, и повечерню, и полунощницу, и молебны, и панихиды, и вкратце сказать, весь чин и устав, всё, что содержит Церковь Божия, то всё переменили, и книги напечатали не по преданию святых отец и всю православную христианскую веру испревратили на свой разум. А указывают они, государь, на старые книги, и говорят, что де в греческих книгах так написано, и печатают с них без рассмотрения, только бы было согласно с греческими книгами, а этими греческими книгами они Православную веру до толика истребили, будто и след Православия в твоём государстве, Российском царствии, до сего времени не именовался, учат нас ныне новой вере, яко же Мордву или Черемисов» [20, т. 3, с. 245]. По-прежнему на словах изъявлялась смиренность: «Повели, государь, прислать на нас свой царский меч и преселить нас от сего мятежного жития на безмятежное и вечное» [5, с. 101].

Ответ последовал на четвертую челобитную. 23 декабря 1667 г. были направлены две отдельные грамоты соловецким старцам, а также «слугам

и служебникам» монастыря с предложением покориться, а 27 декабря 1667 года был издан царский указ, означавший начало блокады монастыря за «противство» и «непослушание» светским и церковным властям, святейшим Вселенским патриархам. В указе предписывалось: «Соловецкого монастыря вотчинные села, и деревни, и соляные и всякие промыслы, и на Москве и в городех дворы со всякими заводы и с запасы, и соль отписать на нас, великого государя, и из тех сел, и из деревень, и ото всяких промыслов денег, и хлебных всяких запасов, и соли, и всяких покупок с Москвы и из городов в тот монастырь пропускать не велели». Эти же предписания были повторены и в апреле 1668 года: не разрешать отправлять в монастырь его хлебные запасы, присланные из Вологды и хранящиеся в амбарах в Холмогорах, а послать их в монастырские соляные промыслы для работных людей.

Тогда же, в 1668 году, Вселенскими Патриархами была написана грамота архимандриту Иосифу с проклятием Соловецких мятежников (келаря Азария с братией и архимандрита Никанора): за «непокорение ко Святей Церкви, и к Великому Государю нашему, и к нам Патриархом, и за ложь на Святую Церковь, и на православную нашу христианскую веру, и на Великого Государя нашего, и за лживое их писание мы, православные Патриархи и весь освященный Собор, тех непокорников предаем анафеме, сиречь вечному проклятью, кроме тех, которые вскоре обратятся ко Святей Церкви с чистым покаянием» [20, т. 3, с. 292—296].

Весной 1668 года на Соловки прибыл стряпчий Игнатий Волохов с небольшим отрядом стрельцов (несколько более 100 человек). В ответ монастырь «заперся», что было началом его «сидения». По-видимому, первоначально царь Алексей Михайлович надеялся взять монастырь измором и устрашением, блокировав доставку продовольствия и других необходимых запасов, однако ее полному осуществлению препятствовали и природные условия, и связи монастыря с населением, оказывавшим поддержку прежде всего доставкой продовольствия. Волохову, помимо блокады, вменялось «промышлять над непослушниками, смотря по тамошнему делу, всякими мерами».

Однако с теми силами, которыми располагал И. Волохов, «промышлять» над неприступной островной крепостью нечего было и думать[38]. Даже организация полной блокады островов оказалась делом невозмож-

[38] В подчинении у Волохова находилось 100 сумских, 25 кемских да несколько московских стрельцов. Численность восставших была гораздо больше. 19 июля 1674 года (т.е. на седьмой год осады) вышедший из монастыря старец Пахомий показывал: «Братии всей в монастыре с 300 человек». Осажденные имели серьезное преимущество в вооружении: в крепости имелось (по описи 1676 г.) 65 пушек и 14 крепостных пищалей; ручниц и мушкетов — 637; карабинов — 27; пистолей — 25; сабель — 149; копий и бердышей — 334; луков — 74; самострелов 45; после взятия монастыря в оружейной службе было найдено также боевого запаса: олова —

ным. Осажденные не утратили связей с внешним миром: на Анзере покупали рыбу, кемляне доставляли в обитель масло, привозили продукты крестьяне многих других волостей. Восставшие пользовались авторитетом, сочувствием и поддержкой у поморского населения. На них смотрели как на «сидельцев за Христово имя и Спасительный Крест».

Численно среди сидельцев преобладали бельцы — более четырех сотен московских стрельцов и донских казаков, и боярских беглых холопей, и крестьян, были разных государств иноземцы — «свийские немцы, и поляки, и турки, и татаровя». Да «в разиновщину» пришли «многие капитоны[39], чернцы и бельцы из понизовых[40] городов». В монастыре, по словам старца Пахомия, «всякому злу корень собрались».

Очевидно, бельцы играли заметную роль в руководстве восстанием: перебежчики называли царским следователям имена «мирских пущих завотчиков» — Исачко Воронина, Хрисанфко Бороду, Сашко Васильева, Коземку Вараксу, Никифора Камышина, Коземку Хромого, прибывших «из Разина полку» Фадейку Кожевникова, Ивашку Сарафанова и других. Надо думать, не без участия этих искушенных в военном деле бельцов была организована караульная служба, налажено обучение сидельцев огневому бою, устроены окопы и земляной вал перед Никольской башней, надрублены раскаты (деревянные стены) на сушиле и проч. Однако и монахам военное ремесло было «за обычей».

Невежественность мятежников особенно проявилась 7 марта 1669 года, когда они изорвали и сожгли более двухсот книг, а на оставшихся сделали раскольничьи приписки. Неповрежденными сохранились «Лавсаик», который читал преподобный Зосима, и в котором молитва Иисусова была написана так, как её повелевает творить Святая Церковь: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»; и часослов, принадлежавший Святителю Филиппу, в котором предписывалось троекратно говорить «аллилуия, аллилуия, аллилуия, слава Тебе, Боже» [5, с. 103].

Авторитетным руководителем восстания был архимандрит Никанор. Близко к нему стояли келари Азарий[41], Мисаил и Нафанаил[42], ризничий

10 фунтов; пуль свинцовых — 24 пуда 20 фунтов; ядер разных — 4279 штук; свинца — 741 пуд 20 фунтов; пороху — 397 пудов 20 фунтов; продовольствия в амбарах обнаружено: ржи, пшеницы, ячменя и овса — 5477 четвертей (~ 701 тонна: 1 четверть — 8 пудов, т.е. ~ 128 кг); муки — 1.430 четвертей (~ 183 тонны); круп разных — 136 четвертей (~ 17,5 тонны); коровьего масла — 99 пудов 20 фунтов; меду — 20 пудов; толокно, солод, горох и проч.

[39] Приверженцы ереси Капитона Даниловского, отрицавшего институт священства, некоторые таинства и проповедовавшего изуверский аскетизм.

[40] Т.е. из Поволжья.

[41] В марте 1669 года Азарий организовал сожжение новопечатных Служебников. В сентябре того же года попал в плен.

[42] Один из наиболее яростных противников молитвы за царя.

Вениамин, городничие старцы Протасий и Дорофей, головщик старец Матвей[43], черный поп Леонтий[44] и другие монахи.

Позиция сидельцев — и бельцов, и монахов — была однозначной: «Мы, — заявляли они, — по новоисправленным книгам петь и говорить отнюдь не хотим и за то де мы хотим помереть все единодушно». Весьма сильными среди восставших были антиправительственные настроения. Уже упоминавшийся старец Пахомий на допросах показывал: «Воры де называют Соловецкий монастырь своим монастырем, а Великого Государя землю называют только по монастырь». И «остров де наш», говорили восставшие, а «не Великого Государя».

Действия Игнатия Волохова на протяжении 1668—1671 годов едва ли можно квалифицировать как осаду монастыря. Лето 1668 года было посвящено стоянию на Заяцком острове; точно так же прошло и лето 1669 года. Приготовляясь к длительному сопротивлению, мятежники в июле 1669 года выслали из монастыря содержавшихся там в заключении: греческого митрополита Макария, чернеца Герасима, попа Козьму, чернеца Иова Салтыкова, сына боярского Осипа Пирюгина. В июне 1670 года под монастырем произошла стычка, во время которой был убит один стрелец и двое ранены; потери восставших — трое убитых и двое раненых. На следующее лето военных действий вообще не было.

Гораздо больше Волохова занимало выяснение отношений с архимандритом Иосифом. Стряпчий и настоятель слали в Москву доносы друг на друга. Волохов писал, что у Иосифа к правительству «малая правда», что он в осажденный монастырь отправляет тайно «воровские письма», что состоящие при нем монахи — все бражники, пьяные ходят по деревням и Государевы запасы «на воровство» приносят бабам и т.д. Иосиф в свою очередь отписывал, что Волохов «над соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинит», все время проводит в Сумском остроге, разоряет «для своей корысти» монастырских крестьян, грозит оклеветать («огласить напрасно») перед Государем архимандрита и т.п. В Москве не знали, кому и верить. В конце концов дошло до безобразия: 16 марта 1672 года во время обедни приключилась драка — Волохов в церкви принародно архимандрита Иосифа «бил и за бороду драл и, оковав, держал в тюрьме многое время». Правительство вынуждено было обоих отозвать в Москву. На место Иосифа был назначен старец Иоиль, на место Волохова — голова московских стрельцов Клементий Иевлев (2 августа 1672 г. он прибыл на остров в Глубокую губу).

[43] «Говорил про Великого Государя неистовые слова».

[44] «Даже молебен на том пел, что за Великого Государя Бога не молить».

Конец июня и весь июль 1672 года К. Иевлев простоял на Заяцком острове. Только с прибытием в августе отряда двинских стрельцов (500 человек) было совершено несколько набегов в окрестности монастыря. Стрельцы пожгли стоявшие за оградой строения, вырезали скот и на зиму удалились в Сумской острог, откуда Иевлев жаловался царю на то, что у него «не стало пороху и свинцу», что «двинским сотникам ратное дело не за обычай», а стрельцы «пехотному строю не учены» и т.д.

К. Иевлеву предписывалось «как мочно потеснить» монастырь, но при этом «ратных людей, стрельцов и иных по наряду для приступов к Соловецкому монастырю не посылать и никакого воинского промыслу над монастырем не чинить, кроме того что у монастыря заставы учинить крепкие, чтобы отнюдь из монастыря никто ни с чем, также в монастырь тайно и явно не ездили». А паче того, рекомендовалось действовать убеждением, пытаться склонить мятежников к сдаче путем переговоров, за что правительство обещало (12 мая 1673 г.) бунтовщикам «прежние их вины отдать» [5, с. 106; 20, т. 3, с. 317, 318].

Лето 1673 года также не принесло К. Иевлеву сколько-нибудь заметного успеха. Больше того, двинские стрельцы учинили бунт, едва не прибив своего начальника, посылавшего ратных людей на приступы без боевого запаса, от чего ратные люди несли большие потери. После бунта, едва избежав расправы, Иевлев бил челом царю об освобождении его от должности. 6 сентября 1673 года на смену Иевлеву был послан воевода Иван Алексеевич Мещеринов, а с ним начальные люди иноземцы Степан Келен да Гаврила Буш.

28 декабря 1673 года в монастыре было решено «за Великого Государя богомолье отставить», — тягчайшее по тем временам государственное преступление. Однако вряд ли стоит переоценивать его значение: монастырь и до принятия этого решения уже пять лет воевал с правительством.

3 июня 1674[45] года И.А. Мещеринов высадился на Большом Соловецком острове и направил в монастырь посольство, которое было тут же посажено под караул. К этому времени конфронтация обители с властями зашла слишком далеко. Пощады, даже в случае добровольной сдачи, ждать не приходилось. Восставшие, вероятно, были наслышаны о жестоких расправах над разинцами, тем более что, как свидетельствовал старец Иосиф, летом 1671 года «из Разина полку приезжали в Соловецкий монастырь».

О происходившем в то время внутри монастыря известно из «роспросных речей» 1674 года [20, т. 3, с. 323—345]. 17 сентября добровольно

[45] В 1674 году в монастыре было 200 братии и 300 бельцов, а с начала осады умерло и убито 33 человека.

вышли из монастыря иеромонахи Митрофан и Амвросий и белец Иудка Иванов сын Рогуев[46], а также были высланы мятежниками иеромонахи Геронтий и Павел, и старцы Варлаам[47], Дионисий и Манасия, да 20 сентября вышел трудник Васка Кириловщина. На вопросы: повинуются ли они Великому Государю и Церкви и от кого бунт учинился, — иеромонах Митрофан[48] говорил: «В Соловецком... монастыре мятеж учинился о новоисправленных печатных книгах от чернаго священника Геронтья, да от бывшаго Савина монастыря архимандрита Никанора, да от келаря Азарья, да от служки Фадюшки Бородина с товарищи... а которые... их братья, священницы, и старцы, и служебники, к их мятежу не приставали... и из монастыря просились, и они... мятежники, их из монастыря не выпустили. А стрельба... зачалась от Никанора-архимандрита да от служки Фадюшки Бородина с товарищи; и он... Никанор, по башням ходит безпрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: «Матушки-де мои галаночки, надежа-де у нас на вас; вы-де нас обороните» ...а Геронтей о стрельбе запрещал и стрелять не велел». Так же вел себя и послушник Геронтия старец Манассия. Никанор же благословлял защитников обители ни на минуту не прекращать стрельбы, советовал высматривать в трубу воеводу: «И как усмотрите и вы по нем стреляйте, как поразим пастыря, ратные люди разыдутся аки овцы».

Иеромонах Павел[49] повторил показания Митрофана, в том числе и слова Никанора о «пушечках-галаночках», и добавил, что Святых Таин не причащался Никанор лет пять, а начало «бунта» и «мятежа» отнес ко времени приезда архимандрита Сергия, т.е. еще к 1666 году. Это подтверждается и показаниями стрельцов, сопровождавших архимандрита Сергия: они слышали, как в монастыре «мирские люди» говорили о том, что находящихся вне монастыря стрельцов надо захватить и каменьем побить. Все допрошенные выходцы из монастыря 1674 года единодушно отделяли позицию Геронтия в вопросе о вооруженной борьбе, назвав его лишь среди «заводчиков» восстания, но не организаторов «стрельбы»: «Бунт и мятеж завелся с приезду архимандрита Сергия, от Никанора и Геронтия; а стрельба началась от Никанора, Азария и Фадейки Бородина». И иеромонах Митрофан, и иеромонах Павел говорили об обострении противоречий внутри монастыря. 28 сентября 1673 года «был у них в Соловецком монастыре черный Собор, чтоб за великого государя бого-

[46] Иеромонахи Митрофан и Амвросий вышли через бойницу Никольской башни, где Иудка, духовный сын Амвросия, стоял на карауле.

[47] Пострижен 37 лет назад, новоисправленные книги и обряды принимает, за что его 16 недель морили голодом в тюрьме.

[48] Пострижен и поставлен в иеромонахи 17 лет назад.

[49] Пострижен 20 лет назад.

молие оставить». Но священники продолжали молиться за царя. 16 сентября 1674 года состоялся новый Собор, среди участников которого произошел бунт. Сотники Исачко и Самко угрожали келарю Азарию, что они прекратят свою военную службу («ружье на стену положили») из-за того, что «они, воры, за великого государя священником Бога молить не велели, а священницы их не слушают и за великого государя Бога молят, а они... воры, того слышать не хотят... а про великого... государя говорят такие слова, что не только написать, но и помыслить страшно. И сели... они, воры, в монастыре на смерть, сдаться никоторыми делы не хотят». После этого из монастыря были высланы содержавшиеся в заключении в жестоких условиях противники вооруженной борьбы, которые и давали вышеупомянутые показания воеводе И. Мещеринову.

Среди «роспросных речей» особенно интересны показания Геронтия, автора последних Соловецких челобитных. Он был среди тех, кого «мятежники» выпустили из тюрьмы и выслали из монастыря после «черного Собора» 16 сентября 1674 года. О себе он сказал, что родом из Чебоксар, мирское имя его Григорий Иванович Рязанов, что отец его подьячий в Чебоксарах. В Соловецкий монастырь пришел и постригся в 1650 году. На вопрос об организаторах мятежа он ответил иначе, чем другие: мятеж учинился «от всей братии и от служебников»; заявил, что «челобитную писал по братскому велению, и на скамью в трапезе становился, и выписки братии и служебником их чел и их спрашивал: любы ли? — и братия и служебники сказали, что всем любы; а что его вторым Златоустом называли, того не упомнит; а к челобитной де братия и служебники и руки приложили». Если в показаниях других допрашиваемых он предстает как противник лишь «стрельбы», т.е. вооруженной борьбы, то сам он заявил, что был и против всякого сопротивления, против того, чтобы «запирать» монастырь; даже написал об этом «приговор»: «А он... Геронтей, о стрельбе запрещал и в монастыре запираться не велел, и его... воры за то держали в тюрьме и мучили и по се число; и приговор о том он написал, что против государевых ратных людей не биться, и тот приговор был у келаря Азарья». Слова Геронтия о том, что он «не велел» не только стрелять, но и «в монастыре запираться», подтвердил «трудник» Василий Карпов сын Кириловщина. Эта позиция «непротивления», занятая в самом начале восстания группой сторонников Геронтия (ее состав и количество неизвестны), отчетливо предстает и в той части показаний Геронтия, которая относится уже к 1674 году. Геронтий признал себя виновным («а перед Великим Государем он во всем виноват»), однако заявил, что в немолении не участвовал («и будучи в Соловецком монастыре, за него, Великого Государя, Бога молил, и ныне молит, и впредь молить должен»); заявил о своей преданности Церкви («и соборной и апостоль-

ской Церкви по соборному и святых отец преданию последует»). Однако он не отказался от прежних убеждений: «А новоисправленных печатных книг, без свидетельства с древними харатейными книгами, слушать ему и треми персты крест на себе воображати сумнительно, и боится Страшнаго суда Божия, и хочет он о тех новоисправленных книгах и о кресте достоверное уверение и свидетельство с древними харатейными книгами восприяти от преосвященнаго Иоакима, митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго»; митрополит якобы призывал к себе Геронтия, но его не отпустили из монастыря. Геронтий, как и прежде, надеялся на мирное разрешение конфликта путем прений и переговоров. Иеромонах Митрофан показал, что «черных де священников Геронтия да Павла, да старцев Варлама и Дионисия воры держат в тюрьме за то, что они за Великого Государя Бога молить велят, а стрелять им ворам не велят».

Всех принявших нынешние предания соборной и апостольской Церкви Мещеринов отправил в Сумской острог под начало старца Игнатия, а священника Геронтия и послушника его старца Манассию, придерживавшихся старых преданий, оковав, посадил в тюрьму до царского указа. Дальнейшая их судьба не известна.

Поскольку затянувшийся бунт изрядно надоел правительству, Мещеринову был дан наказ, чтобы он с Соловецкого острова без Государева разрешения «отнюдь не отходил» и чтобы «мятеж искоренил вскоре». Адресованная воеводе царская грамота заканчивалась выразительной припиской: «А буде ты, Иван, с Соловецкого острова, без нашего Великого Государя указу, впредь сойдешь, и за то тебе учинена будет смертная казнь».

Летом 1674 года И. Мещеринов устроил раскаты с пушками вокруг монастыря. 25 июля стрелецкий отряд майора С. Келена штурмом взял шанцы (окопы) у Никольской башни. Все попытки восставших отбить шанцы закончились неудачно. И. Мещеринов хотел отвести воду из Святого озера, но нехватка рабочих рук не позволила этого сделать.

«Малолюдство», недостаток артиллерии, боезапаса, провианта вынудили воеводу, разрушив свои укрепления под монастырскими стенами, удалиться в конце сентября на материк. Когда об этом узнали в Москве, Мещеринова в специальной грамоте отчитали за самовольство, велели вернуться на остров и еще раз предупредили: «А если ты вскоре к Соловецкому монастырю на остров не пойдешь и промысел учнешь чинить нерадетельно, и тебе, Ивану, быть за то в смертной казни». Царская грамота повелевала «над соловецкими ворами и изменниками чинить промысел, не испустя времени, и во всяком ратном деле чинить промысел неотложно и со всяким радением».

К зиме 1674–1675 годов И. Мещеринову удалось установить довольно жесткую блокаду монастыря. Подвоз свежих продуктов прекратился, не

хватало дров, среди осажденных началась цинга. Несмотря на усилившиеся тяготы осады, сидельцы продолжали укреплять оборону. Башни и ворота обнесли рогатками, в местах возможных приступов положили доски с набитыми гвоздями (чтобы доски нельзя было убрать, их приколотили к земле деревянными сваями), усилили караулы на башнях — до 30 человек на каждой и у ворот — до 20 человек. Все, потенциально склонные к измене, были изолированы.

В конце мая 1675 года Мещеринов вновь высадился в Долгой губе Большого Соловецкого острова. Не изжитое «малолюдство» (при воеводе было всего 185 стрельцов) не позволило сразу атаковать монастырь. Лето прошло в мелких стычках с осажденными, в строительстве батарей, городков и раскатов, по высоте равнявшихся стенам крепости. С раскатов можно было обстреливать монастырь из пушек, которых, однако, у Мещеринова было мало, не было и пушкарей, пороху, ядер. Все это было прислано воеводе только в сентябре[50].

С прибытием подкреплений осадные работы оживились. Однако разрушить крепостную стену артиллерия не могла. Безрезультатными оказались попытки подкопов под угловые башни. Тщетными были лобовые атаки. Одна из них имела место 23 декабря 1675 года у Сельдяных ворот. Штурмовавший ворота стрелецкий отряд понес потери — 36 человек убитых и раненых — и отступил. Погиб ротмистр Степан Потапов.

Между тем положение осажденных продолжало ухудшаться. Бежавшие из монастыря на допросах показывали: «В городе многие воры чернецы и бельцы от крепкие осады оцинжали и многие лежат больны, а иные и померли». Как упоминалось выше, никто из иеромонахов не поддержал вооружённого сопротивления и не пожелал оставить молитвы за царя, к чему их принуждали мятежники. Никанор утешал восставших: «Мы и без священников проживем». Бунтовщики перестали ходить в церковь, умирали без покаяния и были погребаемы без молитв. Впрочем, в монастыре оставалось некоторое количество иноков, не желавших участвовать в вооруженном сопротивлении, продолжавших молиться за царя и искавших случая избавиться от власти мирских бунтовщиков.

В ночь на 9 ноября 1675 года в лагерь к Мещеринову вышел из монастыря чернец Феоктист, предварительно «высмотря в монастыре всякие

[50] Из Москвы было прислано 100 пудов пороху, 300 ядер и проч. Прибыло также 157 стрельцов с Двины и Великого Устюга. Однако Мещеринов продолжал жаловаться на малолюдство. С 4 июня по 22 октября 1675 года воевода потерял 32 человека убитыми и 80 ранеными. В стрелецком отряде было 50 больных да 72 человека «старых и малых», а также неспособных к воинскому промыслу. Мещеринов писал: «А на караулы, Государь, и на работу ходят 895 человек». Этого было совершенно не достаточно для успешного ведения осадных работ, тем более для штурма. Сколько-нибудь полных данных о потерях восставших до момента падения монастыря нет.

городовые крепости и причинные места, где б над ними, ворами... промысел учинить». Предложенный Феоктистом план сводился к следующему: за час до рассвета, когда ночные караулы уходят, а на стенах на постах остается по одному человеку, отряд стрельцов должен через «пролаз» в сушиле проникнуть в монастырь и, перебив стражу, открыть ворота. И. Мещеринов долго не решался осуществить этот замысел, однако бесплодность осадных усилий побудила воеводу к действиям по плану Феоктиста.

В ночь на 22 января 1676 года, «егда быша буря, мраз и метель велия... Феоктист с воями... един по едину вхождаху в полату сушиленную, дондеже всю наполни воями, и шедше разломаху запоры, и врата отверзи, преда обитель в руце Мещеринова и воинов впусти в обитель» [21].

Восставшие были захвачены врасплох. Озлобленные стрельцы перебили почти всех. Мещеринов захватил в плен 63 человека, из которых 35 были посажены в темницу, а 28 казнены. В старообрядческих источниках говорится о том, что архимандрит Никанор после допроса был избит воеводой, а затем, связанный по рукам и ногам, брошен в ров, где пролежал всю ночь в одной рубашке, а наутро помер. Однако сам Мещеринов о взятии в плен Никанора не упоминает, и в документах его имя последний раз упоминается среди организаторов восстания в 1674 года. Поэтому можно предположить, что он умер до окончания «сидения».

Восьмилетнее «сидение» подорвало и духовную, и экономическую мощь монастыря. После мещериновского погрома в монастыре осталось только 14 монахов, а было их, согласно переписи осенью 1668 года, 273 человека. Число бельцов по переписи осенью 1668 года составляло 400 человек. По подсчётам О.В. Чумичевой получается, что за время осады из монастыря вышло около 200 человек, которые были высланы или бежали. Если учесть число умерших во время осады, получается, что число погибших во время штурма составляет не менее 200 человек. Помимо людских потерь монастырь понес и огромный материальный ущерб. И.А. Мещеринов ограбил обитель. Он присвоил много икон в ценных окладах и складней, церковных облачений, печатных и рукописных книг, серебряной, медной и оловянной посуды, слюды, собольих и куньих мехов, несколько пушек, пищалей, порох, часы, несколько пудов железа, конскую сбрую. Некоторые монахи, чтобы сохранить жизнь, давали воеводе крупные взятки: черный поп Леонтий дал своих 850 рублей, да 150 рублей из казны, да боевые гирные часы, да шубу соболью. Феоктист притащил из казенной палаты четыре мешка денег, да посуду серебряную, да часы, да шубу. По приказу царя Феодора Алексеевича зверосердечный и корыстолюбивый воевода был посажен под караул. Только в августе 1677 года, возвратив монастырю награбленное, Мещеринов смог выехать в Москву.

В старообрядческих синодиках упоминается до 33 имен «страдальцев Соловецких». Среди них, кроме архимандрита Никанора, ни одного иеромонаха или иеродиакона, а только 16 иноков да 17 бельцов. Погибшие в годы восстания сидельцы снискали огромную популярность у населения Русского Севера, их поминали как мучеников. По рукам ходили списки «Повести об отцех и страдальцех Соловецких» Семена Денисова [21][51], многих других произведений. Популярность «сидельцев» среди простого народа объясняется тем, что уже во второй половине XVII века в церковной и государственной жизни России проявляются тенденции, которые реализовались позднее в царствование Петра I и были закреплены законодательно. Церковь была лишена первостоятеля — патриарха — и низведена до уровня государственного департамента, древнее благочестие и национальные традиции осмеивались, образцом для подражания служила рационалистичная и потому материалистичная Европа. В этих условиях «старая вера» становилась символом устремления горе, к Небесному Иерусалиму, к Святой Руси в противовес государственной имперской политике, тяготевшей к воплощению идеалов языческого Рима. Печально, что старообрядцы не распознали в Патриархе Никоне своего вернейшего союзника в борьбе за чистоту православной веры.

Для восстановления и благоустроения Соловецкой обители, по указу царя Феодора Алексеевича и благословению Патриарха Иоакима, были поставлены: настоятелем — архимандрит Макарий из Тихвинского монастыря, келарем — Иларион, казначеем — Феодосий из Сийского монастыря, должность экклесиарха (уставщика) три года исполнял благоговейный Игнатий Корсаков, из рода царских стольников Римских-Корсаковых, впоследствии ставший митрополитом Тобольским. Свидетельства последнего особенно интересны, так как он оказался в монастыре непосредственно после восстания. В посланиях к Сибирской пастве своей преосвященный Игнатий пишет о Соловецких жителях, составивших челобитную: «от Аввакумовых и Лазаревых арменоподражательных[52] учеников прибегоша нецыи на море, на остров Соловецкий; и тако оную Святую обитель Спасову, и Пресвятыя Богородицы, и преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких со всем братством возмутиша, еже и слово не может изъявити» [20, ч. III, с. 237—238].

К тому же «прибегоша в тую же обитель окаянного богоотступника и чародея, донскаго казака и атамана Стеньки Разина с помощники воры из Астрахани; а егда во обитель внидоша, тогда бо уже и братству, ино-

[51] Церковно-историческая критика произведения Денисова, изобразившего мятежников кроткими страдальцами за истинную веру, приведена в истории Соловецкого монастыря [5, с. 108—112].

[52] Имеется в виду, что армяне также придерживались двуперстного крестного знамения.

ком и бельцем, волю всю отъяша, и поставиша себе начальником Фадейка Кожевника да Ивашка Сарафанова, и начаша быти во всем противны не только Святой Церкви хулами, но и благочестиваго царя не восхотеша себе в государя имети». Эти же беглые казаки призывали стоять за истинную веру и не креститься тремя перстами, на самом же деле они выжидали момент, чтобы перебить братство и похитить богатство обители.

На эти свидетельства человека, подвизавшегося в Соловецкой обители непосредственно после мятежа, опирается его тезка преосвященный Игнатий Семенов (1791—1850 гг.), который, будучи епископом Олонецким (1828—1841 гг.), много усилий приложил для искоренения раскола. Он искреннейшим образом постарался разобраться в причинах Соловецкой смуты. Первоначально он предполагал, что если так поступили «Соловецкие старцы, то сделали это, частию, по свойственной им и общей тогдашнему времени простоте, частию и из ревности, хотя совсем не по разуму, и что, может быть, на тот раз даже не имели они вовсе способов узнать истину в памятниках древности, по неимению или незнанию таких памятников в монастыре своем» [22, с. VI]. Однако вскоре сподобил его Бог посетить «святый Синай морский», как именует он Соловецкую обитель. В монастырской библиотеке он обнаружил опись 1676, из которой «легко видеть можно, что вещи и книги, кои объясняют истинно старые обряды веры и верность исправления церковных наших книг, были тогда в Соловках» [22, с. VII]. Он приводит ссылки на эти книги, а архимандрит Иларий, управлявший тогда обителью, в предисловии обещает каждому желающему эти книги предъявить. Далее преосвященный Игнатий обращает внимание на самих челобитчиков: келаря Азария и казначея Геронтия, которые избраны были, вопреки законному порядку, на самое время заговора «самовольством без Великого Государя указу». Они намеренно захотели действовать без главы братства — архимандрита. Анализируя происходившее в обители на основании первоисточников, то есть пользуясь архивными материалами Соловецкой обители, на которые обычно ссылались раскольники, преосвященный Игнатий доказал неопровержимо, что «челобитная Соловецкой обители», которая служила главным козырем в руках раскольников, была составлена вовсе не Соловецким монастырем. «Челобитная, какова подана Великому Государю в Москве в 7176 году[53]: а) не есть челобитная «Соловецкого монастыря», б) не “братства Соловецкого служек всех”, но в) воровская прелесть» и, г) что еще хуже, «скоп и заговор» не только против монастыря или закона, но и ... против Высочайшей власти Государя, составленный несколькими мятежниками, пришельцами и ссыльными, с чистою ложью»

[53] В октябре 7176 года от сотворения мира, или в 1668 году от Рождества Христова.

[22, с. 18]. Далее подробно показывается, что в основу так называемой челобитной Соловецкой обители положена ходившая тогда по рукам Никитина челобитная, за которую он давал ответ на соборе в марте 1666 года[54].

Итак, Игнатий, митрополит Тобольский, и Игнатий, архиепископ Воронежский, снимают с Соловецкой братии ответственность за смуту, говоря о захвате власти некими пришельцами. Возможно, в отношении инициаторов вооруженного сопротивления царским войскам с этим мнением можно согласиться, однако духовным лидером восстания был, несомненно, Никанор — Соловецкий постриженник, и все решения принимались черным собором, в котором во время мятежа стали активно участвовать миряне, чего раньше никогда не было. Чтобы понять, что же помешало Соловецким старцам устоять в истине, обратимся к весьма поучительному опровержению самой Соловецкой челобитной, написанному Юрием Крижаничем[55]. Его сочинение совершенно лишено какой

[54] Текст этой челобитной приведен в [20, т. 4, ч. 1, с. 1] «Суздальского соборного попа Никиты Константиновича Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексею Михайловичу на книгу «Скрижаль» и новоисправленные церковные книги». По собственным Никитиным словам он составлял свою челобитную семь лет и давал другим читать выписки из неё.

[55] Н.И. Костомаров о нем пишет: «В то время, когда киевские монахи приносили с собою в Москву свою церковную ученость, с узкими схоластическими взглядами и отжившими свое время предрассудками, в области умственного труда в России явился человек со светлою головою, превосходивший современников широтою взгляда, основательностью образования и многосторонними сведениями. Это был Юрий Крижанич (1617—1683 гг.)». Родом хорват, он, владея в совершенстве, кроме своего родного языка, немецким, латинским, итальянским, греческим и русским, получил, по-видимому, наилучшее в то время богословское и юридическое образование в Риме и занимался проблемой унии применительно к своему отечеству. Изучая долгое время историю Церкви и составив даже «Всеобщую библиотеку схизматиков», он пришел, наконец, ко взглядам, которые по своей высоте расходились с узкими воззрениями как сторонников римской пропаганды, так и их противников. Крижанич уразумел, что вековой спор между восточной и западной Церковью проистекает не из самой религии, а из мирских политических причин, из соперничества двух древних народов — греков и римлян — за земную власть, за титулы. Таким образом, вопрос о разделении Церквей есть исключительно вопрос греков и римлян, а к славянам не должен относиться. Нечего им мешаться в чужую распрю. Славяне не должны из-за них чинить раздора между собою и защищать чужие привилегии, чужую верховную власть, а должны знать единое царство духовное, единую церковь, не имеющую рубежей, распространенную во всем свете. Крижанич пришел к убеждению, что весь славянский мир должен сделаться единым обществом, единым народом. Он, между прочим, оставил после себя грамматику особого им созданного всеславянского языка, называя его «русским» потому, что Русь есть корень всего славянства. Он поступил на службу к русскому царю в 1659 году. 20 января 1661 года Крижанича по неизвестной причине сослали в Тобольск, но не в качестве опального, а с тем, чтоб быть у государевых дел, у каких пристойно. Ему положили жалованья семь рублей с полтиною в месяц. Крижанич пробыл в ссылке шестнадцать лет, не терял присутствия духа и написал там самые замечательные свои сочинения. По смерти царя Алексея Михайловича, 5 марта 1676 года, Крижанич, получив царское прощение, возвратился в Москву и был назначен в Посольский приказ переводчиком. В 1678 году он уехал из России с датским посольством Ф. фон Габеля. Вскоре он принял монашество в доминиканском монастыре в Вильно, где занимался составлением на латинском языке «Истории Сибири» — пособия для миссионерской деятельности доминиканцев. В 1682 году Крижанич был направлен в Рим, однако по пути задержан в Варшаве и оставлен в качестве священника в армии польского короля Яна Собеского. В 1683 году Юрий Крижанич был убит в битве с турками под Веной.

бы то ни было пристрастности. Он слышал о Соловецкой обители и даже «издавна желах у вас пребывати и вашими святыми молитвами спасатися. О том бо зде в Сибири и челобитье подавал и много молил: да бы мя Великий Государь велел к вам превести» [23, с. 43]. Поэтому, когда ему в руки попала Соловецкая челобитная, он, сознавая себя «недостойным и последним в человецех», решился «из чистей любви» напомнить Соловецким отцам вещи, ими хорошо знаемые, но в пылу страстей забытые, а именно:

1) Единственным критерием истины в вопросах веры, когда логические доказательства бессильны, является соборное мнение Церкви, так как через Соборную и Апостольскую Церковь «всегда и присно и безсумненно говорит Святой Дух». Церкви дано обещание: врата адова (то есть ереси и всякие диавольские козни) не одолеют её. «Како вы мните, — обращается Крижанич к соловчанам, — что Церковь вся есть заблудила, и ни единого в ней нет правоверного архиерея? ... Хотя бы вы и всего мира имели мудрость, и всех Святых Отец богословие имели, и все то не было бы достаточным для вашей дерзости к Соборной Церкви осуждению» [23, с. 87, 71].
2) Возникает вопрос, а возможно ли спасение для отсекших себя от Соборной Церкви? Крижанич отвечает отрицательно: «Поведите (скажите) нам, в каковой церкви вы есте? В Соловецкой или у ваших единоумников (единомышленников) в Сибирской? ... Какова бо Церковь может быти, в ней же нет пастырей и святителей, а скоро не будет и священников? Когда бо помрут ваши ныне живущие священники, кто вам хощет других посвятити? ... Вы есте яко луторцы (лютеране) и отвещаете: епископы да иереи нам не суть надобны. Мы бо вси есма Святым Духом на крещение освящены и вси есма иереи и епископы. Тако вы, отцы из Христовы Церкви в люторову синагогу иступисте. И, аще не образумитеся, спастися вам нет мощно (невозможно)» [23, с. 88—89].
3) Особенно тщательно увещевает Крижанич соловчан прекратить сеяние раздора, ибо, если кто «и мало расколство учинит, тамо восстает гнев Божий и меч ярости, и пребывающим в том конец — мука вечная». Он обращается к зачинщикам со словами: «О, честнии отцы Назарие и Геронтие, вы поставлены назидать братию, а вы раздираете». И цитирует Иоанна Златоуста: «Ничтоже да не может Церкви тако разделяти, како властолюбие. Ничто же Бога тако на гнев не побуждает, како церковный раздор. Хотя несчетна сделаем добра дела, аще пресекаем полноту Церкви, не меньшу имеем прияти казнь, неже они, иже тело Его торгаша (продавали) и мучиша» [23, с. 124].

4) Словами Златоуста Крижанич наконец обличает главную слабость (или страсть) расколоучителей — властолюбие. По духовным законам нельзя даже желать учительства, а тем более самовольно учительствовать. «Аще кто не умеет бороться с врагами, и пленять всякий разум в покорность Христу, таков да будет далеко предстояти от учительского престола» [23, с. 70]. Кто ставил вождей раскола учить народ, царя и всю Соборную Церковь правой вере? Крижанич вопрошает [23, с. 128]: «Аще речете (если говорите): "Не Церковь, но Бог сам нас послал", — покажите нам едину, хоть малу, того Божия послания печать. Каково чудесное Господне дело или знамение и каково апостольское житие можете вы показать в себе, или в Никите, или в Лазаре, или в Аввакуме, или во всей своей дружине? Колико (сколько) бесов изгнасте? Колико недужных оздрависте (исцелили)? Колико мертвецов возбудисте (воскресили)?» Крижанич лично знал инициаторов раскола и святости в них не видел. Он встречался с Аввакумом[56] и видел его высокомерие и боязнь осквернить от «неверных». Жил он немало времени вместе с Лазарем в Тобольске и говорил ему: «Отче Лазаре, как можем устроение Церкви исправляти, если сами тако неисправны, что и басни срамотны баем и улицы нам хмельным бывают тесны». Крижаничу не хотелось бы о грехах ближних говорить, но он считает нужным показать, кому люди хотят вверить свои души и чьё учение полагают в основание своего спасения.
5) «***Глава же вашего прельщения***, о честнии отцы, и всего вашего завода (дела) основание, есть едино невежество, ***что вы не умеете молитвы и обычая церковного разлучити от веры***, и вы мните: молитву пременити и веру пременити, то бы все едино» [23, с. 140]. Действительно, Русь получила чин церковного Богослужения от Византии в основном уже установившимся, поэтому форма Богослужения воспринималась как Богодарованная и неизменная. Крижанич напоминает, что от апостольских времен и литургийные чины менялись (литургия апостола Иакова оставлена, но и никак не осуждена, а составлена была литургия Василия Великого и сокращена Иоанном Златоустом), и Символ веры изменялся (Никейский на Никео-Цареградский) соборным постановлением, и епископам дозв-

[56] Встреча была характерная: Аввакум, возвращаясь из Даурии в Москву через Тобольск, хотел видеть Крижанича. Крижанич, войдя к нему, сказал: «Благослови, отче!» Аввакум закричал ему: «Не подходи, скажи: какой ты веры?» Крижанич отвечал: «Я верую во все то, во что верует Святая Апостольская Церковь, и священническое благословение принимаю в честь. О вере готов объясняться перед архиереем, а перед тобою, который сам подвергся сомнению в вере, мне широко говорить нечего. Если не хочешь благословить, благословит Бог, а ты оставайся с Богом».

волялось иметь семью и в священники ставили неженатых. «А вы об том не тужите, а тужите об третьей аллилуйи, и об согбении перстов и об иных таковых меньших и спора недостойных вещах. Тако чиняху фарисеицы: большие вещи презираху, а об малых велику скорбь ношаху. За то к ним велит Спаситель: «Водци (вожди) слепии, комара отцежаете, а вельбуда пожираете» [23, с. 164]. И далее Крижанич замечательно определяет веру как грань между неверием и суеверием: «Права вера или благочестие стоит насред (посреди): держит праву веру. А неверность блудит налево по скудости. Мнит не быти греха, там где есть грех. А преверность (или суеверие) блудит надесно (направо) по избытку: верует бо в лишнее, его же недостоит веровати. Мнит быти грех, там где нет греха. Таков бяше квас фарисейский. Об вас пророковал Исаия: сии люди устнами мя почитают, а сердце их далеко от мене» [23, с. 166].

6) «О, солнце, о, истина, како люди от тебе очи замижают (закрывают)», — восклицает Крижанич. Утверждений, достойных серьёзного разбора и опровержения, в Соловецкой челобитной он не видит. «Вы, отцы, в патриаршеском обличении в жезловой книге[57] пресветло уличены и препрени, и истина вам достаточно ясно доказана. А вы по всем том не любите единства, но чините раздор. И тако изступисте из разума, что, не побоявшеся Бога и не посрамовавшеся людей, к царскому величеству, и к его высокой думе, и к освященному Собору написали: како да бы Святейший Никон Господа и Спасителя нашего грешником назвал... А в Скрижальной книге муж разумен легко видит, еже не Господа, но осужденнаго на смерть татя (разбойника), грешником зовет... О глупи и косни сердцем, како дерзаете, тако клеветати» [23, с. 90, 91]. Крижанич не считает нужным ещё раз разбирать вопрос о перстосложении, об изменениях в словах, именах и т.п. «Все это, — говорит он, — с вашей стороны фарисейская святость, излишнее и ненужное благочестие или, лучше сказать, нечестие...» О сугубой аллилуйи он говорит с точки зрения истории богослужения, тем более что этот предмет он лично обсуждал с Лазарем. Он признает житие Евфросина, сочинение, на которое опирались раскольники, положительно подложным, и по поводу вопроса о том, сколько раз следует произносить аллилуйя, приводит пример западной Церкви, где произносят аллилуйя в разное время богослужения и три раза, и два, и один раз.

Терпеливо изъясняя Соловецким сидельцам их заблуждения, Крижанич видит в их поступках тот великий грех, что они отрываются от Церк-

[57] Жезл правления. М.: Печатный двор, 1667.

ви, не хотят слушать ее и тем нарушают любовь, которая должна господствовать в Христовой Церкви. По отношению к причине раскола он не одобряет буквализм ни со стороны исправителей книг, ни со стороны тех, кто предпочитает старые книги и соблюдает такие обряды, которые были изменены Церковью. В предисловии к своей грамматике он высказал яснее этот взгляд. «Мое мнение таково: ошибки языка не могут вести к осуждению, а исправление книг никого не спасает, спасение дает нам благочестивое сердце, неутомимое в добродетелях. Поэтому, если бы церковные книги и в десять раз были хуже переведены по отношению к речи (не говоря о смысле), то все-таки неисправление их никому не препятствовало бы спасаться. Не стоит из-за малых причин поднимать церковный раздор, не следует соблазняться грамматическими ошибками и разорять духовную любовь». До такого взгляда на раскол общецерковное сознание доросло только спустя три столетия.

В «Деянии освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их» 1971 года были рассмотрены решения Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года «в части, касающейся наложения ими клятв на старые русские обряды и на употребляющих их». «Необоснованность суждений Соборов 1656 и 1667 годов о старых обрядах дониконовских времен, как о якобы содержащих еретический смысл, давала повод усматривать в клятвенных запретах и определениях этих Соборов осуждение старых обрядов самих по себе. Между тем из неоднократных разъяснений, сделанных авторитетными иерархами Русской Православной Церкви и ее Святейшим Синодом, вполне очевидно, что подлинная цель соборных прещений 1656, 1666 и 1667 годов заключалась в противодействии тем вождям раскола, которые, осуждая исправленные при Патриархе Никоне книги, чины и обряды, проявили свое противление Церкви, порицая содержимые ею обряды и употребляя исключительно обряды старые (см. «Изъяснение» Святейшего Синода от 1886 г.)». Соборное деяние 1971 года напоминало об «Увещании православной кафолической Церкви», где говорилось о признании православности старых обрядов и спасительности употребления их со ссылкой на постановление Отдела по единоверию и старообрядчеству Поместного Собора 1917–1918 годов. Поместный Собор 1971 года определил утвердить три постановления Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года под председательством заместителя патриаршего местоблюстителя высокопреосвященного митрополита Нижегородского Сергия:

1) «О признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им»;

2) «Об отвержении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящихся к старым обрядам, и в особенности к двуперстию»;
3) «Об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православно верующих христиан, и считать эти клятвы яко не бывшие» [24].

Определения Собора 1971 года были повторены Собором 1988 года, принявшим «Обращение Поместного Собора Русской Православной Церкви ко всем держащимся старых обрядов православно верующим христианам, не имеющим молитвенного общения с Московским Патриархатом», где подтверждена «равночестность старых обрядов». Собор «с глубокой болью вспоминает возникшее в XVII веке разделение чад церковных — тех, кто проявил непоколебимую твердость в сохранении старых русских обычаев, с теми, кто ввел в богослужебное употребление традиции, распространенные в Поместных Церквах на православном Востоке».

Возвращаясь к XVII веку, заметим, что в определении относительно раскола Московского Собора от 2 июля 1666 года есть понимание того, что для сохранения верности древней православной традиции необходимо обсуждение различных мнений в рамках внутрицерковной дискуссии, но при этом не должно быть противления Церкви, доходящего до вооруженного противостояния. О причинах раскола говорится: «Многие невежды не только из простых, но и из священных лиц, одни ***по неведению Божественных писаний и порочной жизни***, другие, по-видимому, и добродетельные, но ***надменные самомнением*** и считая себя мудрыми, хотя исполнены всякого бессмыслия, третьи, увлекаясь ***ревностью не по разуму***, возмутили души многих неутвержденных иные словом, иные же и письменно» [18, с. 328]. То есть причиной раздора церковного считается подверженность страстям самих расколоучителей. Некоторые из них, представ пред Собором, принесли покаяние, например Соловецкий старец Герасим Фирсов. Другие, как бывшие попы Никита и Лазарь, были строго осуждены за их нестерпимые хулы на Церковь и за противление ей. Однако Собор не изрек в своем определении никакого проклятия или прямого осуждения ни на старопечатные книги, ни на двуперстие в крестном знамении, ни на сугубую аллилуйю, ни на другие обряды, излюбленные раскольниками. Осуждалось противление Церкви, а богословские мнения обсуждались. Собор даже признал нужным составить особую книгу, в которой были бы опровергнуты основания раскола, как они были изложены в челобитной попа Никиты и свитке попа Лазаря. Книга была составлена Симеоном Полоцким и издана от имени Собора под заглавием «Жезл правления» в 1667 году. На этом

догматические споры можно было бы прекратить, поскольку с логической точки зрения спорить было не о чем: существовавшая до исправления книг и обрядов практика Российской церковной жизни признавалась спасительной и не опровергалась, но приводилась в согласие с практикой Вселенской Церкви. Далее вступают в силу психологические мотивы: в первую очередь, это справедливое беспокойство по поводу секуляризации общественной жизни, им можно объяснить панический страх утратить древнее благочестие и желание во что бы то ни стало сохранить форму обрядов; второй движущей силой раскола стала национальная гордость: в общественном самосознании XVII века Русь считала себя преемницей Византии и хранительницей Православия, отсюда и недоверие к грекам, особенно подчеркнутое в Соловецкой челобитной, отсюда и ощущение себя лично последним поборником Православной веры; наконец, третья, особенно печальная, психологическая особенность инициаторов раскола — оскорбленное самолюбие. Вспомним, что Иоанн Неронов и Аввакум более всего зазирали Патриарху Никону, что прежде он с ними советовался, а теперь, став Патриархом, ведет дело исправления книг и обрядов самостоятельно. Соборность принятых решений по поводу исправлений они во внимание не принимали, хотя это подтвердил даже собор 1666 года, осудивший самого Никона. Какому же евангельскому архетипу соответствует этот психологический портрет: формальное соблюдение законов, гордость своим благочестием и желание учительствовать? Это знакомое лицо законника-фарисея и конец тот же: раздирание Тела Христова — Церкви. И для того мы так подробно обсуждаем эту печальную страницу в жизни Соловецкой обители, да и всей России, чтобы не давать в наших душах место закваске фарисейской.

И ещё один важный для нас вопрос поставил Крижанич: «За что Бог сему раздору в русском народе быти попустил?» Русской Церкви нужно было выстрадать свою веру в борьбе с ересями, как в своё время Византии. «Ереси бо от глубокого лености сна нас возбуждают, к труду подвигают, к чтению Священного Писания и к пресмотрению и разбиранию правил нашего Богочестия принуждают... Да добрии раби Божии объявятся по своей крепости; да обличится скрытый меж нами смрад; да себя невежество от Церкви отженет» [23, с. 38, 39]. Обратим внимание на последнее замечание: не Церковь невежество изгонит, но само невежество себя от Церкви отторгнет, и, между прочим, остаётся всегда возможность воссоединения с Церковью через покаяние. Раны могут быть залечены, ибо «Божий Промысел обыкает из яда изымати врачевство» [23, с. 40].

1.5. ПОСЕЩЕНИЯ ПЕТРА I И УЧРЕЖДЕНИЕ СТАВРОПИГИИ. XVIII ВЕК

После архимандрита Макария, который в течение четырех лет (1676—1680 гг.) заботился о восстановлении монастыря после соловецкого сидения, настоятелем был назначен келарь Иларион (1680—1686 гг.). При нем в 1682 году была открыта Холмогорская и Важеская епархия, и Соловецкий монастырь из Новгородской митрополии поступил в ее владение. Целью учреждения новой епархии было противодействие расколу, который набирал силу в Беломорье. Первый архиепископ Холмогорский Афанасий посетил Соловецкую обитель 23—29 июня 1692 года. Он подписал уставную грамоту на имя архимандрита Илариона, келаря Лаврентия и казначея Арсения с братией. В ней архиепископ сначала благодарит Бога за то, что иноки не уклонились в раскол, но остались верными догматам Православия; затем говорит, что некоторые, проявляя ревность не по разуму и не разумея правды Божией, стараются поставить свою правду, нарушая уставы общежития, таковых повелевается смирять соборно «железлием и узами», пока не покажут плоды покаяния. Для управления монастырем был учрежден совет из двенадцати опытных иноков во главе с архимандритом. Было запрещено увольнять из обители иноков, а беглых велено подвергать наказанию. Предписывалось не держать в обители опьяняющих напитков и у приезжих опечатывать их. Присылаемых в заключение указано держать под крепким присмотром, а в случае бесчинства с их стороны подвергать телесным наказаниям и определять на тяжкие работы, чернил и бумаги им не давать.

При архимандрите Иларионе расширились монастырские владения на материке: в 1686 году цари Иоанн и Петр Алексеевичи пожаловали обители Орлецкие угодия с известковым камнем, лесами и покосами. После Соловков архимандрит Иларион переведен в Спасо-Иаковлевский Ярославский монастырь, затем получил кафедру митрополита Псковского, где и скончался.

В 1689 году настоятелем стал архимандрит Фирс (Шарапов), постриженник Соловецкий, бывший до того казначеем. Он управлял монастырем 28 лет и 8 месяцев (1689—1718 гг., дольше всех в истории монастыря). Во время его настоятельства в 1692 году по благословению Патриарха Иоакима преподобный Герман, Соловецкий чудотворец, был прославлен как местночтимый святой. Дважды — в 1694 и 1702 годах — архимандрит Фирс встречал в монастыре Петра I, пользуясь расположением царя, он ходатайствовал об освобождении монастыря от многих повинностей.

20 мая 1694 года в Архангельске Петр участвовал в спуске на воду первенца русского коммерческого флота корабля «Святой Павел». А 1

июня вместе с архиепископом Афанасием на яхте «Святой Петр» они отправились в Соловецкий монастырь. По выходе из устья Двины царская яхта попала в шторм и оказалась в отчаянном положении: архиепископ Афанасий служил молебен, а Петр I исповедовался и причастился Святых Таин. Монастырский стрелец Антипа Тимофеев, опытный и искусный кормчий, решился советовать государю направить судно в Унскую губу. Лоцман твердой рукой провел яхту между двумя рядами далеко выдающихся в море камней, называемых Унские Рога. Когда в решительную минуту царь попытался давать указания по выбору курса, Антипа только отмахнулся: «Поди прочь, я лучше знаю, как здесь править!» Когда 2 июня яхта стала на якорь у Пертоминской обители, государь обратился к Антипе: «Помнишь ли, брат, как ты меня отпотчевал?» — и три раза поцеловал его. В благодарность Петр пожаловал Антипе свой измокший кафтан и назначил пожизненную пенсию[58]. Пока продолжалась непогода, государь оставался в пертоминском монастыре, сам пел на клиросе и читал Апостол. Архиепископ Афанасий и Петр произвели освидетельствование мощей Пертоминских чудотворцев Соловецких иноков Вассиана и Ионы и нашли их нетленными.

6 июня Петр вновь вышел в море и на следующий день ступил на берег Соловецкого острова[59]. В течение трех дней монарх молился, поклонялся мощам святых угодников и осматривал обитель, а потом по отправлении молебного пения и по одарении настоятеля со всей братией щедрою денежною милостынею, того ж июня 10-го дня изволил отбыть к городу Архангельску с милостивым обещанием всегда покровительствовать святой обители.

Вскоре царским указом монастырю было пожаловано из архангельских казенных складов 3000 четвертей ржи (в качестве компенсации за

[58] В память о своем спасении Петр поставил на берегу Унской губы, против стоянки яхты, полуторасаженный крест, на котором собственноручно вырезал (почему-то на голландском наречии): «Сей крест делал шкипер Петр в лето Христово 1694». По одной из версий, этот крест впоследствии сохранялся в соборном храме г. Архангельска. Исследование о судьбе петровского креста собраны в статье В.Н. Абрамовского: Ставрографический сборник. Кн. 1. М. 2001. С. 316—324.

[59] Так как прежде Петра коронованные особы не посещали Соловецкий монастырь, архимандрит Фирс с братией запрашивали владыку Афанасия: «Егда будет пришествие во обитель» царя, и «каковым чином ему великому государю сретенье учинить, и в каком облачении?» Афанасий ответил подробной инструкцией: «Егда пришествие великого государя к вам будет, и из Заяцкого острова к вам пойдет, тогда во обители учинить благовест в большой колокол, а егда приближатися учнет ко обители, тогда звонить во весь большой звон; егда же приидет на пристань монастырскую, тогда вам архимандриту со освященным собором в праздничном священном одеянии и со кресты всебратственно встретить Его Царское Величество вне монастырских святых врат, и поднесть ему к целованию святый напрестольный крест; а в церковь егда он, великий государь, приидет, тогда читать ектения и отпуст молебные, а по отпусте поднесть Его Царскому Величеству к целованию святой крест, а по целовании покропить его святой водою. Сицев чин заповедахом вам по церковному обычаю исполнити» [9, с. 251].

съеденный царскими стрельцами во время осады 1668—1676 годов монастырский хлеб). На следующий год были пожалованы 700 рублей на поновление соборного иконостаса, а вскоре приписаны Высочайшим указом к Соловецкой обители Московская Новосоловецкая и Авраамиева Чухломская пустыни со всеми принадлежавшими им землями и крестьянами. Петр не только окончательно простил Соловецкой обители противление царской власти, но в трудный момент, нуждаясь в молитвенной поддержке перед схваткой со шведами за Нотебург[60], он вторично посетил Соловки в 1702 году.

Из-за противного ветра эскадра из 13 кораблей вынуждена была встать между Анзерским, Муксалмским и Соловецким островами. На них были сооружены три «городка», которые представляли собой большие кучи земли с камнями, увенчанные деревянными поклонными крестами.

10 августа 1702 года эскадра бросила якоря у Заяцкого острова, на котором царь приказал соорудить деревянную церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного. За полтора часа до вечерни Петр с немногими приближенными прибыл в монастырь. «И вышед его царское величество на брег, помолился против монастыря и принял у архимандрита благословение; и архимандрит великаго государя целовал руку, а он великий государь — у архимандрита. Келарь не со многою братиею подошли с подносом с образом, хлебом и рыбою, и великий государь благодарил и изволил сказать: «Будем у вас», — а прочая братия все стояли по чину, вышед мало из Святых ворот. Благочестивый же государь не пошел ко вратам, но изволил идти кругом ограды монастырской на правую сторону и, обшедши, вшел Святыми вратами в монастырь. Изволил идти в соборную церковь без благовеста, и звона не было, а в соборной церкви помолился; и изволил его царское величество идти в церковь к преподобным чудотворцам и там у гробов преподобных прикладывался. Потом изволил идти в ризницу, и в оружейную казну, и в трапезу. И говорил архимандриту, что его царское величество завтра кушать будет со всеми пришедшими своими начальными людьми в трапезе. И слушал Литургию у преподобных чудотворцов, еже есть во вторник. Потом пожаловал он, великий государь, к архимандриту в келию и благоволил в тот вечер у архимандрита кушать. При нем, великом государе, в то время были боярин князь Михайло Григорьевич Ромодановской, боярин Феодор Алексеевич Головин, думной дворянин, и печатник, и учитель его, великаго государя, Никита Моисеевич Зотов, ближний стольник князь Юрий Юрьевич Трубецкой, постельничий и ближний человек Гавриил Иванович Головкин, ближние стольники Кирилл Алексеевич

[60] До 1611 года русская крепость Орешек, а после 1702-го — Шлиссельбург.

Нарышкин, князь Юрий Феодорович Шеховской, Иван Давыдович Щепотев, певчие, диак его государев Степан Иванов Беляев да резидент польской. И откушавши, великий государь изволил отъехать часу в шестом ночи на корабль, а вышеписанные бояре и ближние люди ночевали в гостинной келии.

11 августа благоволил великий государь прийти слушать Литургию без благовеста и звона, и после соборной службы братия откушали в трапезе[61]. Он же, великий государь, изволил внити в монастырь без встречи, и с ним, великим государем, благоверный государь царевич и великий князь Алексей Петрович и весь его царской синклит; служил иеромонах с диаконом, пели великаго государя певчие поскору. По Литургии слушал молебен, служил священник с диаконом, и благоволил на молебне дачу пожаловать. И отслушав молебен ради благовернаго государя царевича, изволил ходить паки в ризницу, и в оружейную палату, и в прочие службы. И благоволил великий государь в трапезе кушать, и благоверный царевич, и при нем ближние люди и начальные, а кушанье приспевали все монастырское и питие, а подчивал архимандрит, келарь и казначей и от братии первые. Он, великий государь, такожде и благоверный царевич, сидели купно с боярами и ближними людьми и, откушав, благоволил по монастырю ходить и по тюрьмам, и благоволил быть у архимандрита в келии довольно до отдачи часов, и отбыл его царское величество с благоверным царевичем на корабли ночевать.

12 августа изволил прийти в малом судне без царевича, и в гостинной келии легкое кушанье было монастырское, и, покушав, изволил ехать верхами на лошадях на кирпичные заводы со своими ближними людьми. И приехав, был паки в гостинной келии и поздно отбыл на корабль ночевать. Изволил говорить архимандриту: есть, де, мы не пойдем — будем праздновать у вас в монастыре праздник Успения Пречистыя Богородицы, и накорми, де, ты у меня служивых людей мясом, а мы, де, будем платить. Бояре же вышеписанные и ближние люди, которые в первом приходе пришли с ним, были все неотходно от монастыря в гостинной келии и ели монастырское. И в 13-й день, в четверток, с кораблей великий государь не сходил, и ему, великому государю, подносу от пищи и пития из монастыря не было, только послано было на всякой корабль по десяти хлебов да по бочке сельдей; и указал великий государь принимать благодарно и смирно служивым людям.

И в 14-й день, еже есть в пяток, пред малою вечернею изволил великий государь прийти с корабля в малом судне и был в гостинной келии,

[61] Петр заметил, что «никогда так приятно и сытно не кушивал», на что архимандрит Фирс отвечал, что это от того, что еда готовится по благословению, с молитвой, и кропится святой водой.

архимандрит с прочими был при нем, великом государе, и указал малую вечерню петь и молебен по монастырскому обыкновению; архимандрита изволил удержать у себя и благоволил кушать, и благоверный царевич с корабля в малом судне прибыл и указал благовесту быть за час до вечера ко всенощной. И изволил он, великий государь, и царевич в церковь прийти, и было всенощное пение, и великий государь с певчими стоял на правом клиросе и изволил петь, а на другом клиросе его ж, великаго государя, певчие пели. Пение все было греческаго роспеву, и канон весь пели без припевов, девятую песнь по чину пели с припевами, чтения не было. Литийную стихиру пели певчие на клиросе и славник, прочие стихиры указал на глас головщикам принять с литиею. Стояли в церкви близ западных дверей. И по доношению архимандрита изволил великий государь смотреть грамот праотеческих и отца своего, великаго государя блаженные памяти царя и великаго князя Алексея Михайловича и всея России самодержца, о чести монастыря — что архимандриту велено служить со осенением, и указал великий государь быть против прежних великих государей указов и служить во всем указал против Чудова монастыря архимандрита, а именно: служить полной архимандричьей службой против грамоты, какова дана архимандриту Илии в 1651 году. Да в прибавление к тому дано ему, архимандриту Фирсу, носить мантию со скрижалями, посох с яблоками и по нем будущим архимандритам; именной свой указ записать приказал думному дворянину и печатнику Никите Моисеевичу Зотову.

И по чину к литургии благовест был в пятом часу дни в исходе, и по указу служил архимандрит так, как его царское величество указал. Он же, великий государь, стоял и пел на правом клиросе, благочестивый царевич стоял за архимандричьим местом. И по святей Литургии изволил его царское величество идти в гостинную келию, тамо и кушал с благоверным царевичем. Приспешники были дворцовые, и пища была по его, великаго государя, указу, питие было монастырское. И откушав, изволил быть на монастыре и посетить старца Лаврентия Александровича, понеже он не выходил никуда, ниже в церковь, разве причащения ради. Бысть же великий государь во всякой радости и веселии, людие во всяком смирении, и довольствии, и во благодарении.

И в той же день Успения Пречистыя Богородицы в 9-м часу прииде к великому государю посланный с ведомостью с моря, что в кораблях идти возможно, и великий государь у гостинной келии архимандрита к ручке пожаловал, принял у него благословение и с благоверным царевичем благоволил идти в малых судах на корабли. Но в тот день идти не соизволил, но в 16-й день, в неделю, благоволил идти рано, за полчаса до дни, подняв паруса; даде Господь благополучен ветр, и к вечеру приидоша к при-

стани к соловецкому усолью Нюхче. Архимандрит же и келарь не со многими монахи, взяв образ чудотворцев и от пищи довольно ему, великому государю, и благоверному царевичу в поднос и поклонитися за милость его, поехали в карбасе на корабли к великому государю. И за противным ветром доехать не могли, и, ночевав в Заяцком, поутру благополучным ветром поехали за кораблями вслед, и приехали к великому государю на пристань. Великий же государь архимандрита и келаря принял на корабль к себе, и к ручке пожаловал, и вельми благодарил за приезд их, и велел довольно подчевать на корабле у себя боярину князю Борису Ивановичу Прозоровскому. И указал за быки выдать деньги, и вельми ему, великому государю, было угодно и пожаловал в монастырь, и велел выдать от города Архангельскаго пороху двести пуд. И отпустил архимандрита в монастырь. Архимандрит же, приехав в монастырь, не входя в келию, пел молебен со всею братиею в церкви у Преображения Господня с благовестом и звоном за его, великаго государя, и за благовернаго царевича, и за путешествующих с ними. И по том благодарении за пришествие великаго государя и за посещение вси возвеселишася, и был архимандрит на погребе со всею братиею и довольно радовались, благодаря Господа Бога за толикое благополучие. И от той Нюхоцкой пристани он, великий государь, отпустил корабли к Архангельскому городу, а сам изволил шествовать к Повенецкой пристани лесами, мхами и болотами, расстоянием от Нюхоцкой пристани сто шестьдесят верст. Где принуждены мосты были делать, и для той работы были Соловецкаго монастыря крестьяне Сумскаго острога и Кемскаго городка, все с лошадьми, и обретался у той работы до зимы. Лошади были под фурманами, а люди тянули две яхты на себе до Повенецкой пристани[62]. А с пристани на судах езером Онегом в пределы великаго Нова града, и оттуда прииде с воинством своим на град Орешек, что ныне переименован в Шлиссельбург. И Божиею помощию, а его, великаго государя, счастием град той взят[63] и победа преславная даровася на шведов» [6, л. 23 об. — 28 об.]

[62] По приказу царя два фрегата — «Курьер» и «Святой Дух» — были подняты на берег. За десять дней эти суда волоком протащили по так называемой Государевой дороге до города Повенца и спустили на воды Онежского озера. Следом за кораблями 160-верстный путь прошли Петр со свитой и сопровождавшая их гвардия. «Государева дорога» — лесная просека с гатями в болотистых местах — имела длину до 160 верст при ширине в три сажени. Была построена в великой спешке летом 1702 года крестьянами соловецких вотчин под руководством сержанта Преображенского полка Михайлы Щепотева. После 1702 года на дороге содержанием соловецких же крестьян были учреждены почтовые станции, новопроложенным трактом с Севера в Прибалтику проходили войска и провозились военные грузы. По окончании Северной войны дорога была за ненадобностью заброшена и заросла лесом. Трасса «Государевой дороги» во многом совпадает с трассой Беломоро-Балтийского канала (1931—1932 гг.).

[63] 11 октября 1702 года после двухнедельной артиллерийской бомбардировки и штурма шведский гарнизон Нотебурга капитулировал. Петр переименовал крепость, основанную в XIV веке новгородцами, в Шлиссельбург, сиречь, по-немецки, — «ключ-город». Весной следу-

Интересно, что, когда весть о царском посещении дошла до Соловецкого постриженника митрополита Игнатия Тобольского и всея Сибири, он, разделяя радость соловчан, направил им следующее послание: «Многое воздахом благодарение Богу о добром слышании вашего жительства, преподобнаго пребывания, и яко посетил вы есть Господь Бог пришествием пресветлого Монарха, и сие аз слышах, духовне увеселихся, яко не презре Господь Бог трудов преподобных отцев наших Зосимы и Савватия, и Германа, Соловецких Чудотворцов; сего ради и ваша любовь, благодарни бывайте и о своем спасении не ленитеся, не на тленное богатство и многолюдство обители надеющеся, но в тихости жительства монашеского пребывая, к горней обители друг со другом ретящеся, спасайтеся, по речению Апостольскому: ***горняя мудрствуйте, а не земная***. Понеже Ангельское житие жительствуем, да потщимся и добродетели оная Ангельския просити от Бога, и творити я, яже и небесная дарования именуются, глаголю же: пост, бдение, молитва, и внегда сия небесная дарования от Бога восприимем яве, яко Божиим укреплением, постимся бодростным же бдением в добродетелях, венчаемся Христовою благодатию дарованною же молитвою, помощию Святаго животворящаго Духа добродетели монашества действуем: и дарованием бо поста тело в чистоте сохраняется, бдением же ум наш просвещается, молитвою же ангельски Богу предстоим, славяще Его пресвятое имя, и молящеся спастися нам и избавитися вечныя муки, получити же Царство Небесное и водворение со преподобными отцы нашими Зосимою и Савватием, и Германом Соловецкими и всея вселенныя Чудотворцами» [9, ч. III, с. 237—238].

Архимандрит Фирс скончался в 1718 году в Санкт-Петербурге. Тело его по ходатайству царицы Параскевы Феодоровны, супруги царя Иоанна Алексеевича, по дозволению сената привезено в монастырь и погребено близ соборной церкви с западной стороны.

В 1720 году архимандритом Соловецкого монастыря был назначен Варсонофий, постриженник Соловецкий, из иеромонахов Александро-Невской Лавры[64]. В бытность свою настоятелем он дважды — в 1733 и 1735 годах — был членом Святейшего Синода, а в 1740 году после двухгодичной череды священнослужения при Высочайшем дворе в Санкт-Петербурге он был хиротонисан в архиепископа Архангелогородского, где и

ющего, 1703 года этим ключом отомкнули замок, запиравший устье Невы, — шведскую крепость Ниеншанц. С овладением оной Россия получила выход в Балтийское море.

16 мая 1703 года на болоте в устье Невы был повелением царя заложен город Санкт-Петербург — «северный парадиз» Петра, стоивший жизни тысячам русских крестьян и ставший впоследствии столицей Российской империи.

[64] Высочайшим указом 1715 года предписано было производить архимандритов в главные монастыри из иеромонахов Александро-Невской Лавры, в которой все монашествующие хорошо известны государю.

скончался в 1759 году. Современники характеризовали архимандрита Варсонофия как «человека умного и в приморских всех местах известного».

Его преемником на Соловках стал архимандрит Геннадий (Дроздовский), который прежде был келарем монастыря. Будучи настоятелем (1741—1761 гг.), он «соблюдал во всем строгий порядок и деятельно заботился об устройстве обители», при нем поступили в монастырь значительные вклады.

В 1761 году настоятелем стал архимандрит Досифей, переведенный из Галицкого Новоезерского Авраамиева монастыря. При нем в 1764 году у монастыря были отобраны все вотчины на материке и обитель оказалась в затруднительном положении. По обычаю, в Соловецкой обители братия и трудники всегда кормились на монастырский счет, а по отобрании имений и денег не на что стало купить припасы. Кроме того, необходимы были средства на ремонт крепости и церковных зданий. Архимандрит Досифей донес об этом Святейшему Синоду, который ходатайствовал перед коллегией экономии либо о возвращении денег, либо о выдаче особой суммы от монарших щедрот. Впоследствии средства были изысканы, и в 1777 году была выстроена новая колокольня и отлиты колокола. Архимандритом Досифеем были поставлены у мощей преподобных Зосимы и Савватия их иконы в сребропозолоченных ризах. Для нужд монастыря были построены четыре мореходные ладьи. В 1765 году по грамоте Святейшего Синода с Высочайшего утверждения Соловецкий монастырь стал ставропигиальным, а настоятели получили подтверждение своих преимуществ по священнослужению, согласно грамоте, данной Петром I архимандриту Фирсу. Архимандрит Досифей преставился ко Господу в Сумском посаде и, согласно своему завещанию, похоронен в Соловецком монастыре под приделом архангела Михаила. На плите надпись: «Досифей архимандрит, бывший настоятель Соловецкого монастыря, скончался в 1777 году. Был ревностным попечителем обо всем том, что относилось к пользе обители, и старанием своим поддержал на будущее время древнюю знаменитость сего монастыря».

После Досифея по указу Святейшего Синода в архимандриты был произведен казначей Соловецкого монастыря иеромонах Иероним (Колпаков). При нем были сделаны чертежи и отремонтирована крепостная стена, а в 1781 году воинская команда, бывшая на монастырском содержании, перешла в руки военного начальства. Архимандрит Иероним построил на свой счет мореходную ладью во имя преподобного Зосимы. В 1793 году он был по старческой немощи уволен на покой и скончался в Онежском Крестном монастыре в 1804 году.

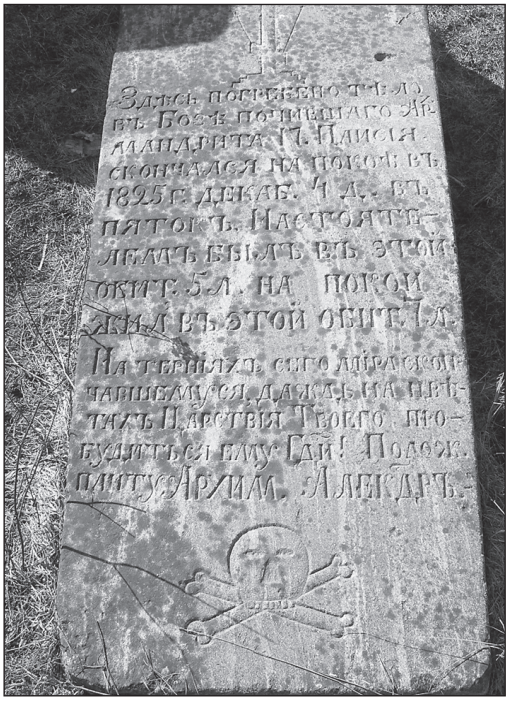
В 1793 году митрополит Новгородский Гавриил, желая обновить и укрепить иночество в России с помощью учеников знаменитого старца

Паисия (Величковского) Молдавского, решил послать настоятелем в Соловецкий монастырь близко известного ему игумена Герасима (Ионина), который был постриженником старца, а в то время исполнял должность наместника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. Архимандрит Герасим ревностно взялся за возобновление древнего общежительного Устава монастыря, то есть понуждал братию во всем подражать прежним святым отцам, которые молитвой, трудом, кротостью, смирением и нестяжанием угодили Богу и преподали последующим инокам пример. В частности, был отменен указ о разделе между братией остаточных годовых доходов. Однако введение более строгого порядка вызвало недовольство и жалобы братии. В 1796 году архимандрит Герасим был по болезни уволен от настоятельства на покой.

Его сменил архимандрит Иона, взятый из наместников Александро-Невской Лавры, а прежде был игуменом Новгородского Клопского монастыря. Он был ревностнейший строитель обители. При нем велось большое строительство и благоустройство старых построек в монастыре и скитах: в Спасо-Преображенском соборе пол был выстлан каменными плитами, выстроена на нынешнем месте церковь Святителя Филиппа, отделана из старой иконописной палаты казарма для размещения воинской стражи и арестантов, приведена к окончанию судовая верфь, отремонтированы двухэтажные каменные келии настоятельские, наместнические, ризничные, казначейские, иконописные и т.д. Добродетельный архимандрит скончался в монастыре и погребен под аркою с северной стороны Преображенского собора, при входе у лестницы в Зосимо-Савватиевскую церковь. На плите надпись: «Иона, архимандрит Соловецкого монастыря † 28 апреля 1805 года на 61 г., настоятелем был 9 лет 10 месяцев 20 дней» (1796—1805 гг.).

1.6. ДАЛЬНЕЙШЕЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО МОНАСТЫРЯ. БОМБАРДИРОВКА МОНАСТЫРЯ БРИТАНСКИМИ ПАРОХОДАМИ (6—7 ИЮЛЯ 1854 Г.). XIX ВЕК

8 сентября 1805 года настоятелем Соловецкой обители стал казначей Александро-Невской Лавры Иларион Каноникин. Он много заботился о нравственном благоустройстве обители и распорядился, чтобы все иеромонахи, иеродиаконы, монахи и послушники всегда ходили к ранней обедне и пели на клиросе или помогали в чтении Псалтири, Апостола и поучений, а также не оставляли правила вечернего, которое читается ежедневно в соборе определенными чтецами. Во время войны в 1809 году монастырь пожертвовал на государственные нужды 5000 рублей и 2 пуда серебра. В том же году архимандрит Иларион был спасен от потопления



Надгробная плита архимандрита Паисия

в море вблизи Кирилловской губы Анзерского острова молитвами преподобных Зосимы и Савватия. Скончался в монастыре и погребен слева от лестницы в Спасо-Преображенский собор. На плите надпись: «Здесь погребено тело в Бозе почившего архимандрита 16-го Илариона II (Каноникина), скончался 1813 года июня 4 дня, в среду, настоятелем был в этой обители 8 лет».

На его место был переведен из Новгородского Устюженского Моденского монастыря архимандрит Паисий II. При нем в 1814 году была выведена из монастыря воинская артиллерийская команда со всеми годными орудиями. Обитель, казалось, потеряла свое военно-стратегическое значение. Для сохранения памяти о прежних военных событиях был издан «Соловецкий летописец». Тщанием архимандрита Паисия был пристроен алтарь к церкви преподобных Зосимы и Савватия и сделана серебряная дарохранительница в эту церковь. В 1818 году архимандрит Паисий был уволен на покой. Скончался он в монастыре и был похоронен на монастырском кладбище. На плите, сохранившейся до нашего времени, надпись: «Здесь погребено тело в Бозе почившего архимандрита 17 Паисия, скончался на покое в 1825 году декабря 4 дня в пяток. Настоятелем был в этой обители 5 лет, на покое жил в этой обители 7 лет. На терниях сего мира скончавшемуся даждь на цветах Царствия Твоего пробудиться ему, Господи. Положил плиту архимандрит Александр».

Последующим настоятелям XIX века архимандритам Макарию II (1818—1825 гг.), Досифею III (1825—1836 гг.), Димитрию (1843—1852 гг.), Александру (1852—1857 гг.), Порфирию (1859—1865 гг.), Феофану (1865—1871 гг.), Мелетию (1879—1891 гг.), Варлааму (1891—1894 гг.) и Иоанникию (1895—1917 гг.), как истинным подвижникам благочестия, жизнь которых весьма поучительна, посвящены отдельные статьи в главе 3. Здесь же мы перейдем к изложению событий, связанных с чудесным избавлением Соловецкой обители от нападения англичан.

Во время Крымской войны[65], предвидя возможность нападения неприятельского флота на северные окраины государства, Николай I объявил Архангельскую губернию со 2 марта 1854 года на военном положении, однако сколько-нибудь эффективно защитить чрезвычайно протяженные морские побережья с крайне малочисленным и рассредоточенным населением не представлялось возможным: флота не было, войск не было, оружия для раздачи местному населению тоже не было.

О том, что губерния объявлена на военном положении, на Соловках узнали только 16 апреля, когда в монастырь добрался гонец из Архангельска[66]. Не особенно рассчитывая на помощь правительства, настоятель архимандрит Александр приложил все усилия, чтобы организовать оборону обители. Для поднятия духа братии и присутствовавших на острове мирян[67] архимандрит Александр, кроме положенных ежедневно канонов и молебнов начал совершать по воскресным дням за всенощным бдением акафист Сладчайшему Иисусу, а за утреней — акафист Божией Матери, к ектениям были присоединены молитвенные прошения, установленные Церковью при нашествии врагов. Настоятель стремился ободрить всех своим словом и произносил поучения, исполненные живого упования на помощь Божию. Он говорил: «Если отразим войсками, то войску и слава, а наша вера где?» Все это благотворно действовало на обитателей монастыря. Многие монахи и миряне пожелали с оружием в руках встать на защиту обители[68]. Из этих добровольцев был сформирован отряд, приданный в помощь инвалидной команде под началом прапорщика Николая Никоновича. Вместе с прибывшим из Новодвинской крепости фейерверкером Викентием Друшлевским они каждодневно

[65] Крымская война началась в октябре 1853 года, когда Россия объявила войну Турции. Великобритания и Франция, поддерживавшие Турцию и подстрекавшие ее к войне, стремились ослабить Россию, развязать себе руки на Ближнем Востоке и на Балканах, закрепиться на территории Закавказья. Наполеон III хотел также упрочения недавно провозглашенной империи.

[66] Он же привез указ Святейшего Синода об эвакуации из монастыря драгоценностей и библиотеки. В конце мая на гребном судне «Александр Невский» 26 ящиков и 4 бочки с драгоценностями и 16 ящиков с рукописными и старопечатными книгами были доставлены в Сийский монастырь. После Крымской войны эвакуированное имущество было возвращено на Соловки, библиотека же была перевезена в Казанскую Духовную академию. В 1928 году ее передали в Ленинград в Государственную публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

[67] Весной 1854 года в монастыре находилось 200 монахов, послушников и штатных служителей и 370 вольнонаемных и трудников. В монастырской тюрьме числилось 25 арестантов, которых охраняли 50 инвалидов.

[68] Отставной коллежский асессор Петр Соколов, 60-ти лет, бывший в монастыре на богомолье, по собственной инициативе взялся за приведение в оборонительное состояние монастырских укреплений. Послушник, отставной лейб-гвардии унтер-офицер Николай Крылов, сам попросил зачислить его во вторичную службу в соловецкую команду. Так же поступили отставной гренадер Петр Сергеев и многие другие.

проводили обучение инвалидов и добровольцев приемам штыкового боя и меткости стрельбы.

Патриотизм был высочайший, но не хватало оружия. В монастыре имелось всего 20 пушек, отлитых еще во времена Ивана Грозного и Петра I, — только две из них, трехфунтового калибра[69], годились в дело. В Арсенальной (Успенской) башне хранилось: 4 пищали, 2 мортиры, 645 ружей, 20 самострелов, 12 пистолетов, 1 карабин, 40 шпаг, 381 пика, 648 бердышей и один меч. Все это представляло собой в большей степени музейный, чем боевой интерес. Однако устаревшее, поломанное, ветхое оружие ремонтировали и подновляли в монастырской кузнице и раздавали желающим — лучшего не было. К счастью, 16 мая на остров были доставлены из Новодвинской крепости еще восемь пушек шестифунтового калибра с запасом боевых снарядов — по 60 штук на орудие. 10 имевшихся пушек расставили так: две в Корожной башне, две — в Прядильной, четыре — в различных местах по западной стене, еще две составили передвижную батарею на Сельдяном мысу.

26 мая 1854 года фейерверкер В. Друшлевский рапортовал военному губернатору: «Вооружение соловецкой батареи окончено 25 числа сего месяца». Неделю спустя в воды Белого моря вошла соединенная англо-французская эскадра под командованием капитана королевского флота Эрасмуса Омманея[70]. 14 июня корабли союзников бросили якоря у Двинского Бара[71], в 50 верстах от Архангельска.

22 июня союзники попытались высадиться на остров Мудьюг, но были с потерями отброшены командой лейтенанта Тверитинова. Потерпев неудачу в первом столкновении с подразделением регулярного войска, союзники нашли себе более безопасное и доходное занятие — грабеж торговых и промысловых судов. В течение недели было захвачено, разграблено и затоплено (или сожжено) около двух десятков лодей, направлявшихся в Архангельск. В очень скором времени пиратские нападения на суда и прибрежные поселения совершались уже по всей акватории Белого моря.

За десять дней до нашествия англичан, отслужив соборне воскресную литургию, архимандрит Александр произнес краткое слово для поднятия духа братии, внушая ей «не скорбеть о том, что мала, по-видимо-

[69] Калибр в эпоху гладкоствольной артиллерии выражался весом ядер (сферических сплошных снарядов) — каменных, а впоследствии чугунных, — соответствовавших диаметру канала. Так, четырехфунтовая пушка имела внутренний диаметр ствола ок. 85,6 мм.

[70] Эскадра состояла из десяти боевых кораблей: трех пароходов, трех парусных фрегатов, одного брига, одной шхуны и двух парусных тендеров.

[71] Двинским Баром называлась отмель поперек устья Северной Двины, совершенно непреодолимая из-за малых глубин для крупных военных кораблей.

Архимандрит Александр. Лит., 1855 г.

му, защита к предстоявшей обороне от сильнаго врага, но твердо уповать на Господа и Пречистую Его Матерь и преподобных основателей, Зосиму и Савватия, ибо сам Господь заступлением их покажет такое чудо над обителью, какого дотоле там не видали» [26, с. 55].

6 июля пароходо-фрегаты «Бриск» и «Миранда» приблизились к Соловецкому монастырю. Как только вражеские корабли показались в виду обители, колокольный звон призвал братию и мирян на молебен. «Иноки собрались в храм преподобных Зосимы и Савватия, начался молебен перед ракой с мощами Соловецких угодников. В конце молебна прибыл в монастырь архимандрит Александр. Непокровенный, в одной дорожной рясе, преклонив колена и воздев руки к образу Божией Матери, он дрожащим голосом воззвал: «Царица Небесная! Ты защити обитель нашу и спаси нас; грехи наши навлекли на нас лютое испытание; но Ты, Премилосердная, отврати его и умоли Сына Твоего, Бога нашего, избавить нас от бед!..» Затем был совершен крестный ход по крепостным стенам, по окончании которого архимандрит Александр объявил трехдневный пост. Все были настроены решительно: или погибнуть, защищая святую землю, или победить.

Между тем на одном из фрегатов были подняты сигнальные флаги. Монастырь не реагировал. Тогда англичане произвели три выстрела. Батарея на Сельдяном мысу ответила залпом. Завязалась артиллерийская перестрелка, в ходе которой «Миранда» получила пробоину и вынуждена была, прекратив огонь, отойти к мысу лабиринтов для ремонта.

На следующий день в пять часов утра в гавани Благополучия отшвартовалось британское гребное судно под белым флагом. В катере сидел парламентёр, доставивший пакет с маловразумительной надписью на русском: «По делам ее великобританского величества. Его высокоблагородию главному офицеру по военной части соловецкой». Вскрыв пакет, архимандрит Александр обнаружил в нем послание Э. Омманея, который выражал крайнее неудовольствие по поводу того, что давеча монастыр-

ские бомбардиры «палили на английский флаг». Далее шел ультиматум. Англичане требовали:

1) «Безусловной уступки целого гарнизона, находящегося на острове Соловецком, вместе со всеми пушками, оружием, флагами и военными припасами.
2) В случае какого-нибудь нападения на парламентарный флаг, с которым эта бумага передана, немедленно последует бомбардирование монастыря.
3) Если комендант гарнизона не передаст сам свою шпагу на военном пароходе ея Великобританского величества «Бриск» не позднее как через три часа после получения этой бумаги, то будет понятно, что эти кондиции не приняты, и в таком случае бомбардирование монастыря должно немедленно последовать.
4) Весь гарнизон со всем оружием должен сдаваться как военнопленные на острове Песий в Соловецкой бухте не позже, как через шесть часов после получения этой бумаги».

Совместными усилиями Александра и соборных старцев вкупе с начальником инвалидной команды был сочинен достойный ответ, который незамедлительно передали английскому офицеру:

«Гарнизона солдат Его Императорского Величества монастырь не имеет... и сдавать гарнизона, за неимением оного, нечего, и флагов, и оружия, и прочего не имеется.

Нападения со стороны монастыря на парламентарный флаг не могло последовать и не сделано, а принята посланная депеша в тишине.

Коменданта гарнизона в Соловецком монастыре никогда не было и теперь нет, и солдаты находятся только для сохранения монашествующих и жителей.

Так как в монастыре гарнизона нет, а только охраняющие солдаты, упоминаемые в 3-м пункте, то и сдаваться, как военнопленным, некому».

И подписали: «Соловецкий монастырь».

В 7 часов 45 минут утра Э. Омманей дал команду начать бомбардировку монастыря. Она продолжалась более 9 часов.

Англичане имели подавляющее преимущество в вооружении: 120 артиллерийских стволов против 10 монастырских пушек. Несопоставимы были калибры орудий: на обитель сыпались 3-пудовые, 69-, 36- и 24-фунтовые ядра, бомбы и гранаты, картечь. В ответ летели 3- и 6-фунтовые ядра, пули засевших в прибрежных кустах стрелков.

Не располагая силами для высадки десанта, несомненно, осознавая всю бесперспективность подобного предприятия, Э. Омманей, видимо, надеялся, что мощная корабельная артиллерия, произведя в монастыре

достаточные разрушения и устрашив защитников обители, заставит их поднять белый флаг. Этого, однако, не произошло.

Вражеские снаряды отскакивали от стен строений, не причиняя им существенного вреда[72]. Начинавшиеся пожары тут же «легко тушили накидкою войлоков, смоченных водой, и малыми брандспойтами, расставленными по крепостной стене».

Стойко и мужественно держались защитники монастыря, ни на минуту не прекращая огня. Особенно отважно сражалась береговая батарея под командованием унтер-офицеров Пономарева и Николаева. С полудня, когда фрегаты приблизились к монастырю, в дело вступили восемь 6-фунтовых пушек, установленных на западной стене. Здесь распоряжались Н. Никонович и В. Друшлевский. Из стрелков, рассредоточенных вдоль береговой линии — на случай попыток высадить с фрегатов десант — и обстреливавших неприятеля из ружей, «отменно показали свое мужество» отставной лейб-гвардии унтер-офицер Николай Крылов, рядовые Тимофей Антонов и Терентий Рагозин, норвежский мещанин Андрей Гардер[73], сосланные в монастырский острог бывший студент Киевского университета Егор Андрузский и бывший придворный певчий Алексей Орловский и многие другие.

Во все продолжение канонады не оставалась без дела и братия: монахи во главе с архимандритом Александром. Иноки прибегли к духовному оружию: было решено идти под пальбою в полном составе крестным ходом по стенам кругом всего монастыря. Двинулись, воспевая молитвы Богородице. В самом опасном месте (на юго-западном прясле стены), как раз против пароходов, архимандрит, стоя на помосте, осенял народ крестом и чудотворной Смоленской иконой Божией Матери. Ядра, прежде ударявшиеся в крышу по стене, теперь пролетали над головами, не причиняя гибели. Едва сошли с помоста, как два двухпудовых ядра сорвали его со страшным треском, не ранив, однако, никого. Когда спустились со стены около Благовещенской церкви, чтобы возвратиться в собор, увидели, что дорожку, по которой надо было идти, так обильно осыпает градом ядер и бомб, что они прыгают по каменным плитам. Крестный ход дрогнул, но архимандрит Александр с иконой двинулся вперед, говоря:

[72] 10 июля 1854 года в донесении Святейшему Синоду настоятель писал: «Все бесчеловечные усилия неприятеля, клонившиеся к тому, чтобы совершенно нанести разрушение ей (обители) своими страшными снарядами, остались посрамленными и пристыженными». Наиболее серьезно пострадала Архангельская гостиница, насквозь продырявленная ядрами; Онуфриевская кладбищенская церковь (пробита стена); Никольская церковь (проломлен купол). В целом же повреждения были столь незначительными, что Александр обещал Синоду исправить их в течение нескольких часов.

[73] Сей норвежец, случайно оказавшийся на Соловках, по свидетельству архим. Александра, «удивительно смелое производил стреляние в судно неприятеля». Впоследствии А. Гардер перешел в Православие.

Благодарственный молебен перед пораненной иконой «Знамение» Пречистой Богородицы. Лит., 1855 г.

«Идите, идите». И тут совершилась необыкновенная перемена: когда пошли по этой дорожке, ядра стали перелетать через головы, не задевая никого.

Отчаявшись сломить волю защитников обители, Э. Омманей приказал прекратить огонь. В 5 часов вечера со свистом пролетело поверх стены последнее ядро и ударило поверх лика иконы «Знамение» Пресвятой Богородицы. Она написана была древней кистью во времена Святителя Филиппа и поставлена над западными вратами при входе в Преображенский собор. Сию рану благоволила принять за обитель Царица Небесная, как и Сын Её за весь мир. И самый лик на иконе после сильного потрясения как будто сделался бледным из темного. И наступила тишина. «Бриск» и «Миранда» стали на якорь. В обители служили всенощное бдение в память иконы Божией Матери «Казанская». С умилением пели акафист Заступнице и Взбранной Воеводе православных христиан. В три часа утра началась Божественная Литургия. Настоятель служил сам, без отличий, как простой иеромонах. В ожидании продолжения пальбы все до единого сделались причастниками Святых Таин, а после Литургии служили молебен у рак преподобных и совершили крестный ход по стенам, как и накануне. Во время крестного хода внезапно, к общему удивлению, фрегаты, разведя пары, снялись с места и покинули Соловецкие

острова[74]. Тут же на дворе, перед пораненной иконой «Знамение» Пречистой Богородицы, начали служить благодарственный молебен. Сам настоятель на коленях читал акафист, и все плакали от избытка чувств.

Архимандрит рапортовал военному губернатору: «Враг вынужден был удалиться от нас без исполнения своего намерения». В монастыре убитых нет, раненых нет, повреждения — самые незначительные. Бомб и ядер по монастырю выпущено около 1800 штук[75].

Обитель, докладывал позднее архимандрит Александр в Святейший Синод, спасена «великим ходатайством и заступничеством перед Богом Соловецких Чудотворцев». Это обстоятельство, по убеждению архимандрита, достойно было увековечения в памяти потомков.

Уже летом 1854 года в центральном дворике устроена была на каменном фундаменте «решетчатая деревянная ограда, окрашенная масляной краской, в коей помещены собранные неприятельские ядра и черепки разбившихся бомб»[76]. Рядом поставлены две трехфунтовые чугунные пушки, которые были в действии против англичан. На стенах крепости, собора, келейных корпусов места попадания вражеских снарядов были обозначенными черными, наведенными масляной краской, кругами, которые до сих пор можно видеть на южной стене Святительского корпуса. По сторонам западного крыльца соборной паперти, над которым помещалась икона Божией Матери «Знамение», уязвленная британским ядром[77], укрепили гранитные доски со следующими надписями.

---

[74] Потерпев конфузию под стенами монастыря, англичане разграбили церковь святого апостола Андрея на Заяцком острове; 8 июля напали на деревню Лямца (в 65 верстах от г. Онеги), где застрелили двух быков, восемь баранов и несколько кур; 9 июля разбойничали на Кий-острове, где сожгли здание Онежской портовой таможни и еще несколько домов, а потом ограбили Крестный монастырь; 11 июля сожгли село Пушлахту, жители которого оказали врагу сопротивление, убив пятерых матросов и нескольких ранив; 20 июля высадились в Кандалакше, где реквизировали у местных жителей все молоко и яйца, три пуда семги, прочую провизию, повыдергали на огородах репу; в тот же день в селе Кереть спалили амбар крестьянина Старикова, винный подвал и соляной склад; 22 июля в селе Ковда утащили два колокола, взамен оставили один, тоже краденый, реквизировали 40 овец, 35 кур, разный сельскохозяйственный инвентарь, деньги из церковной кружки и выручку винной лавки. В конце навигации была разорена Кола.

[75] Это много. Для сравнения: во время великой и шумной Полтавской баталии, учиненной Петром I и Карлом XII 27 июня 1709 года, русская артиллерия выпустила 1471 снаряд (у шведов пушек при себе не оказалось).

[76] В 1858 году, при сооружении Царской колокольни, ядра и осколки были сложены в виде пирамиды под колоколом «Благовестником».

[77] Это было последнее 96-фунтовое ядро, выпущенное англичанами 7 июля. Едва икона приняла означенное узвление, как канонада стихла. На следующее лето, а именно 10 июля 1855 года, малярный старец Григорий да послушник Василий Чудинов, осматривая крышу Спасо-Преображенского собора на предмет ремонта, обнаружили за иконой неразорвавшуюся гранату 26-фунтового калибра. Граната была вполне исправна и, если бы разорвалась, «то могла бы разрушить икону и всю стену храма». Однако этого не случилось, что являло «бывшее великое заступление Царицы Небесной о Соловецкой обители, не допустившей причинить пагубу оной гранатою».

Надпись на гранитной плите к югу от входа на паперть Спасо-Преображенского собора: «Сию едину рану сотвориша в Богоспасаемой обители сей корабли англов, иже нападаху на ны в лето от создания мира 7362, от воплощения же Бога Слова 1854, в 6 и 7 дни месяца иулия. Се бысть последнее оружие их прелетевшее сверху стен обители и приразися к честней иконе, егда начат петися вечернее бдение празднества Пресвятыя Богородицы честныя иконы Ея Казанския. Вемы, Владычице, яко язвою Твоею от язв спасохомся, и сего ради со слезами припадаем к честней иконе Твоей, от нечестия врагов пострадавшей, лобызающе и взывающе: Пробави (продли), Владычице, милость Твою на ны и на всю Землю Русскую, и споборствуй Благочестивейшему Государю нашему Императору Николаю Павловичу на языки брани хотящему, омраченная же сердца врагов наших просвети и обрати, мир умири молитвами Твоими. 1854. АА[78]. Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою».

Надпись на гранитной плите к северу от входа на паперть Спасо-Преображенского собора: «И другую рану благоволила Матерь Божия принять за спасение всех и на сей Свой образ при бомбардировании обители англичанами Июля 7 дня, 1854 года, по прошествии почти годичного времени, Июля 12 дня, 1855 года — найдена за сим образом чугунная граната 36-фунтового калибра с механическою трубкою и двумя фунтами пороху, которая, влетевши с левой стороны под крышу, приразилась к задней стороне к подножию образа и здесь остановилась без разрыва, обозначив свое приражение и на лицевой стороне отпадением красок и штукатурки. О Пресвятая Дево, Мати Божия! Видеша очи наши Твою помощь и заступление, язвами бо Твоими спасохомся недостойнии от обышедших ны видемых зол и бед; молим Тя, крепким Твоим воеводством побори и победи невидимые полки сатанины, непрестанно нападающие на ны, исхити и свободи от порабощения их и непреступны и страшны нас тем покажи. На Тебе, Богородице, надеемся, Тобою хвалимся и Тебе поем песнь Аллилуиа».

При входе в Сухой док установили обелиски (на одном из них также имеется приличествующая надпись[79]). В Макариевской пустыни (на Хуторе Горка) была выстроена и освящена часовня во имя Св. Благовер-

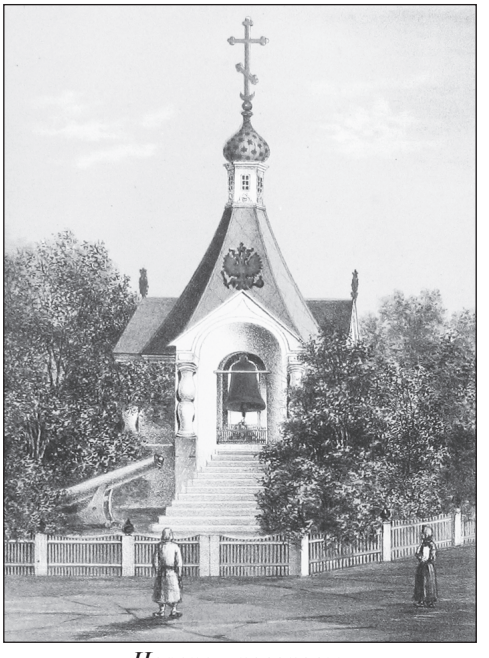
[78] Архимандрит Александр.

[79] Обелиски при входе в Сухой док имеют в основании постаменты прямоугольной формы. На постаментах — усеченные пирамиды, ранее венчавшиеся крестами. На обелисках имеются надписи:

— на северном: «Гавань сия начата строить по дозволению Святейшего Правительствующего Синода при архимандрите Димитрии с братиею в апреле 1843 года, а окончена работа 1846 года сентября 26 числа» (надпись сделана на западной стороне постамента). Обелиск установлен во второй половине XIX века;

— на южном: «Главнокомандующий эскадрою в Белом море Английского флота капитан Эрасмус Омманей учинил нападение на Соловецкую обитель на 2-х фрегатах Бриск и Миран-

ного Князя Александра Невского (Александр Невский — покровитель русских воинов и самого архимандрита Александра). На берегу Кислой губы, в трех верстах от монастыря, где в июне 1855 года архимандрит Александр вел переговоры с англичанами, по его благословению был установлен знаменитый Переговорный камень.



Царская колокольня.
Лит. В. Черепанова, 1884 г.

Поездка архимандрита Александра в Санкт-Петербург в октябре 1854 года, а затем в Киев, публикации в центральной прессе («Москвитянин» М. Погодина, «Русский художественный листок» В. Тимма, газета «Русский инвалид» и др.), а вскоре и книги, и молва народная, и песни, — все это способствовало распространению известий о посрамлении зверосердечных неприятелей под стенами островной обители к вящему ее прославлению по всей Руси.

В 1862—1863 годах справа от дороги, ведущей от Спасо-Преображенского собора к Святым вратам, была построена царская колокольня, не сохранившаяся до настоящего времени. Она представляла собой крытый листовым железом шатер на четырех столбах. Столбы стояли на гранитном постаменте. Шатер венчался восьмигранным глухим барабаном и главкой с крестом. Высота до креста — около 7 метров. В колокольне был подвешен 72-пудовый колокол, дарованный Императором Александром

да в 1854 году июля 6 и 7 числ, перед тем требовал сдачи монастыря и команды. Настоятель архим. Александр отказался исполнить требование неприятеля. Июля 6-го в 5 часов пополудни бомбардировал с одного парохода с западной стороны час. 7-го июля открыл канонаду с 8 часов утра с обоих пароходов ядрами и бомбами 36- и 96-фунтовыми и палил с юга через это место без умолку 9 часов, во 2 часу один пароход отделился за Песий остров и стрелял с западной стороны до Благовеста вечернего. Несмотря на десятичасовое в оба дня бомбардирование монастыря убитых и раненых не было не только людей, бывших в крестном ходу вокруг монастыря и по послушаниям, но и малых чаек, во дворе между коими падали ядра. Только деревянная гостиница Архангельская была как решето избита навылет каменными ядрами, но возгорания не было нигде. О! Вера Святая наша Вера! О! Великое ходатайство и заступление пред Богом Соловецких Чудотворцев о своей обители. Господь допустил напасть на монастырь, да являются дела Божии на нем, Россия узрела дивное милосердие Божие и чудный Покров от Знамения Пресвятыя Богородицы, Царству Русскому. С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог, услышите до последних земли, яко с нами Бог. Аминь. Видеша вси концы земли спасение Бога нашего, яко дивная сотвори Господь».

Колокол «Благовестник».
Фото нач. XXI в.
Царская колокольня.
Фото Прокудина-Горского 1915 г.

II в память о войне 1854 года и отлитый в 1859 году на заводе Чарышникова в Ярославле. Под колоколом на чугунном постаменте в виде пирамиды были выложены чугунные ядра и бомбы, собранные в обители и вокруг нее в 1854 году после бомбардировки монастыря англичанами. Близ пирамид стояли две маленькие пушки, которые были в действии против англичан. Ничего из этого не сохранилось. Сам же колокол «Благовестник» ныне находится почти на первоначальном месте у восточного фасада Настоятельского корпуса. Колокол венчается «Державой»[80], покоящейся на четырёхскатной крыше, которую поддерживают восемь проушин. Верхняя часть колокола украшена двумя декоративными поясками колокольчиков, под которыми в широком поясе изображены: икона Божией Матери «Знамение», поверх лика Коей означено пролетевшее неприятельское ядро; справа от Неё и далее по часовой стрелке: преподобный Зосима, преподобный Герман, преподобный Иринарх, святейший Никон Патриарх (единственное сохранившееся его изображение как местно чтимого Соловецкого святого с нимбом), Святитель Николай, Преображение Господне, святый Благоверный Князь Александр Невский, Святитель Филипп, преподобный Иисус Анзерский[81], преподобный Елеазар Анзерский, преподобный Савватий. Изображения небесных заступни-

[80] Сфера с крестом — знак царской власти.

[81] Он же упоминается и как преподобный Иов Анзерский (в схиме Иисус). В XIX веке считался местно чтимым Соловецким святым, а в 2000 году после обретения его нетленных мощей (11 июня 2000 г.) прославлен общероссийским прославлением.

ков Соловецкого монастыря разделены изображениями херувимов. В средней части колокола изображен вид Соловецкой обители с фрегатами на море, бомбардировавшими её. По сторонам два клейма с надписями: 1) «Дарован сей колокол Благочестивейшим Государем Императором Александром Николаевичем в Богохранимую Соловецкую обитель. 2) В лето от Р.Х. 1856, повелением Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича отлит бысть сей колокол из бронзовых украшений, бывших в Санкт-Петербургском Петропавловском соборе при погребении тела в Бозе почившаго Императора Николая I». В пространной надписи (с противоположной стороны от изображения обстрела) излагается вся история чудесного избавления от англичан: «Дивен Бог во святых своих. Лета 1854, июля в день 6-й, при настоятеле архимандрите Александре, два английские паровые 60-пушечные фрегаты «Бриск» и «Миранда» подошли к Соловецкой обители, и один из них сделал несколько выстрелов по монастырю ядрами, после которых из двух монастырских шестифунтовых пушек отвечали так удачно, что повредили фрегат и заставили удалиться. На другой день 7 июля, после отказа сдать монастырь и отдаться военнопленными, оба фрегата 9 часов безпрерывно бомбардировали бомбами, гранатами, картечью, даже трехпудовыми каленными ядрами, и, несмотря на то, заступлением угодников Божиих, обитель осталась цела. До начала и во все время бомбардирования шла служба и был крестный ход, во всем церковном благолепии, по стенам вокруг всей обители; когда поднялся ход на стену, во время пения «дерзайте убо, дерзайте людие Божии», усилились неприятельские выстрелы, дрожали монастырские стены, затрещала на них деревянная крыша, огненные шары насквозь ея прорывали и с потрясающим шумом неслись над главами шествующих; ядра или падали на землю, ударяясь в стену братских келий, или, пролетая насквозь келии, все в них разрушали; смерть была на волос от каждого, и — о, чудо явное! — во все время ни один человек не только не убит, но и не ранен, даже из бывших на монастырском дворе птенцов чаек ни один не убит; в довершение, ядро последнего вражеского выстрела пролетело насквозь соборной стены над западными вратами, поверх лика иконы Божией Матери «Знамение», благоволившей принять сию рану за обитель, как и сын Ея за весь мир. После сего выстрела все прекратилось, на другой день враги со стыдом удалились. По отзыву самих врагов, от количества брошенных снарядов могли быть разрушены не только малая, безоружная обитель, но шесть больших городов, что и сами они сознали явным чудесным покровительством Божиим». Кругом колокола внизу надпись: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящие Его».

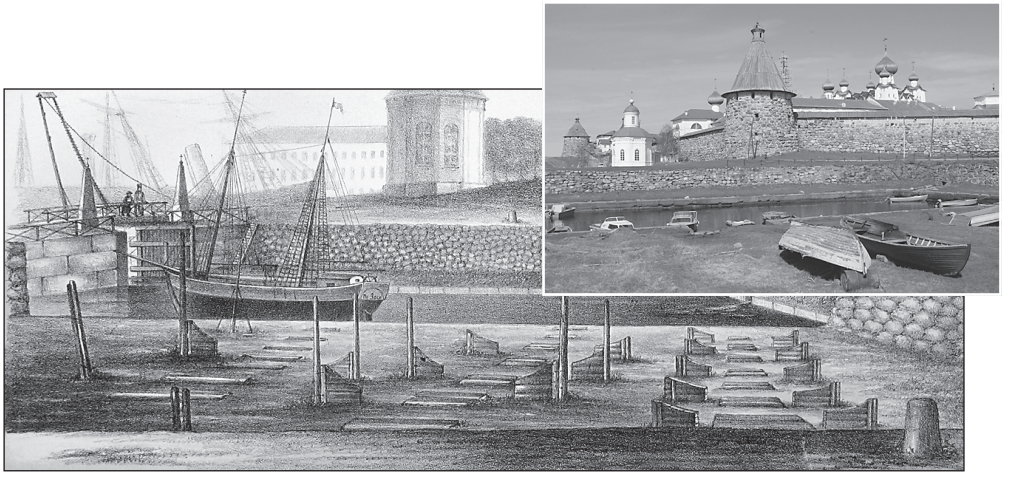
В конце XIX века в южной части центрального дворика перед Святительским корпусом была построена деревянная Знаменская часовня. В часовне хранился список иконы Божией Матери «Знамение», пробитой английским ядром в 1854 году. Часовня ныне не сохранилась.

Спасенный заступничеством Богородицы и предстательством Чудотворцев монастырь — что могло быть привлекательнее для русского паломника? Сам Государь Александр II не преминул удостоить своим Высочайшим посещением столь славное и святое место. Поток богомольцев за тридцать лет вырос более чем в полтора раза: с 7—8 тысяч в середине века до 12 тысяч в 1880-е годы (а в иные годы и по 15 тысяч приезжало).

Ехали «к Соловецким» за отпущением грехов, из любопытства, из подражания, но больше всего — помолиться у рак преподобных, испросить милости у Спасителя (на святой земле, покровительствуемой Чудотворцами, молитва лучше и быстрее доходит до Бога, более действенна, чем где бы то ни было), пожертвовать деньгами ли, трудами своими — зачтется.

Рост паломничества был сопряжен с ростом доходов: в 1880-е годы каждый богомолец, по подсчетам П. Федорова, оставлял в монастыре в среднем по 9 рублей 52 копейки в виде кружечных и кошельковых сборов, платы за свечи, за поминовения, за молебны и панихиды, за проезд, за просфоры, за покупки в монастырских лавках. Пожертвования трехдневных богомольцев и труды богомольцев-годовиков (трудников) в дополнение к трудам братии составляли экономическую основу монастыря.

Монастырские пароходы. Фото нач. XX в.



Док. Лит. Черепанова, 1884 г. Фото нач. XXI в.

Паломники (а в массе своей это крестьяне северных губерний) собирались на монастырских подворьях в Сумпосаде, Онеге, Кеми, Архангельске, а оттуда на монастырских судах добирались до Соловков. Плавание на лодьях — под парусом или на веслах, — не приспособленных для перевозки людей и набивавшихся паломниками до отказа, было делом утомительным и опасным. А такое плавание могло при безветрии или при противном ветре продолжаться неделями, и люди в душном переполненном трюме испытывали невероятные мучения.

Дабы улучшить пассажирское и грузовое сообщение с материком, архимандрит Порфирий с согласия братии в 1861 году купил у архангельского купца В. Брандта за 13 тысяч рублей пароход «Волга» с машиной мощностью 45 л.с., построенный в 1844 году в Англии. Своими силами пароход отремонтировали в Сухом доке, переоборудовали в пассажирский и назвали «Вера». В навигацию 1862 года «Вера» уже ходила между Соловками и Архангельском к пущему удовольствию паломников. Так было положено начало Соловецкому пароходству.

На первом плане электростанция. Фото Проскудина-Горского 1915 г.

О предприимчивости монастырского начальства паломник XIX века В.И. Немирович-Дан-

ченко пишет: «За что они ни возьмутся, все у них выходит удачно, все ведется со знанием дела, упорно, неотступно, пока полный успех не увенчает их усилий» [3, с. 146]. Иеромонахи трудились больше всех (эта традиция сохраняется до сих пор). «Тут вообще не отличишь монаха от чернорабочего. Они также возятся с киркой, ломом, косой, снастью, глиной, как и другие. Понятно, что пример их имел громадное влияние на богомольца» [3, с. 163]. Особенно настойчив в обустройстве хозяйства и улучшении быта был архимандрит Иоанникий. В годы его настоятельства (1895—1917 гг.) произведена реконструкция водяной мельницы, в 1912 году на канале «Вешняк» устроена одна из первых в России гидроэлектростанций, заведена своя радиостанция, проложена на острове система судоходных каналов, сделано многое другое, всего не счесть.

И все это действовало: мололо зерно, пилило лес, давало свет, перевозило пассажиров, пропускало паровые катера с баржами (на баржах — лес, камень, сено), связывало с большой землей... Все приносило пользу. И еще — радовало глаз и поражало воображение путешественника.

1.7. РИЗНИЦА И БИБЛИОТЕКА

О помещении для ризницы известно, что в 1602 году для нее было сооружено специальное двухэтажное каменное здание. Внизу хранилось ручное оружие, а в сводчатой палате наверху — облачения, церковная утварь и драгоценности. Со временем ризница уже не вмещала всех накоплений, тогда под Никольской церковью была построена новая, с отдельной библиотекой. Помещение второго этажа в 1797 году было рас-

Ризница. Фото кон. XIX в.

Деревянный потир, сделанный при преподобном Зосиме.
Альбом ризницы Соловецкого монастыря, 1886 г.

ширено за счет объединения с библиотекой, и драгоценности, древние книги, документы хранились в одном месте. Затем в 1831 году к ризнице под церковью пристроили новую палату (445 квадратных метров). По стенам залы установили застекленные деревянные шкафы с бесценными коллекциями.

Сокровища ризницы, описанные в прежних путеводителях, поражают воображение. К числу древнейших, упомянутых в описи 1514 года, относились: небольшой зазвонный каменный колокол и деревянный потир, сделанные при преподобном Зосиме, резной крест из моржового клыка, железное клепало. Щедро жаловал деньги и вещи Иван IV: часы, кресты, меха, драгоценные ткани, тысячу рублей и «немало серебряной утвари» (1557 г.), один из золоченых серебряных кубков весил более восьми килограммов. По его заказу в 1562 году в мастерских Кремля изготовили для передачи Соловкам напрестольный золотой крест во здравие царевичей Ивана и Федора. Тысячу сто рублей «в поминовение» замученных новгородцев поступило в 1584 году. Среди подарков царей Романовых поступали церковные облачения, шитые из аксамита, парчи, бархата, атласа. Пожертвования и вклады текли со всей Руси, а поминовения вкладчиков в ризницу и монастырскую казну совершалось круглосуточно в церкви Благовещения. Были вклады необычные, например, переданные в 1647 году князем С. Прозоровским: сабля Пожарского (пожалованная на упокой души) и палаш Скопина-Шуйского, оправленные в серебро с золочением, жемчугом, бирюзою. Сохранилась серебряная кружка соловецкого старца Стефана, бывшего казанского царя Симеона Бекбулатовича. Также кружка с крышкой, выполненная в 1774 году холмогорским косторезом О.Х. Дудиным. Кружки украшены шестью круглыми медаль-

Фелонь преподобного Зосимы. Фото 1886 г.

онами с портретами от Петра I до Екатерины II среди причудливых завитков с мелкими цветочками и сквозной резьбой. Остаток дней своих мастер провел в Соловецком монастыре, где скончался около 1785 года, оставив там свою замечательную библиотеку. Книги собирал еще его отец, и с ними был знаком юный Ломоносов.

В ризнице хранились драгоценные облачения: фелони с оплечьями из жемчуга и драгоценных камней. Однако верующее сердце более трепетало при виде простой ризы белого полотна с оплечием из шелковой материи, данной преосвященным Ионою, архиепископом Новгородским, преподобному Зосиме при поставлении его игуменом. «Да Филипп же игумен сыскал Зосимины ризы, в коих сам служил, да вычинил, да и подписал на них, кое на чудотворцовы памяти игумены сами служат в них, и учинил их первыми ризами», — пишет летописец [6, л. 5]. Сохранилась также риза Святителя Филиппа камчатной двуличной материи с черным, шитым золотом оплечием.

Кроме вещевых коллекций в ризнице хранилось более пятисот ценных документов, связанных с историей монастыря (в их числе 58 — на пергаменте): жалованные грамоты Ивана III, 7 грамот — Ивана IV, 13 — царя Федора, 4 — Бориса Годунова, 9 — Василия Шуйского, царей Михаила и Алексея — 151, Петра Первого — 61, грамот митрополитов и патриархов — 186.

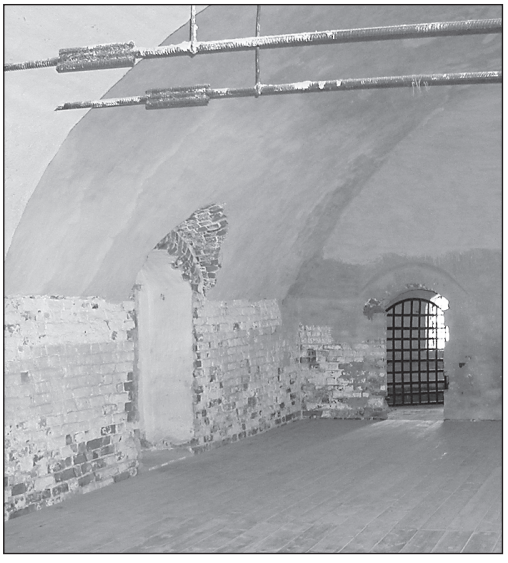
Ризница обычно посещалась богомольцами после дневной трапезы в сопровождении ризничего монаха и оставалась открытой до двух часов пополудни. По замечанию П.Ф. Федорова, внимание простых людей более всего привлекали вериги и железные пояса подвижников. Паломники желали даже надеть их на себя, чтобы хоть на минуту испытать то иго, которое терпеливо, во имя Бога, подвижники носили годами. «Старичок-крестьянин примеряет железный пояс, пояс не сходится: «В прошлом году больше не сходился; нужно ещё попоститься, помолиться да посбавить грехов, авось-либо и сойдется». За стариком молодая женщина надевает тот же пояс, без всякаго труда застегивает его, с чувством делает

три земных поклона и затем молчаливо уходит. Многие берут вериги только в руки, желая определить их тяжесть и делая такие замечания: «Да, брат, вот люди-то как спасались» [31, с. 68]. Но настали иные времена.

19 мая 1922 года, как только открылась навигация, на Соловки прибыла комиссия по изъятию церковных ценностей в Помгол. Изъятые вещи передавались в комиссию по обезличению и сортировке ценностей, которая превращала церковные реликвии и предметы искусства в лом драгоценных металлов. Видя это, представители Главмузея 24 мая направили в Москву отчаянную телеграмму: «Предметы XVI—XVII века не признаются даже спорно. Ликвидируются. Мошков. Адамсон». В ответ на нее из Москвы выехала группа экспертов Главмузея, в которую входили Н.Н. Померанцев, П.Д. Барановский и А.В. Лядов. Прибыв на Соловки 27 мая, эксперты застали уже скомплектованные, но не запечатанные ящики с изъятыми ценностями. «Ризница, считавшаяся одним из лучших музейных собраний, оказалась вся изъятой, за исключением произведений, не имевших большой материальной стоимости... Многие иконы найдены в полуразрушенном состоянии... У иконы митрополита Филиппа, имеющей большое историческое и художественное значение для Соловков, снят чеканный венец XVII века... Кирками оборвана басма на местной иконе “Предста Царица”», — констатировал в отчёте Н.Н. Померанцев. Эксперты Главмузея характеризовали работу комиссии Помгола как акт вандализма по отношению к существующему исключительному по своей цельности и значению музею древнерусского искусства и культуры, каковым являются бывший Соловецкий монастырь. Они настаивали на пересмотре ценностей, но получили категорический отказ. Удалось добиться только распоряжения ВЦИК о вывозе в Москву в Оружейную палату всех изъятых на Соловках музейных ценностей. Благодаря упорству сотрудников Главмузея, и прежде всего Н.Н. Померанцева, 1 декабря 1922 года в Оружейную палату поступило 332 предмета из Соловецких ценностей, которые составили основу так называемого Церковного отдела. Восстанавливая целостность коллекции, музейные сотрудники целенаправленно разыскивали известные предметы из Соловецкой ризницы в Гохране и добивались их передачи в музеи. В результате Н.Н. Померанцев атрибутировал 488 Соловецких вещей (кроме грамот), спасенных им и его коллегами от уничтожения. Памяти подвижников отечественной культуры, сохранивших реликвии Соловецкого монастыря, была посвящена выставка, организованная музеем-заповедником «Московский Кремль» в 2001 году[82].

23 ноября 1923 года в помещении ризницы «открылся серый занавес с нашитой на нем белой соловецкой чайкой, символом весны и свободы».

[82] Был издан подробный иллюстрированный каталог «Сохраненные Святыни Соловецкого монастыря» М. 2001.



В восточной части ризницы можно видеть фрагменты кладки XVII века, оставшиеся от алтарной части храма Святителя Николая

Ее отдали под лагерный театр: соорудили подмостки и скамьи на 400 человек и играли постановки[83].

В 2006 году в помещении ризницы Соловецким музеем-заповедником была открыта экспозиция «Ризницы Русского Севера». На примере Соловецкой ризницы авторы экспозиции убедительно показывают, что монастырские ризницы и церковно-археологические кабинеты были настоящими церковными музеями[84] и уничтожение их по идеологическим причинам нанесло серьёзный урон Русской культуре: действительно, в течение всего советского периода под давлением идеологии музейные работники должны были отделять культуру от культа, подрубая корни дерева, от которого ожидали плодов. В настоящее время монастырь и музей объединяют усилия по сохранению святынь и историко-архитектурных памятников Соловецкого архипелага: все объекты постепенно передаются возрождающемуся монастырю.

Иконное богатство начало складываться на Соловках с XV века. Первую икону Богородицы Одигитрии, по преданию, привез преподобный Савватий. Когда, после его кончины, мощи его были перенесены в Соловецкий монастырь, новгородский купец Иоанн пожертвовал образ преподобного Савватия, который был поставлен в часовне у мощей. Первое изображение Зосимы сделал в 1478 году игумен Досифей, знавший и помнивший его облик[85]. Основу соловецкого собрания икон составили вклады. Так, священноинок Иов дал вкладом «Богоматерь Смоленскую»

[83] В 1926 году театр был переведен в помещение общей трапезной.

[84] В публикации Н.А. Никишина («Соловецкий сборник». Вып 3. Архагельск, 2006 с. 205—213) отмечается, что в Соловецкой ризнице была богатая коллекция исторических реликвий, которая в XIX веке надежно хранилась в специальных застекленных шкафах в помещении с мощными кирпичными стенами и коваными железными дверями, предохраняющими от пожаров, коллекция тщательно описывалась во вкладных книгах и описях, ветхие предметы при необходимости поновлялись.

[85] В летописи об этой иконе говорится: «Образ Преподобных отец Зосимы и Савватия в сребропозлащенном окладе; на нем вставлено 18 пластинок жемчужных; писан 1478 года, в первый год по преставлении преподобного Зосимы, игуменом и учеником его Досифеем» [9, Ч. I, с. 295].

(1568 г.), митрополит Новгородский Исидор — деисус поясной и пять икон (1607 г. и 1609 г.), Михаил Федорович — икону «Вседержителя» (1614 г.), царевна Мария Алексеевна — «Успение» (1715 г.), митрополит Филипп Колычев — деисус на трех досках, «Одигитрию», икон на 65 рублей 50 копеек и «свои собственные старинного письма». В числе других — от московских иконописцев Назария Истомина, Карпа Золотарева. В середине XVI века в связи с широким строительством новых храмов привозных икон стало не хватать. Были приглашены новгородские иконописцы, возможно, и московские, заложившие основы местного письма. Постепенно набирались опыта свои мастера, была организована иконописная школа. Подробнее ознакомиться с иконописным наследием Соловецкого монастыря читатель может по статье Л.А. Щенниковой [41, с. 199].

Скажем несколько слов и о монастырской библиотеке: «Аще не почитаеши книг часто, не ощутиши грехов своих и не можеши спастися. Блажен муж, его же тело последует душе, горе человеку, его же душа последует телу. Сия убо два душа и тело, яко львы борются: душа хощет спастися, а тело нежитися» [10, с. 94].

Соловецкая библиотека стала складываться в середине XV века из необходимых для богослужения книг, а во второй половине XV века она была пополнена иноком Досифеем, впоследствии игуменом. Он заказывал переписывать книги, «не мало лет» находясь в Новгороде, а сохранившиеся списки (1493—1494 гг.) показывают, что те книги были не только богослужебные, но и «для чтения и образования». Досифей известен как первый на Руси автор книжного знака, экслибриса, и как первый соловецкий писатель, автор жития Зосимы и Савватия. В описях XVI века упоминаются книгохранительные палатки под присмотром специального книгохранителя. К концу XVI века в библиотеке находилось: 481 рукопись и 38 печатных книг. В ее фонде и исторические сочинения — летописи, где сообщалось о внутренней жизни монастыря, о событиях на Севере, в России, например, о поездке Ивана IV в Новгород и Псков, о землетрясении в Керети, Ковде и Кандалакше (1542 г.). Соловецкие летописцы сопровождали игуменов и старцев в Москву и Новгород. В XVI — начале XVII века библиотека пополнилась сборниками двух групп текстов: традиционного содержания и современной исторической публицистики. Позднее солидное собрание заимело «книгописную палату» с отделом квалифицированных переписчиков: скрипторием и при нем переплетной мастерской. Лучшие экземпляры шли «на раздачу», продажу, в другие монастыри.

Рукописные книги были произведениями не только литературного, но и прикладного искусства. Деревянный переплет обтягивали кожей,

которую вручную теснили затейливым орнаментом. Самые дорогие книги оковывали серебряными или медными окладами и украшали жемчугом, драгоценными камнями. Для лучшей сохранности их снабжали металлическими застежками, а чтобы внутрь не попадала пыль, в Соловках придумали хранить их корешком вверх. Для защиты переплета на ребрах досок со стороны, противоположной корешку, делались маленькие выступы-ножки (иногда и по углам переплета), чтобы тисненая кожа не истерлась и не поцарапалась при чтении. Переписка книг в монастыре велась, видимо, до семидесятых годов XVII века. Дороговизна рукописной книги делала ее пожертвование существенным и ценным вкладом. Книжные вклады составляли половину всех поступлений библиотеки. Так, были подарены книги Иоанном IV (12 штук), священником Сильвестром, Святителем Филиппом, его преемником Иоасафом, Патриархом Никоном, келарями Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным и Александром Булатниковым («Житие Зосимы и Савватия», 1623 г. и др.), Дмитрием Пожарским (рукописное Евангелие XVI века было подарено в 1613 г.).

В числе раритетов значились: «Псалтырь», принадлежавший прп. Зосиме; «Апостол» 1586 года; Временник Георгия Амартола, греческого писателя IX века; «Слово о Законе и Благодати» митр. Илариона — XI века; старопечатные Евангелия начала XVII века в драгоценных окладах (вес одного 40 килограммов). О том, кто пользовался книгами, остались «пометы»: «сия книга дается на прочтение в братскую больницу», «живет в поварне», «обменяна на Псалтырь Никифору кузнецу», «читал сторож Ивашко Иларионов, сын Веревкин». С возвратом книг читателей не торопили, один книгочей пользовался книгой 42 года. Когда в XVII—XVIII веках рукописные книги из монастырей изымались, Соловецкий, как ставропигиальный, оставил их у себя. Источники пополнения библиотеки расширялись постепенно: сначала это были дары, вклады, поступления из других монастырей, покупка, переписка. Позже книги стали поступать по завещаниям, изыматься у ссыльных. Комплектование библиотеки рукописными книгами закончилось в XVIII веке, ее изучение началось позднее.

Книжные богатства Соловков составляли, согласно описи 1676 года: 948 рукописных, 530 старопечатных книг, представляющих большую ценность. Уже к концу XVI века библиотека так разрослась, что потребовала специального помещения. С этой целью в паперти Преображенского собора (1602 г.) устроили каменную палату. Позднее книги перенесли в помещение, примыкавшее к ризнице, в 1797 году — на первый этаж ризницы. В тот же год для библиотеки была оборудована небольшая комната со сводчатыми потолками в первом ярусе новой колокольни. Вход в нее был с галереи между колокольней и ризницей. Последнее перемещение в

1846 году было в специальное каменное строение над самой галереей, примыкавшее к западной стене колокольни. Древняя часть Соловецкой библиотеки практически полностью сохранилась до наших дней. Это связано с событиями 1854 года, когда обители угрожало нападение английского флота. Распоряжением Синода наиболее дорогие книги вместе с драгоценностями были перевезены в Антониев-Сийский монастырь.

В то время для изучения раскола и борьбы со старообрядчеством в среднем Поволжье Казанский архиепископ ходатайствовал о передаче 406 соловецких книг. Библиотеку в Сии не распаковывали, книги были в ящиках, поэтому ее передали в Казанскую Духовную академию «для отбора требуемых книг» полностью (драгоценности и всего 33 рукописные книги вернулись на Соловки в 1856 г.). В 1858 году решением Синода 1513 томов рукописных и 83 тома старопечатных книг были оставлены в Казани «навсегда». В том числе рукописи Анзерского скита, жития святых, богослужебные и историко-церковные («Лавсаик Зосимы»). Книги казанского собрания послужили основой для издания журнала «Православный собеседник» и отдельных книг древнерусских писателей: Филофея, Иосифа Волоцкого, Максима Грека. В разное время в Казани к ним обращались историки Н. Аристов, В. Ключевский, В. Стасов, Ф. Буслаев. После революции и упразднения Духовной академии соловецкое книжное собрание перешло в ведение архивов (куда поступили и оставшиеся на Соловках книги). 29 июня 1928 около полутора тысяч томов из Казани были переданы в Рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Ленинграда и выделены в отдельный фонд, где ведется их постоянное изучение. Досифеевские книги находятся в фондах древнерусских рукописных томов и до сих пор узнаваемы по экслибрису на титульном листе. О Соловецкой библиотеке можно подробнее узнать из книги М.В. Кукушкиной «Монастырские библиотеки Русского Севера». (Л.: Наука, 1977) и публикаций сотрудников Пушкинского дома («Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь». — СПб., 2001).

1.8. МОНАСТЫРЬ В XX ВЕКЕ

В 1920 году, незадолго до своего пятивекового юбилея, Соловецкий монастырь был закрыт. К этому времени от былого могущества обители остались только воспоминания. Хозяйство было подорвано Первой мировой войной, а затем в еще большей степени — Гражданской войной, вследствие которых значительно сократился приток годовых богомольцев, чьим трудом это хозяйство поддерживалось. 66 тысяч десятин принадлежавшей монастырю земли были после 1917 года превращены во «всенародное достояние» и пустовали — в стране царили разруха и голод.

Почти полностью прекратилось паломничество, приносившее ранее до 85% всего дохода. Национализация банков привела к потере размещенных в них капиталов и дивидендов с них (примерно 13% всего дохода обители). Весь 1917 год в монастыре шла борьба за власть. Мятежно настроенные монахи добились увольнения на покой архимандрита Иоанникия, правившего обителью 23 года, и избрали нового настоятеля — архимандрита Вениамина. Потом, получив известие об октябрьском перевороте в Петрограде, попытались свергнуть и Вениамина, но тот смог навести порядок.

Зиму и весну 1918 года Соловецкий монастырь провел относительно спокойно. Однако с наступлением лета спокойствие кончилось: в июле 1918 года на Соловках высадились союзники — англичане, сербы и финны. Они реквизировали монастырские пароходы и использовали их для переброски своих войск в Онегу и Кандалакшу, мобилизовали часть монахов и вместе с архангельскими добровольцами обучали их стрельбе из винтовок и пулеметов.

В обстановке всеобщей паники, охватившей в августе 1919 года Северную область в связи с решительным наступлением Красной Армии, архимандрит Вениамин и члены последнего Соловецкого Собора обратились с письмом к архиепископу Кентерберийскому, в котором просили его сказать «своему правительству, что теперь еще преждевременно лишать братской помощи Северную область, но надлежит оставить ее там до того момента, когда по прошествии грозы положение русского народа прояснится, и он сам в состоянии будет охранять свою безопасность и свои святыни».

В феврале 1920 года последние части союзников и белогвардейцев были эвакуированы из Архангельска. На Севере была установлена советская власть.

29 апреля 1920 года в Соловецкий монастырь прибыла Особая комиссия Архгубисполкома и Губревкома под руководством М.С. Кедрова с целью выявления и изъятия запасов оружия, продовольствия, денег и ценностей. Комиссия должна была выяснить возможности дальнейшего развития островного хозяйства и его социалистического переустройства.

В ходе обысков члены Особой комиссии во главе с М.С. Кедровым обнаружили брошенные союзниками оружие и боеприпасы, в том числе: орудия трехдюймовые — 8 штук, пулеметы — 2 штуки, винтовки и берданки — свыше 600 штук, большое количество снарядов, пулеметных лент, патронов, пороха... Было также изъято: 2500 пудов муки, 250 пудов сахара, 100 пудов обувной кожи, 2 бочки красного вина, 14 бутылок спирта, 5 листов меди и т.п., а также 200 000 рублей денег, серебро, меха и проч.

Относительно состояния монастырского хозяйства были сделаны малоутешительные выводы: хозяйство в упадке, «скотоводство падает... мелиоративные работы заброшены, коневодство совершенно расстроено».

18 мая 1920 года Соловецкий монастырь был упразднен[86]. К этому времени в нем оставалось около 200 монахов. Большинство же из 585 человек местного населения, учтенного служащими Архангельского губернского земельного управления в 1919 году, после бесед с членами комиссии Кедрова и реквизиций покинули остров. На Соловках был организован совхоз, в котором трудились монахи, получая за это жалование. Монахи сначала держались независимо, но позднее им пришлось подчиниться силовому давлению властей: их заставили перенести богослужение на ночное время, «так как днем работать нужно, а молиться они могут ночью»; они привлекались к участию в субботниках; им пришлось смириться с тем, что в марте 1921 года были сняты иконы со всех общественных зданий; их исключили из профсоюза, в руководстве которого они составили большинство; признали незаконным создание Дома инвалидов в Савватиево, где проживали пожилые монахи. В августе 1921 года комиссией Архгубчека было найдено несколько тайников с ценностями. Как указывал на допросе в 1923 году ризничий Соловецкого монастыря Климент Амосов, «ценности были скрыты в двух местах: в стене — в проходе Преображенского собора и над алтарем Никольской церкви». Среди этих ценностей значились кубки, чаши, кресты, медали, ковши, подносы и две «шашки с камнями» — знаменитые вклады XVII века: сабля князя Д. Пожарского и палаш воеводы Скопина-Шуйского. Когда сотрудники Губчека хотели вывезти ценности, монахи были настолько «взволнованы и опечалены», что председатель Тройки по управлению Соловецкими островами распорядился ценности «оставить в ризнице и запечатать до будущего учета», т.е. до весны 1922 года.

Как уже упоминалось при описании разорения Соловецкой ризницы, летом 1922 года на острове работала комиссия из Москвы, в составе которой были видные специалисты в области охраны памятников истории и культуры: Н.Н. Померанцев из Музейного отдела Наркомпроса, Е.И. Силин — коллекционер, директор музея «Собор Василия Блаженного» (1923—1928 гг.) и архитектор П.Д. Барановский, первый директор музея в Коломенском (1924 г.). Поскольку они видели, что в условиях насильственного изъятия ценностей многие исторические вещи просто гибнут, они делали всё возможное, чтобы вывезти самое ценное в центральные музеи.

[86] Архивные данные, относящиеся ко времени закрытия монастыря приведены в работе А.Я. Шубина («Соловецкий сборник». Вып 3. Архагельск, 2006, с. 187—201).

По прибытии они прежде всего поинтересовались деревянными резными раками Зосимы и Савватия, о которых знали следующее. Рака Зосимы по характеру исполнения близка к знаменитому «царскому месту» Ивана IV (1551 г.) в Успенском соборе Московского Кремля. Крышка украшена фигурой Зосимы в полный рост, вырезанной высоким рельефом. На боковой стенке размещены 16 разных клейм с эпизодами его жития, обрамленные вязью летописного сказания о времени создания гробницы в 1566 году «при благоверном царе государе и великом князе Иване Васильевиче и при его царевичах Иване и Федоре и митрополите Афанасии». Также великолепно исполнены части раки Савватия. Обе раки стояли в Троицком соборе у южной стены.

Рака Савватия была обнаружена комиссией в указанном месте, а у раки Зосимы исчезли рельефы и резные стенки. Представители местной администрации недоумевали. Монахи отмалчивались или намекали на то, что «Господь Бог не мог потерпеть богохульства антихристов и взял раку чудотворца к себе на небо». Месячное пребывание комиссии заканчивалось, а декоративное убранство раки так и не нашлось. Все помещения были не раз осмотрены, и надежды найти его уже не было. Случайно в подвале под ризницей Померанцев заметил, что большой трехстворчатый шкаф сдвинут с места, причем, недавно. Ранее его уже осматривали, но кроме старых церковных одеяний в нем ничего не было. Шкаф массивный, его без надобности двигать бы не стали. Решив проверить, он неожиданно встретил упорное сопротивление монахов. Мол, никто никогда его не трогал, он недвижим несколько веков, и сдвигать его нельзя. Померанцев настоял на своем и не ошибся. В стене обнаружилась ниша, а в ней «с рельефного портрета смотрели пронзительные глаза Зосимы». В Третьяковской галерее раку Зосимы сравнивают с драгоценным ларцем, где «каждый из рельефов шедевр». Рака Савватия находится в Оружейной палате Кремля. Почти все привозимое попадало сначала в Оружейную палату, затем распределялось по московским музеям. Бумаги и рукописи были переданы в ЦГАДА. В Оружейной палате находится один из самых значительных вкладов монастыря — напрестольный крест от Ивана IV (1562 г.), Евангелия XVI века в драгоценных окладах, «шуба черной шерсти» митрополита Филиппа, прекрасное шитье. Предметы средневекового шитья были вывезены в 1922—1923 годах в Петроград, но значительное количество произведений искусства, особенно икон, еще оставалось в монастыре после 1923 года.

В дневнике Е. Силина и Н. Померанцева записано, что во время пожара 26 мая 1923 года у Преображенского собора сгорела кровля с пятью куполами, и все его имущество погибло. Уцелела только одна икона «Зосима и Савватий Соловецкие» с 56 житийными клеймами (XVI в.)

из местного ряда иконостаса, которая с 1939 года находится в Историческом музее.

На самом деле в лагерные времена иконостас Преображенского собора сохранялся как музейное достояние, и множество икон уцелело. Например, шесть икон XVI—XVII веков из местного ряда иконостаса слева от царских врат «Богоматерь Тихвинская» (60х80), «Успение» (144х180), «Богоматерь Камень Нерукосечной горы» (91х127), «Архангел Михаил» (101х240) и «Архангел Гавриил» (93х240), икона «Символ веры» (140х156). Эти иконы демонстрировались в Третьяковской галерее на выставке «София—Премудрость Божия» в 2001 году.

Икона «Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия» (1545 г.) состояла из пяти сосновых досок, скрепленных шпонками, и размер имела внушительный (214х137). По признанию Померанцева, он еле дотащил ее до повозки. В архиве Оружейной палаты сохранился акт ее приемки: «Изъята в целях охраны из часовни Чудо Просфоры Соловецкого монастыря в августе 1923 года представителями Отдела музеев Наркомпроса Померанцевым и Силиным». Первоначально эта икона находилась в Троицком соборе Соловецкого монастыря, а в настоящее время она помещена в пристенном иконостасе Успенского собора Московского Кремля. В музеях Кремля находятся еще две большие иконы с житиями Зосимы и Савватия из числа выдающихся, также увезенных «в целях охраны».

7 июня 1923 года на Соловки прибыли первые подразделения Управления северных лагерей ГПУ. 9 июня начала работу комиссия по передаче Управлению зданий совхоза и его имущества. К августу было принято решение о срочной высылке с Соловецких островов бывших монахов. Хозяином острова стал СЛОН.

В августе 1925 года была образована комиссия по вскрытию святых мощей под председательством чекиста Когана. В 1940 году мощи были переданы в Центральный антирелигиозный музей в Москве (Акт № 401 от 19.01.40 г., ст. 27581, 27582, 27583), а оттуда в 1946 году в Музей истории религии в Петербурге. Святые мощи были упакованы в три больших бумажных свертка, где находились также туфли преподобного Зосимы, остатки суконной одежды и кожа от туфель преподобного Германа. Мощи преподобного Германа были завернуты, кроме бумаги, в воздух и кусок голубой парчи. В апреле 1989 года мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа были освидетельствованы церковной комиссией во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (ныне Патриархом), тогда же, впервые после долгого перерыва, было совершено молебное пение у мощей. В июне 1990 года мощи были переданы Русской Православной Церкви и до августа 1992 года почивали в Свято-Троиц-

Вскрытие святых мощей в 1925 г.

ком соборе Александро-Невской Лавры. О возвращении мощей на Соловки см. следующий раздел.

В 1939 году последние заключенные и охрана были вывезены с Соловков. В 1940 году на Соловецких островах дислоцировался Учебный отряд Северного флота, выпускники которого принимали участие в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны. В 1942—1945 годах в составе Учебного отряда действовала Школа юнг ВМФ, куда по направлениям военкоматов набирали подростов 15—16 лет для обучения различным флотским специальностям: рулевой-сигнальщик, судовой электрик, судовой механик, боцман, судовой радист и т.д. С 1942 по 1945 год Школа юнг подготовила для Военно-морского флота около четырёх тысяч первоклассных специалистов, из которых около тысячи погибли во время войны. Многие из них служили на торпедных катерах, сопровождавших английские транспорты с помощью для России. Именами погибших выпускников Учебного отряда Саши Ковалева и Ивана Сивко названы улицы поселка Соловецкий. Учебный отряд действовал на Соловках до 1957 года.

В 1967 году был организован филиал Архангельского краеведческого музея, взявший под охрану многочисленные памятники истории и культуры архипелага. В бывшем монастыре начинают проводиться научно-исследовательские и реставрационные работы. Семь лет спустя, в 1974 году, филиал был преобразован в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Важной вехой в истории музея стало включение памятников, охраняемых и реставрируемых им, в «Список всемирного наследия» ЮНЕСКО в 1992 году, а год спустя — в государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

1.9. ВОЗРОЖДЕНИЕ МОНАСТЫРЯ. КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI ВЕКА

Начало возвращению монашествующих на Соловецкий остров было положено 2 июля 1989 года, когда игумен Герман и диакон Иоанн (нынешний игумен Зосима) совершили освящение часовни во имя Святителя Филиппа. История повторилась: через 560 лет после прихода на Соловецкий остров первых иноков — преподобных Савватия и Германа — первым насельником возрождающейся обители стал игумен Герман, святым покровителем которого является преподобный Герман. Указом епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона от 18 мая 1990 года игумен Герман (Чеботарь), настоятель Сергиевского храма с. Ширша Приморского р-на Архангельской области, был назначен служащим священ-

ником и председателем вновь зарегистрированной православной общины на Соловках. Под его руководством и проходила подготовка к открытию монастыря. Через год, 25 октября 1990 года, определением Священного Синода Русской Православной Церкви совершилось долгожданное открытие Соловецкого монастыря. В адрес епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона была направлена телеграмма: «Божие благословение на труды первых насельников в возрожденной Спасо-Преображенской Соловецкой обители. Радуюсь и благодарю Спасителя за Его милость к нам, выразившуюся в возрождении этой древней и славной обители. Патриарх Алексий». 28 октября в домовой церкви, устроенной братией во втором этаже гостиничного корпуса у Никольских ворот, была отслужена первая, после многолетнего перерыва, Божественная литургия. Вновь подтвердилось неложное обетование Божие, данное некогда первоначальникам Соловецким преподобным Савватию и Герману о том, что Соловецкие острова есть удел иноков, которые были и остаются светильниками для окружающего мира. Знаменательным для обители стал 1992 год: 9 февраля игумен (ныне архимандрит) Иосиф (Братищев) был поставлен наместником Соловецкого монастыря. 17 апреля того же года в монастыре состоялся первый постриг в монашество двух насельников обители — послушника Ильи Буева с именем Савватий и инока Давида Кондратьева с именем Елеазар. Игумен Иосиф ходатайствовал о возвраще-

Возвращение мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа в 1992 г. Встреча на пристани

Святейший Патриарх Алексий II у мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа в Спасо-Преображенском соборе, 1992 г.

нии святых мощей Соловецких первоначальников преподобных Зосимы, Савватия и Германа в стены основанной ими обители. Перенесение святых мощей состоялось в августе 1992 года. При подготовке к этому событию на монастырскую колокольню были подняты колокола — обитель обрела голос. Церковные торжества в Соловецкой обители возглавил ее священноархимандрит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

19 августа 1992 года раки с мощами преподобных были доставлены самолетом из Петербурга в Архангельск, а оттуда на теплоходе «Борис Пастернак» отправились на Соловки. 20 августа мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа в сопровождении Святейшего Патриарха Алексия II и 300 паломников вернулись в родную обитель к месту своих подвижнических трудов и праведного упокоения. Духовенство на руках перенесло ковчеги с мощами в Спасо-Преображенский собор, где Святейший Патриарх в сослужении сопутствующих архипастырей, наместника монастыря, братии обители и паломников в священном сане совершил молебен, малую вечерню с акафистом и в тот же вечер всенощное бдение. Утром 21 августа, в день памяти преподобных Зосимы, Савватия и Германа, была совершена Божественная литургия в Спасо-Преображенском соборе, освященном малым чином. В тот же день Святейший Патриарх Алексий посетил Свято-Вознесенский скит Соловецкого монастыря и у подножия г. Секирной освятил Поклонный Крест, водруженный в

ознаменование совершаемого празднества и в память всех Православных христиан, на Соловецких островах пострадавших.

22 августа Святейший Патриарх совершил чин освящения и первую литургию в надвратной Благовещенской церкви, где до 2005 г. почивали святые мощи преподобных и совершалось ежедневное монастырское богослужение.

Возвращение мощей преподобных было видимым знаком благословения Божия возрождающемуся монастырю. 3 апреля 1993 года было установлено празднование второго перенесения мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа (8/21 августа в день первого их перенесения в 1566 г.) и празднование Собора Соловецких святых (9/22 августа). Примечательно, что в трудное для обители время ее первоначальники видимым образом — своими святыми мощами, которые прежде почивали в разных храмах, — объединились. Они вместе кочевали по «темницам» спецхранов, вместе вернулись в обитель и нераздельно почивают ныне под единой сенью. Прославленные за равноподвижное житие, они никогда не разлучались друг от друга в Небесном Царствии, и теперь в своей обители являют нам пример единства в предстательстве за нас ко Господу.

Святейший Патриарх Алексий II не оставляет обитель своим пастырским попечением. Он посещал монастырь 7—8 июля 1997 года и 20—22 августа 2001 года. 22 августа 2001 года Святейшим Патриархом Алексием был освящен храм Святителя Филиппа — светлый, просторный и теплый. Поэтому в нем обычно совершается весь суточный круг монастырского богослужения. При стечении богомольцев в летнее время богослужение совершается в Спасо-Преображенском соборе.

В будние дни в 6 часов утра вся братия[87] и паломники собираются в Благовещенском храме, где читаются утренние молитвы, полунощница и служится братский молебен преподобным Зосиме, Савватию и Герману. В конце молебна все прикладываются к открытым мощам преподобных и отправляются на послушания. Литургия начинается около 8 часов утра, на ней присутствует клиросная братия и те, кто свободен от послушаний. В праздничные и воскресные дни богослужение начинается так же с утренних молитв, но в 8 часов утра и на литургии по возможности присутствуют все. По большим праздникам и в воскресные дни после литургии совершается крестный ход вокруг монастыря. В 5 часов пополудни начинается вечернее богослужение, состоящее обычно из вечерни и утрени, по окончании которых в будние дни совершается лития об усопших, за которой читается монастырский синодик. По пятницам вместо литии

[87] Сейчас в монастыре братии на Соловках около 40 человек и ещё около 20 на подворьях.

совершается полная панихида. По средам вместо утрени поется молебен с каноном и акафистом преподобным Зосиме, Савватию и Герману.

Многие задают вопрос: «Как скоро будет полностью восстановлен Соловецкий монастырь?» Приведем слова наместника Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря архимандрита Иосифа (Братищева): «Этот вопрос на устах у всех приезжающих к нам. Я обычно отвечаю так: прежняя братия монастыря, строившая и украшавшая обитель, никому ведь не давала обещаний построить, например, крепостную стену за "пятилетку". Они трудились для Бога, и когда появлялась необходимость в строительстве храма или крепостной стены, они получали Божие благословение и начинали трудиться. Таков и мой подход: мы должны не внешним только строительством заниматься. Мы должны создать в обители ту благодатную атмосферу, в которой не только братия монастыря могла бы спасаться, но где могли бы черпать духовные силы и приходящие к нам паломники. Сейчас главная наша задача не только восстановить разрушенные стены, но в первую очередь восстановить разрушенные за годы безбожия души людские. А ведь в этом состоянии "разрухи" находится сейчас значительная часть общества. И с этой важнейшей задачей мы постепенно справляемся. Не хочу говорить "от себя". Приведу мнения паломников. Мне ни от кого не приходилось слышать, чтобы люди, побывавшие в нашем монастыре, оставались неудовлетворенными. Да, сегодня интерьеры наших храмов еще не блистают великолепием. С Божией помощью пока восстановлен полностью только надвратный Благовещенский храм. В Преображенском соборе еще не закончены реставрационные работы. И все же, несмотря на это, люди в нашем монастыре черпают духовные силы, согреваются душой. А это значит, что стоящая перед нами задача пусть на малую толику, но уже выполнена» («Благовест», 20.04.2001).

Жизнь снова жительствует на святых островах, некогда благоухавших неувядаемым цветом монашеского делания, и уже отовсюду устремляются на поклонение Соловецким чудотворцам новые поколения православных людей, паломники и богомольцы... По словам архимандрита Иосифа, «до тех пор, пока есть на земле Русской Православие, на Соловки всегда будут идти люди».

ГЛАВА 2

ХРАМЫ И ПОСТРОЙКИ СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ

Соловецкий монастырь. Вид с Северо-западной стороны. Открытка нач. XX в.

2.1. УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ С ТРАПЕЗНОЙ И КЕЛАРСКОЙ ПАЛАТАМИ

В XV—XVI веках русские монастыри устраивались согласно общежительному уставу, предполагавшему общую трапезу для всей братии и настоятеля, поэтому в первую очередь строили собор и трапезную с малой церковью при ней. В 1552 году игумен Филипп благословил закладку Трапезной палаты, объединенной с Келарской палатой[88] и Успенской церковью. Летописец записал: «Зачата бысть делати церковь каменная с трапезою на подклетех с службами». Строительством руководи-

[88] Келарь — второе, после настоятеля, лицо в монастырской иерархии в XVI—XIX веках. Он ведал хозяйством обители, поэтому палата была одновременно канцелярией и кладовой. В XVII веке в ней хранились книги, документы, посуда. Палата одностолпная, в плане квадратная, перекрыта перекрещивающимися цилиндрическими сводами. В северной и западной стенах сделаны внутренние камеры, в южной стене — лестница, ведущая в подклет. В 1799 году палата была соединена арочным переходом с Поваренным корпусом. Переход примыкает к окну в восточной части северной стены.

Успенская церковь с трапезной (северный фасад). Фото кон. XIX в.

ли новгородские каменных дел мастера Игнатий Салка и Столыпа. Несмотря на то что каменные работы велись только в летнее время, сооружение Трапезного комплекса заняло всего шесть сезонов — в 1557 году была освящена Успенская церковь.

Материалы для строительства использовались местные: фундамент Трапезного комплекса сложен из тёсаного валуна, стены из кирпича местного производства, только известь для приготовления скрепляющего раствора была привозная. Известковый камень ломали под Орлецами, на Северной Двине, и лодьями доставляли на Соловки. Здесь его обжигали, а готовую известь гасили в течение 10—12 лет в ямах с водой. После отвердевания раствор набирал высокую прочность и огнестойкость. Лиственницу, сосну, осину для кровли заготавливали на материке, в Кемской и Сумской волостях. При игумене Филиппе были внесены усовершенствования в технику строительного дела. Если раньше глину на кирпич копали и мяли вручную, то теперь это стали делать с помощью лошадей и волов. Лошади и волы использовались и при подъеме тяжестей (кирпича, леса и т.п.) во время строительства.

С северной стороны трапезный комплекс представляется двухъярусным. В первом ярусе, в подклетах, располагались хозяйственные службы: под Трапезной — «погребы хлебный да квасной»; под Келарской — «хлебня с мукосейной»; под церковью — «просвиренные службы». Там же, в

подклетах, находились и печи[89], обогревавшие здание. Во втором ярусе расположены сами палаты и церковь. Если обойти Трапезный комплекс с восточной стороны, мы окажемся в уютном дворике, куда выходит южный фасад Трапезной и Успенской церкви. Отсюда видно, что церковь имеет два придела[90] в третьем ярусе. Реставраторами восстановлена многоскатная щипцовая кровля (на XVI век) с тремя луковичными главками на глухих круглых барабанах.

Стены выложены с уклоном внутрь[91]. Они лишены декора и решены в системе вертикальных членений, образованных массивными лопатками (пилястрами). Местами, там, где лопатки совпадают с окнами, они обрываются по высоте или обходят оконные проемы за счет уменьшения ширины. Окна одинаковы по форме (полуциркульные, или арочные), но различаются между собой по размерам. Асимметрия придает особую живописность плоскостям стен. Узор щипцовой кровли над церковью, очертания луковичных глав, крыльцо, лестница, переходы смягчали суровое величие сооружения, а использованные в конструкциях дерево и дикий камень создавали на фоне беленых стен яркий цветовой контраст.

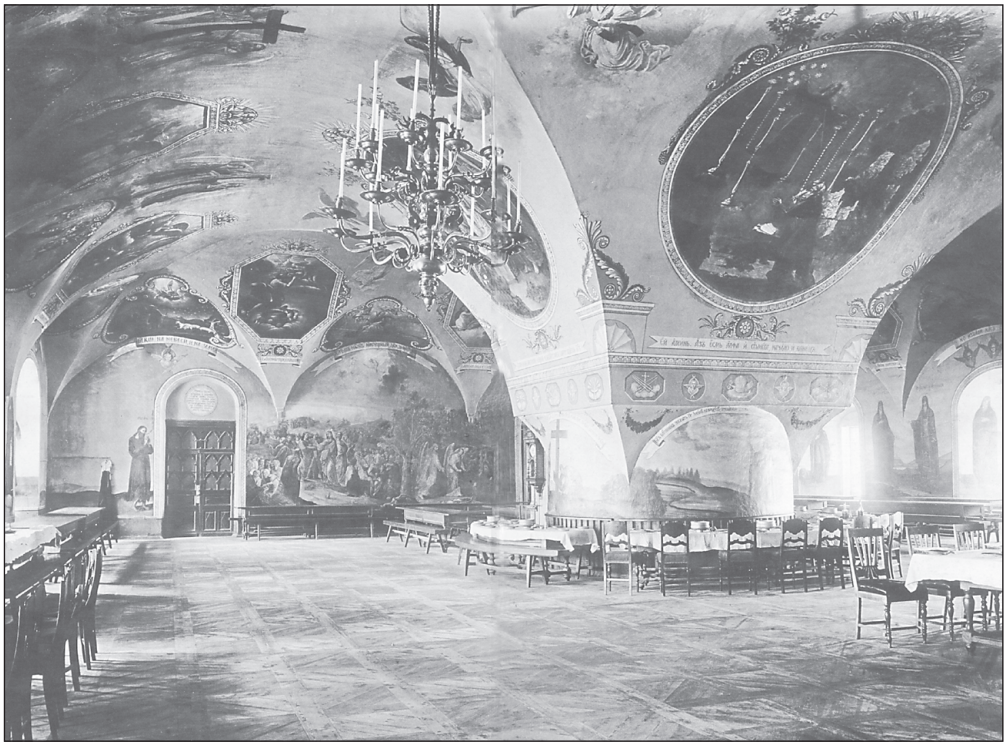
Основной вход в Трапезную палату с западной стороны через паперть, которая в течение XVII—XIX веков неоднократно перестраивалась. Архитекторы считают, что первоначально она была деревянной на столбах, но вскоре ее сменила некая, не существующая ныне, каменная (или деревянно-каменная) пристройка. В 1602 году при строительстве галереи была сооружена монументальная каменная лестница, которая ныне полностью восстановлена. Северная часть паперти оставлена такой, какой она была в начале XX века. Западная стена была выше кровли и в ней, по новгородской традиции, была устроена звонница: колокола были подвешены в арочных проёмах. Келарская палата имела свой вход, о котором говорится в описи 1705 года: «Из той Келарской на западной стене дверь, на крыльце в тое двери затвор деревянной, с того крыльца лесница каменная всходная, то крыльцо и лесница покрыты тесом». Каменная лестница и крыльцо безвозвратно утрачены, подняться в Келарскую палату можно по восстановленной реставраторами деревянной лестнице.

---

[89] Через большую кованую дверь с северной стороны можно войти внутрь печи, обогревавшей Трапезную. Окно с коваными ставнями слева — поддувало, которое открывалось во время топки. Оно расположено не внизу, как у обычной печи, а выше уровня закладки дров, чтобы обеспечить медленное сгорание. Дым поднимался вверх в дымоход, а горячий воздух расходился по воздуховодным каналам (слева и справа) в толще стен и под полом.

[90] Приделы лучше всего видны с южной стороны. Северный придел построен одновременно с Успенской церковью и освящен в память Усекновения главы Иоанна Крестителя, так как в этот день праздновались именины Иоанна Грозного, а он был ктитором монастыря. Южный придел пристроен в 1605 году и освящен в память Димитрия Солунского.

[91] Этот приём стал типичным для соловецких построек.



Трапезная палата (интерьер) XIX в.

Трапезная палата (интерьер) XX в.

По своим размерам Трапезная Соловецкого монастыря превосходит все известные нам одностолпные монастырские трапезные палаты XV—XVI веков. Ее площадь — 483 кв. метра, что всего на 13 кв. метров меньше площади всемирно известной одностолпной Грановитой палаты в Московском Кремле.

Перекрытие внутренней площади палаты решается за счет системы перекрещивающихся цилиндрических сводов, опирающихся на толстые (до трех метров) стены и центральный столп. Диаметр столпа — около четырех метров. Его нижняя часть сложена из тесаного белого камня, а верхняя, переходящая в своды, — из кирпича. Белый камень — известняк — применен также в пятах распалубок, на которые приходится основная тяжесть сводов. Распалубки снимают напряжение с тех участков стен, в которых устроены оконные проемы. Пол в Трапезной палате первоначально был выстлан поливной керамической плиткой, которую сменил деревянный настил, а в XIX веке — паркет.

Для отопления палаты в подклете была устроена печь, от которой в стенах коленами были проведены ходы для теплого воздуха. Через специальные отверстия теплый воздух по этим ходам попадал в помещение, обогревая его. В северной стене виден вскрытый фрагмент одного из таких тепловодов. Под ним и над ним можно видеть отдушины.

Из Трапезной можно пройти в Келарскую палату и в Успенскую церковь через входы, оформленные порталами. Тот, что ведет в церковь, сделан в форме так называемого перспективного портала. Богатое обрамление его проема образовано уступами круглых и прямоугольных тяг с декоративными вставками в виде «дынек». Вход в Келарскую упрощен — он имеет только один уступ и круглую тягу в обрамлении. Зато слева его дополняет также оконтуренная валиком декоративная ниша.

Палату освещают восемь разновеликих, но одинаковых по форме, окон — по четыре с южной и северной сторон. Внутренние ниши окон устроены с раскосом и закруглены на углах. Это скругление смягчает границы светотеней и в сочетании с рефлектирующими поверхностями беленых стен и сводов создает ровную и спокойную освещенность интерьера. А ритмичное чередование откосов окон и высоких распалубок подчеркивает крупномасштабность палаты.

Неизвестный автор XVII века сумел отлить неповторимый образ палаты всего в трех словах: «чудна и светла и превелика».

Название палаты отражает ее функциональное назначение — в ней проходили общие трапезы. Питались в ней только монастырская братия да еще наиболее почетные гости обители (для паломников и трудников

имелась отдельная, так называемая общая трапезная[92]). По периметру помещения располагались столы и лавки. Столы стояли также вокруг столпа, причем с южной стороны его было место для настоятеля.

Пищу готовили в Поваренном корпусе и по переходам доставляли в Келарскую[93]. Оттуда послушники разносили ее по столам. Вот как описывал церемонию трапезы С.В. Максимов, посетивший Соловецкий монастырь в июле 1856 года: «Огромная трапеза была полна народу, монахи пели. Раздалось чтение житий святых того дня, производимое с особого амвона чередным монахом. При перемене кушаньев, при звоне колокольчика, читалась с амвона и прислуживающими послушниками молитва: Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас! Трапезующие должны были отвечать “аминь”. Всем возбранялись разговоры, все обязаны были есть из одной чашки... Вся посуда была оловянная. Кушанья солить и поливать уксусом обязаны были послушники. На этот раз трапеза состояла из четырех блюд: холодное — соленые сельди с луком, перцем и уксусом; треска со сметаной и квасом; уха удивительно вкусная, из сегодня выловленных сельдей, и каша гречневая с коровьим маслом и кислым молоком. В конце трапезы разносились кусочки просфоры, или богородичного хлеба, освященные в конце пением и разрезанного при том же пении и тогда же. Певчие пели потом молитвы и отпуст, и затем все расходились» [11, С. 134—135].

В Трапезной палате проходили также заседания большого черного Собора — общего собрания всей монастырской братии. Соборы созывались для решения хозяйственных и церковных вопросов, для выбора настоятелей.

На протяжении веков интерьер Трапезной палаты подвергался неоднократным переделкам. Дважды (в 1747 и 1800 гг.) растесывались «для света» окна, которые, в конце концов, приобрели прямоугольную форму. В 1800 году в стене, отделяющей палату от Успенской церкви, была сделана арка, «открывающая, — писал архимандрит Досифей, — все внутреннее церковное благолепие» [9, с. 237]. Таким образом, молитвенное пространство храма было расширено за счет помещения Трапезной. По-

[92] Общая трапезная была построена в 1798 году на фундаменте старых келий, одновременных крепостной стене и совмещенных с ней. Над келиями было сушило, совмещенное с боевым ходом крепостной стены под одну кровлю. В первом ярусе здания 1798 года находились кладовые для хранения продуктов, во втором — трапезная для богомольцев длиной 23 сажени (около 50 метров). Во времена Учебного отряда Северного флота в этом помещении был спортзал.

[93] Поваренный корпус построен в конце XVI века. В 1796 году он реконструирован: сделаны большие окна, настлан кирпичный пол, устроен большой очаг с котлами и трубой. Из Святого озера проведена подземная труба в котел, где вода согревалась и через медные трубы выпускалась. В 1799 году на проездной арке устроены переходы от корпуса к Келарской. В верхнем ярусе были келии для поваров.

Трапезная палата, интерьер, XIX век

явилась возможность совершать богослужения в Успенской церкви для большого количества молящихся, например в престольный праздник.

В 1825 году Трапезная была расписана по стенам и сводам живописью масляной краской из истории Священного Писания с изображением разных святых. Роспись была утрачена во время пожара 1923 года. В 70-е годы XX века Трапезная палата была отреставрирована на XVI век: восстановлена форма окон, арка заложена и восстановлен перспективный портал, обрамляющий вход в Успенскую церковь (не решен, однако, вопрос отопления).

Успенская церковь тёплая и небольшая, так как в ней обычно молились только те, кто трудился в трапезном комплексе. В плане церковь квадратная, она разделена алтарной преградой с тремя разновеликими арками на две почти равноценные по площади части — собственно церковь и алтарь. Оба помещения перекрыты цилиндрическими сводами на распалубках. К алтарной преграде крепился двухъярусный иконостас.

Характерной особенностью Успенской церкви является наличие внутристенных ниш[94] (их можно видеть в северной стене, в алтаре) и камер в южной стене. Ниши и камеры предназначались для хранения церковной

[94] Аналогичные ниши можно видеть и в Келарской палате.

Внутристенные ниши в Успенской церкви

утвари и обогрева помещения. В толще западной стены устроена лестница, ведущая наверх в приделы.

В XVIII—XIX веках Успенская церковь подверглась переделкам. Это уже упоминавшаяся растеска окон, порталов. Как и Трапезная палата, храм по стенам и сводам был расписан сюжетами из Священного Писания и из Патериковых повестей. Например, на одной из картин можно было увидеть изображение кающегося грешника и схимника, приемлющего покаяние. Из уст кающегося выходят разные гады и, наконец, змея. К этой картине дано объяснение: «Сей грешник прииде ко схимнику, дабы покаяться во гресех своих. И виде схимник, что по наименованию грехов из гортани кающегося излетают гады и всяческая мерзость — скорпии и жабы, василиски и аспиды, хамелеоны и драконы крылатые, напоследок показалась оттуда глава змия погибельного. Но грешник не покаялся искренне, и змий обратно в гортани сокрыся. Из сего научитеся не таиться пред пастырем во дни покаянные». Наглядно, просто, поучительно.

К настоящему времени интерьер храма (в архитектурном отношении) полностью восстановлен. При реставрации не всегда стремятся к стопроцентному восстановлению памятника на момент его сооружения. Решая вопрос об устранении более поздних наслоений и искажений, специалисты исходят как из архитектурно-художественной ценности и исторической значимости памятника, так и из возможности и практической

Глава Успенской церкви

целесообразности таких операций. Так реставраторами была восстановлена щипцовая кровля Успенской церкви (хорошо видна с галереи переходов). На южный и северный фасады выходят по три сомкнутых щипца, на западный и восточный — по пять. В XVIII—XIX веках, когда растесывались окна и порталы, щипцовую кровлю заменили простым четырехскатным покрытием (как сейчас на Благовещенской церкви), на палате была сделана полукруглая кровля. После пожаров 1923 и 1932 годов здание оказалось почти разрушенным. В 1970—1980-х годах была проведена реставрация Трапезного комплекса по проекту архитектора О.Д. Савицкой. Реставраторам удалось вернуть памятнику близкий к первоначальному облик, доносящий до нас величие и обаяние русской архитектуры XVI века.

2.2. СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

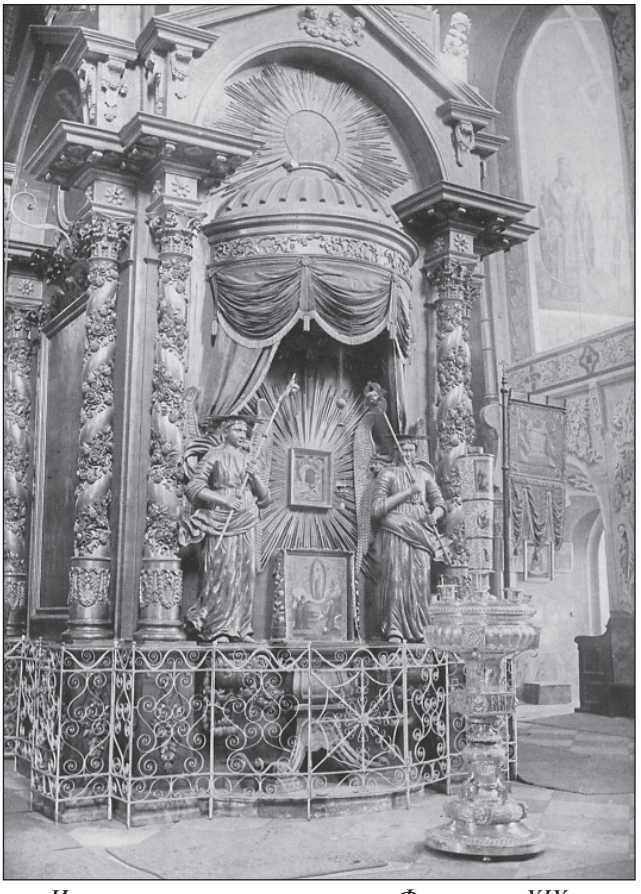
Уникальный по конструкции Спасо-Преображенский собор (1558—1566 гг.) был, по-видимому, построен теми же зодчими, которые возводили Трапезный комплекс, при непосредственном участии игумена Филиппа. Интересно, что Патриарх Никон, глубоко почитавший Святителя Филиппа и старавшийся ему подражать в первосвятительском служении, подражал ему и в своей храмоздательной деятельности. При постройке Спасо-Преображенского собора Ново-Спасского монастыря в Москве (1647 г.), Успенского собора Иверского Валдайского монастыря (1656 г.), Крестовоздвиженского собора на Кий-острове (1661 г.) он взял за основу конструкцию Соловецкого Спасо-Преображенского собора.

Спасо-Преображенский собор двустолпный. Два массивных квадратных в плане столпа делят интерьер на три нефа по продольной и на два — по поперечной осям плана. Отсеки нефов, разделенные подпружными арками, перекрыты крестовыми сводами. Наклоненные внутрь стены и сужающиеся к верху грани центрального светового барабана создают ощущение сильного перспективного удаления. Арочные входы в собор, украшенные с фасадов богатыми перспективными наличниками, расположены с южной, западной и северной сторон. В стенах устроены по-

Резные позолоченные царские врата Спасо-Преображенского собора. Фото кон. XIX в.

луциркульные окна, имеющие надоконнные «лобики»; низ сводчатых ниш выложен уступами, образующими крутой уклон, обеспечивающий проникновение света сквозь толщу стен. Межэтажная связь осуществлялась по внутристенным каменным лестницам. Характерно также устройство внутристенных камер — это одна из специфических черт соловецких памятников XVI века (да и более позднего времени тоже). Полы были выстланы поначалу поливной керамической плиткой голубого, белого, синего, желтого и кирпичного цветов, а в 1797 году — квадратными разноцветными известняковыми плитами «в шахмат». С разноцветием полов гармонировали цветные витражи в окнах.

В алтарную часть ведут две арки — большая и малая — в восточной стене, а два дверных проема соединяют собор с приделами: северным — Зосимо-Савватиевским, и южным — Архистратига Михаила.



Иконостас у южного столпа. Фото кон. XIX в.

Собор был освящён 6/19 августа 1566 года, в день Преображения Господня. А 8/21 августа мощи преподобных Зосимы и Савватия были перенесены в собор от земных недр и поставлены слева на солее. День перенесения мощей с тех пор стал одним из главных праздников обители. Именно в этот день мощи преподобных Зосимы, Савватия и Германа вернулись в возрождённую обитель в 1992 году.

Художественное оформление интерьера в течение веков претерпело значительные изменения. Основным украшением был трех, а затем пятиярусный тябловый иконостас, располагавшийся на алтарной стене. В 1697 году на пожалованные Петром I деньги (600 рублей)[95] был сооружен новый, резной позолоченный иконостас в стиле барокко. Часть икон была

[95] «Выдано на иконостасное в соборной Преображенской церкви строение денег в Москве 200 рублей да на Двине из таможенных доходов 400 рублей». Летописец Соловецкий. 1833. С. 71.

поновлена, некоторые написаны заново, однако в массе своей сохранились иконы письма XV—XVII веков.[96]

В 1830 году иконостасы были устроены с западной стороны столпов — «с двенадцатью великолепными колоннами и балдахинами, кои украшены штофными малиновыми занавесами с бахромою и кистями» [9, с.235]. Под балдахинами были установлены «в сиянии» две иконы Богоматери — справа (у южного столпа) Сосновской, а слева — Хлебенной.

Единственный фрагмент росписи, который можно видеть сейчас, — изображение Спаса Вседержителя в куполе светового барабана было выполнено в нач. XVIII в. В 1861—1863 годах на пожалованные Императором Александром II деньги стены и своды собора были расписаны масляными красками. 9/22 января 1864 года, в день памяти Святителя Филиппа, состоялось торжество освящения обновленного храма Преображения Господня. Служили всенощное бдение, водоосвящение и Божественную литургию 24 старца. Зрелище было трогательное, когда они, в светлых облачениях, выступили из алтаря на середину храма, освещенного четырьмя большими паникадилами. Стены, украшенные живописными изображениями святых ликов, открылись во всем великолепии. Представлялись воображению и те 24 старца апокалипсических, кои повергались ниц пред Сидящим на престоле и воздавали поклонение Живущему во веки веков. Пение совершалось братиею протяжно, торжественно и умилительно. Молящимся казалось, что они не на земле, а на небе; они не чувствовали утомления, хотя всенощная окончилась за полночь. (Духовная беседа. 1864. № 14. С. 495–505.)

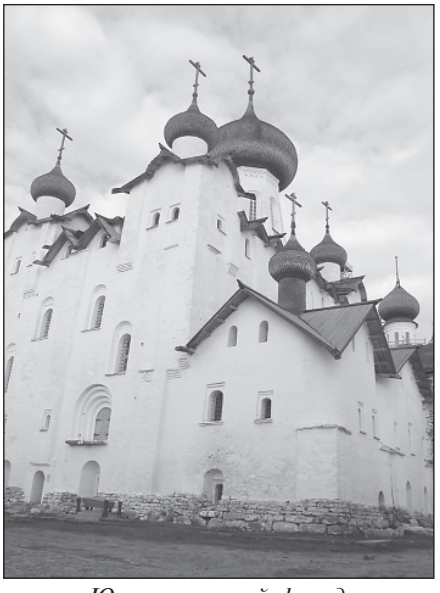
Наиболее полно сохранившиеся фрагменты росписи в 80-е годы были сняты реставраторами и сейчас находятся в фондах музея-заповедника.

К началу 90-х годов XX века были восстановлены своды, окна, стены и все завершение Спасо-Преображенского собора, включая барабаны и луковичные главы, крытые лемехом. В 2002 году по заказу благотворителей был написан и установлен новый пятиярусный иконостас[97].

В наиболее соответствующем XVI веку облике собор можно увидеть с юго-востока, так как с этой стороны отсутствуют пристройки. На юж-

[96] По свидетельству П.Д. Барановского, иконостас был разобран и уничтожен сотрудниками Школы юнг Северного флота в начале 1940 годов. (Соловецкий монастырь: Из архива П.Д. Барановского. М., 2000. Т.1, с. 37). Некоторые иконы, например образ Спасителя с припадающими Зосимой и Савватием, бывший в местном ряду иконостаса справа от царских врат, находятся в коллекции Третьяковской галереи. Другие иконы местного ряда (прпп. Зосима и Савватий с житием, Пресвятая Богородица с предстоящими Зосимой и Савватием, «О тебе радуется...» и т.д.) находятся в Успенском соборе Московского Кремля.

[97] Иконостас выполнен иконописной мастерской Ильгиза Ханова по проекту архитектора О.И. Журина на средства международного фонда имени прпп. Андрея Рублева. Освящен 18 августа 2002 года.



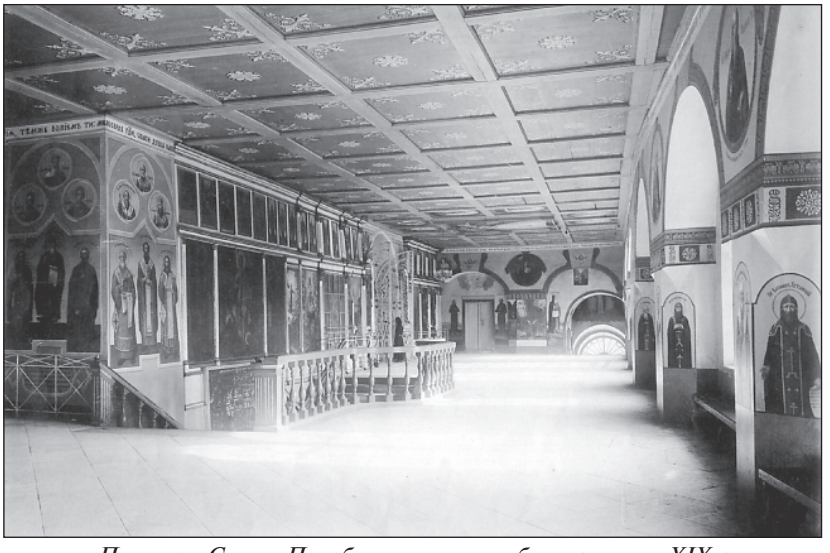
Юго-восточный фасад Спасо-Преображенского собора

ном фасаде сохранился оформленный порталом вход на уровне второго этажа, к которому, по-видимому, вела деревянная лестница. В алтарной части сохранились южная и центральная апсиды, которые пристроены к алтарной стене как отдельные маленькие церковки. В плане они прямоугольные, в отличие от обычных круглых. Возможно, что здесь сказалось влияние деревянной архитектуры, основным формообразующим элементом которой была прямоугольная клеть. Вместо северного Зосимо-Савватиевского придела[98] в 1860 году был пристроен Троицкий храм. Под центральной апсидой алтаря в подклете находилась часовня преподобного Зосимы на месте его погребения в 1478 году. В настоящее время в усыпальницу преподобного Зосимы можно пройти из подклета Троицкого собора через северный вход в подклет Преображенского собора. Сохранился перспективный портал, обрамленный наличником с килевидным завершением и резными каменными вставками в виде двойных дынек.

Толщина стен собора достигает на уровне подклетов пяти метров. Монолитную цельность сооружения подчеркивают широкие, большого выноса угловые лопатки, по очертаниям напоминающие контрфорсы. Массивные центральные лопатки разделяют фасады на прясла и проявляют внутреннюю структуру двустолпного храма. Центральный световой барабан, имеющий форму усеченной пирамиды, опирается на два столпа и на алтарную стену, и поэтому расположен несимметрично по отношению к четырём главкам верхних приделов: он сильно смещен к востоку. Д.С. Лихачев указывает, что смещение центра тяжести собора к востоку может быть обусловлено необходимостью придать устойчивость зданию, выстроенному на покатом склоне[99] [12, с. 20]. По углам кровли устроены четыре придела, напоминающие прямоугольные в плане башни: северо-западный — Иоанна Лествичника, юго-западный — Феодора Стратилата,

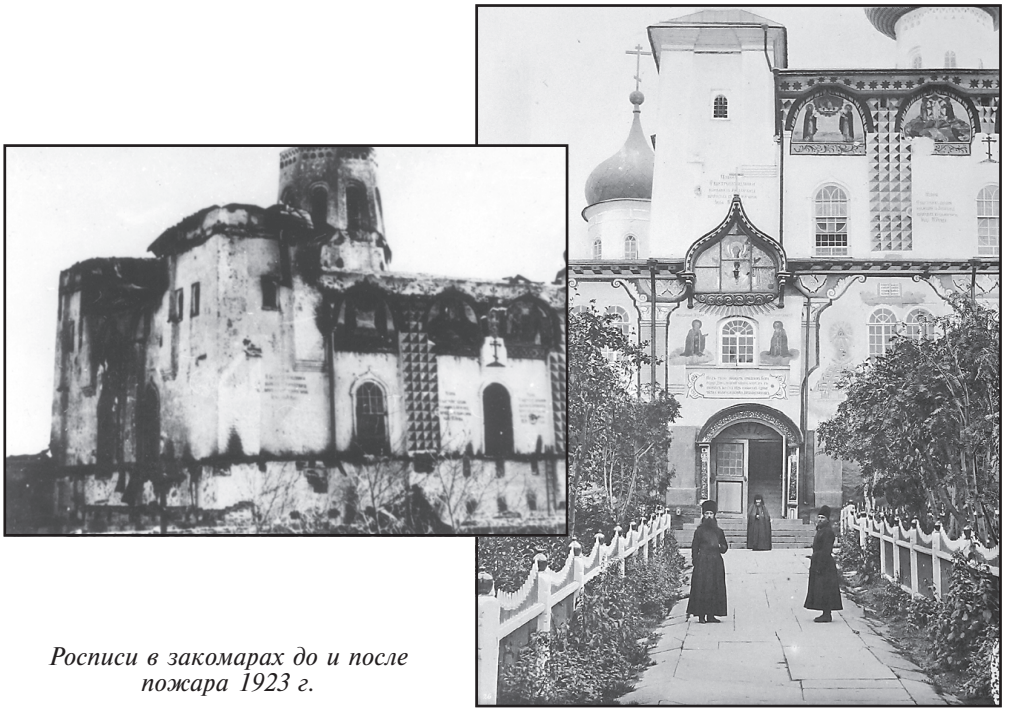
[98] В 1795 году придел был расширен: «пристроен вновь алтарь и церковной паперти прибавлено». Следующая перестройка последовала в 1816 году, когда выстроен был алтарь над проездной аркой, соответственно увеличилось и пространство церкви [9, с. 236].

[99] Аналогичный прием использован при строительстве Троицкого храма в Троице-Сергиевой Лавре.



Паперть Спасо-Преображенского собора в конце XIX в.

юго-восточный — Двенадцати Апостолов и северо-восточный — Семидесяти Апостолов. Каждый придел завершается бочкообразной кровлей, над которой на глухом барабане высится луковичная главка с восьмиконечным крестом. Всходы в приделы устроены в толще южной стены.



Росписи в закомарах до и после пожара 1923 г.

Неотъемлемой частью собора, определявшей его архитектурный облик в XVI—XVII веках, были паперти, лестницы, звонница, деревянно-каменные переходы. В 1602 году южная часть паперти Спасо-Преображенского собора была перестроена под книгохранительную палату, где она и помещалась до второй половины XVIII века, когда была переведена в специально выстроенное помещение в первом ярусе колокольни[100]. Существующая каменная пристройка, которая окружает собор с северной и западной сторон, сформировалась в результате многократных переделок XVIII—XIX веков.

На западном фасаде Преображенского собора в закомарах сохранились росписи. Они появились в XVII веке, либо, самое позднее, в начале XVIII века. В описи 1705 года о них говорится: «С западной стороны тоя церкви в четырех закомаринах писано настенным письмом образ Преображения... да образ Благовещения... да образ преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев, да образ Филиппа Митрополита, да Германа Чудотворца».

2.3. СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕПОСТИ

Соловецкая крепость (1582—1594 гг.) относится к типу регулярных крепостей, рассчитанных на активную круговую оборону с использованием артиллерии. Поэтому отличительными чертами крепости являются: прямая трассировка стен большой толщины (при относительно малой высоте), равноценное распределение по периметру боевых башен и их значительный вынос за плоскость стен, наличие подошвенного пушечного боя.

Общая протяженность стен Соловецкой крепости — 1084 метра, толщина у основания 5—7 метров, а на уровне боевого хода составляет 3—4 метра. Высота стен зависит от их ориентации. Так, высота северного прясла достигает 11 метров, а восточного — около 8 метров, высота башен — до 17 метров.

Стены имеют два яруса бойниц. Верхний ярус предназначался для ведения ружейного огня. Пушки устанавливали в башнях либо в печурах подошвенных бойниц на лафетах и специальных срубных конструкциях. Кроме того, над проездными воротами[101] и в местах примыкания стен к

[100] В конце XVII века в монастырской библиотеке имелось более полутора тысяч томов книг. Это были богословская и богослужебная литература, церковная публицистика, книги по церковному и гражданскому праву, сборники церковно-назидательного характера, литература светского содержания. К середине 30-х годов XIX столетия библиотека насчитывала уже 2532 печатные и 1004 рукописные книги. В 1854 году наиболее ценные книги были вывезены из монастыря в связи с ожидавшимся нападением англичан.

[101] Наклонные бойницы можно рассмотреть над входом в Никольскую башню, над Святоезерскими вратами, справа и слева от Архангельской башни.

башням устроены бойницы навесного боя, позволявшие вести огонь по неприятелю, находившемуся у подножия стен.

В плане крепость имеет форму вытянутого с севера на юг пятиугольника, по углам которого размещены круглые боевые башни: Архангельская, Никольская, Корожная, Прядильная, Белая. Западное прясло, обращенное к морю, укреплено Успенской башней. На Святое озеро выходит пристенок с двумя башнями — Поваренной и Квасоваренной. В башнях и стенах устроено одиннадцать проездов: три — в угловых башнях — Никольской, Корожной и Белой; далее — семь ворот сделанных непосредственно в пряслах стен, — Сельдяные, Святые, Сушиленные (упразднены), Архангельские, Святоезерские, ворота пристенка — Поваренные и Квасоваренные, а также Никольские, переделанные в начале XX века из пушечной бойницы.

Характерен проезд в нижнем ярусе Никольской башни (ныне не действует), устроенный «коленом», т.е. имеющий в плане Г-образную форму. Арки проезда — наружная и внутренняя — расположены под углом 90°, причем наружная арка расположена не на фасадной, а на боковой стороне башни. Наружная арка дополнительно укреплена стрельницей с тремя бойницами косого боя, направленными к подножию башни и блокирующими непосредственные подступы к воротам. Всё это делало ворота неуязвимыми для артиллерийского огня и живой силы противника.

При сооружении восточной стены крепости здания поварни и квасоварни оказались встроенными в нее. Поскольку первое время они оставались незащищенными, ослабляя боеспособность крепости, в 1621 году был возведен закрывающий их пристенок с двумя башнями и двумя воротами, получившими названия расположенных за ними служб.

В систему оборонительных сооружений Соловецкого монастыря входили также два сухих рва, прорытых с «приступных» — южной и северной — сторон крепости. Северный ров сравнительно хорошо сохранился до наших дней.

Белая башня замыкает южный узел обороны. Ее можно рассматривать как типичный образец круглой боевой башни Соловецкой крепости. Башня выложена с уменьшением внешнего диаметра по высоте. В Белой башне четыре яруса боя. На трех нижних ярусах устанавливались артиллерийские орудия. Их ставили в печурах — глубоких сводчатых нишах в толще стен. Амбразуры пушечных бойниц выходят на фасады малозаметными квадратными оконцами. В боковинах печур крепились блоки или металлические кольца, через которые продевались укрепленные на пушечных лафетах канаты, служившие для наката орудий к амбразуре после выстрела. Бойницы верхнего яруса предназначались для ведения огня из стрелкового оружия.

Каждый ярус башни перекрыт брусчатым настилом по мощным балкам-прогонам, введенным в гнезда валунной кладки. По настилу четвертого яруса уложен кирпичный паркет — в целях противопожарной безопасности. В центре настила сделано большое прямоугольное отверстие для подъема оружия, боеприпасов и т.п. в верхние ярусы. Для хранения пороха и свинца в боевой обстановке в толще стен устроены сводчатые камеры.

Круглые башни Соловецкого монастыря примерно на 60—70% своего объема вынесены за стены. Это позволяло из крайних амбразур защищать огнем прясла крепостной стены. Все было устроено очень продуманно и с архитектурно-художественной, и с фортификационной точек зрения. Зодчие Иван Михайлов и Трифон Кологривов с помощниками создали неприступную крепость.

Однако в начале XVII века были предприняты дополнительные усилия для укрепления обороноспособности монастыря: сушило, примыкающее к Белой башне, было обстроено валунными стенами. Сушило, построенное в XVI веке, было предназначено для сушки монастырского зерна перед помолом. Для этого были специально построены две одностолпные палаты с теплым каменным полом, под которыми располагались сводчатые камеры с печами. Тепло, как и в Трапезной, поступало по специальным каналам в толще стен. Здесь, в случае дождливой погоды, могли также сушиться сети, одежда и т.п. При строительстве крепости западный и южный фасады здания, остававшиеся за пределами крепостных стен, были обнесены валунной кладкой. Впоследствии в нижнем ярусе (в печурах пристроенных валунных стен) содержались узники. Во время Соловецкого восстания 1668—1676 годов на сушиле были прирублены раскаты (деревянные стены) и установлены пушки. Таким образом, сушило, задуманное и возведенное как хозяйственная постройка, в силу необходимости стало элементом крепости. Сушило вполне логично было построено рядом с мельницей, которая действовала на канале, протекавшем из Святого озера в море.

2.4. ЦЕРКОВЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы над Святыми вратами[102] была заложена в 1596 году, а 1 октября 1601 года освящена игуменом Исидором. Первоначально она была в плане квадратная, покрытая

[102] К главному входу в обитель вела мощеная дорожка от царской пристани. Над Святыми вратами сохранился кирпичный кивот, в котором до закрытия монастыря находился чудотворный образ Спаса Нерукотворного, написанный преподобным Елеазаром Анзерским в 1621 году. Помимо двустворчатых деревянных, обитых железными полосами ворот, вход перекрывался еще опускной решеткой — герсой. В XVII веке к вратам была пристроена аркада, восстановление которой было начато в 2006 году (от нее остались только опорные столбы). По обе стороны от входной арки размещались торговые лавки для богомольцев.

тремя ярусами щипцов «вперебежку» (изображение щипцовой кровли сохранилось на иконе Преображения XVII века). В 1794 году щипцовая кровля была уничтожена, храм крыт листовым железом на четыре ската[103], а в конце 1830-х годов церковь была «распространена» — ветхие деревянные притворы и галереи заменили каменными, над западным входом появились хоры. С северной стороны к церкви примыкали покои настоятеля монастыря, поэтому она всегда использовалась как домовая церковь настоятеля, в ней совершали обряд пострижения в монашество, в ней же новопостриженные проводили положенное время в молитвах и благодарении. Во время СЛОНа[104] в церкви был устроен антирелигиозный музей, благодаря чему в ней единственной хотя бы частично сохранился интерьер. Росписи были сделаны, по-видимому, при архимандрите Иоанникии, так как на южной стене вблизи алтаря изображен его святой покровитель. На северной стене сохранились изображения двух духовных друзей: игумена Иринарха и его ученика — преподобного Елеазара Анзерского. Достойно удивления, что при совершенно различных образах служения Господу (Иринарх возглавлял огромное монастырское хозяйство: около 700 монахов, 1000 трудников и 1000 стрельцов, а Елеазар жил в безмолвии, угождая Господу постом и молитвами), они сохранили поразительное единодушие и взаимную любовь, так что при кончине преподобного Иринарха знали о происходящем, находясь на расстоянии в 30 верст.

Главная тема росписей — Благовещение: в арке перед иконостасом изображены Пресвятая Богородица и архангел Гавриил, возвещающий Ей радостную весть. Над аркой на стене слева — встреча Девы Марии со своей родственницей Елизаветой — матерью Иоанна Крестителя. Справа — ангельский хор, воспевающий «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим». На северной стене написан ветхозаветный образ Пресвятой Богородицы — лестница, которую видел во сне патриарх Иаков. В акафисте Благовещению поется: «Радуйся, лествице небесная, ею же сниде Бог». Роспись на южной стене — пророк Моисей, предстоящий горящему и несгорающему кусту, из которого к нему обращается сам Господь, — напоминает о другом образе Богородицы из того же акафиста: «Радуйся, купино[105] неопалимая». Как куст горел и не сгорал, так Мария родила своего Божественного Сына и осталась чистой Приснодевой. Эти росписи иллюстрируют паремии, читаемые на всенощной под

[103] В летописи упоминается, что в ночь на 11 февраля 1745 года «погорела церковь Благовещения Пречистыя Богородицы и келии архимандричьи. Архимандрита (Геннадия) тогда в монастыре не было, и оная церковь им же, архимандритом, построена и освящена того ж году октября 15 дня, и келии архимандричьи построены» [6, л.30]. В каком виде церковь была перестроена неизвестно, возможно, что четырехскатная крыша появилась уже тогда.

[104] СЛОН — Соловецкий Лагерь Особого Назначения.

[105] Купина — куст по-древнеславянски.

Отреставрированный Святительский келейный корпус

Благовещение. Резной позолоченный иконостас XIX века был восстановлен реставраторами[106] в 1996—1999 годах по сохранившимся фрагментам. Царские врата — копия врат, подаренных келарем Троице-Сергиевой Лавры Александром Булатниковым[107], которые были вывезены в 1939 году и находятся в Москве в музее «Коломенское». Иконы все новописаные, за исключением Нерукотворного образа Спасителя XIX века в верхней части иконостаса. Церковь была отреставрирована и передана в пользование Спасо-Преображенскому Соловецкому монастырю. С 25 марта 1992 года по благословению Святейшего Патриарха Алексия в храме ежедневно совершались богослужения. С 2006 года богослужение обычно совершается в церкви Святителя Филиппа, так как церковь Благовещения стала тесновата даже для монастырской братии, не говоря уже о прихожанах и поломниках. Поэтому в уютном намоленном Благовещенском храме теперь служится Божественная Литургия только по субботам и некоторым Богородичным праздникам[108].

2.5. СТРОИТЕЛЬСТВО КАМЕННЫХ КЕЛИЙ

В XVII веке по периметру центрального дворика монастыря устраиваются каменные келии. На примере отреставрированной части Свяги-

[106] Работы велись под руководством В.И. Николашина НИиПК «Палата» по поекту Т.М. Афанасьевой.

[107] Врата были подарены для Зосимо-Савватиевской церкви в 1633 году. Позднее они были перенесены в Успенскую церковь, а после 1785 года — в Благовещенскую. В надписи на резных колоннах упоминается имя резчика Троице-Сергиевой Лавры Льва Иванова.

[108] По благословению Святейшего Патриарха Алексия II (1.06.1992) в престольные праздники Божественная Литургия также совершается в соответствующем соименном храме или приделе на территории Соловков.

Келия инока. Фото нач. XX в.

тельского корпуса можно видеть, как выглядела внешне келейная застройка в XVII веке. Корпус был одноэтажным. Под обрезом тесовой кровли по фасаду протянут «городок» — декоративный поясок, состоящий из треугольных кирпичных выступов. Он прослеживается также и на Благовещенском и Наместническом корпусах. «Городок» по ребру обводился темно-красной краской. Глубокие ниши окон имеют ступенчатый верхний откос, чтобы достаточно света проникало через небольшое оконце. Кирпичный подоконник не белился. В колодные оконницы была вставлена слюда. Снаружи окна закрывались деревянными ставнями на фигурных кованных жиковинах. Вертикальные членения фасадов — лопатки — выявляют внутреннюю структуру здания[109].

Попробуем теперь представить себе, как протекала монашеская жизнь в этих келиях. Суть монашеской жизни — подражание ангельскому служению: «ангельское дело — молитва, молчание, почитание книжное, апостольское житие, безимение, рукоделие, последняя нищета» [10, с. 95]. Иноческая жизнь подразумевает обращенность души к Богу. А для этого необходимы внимание, безмолвие и тишина, ибо Бог не в громе и в буре, а в тихом веянии ветра, «во гласе хлада тонка». Поэтому в наставлении иноку говорится: «Да бывает ти житие, и хождение, и седение, и глаголание тихо. В келию же подобает входити тихо, и вон исходити такоже. И скрыпания дверного не любити, и колодицею поклонною не гремети, да не смутится сердце брату, живущему воскраи келии твоея. И аще случится помести келию, то тихо и безмолвно, ангельский бо образ прияхом, безмолвное житие. А келию ти, брате, имети чисту, пометену всегда. Аще, брате, у инока келия чиста, то и душа чиста» [10, с. 95]. Келия инока — образ обители небесной, место нынешнего подвига и место будущего покоя. «Аще хощеши обрести покой, и здесь и везде, о всем всегда себе зазирай[110], и не осуждай никого же, не уничижи, не укори, не оклеветай, не похули никого же; и даст ти Бог покой. И будет ти седение, еже в келии, без мятежа и без печали. И тако прочее время седи в келии своей,

[109] Из теплых сеней одна дверь вела в холодные сени и в подсобные помещения (дровяной, нужный и другие чуланы), а вторая дверь выходила непосредственно на улицу.

[110] Всегда во всем себя обвиняй.

и келия твоя научит тя всему добру. И буди, яко мертв, не осуждая и не угождая человекам, и славы от них не приемли» [10, с. 104].

Каждая келия имела отдельный вход и представляла собой обособленную пустыньку, в которой, согласно общежительному уставу, размещались старец (более опытный в духовной жизни монах) и 2—3 ученика. По совершении пострига игумен избирал «старца духовного житием велика, и свята, и искусна житию иноческому» и передавал ему новопостриженного инока от Святаго Евангелия (как из рук Божиих). И говорил ему игумен с молением: «Приими, господине, Бога ради, себе, яко сына духовного, и направи его на путь спасения, и научи, яже сам твориши о спасении души своея»[111]. Таким образом обеспечивалась преемственность духовного опыта. Под руководством старца ученик постепенно усваивал «чин келейный» и «чин монастырский». Правило келейное давалось старцем ученику «по силе», так как в уставе указания по поводу келейного правила отсутствуют. Поэтому «Предание старческое» говорит: келейное правило «деется от своего произволения, как кто возлюбит Бога, но толико твори его по благословению» [10, с. 114].

Монашеское делание рассматривалось как «наука из наук», «художество духовное» — особое ремесло, для овладения которым необходим навык. В монастырских рукописях XVII века встречаются подробные инструкции для новоначальных: как стоять в церкви (на молитву ходити к началу, аще можеши, к стене ти ся не присланивати, не говорити праздных слов, говорити «Господи, помилуй» во едино слово[112]); как вкушать трапезу (а смотрети пред собою, и быть довольным тем, что есть, а не припрашивати, не взяти бы больше другого брата пищи или пития, и от своего урока воздерживаться всею крепостию, никако же бы чреву угождати); и даже как разжигать печь, чтобы не угореть (нагревая келию свою, носи углие вон из печи и чад добре спущай. Таков бо суть угар, обимет спящего инока и смерть бывает). Заканчиваются все эти наставления словами: «Занеже, брате, всему тому наук», — то есть умение приобретается знанием и навыком. О главном же навыке старец Геронтий пишет: «Подобает во общем житии быти сомжарив[113] очи, и уши затокши, и отнюд нему быти. Аще не тако, то многа истязания достойни будем» [10, с. 104].

Чем были вызваны перестройки келейных корпусов в XVIII—XIX веках? Рост материальных и финансовых возможностей монастыря, расширение контактов с внешним миром, расцерковление общества в целом повлекли за собой обмирщение уклада монастырской жизни. Вследствие этого участились, а затем вошли в систему нарушения отдельных поло-

[111] И научи тому, что сам делаешь для спасения души своей.
[112] Одновременно с другими.
[113] Зажмурив (закрыв) глаза.

жений общежительного устава. Манатейные монахи расселяются по одному человеку в келию. Проблема увеличения числа жилых помещений решалась за счет надстройки келейных корпусов вторыми и третьими этажами. Корпуса перестраивались по коридорной системе, которая диктовала более социализированный способ взаимоотношений. В XVII веке, например, существовал специальный чин о приходе брата к брату в келию: «Егда идеши ко игумену или к брату коему, не дошед келии, покашляй и приступи с тихостию. А брату, пришедшу ко твоей келии, не открой все оконце, но прежде услыши глас его, мало отверзи ему, да не все лице твое видит». Ломалось трепетное бережное отношение к внутренней жизни инока. Ломались своды древних келий и делались накатные потолки. Растесывались окна и закладывались кирпичом дверные проемы. Изменились и эстетические вкусы. XVIII—XIX столетия были временем исправления «неправильной русской архитектуры»: уничтожался декор, менялись кровли, разбирались за ненадобностью крыльца и т.д. Наглядным примером в этом отношении может служить Благовещенский корпус, примыкающий с юга к надвратной церкви.

Первоначально в XVII веке Благовещенский корпус, в котором размещались гостиничные келии, был двухэтажным. Его южная и северная части были крыты двускатной тесовой кровлей. Средняя часть — тройным щипцом. На крыльцо второго яруса вела деревянная лестница. В ходе позднейших переделок были сбиты лопатки на фронтонах цент-

Благовещенский корпус (реконструкция)

ральной части, наполовину сбиты лопатки, делящие фасад на прясла, растесаны и смещены по фасадам окна, уничтожены крыльцо и лестница, частично сбит «городок» и замазан «поребрик», заложены входные двери первого яруса. Многие из этих «усовершенствований» достаточно хорошо прослеживаются на натуре. В конечном итоге здание было обезличено «в новейшем вкусе» и обрело черты типичной казенной постройки. То же можно сказать и о большинстве других келейных корпусов.

Между гранитными дорожками центрального дворика произрастал сад из рябиновых, черемуховых деревьев и кустов сирени. Деревья были обнесены деревянной оградкой. Сад не сохранился.

2.6. ОТ ЗВОННИЦЫ К КОЛОКОЛЬНЕ

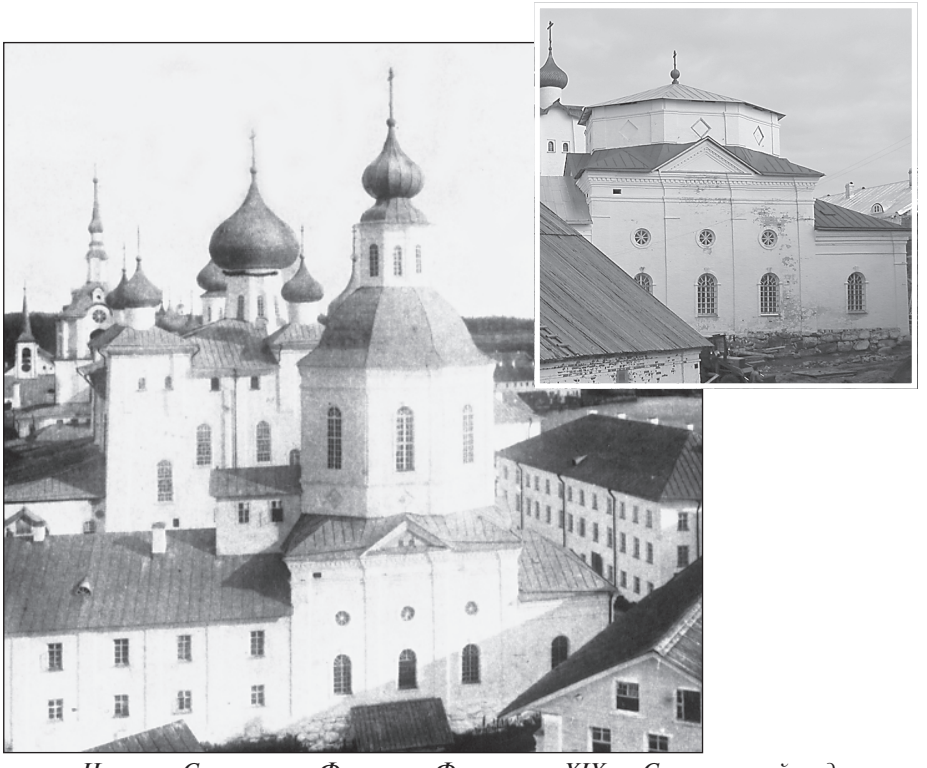
В XVIII и XIX веках крупное строительство предпринималось в основном в случае необходимости замены обветшавших зданий новыми. Так, в XVIII веке за ветхостью была разобрана трехшатровая звонница в древнерусском стиле. Ее сменила в 1777 году высокая колокольня, представляющая собой массивное трехъярусное сооружение в стиле барокко. Третий ярус ее перекрыт купольным сводом и увенчан глухим восьмигранным барабаном с крытыми медью главкой и шпилем. Высота колокольни до креста — около 50 метров.

В третьем ярусе колокольни была устроена обходная площадка с аркбутанами, опирающимися на рустованные колонны-контрфорсы. Там же некогда висел и самый большой колокол обители — Преображенский, весом 1100 пудов (~17,6 тонны). Всего же в конце XIX века на колокольне имелось 35 колоколов.

2.7. ЦЕРКОВЬ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛИППА

В 1798—1799 годах была выстроена церковь Святителя Филиппа. Она представляет собой прямоугольный объем, над которым возвышается восьмерик (после пожара 1932 года он был разобран на 4/5 своей высоты), венчавшийся восьмискатной купольной кровлей и граненым барабаном с главкой. Главка и кровля из листового железа были крашены в зеленый цвет. Алтарная часть храма прямоугольная. Основным декоративным элементом являются пилястры, поддерживающие карниз. Над высокими арочными окнами устроены люкарны (круглые окна) второго света.

В 1859 году на своде в восьмерике был устроен придел в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в память об отражении нападения английских кораблей. В приделе была помещена каменная плита с над-



Церковь Святителя Филиппа. Фото кон. XIX в. Современный вид

писью: «Господи! Отверзи нам ум разумети чудеса Твои! Некто в сей обители перед нападением англичан в 1854 году, после скорбной молитвы, услышал во сне глас: “Прославляющих Мя прославлю”. Это вдохновило его и всех сетовавших в обители. Прославляемая Царица Небесная прославила обитель Соловецкую во спасение всего Отечества. Явила явное заступление в страшную канонаду десятичасовую, во время коей благоволила усвоить в иконе “Знамение” уязвление двумя ядрами за живущих в обители: а потому в обители никто не был убит, никто не ранен, малые чайки, на монастырском дворе сидевшие стаями, между коими падали ядра, не ранены. Вечная благодарность Премилосердной Царице Небесной за великое и дивное заступление обители. Архимандрит Александр с братией возжелали иметь храм Знамения Пресвятыя Богородицы, который и устроен в 1857 году. В сей храм по указу Святейшего Синода перенесена из Анзерского скита чудотворная икона “Знамение” Пресвятыя Богородицы времен преподобнаго Елеазара. Аще Бог за ны никто же на ны, и кто постыдится исповедати Бога пред человеки, того и Он постыдит пред ангелами Своими. Аминь. 1857 год». В настоящее время эта плита находится у северного фасада церкви.

2.8. ЦЕРКОВЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

В 1831—1832 годах на старом фундаменте, но с некоторым расширением, был выстроен новый Никольский храм[114] — бесстолпный, увенчанный каноническим пятиглавием, причем только один — центральный — барабан световой. Четыре угловых — глухие. По купольному своду храм крыт медным листом.

В первом ярусе церкви — подклеты (часть из них — старые, XVI века); во втором ярусе находилась монастырская ризница, а в третьем ярусе — сама церковь с примыкающим с западной стороны притвором в виде классического портика. Высота храма до креста — 38,5 метра.

Церковь была восстановлена в 80-е годы XX века, так как к этому времени находилась почти в руинированном состоянии.

2.9.ТРОИЦКИЙ СОБОР

Троицкий собор был построен на месте прежнего Зосимо-Савватиевского придела Спасо-Преображенского собора в 1859 году по проекту архангельского губернского архитектора Шахларева и имел три престола: во имя Святой Троицы, во имя преподобных Зосимы и Савватия и во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского. Престолы были освящены в разное время. Собор венчался круглым барабаном и массивной луковичной главой. Трехчастная алтарная пристройка включена в общий объем здания. У южной стены в храме стояли раки с мощами преподобных Зосимы и Савватия (перенесены в 1861 г.). Собор выстроен на подклетах и проездной арке. В подклетах были устроены часовни-усыпальницы над местами погребения Святителя Филиппа и преподобного Иринарха.

Нынешняя черная плитка на стенах — наследство советских времен: в 1940—1950-х годах в соборе размещалась столовая Учебного отряда Северного флота.

В 1860 году под Свято-Троицким собором, согласно проекту Шахларева, построена церковь преподобного Германа[115] на месте прежней деревянной часовни (1753 г.), устроенной над местом его погребения. В церкви справа от входа стояла бронзопосеребренная рака над местом, где под спудом покоились мощи преподобного Германа до их изъятия в 1925 году. Ближе к алтарю почивали под спудом мощи Святителя Маркелла,

[114] Вся жизнь Соловков связана с морем: «Кто в море не бывал, тот горя не видал, тот Бога не маливал», — так говорили поморы. Поэтому Святитель Николай — покровитель мореплавателей — был особенно почитаем на Белом море. Первая каменная церковь во имя Николая Чудотворца была построена и освящена 1 сентября 1583 года игуменом Иаковом, а прежняя деревянная церковь перенесена на остров Анзер и установлена в Троицкой губе вблизи монастырской солеварни.

[115] Вход в церковь на 4 метра выдаётся из западного фасада Троицкого собора.

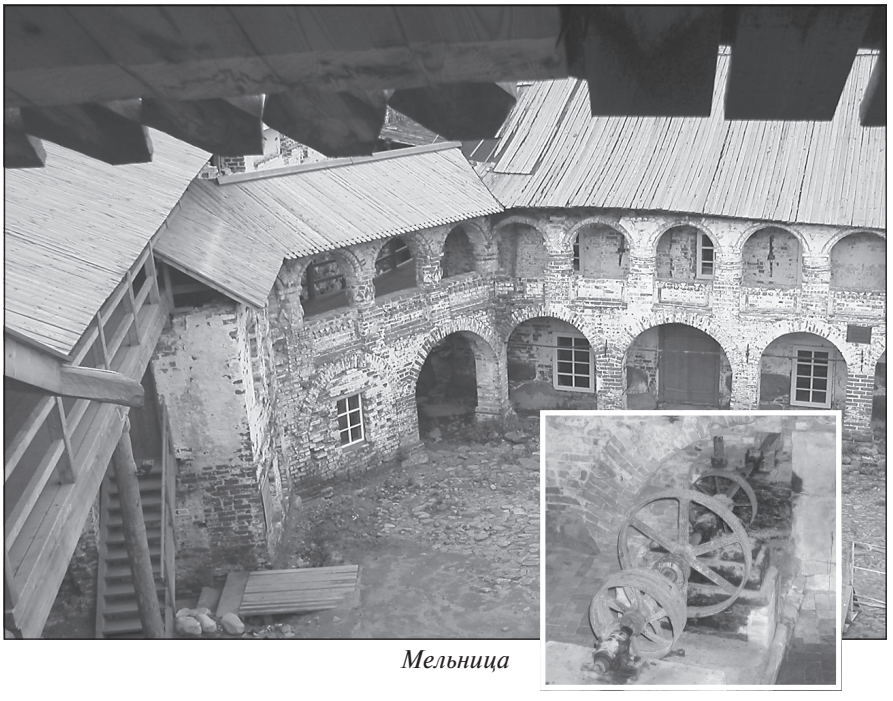
Вологодского архиепископа, бывшего прежде игуменом Соловецким. Храм холодный, в нем в летнее время служили раннюю заупокойную литургию по заказу богомольцев. Церковь крыта листовым железом на два ската. Главка церкви крыта железом (была окрашена в голубой цвет). Восьмиконечный крест был вызолочен червонным золотом.

2.10. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ЮЖНОГО И СЕВЕРНОГО ДВОРИКОВ

Уже в конце XVI века южный дворик Соловецкого монастыря сформировался как зона хозяйственного назначения. Здесь находились амбары для хранения зерна и водяная мельница. Деревянные постройки были уничтожены пожаром 1601 года, но вскоре возобновлены, причем мельница отстроена в камне. Первоначально она состояла из двух корпусов, соединенных галереей. До наших дней сохранился только южный корпус. В XVII веке в его нижнем ярусе стояли два жернова, в верхнем — один жернов, толчея и подсевальня. После реконструкции 1828 года в мельнице имелось уже четыре постава, действовала толчея, была вновь устроена сукновальная машина. Последнее по времени усовершенствование относится к 1908 году, когда водяные колеса были заменены более мощной водяной турбиной. Чтобы подвести воду к мельнице, в XV веке был устроен канал. До XVIII века он был открытым. В 1836 году русло было выложено толстыми сосновыми брусьями с прокладкой зазоров войлоком на смоле, заделкой пенькой и заливкой варом. По сторонам канала сделаны каменные (из валуна) простенки, во многих местах превышающие рост человека, а под стенами сооружений (мельницы, солодовни, под крепостной стеной) выложены булыжные своды. Длина канала более 100 метров.

Мельница соединена с сушилом каменной галереей, которая архитектурно включена в общий объем здания и находится под одной с ним кровлей. Декоративное убранство второго яруса галереи состоит из кирпичного орнамента в виде каплеобразных подвесок на парапетах и ямок на постаментах колонн; круглые колонны обведены двойным валиком, а восьмигранные — поясами небольших фронтончиков («елочка»); арки обрамлены полукруглыми архивольтами. Выкрашенные в темно-красный цвет элементы декора контрастировали с чистой побелкой основных объемов и плоскостей стен, что придавало постройке нарядный праздничный вид.

На том же канале повыше мельницы находилась портомойня (ныне существующее здание построено в конце XIX — начале XX вв.), где «мылось стремлением воды опускаемое в нее на крючках белье». В 1825 году



Мельница

портомойня была приведена «в лучшее состояние устроением в ней с трубою печи, способной к согреванию утвержденного в ней медного котла с краном, в который поднимается холодная вода посредством помпы» [9, с. 18]. При портомойне находилась также келия для послушников. К юго-западу от мельницы расположена братская баня, построенная в 1851—1859 годах из необработанного валуна. Оконные проемы выполнены из кирпича.

Вдоль юго-восточного прясла крепостной стены расположен Прачечный корпус, который состоит из трех разновременных частей (их границы достаточно четко читаются на фасадах). Наиболее ранняя — северная — часть здания построена в конце XVII века (тогда она была одноэтажной и в ней размещалась солодовенная служба). Центральный участок сооружен в XVIII столетии. Южная пристройка появилась в XIX веке. В корпусе размещались «бучейня» (прачечная) с сушильней над нею и келии послушников.

В северном дворике можно ознакомиться с архитектурными особенностями построек XVII века и проследить, как менялся их облик при позднейших перестройках.

О том, что иконописная палата была построена в 1615 году, можно догадаться лишь по толщине стен да по арочному пояску, раскрытому реставраторами на южном фасаде на уровне второго этажа. Палата была

Храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Фото Прокудина-Горского 1915 г. и нач. XXI в.

двухъярусной: в нижнем этаже помещались больница и пономарня, в верхнем — иконописная и сапожная мастерские. В 1798 году здание переоборудовано под тюрьму: в нижнем ярусе находилось 12 чуланов (камер), в верхнем — караульные помещения. В 1826 году пристроен третий этаж на 16 чуланов. В 1906 году здание было реконструировано: в первом этаже устроены аптека, кабинет врача, приемная, ожидальня, баня, ванная, раздевальня; во втором — больничные келии и жилые помещения; в третьем — церковь во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» (освящена 24 октября 1906 г.). Сейчас в здании располагаются островная библиотека, паломническая трапезная и паломническая служба.

Следующая по времени постройка — кожевенный склад (1619 г.). Он предназначался для хранения выделанных кож. С 1827 по 1885 год служил караульным помещением. В верхнем этаже были комната офицера, цейхгауз (оружейный склад) и магазин (продовольственный склад). В настоящее время используется в качестве общежития для монастырских трудников.

Чоботная (Портная) палата была построена в 1642 году. В XVII веке в ее верхнем ярусе (одностолпная палата) находилась швейная мастерская, в нижнем — квартиры «рубашечных швалей», то есть учеников («недорослей») и караульщиков Никольских ворот. В конце XVIII — начале XIX века в верхнем ярусе были устроены слесарные и плотницкие мастер-

Наместнический (нынешний братский) корпус и северный дворик

ские, внизу — кладовая для «разных изделий». Этому зданию реставраторы вернули первоначальный вид.

Рухлядный корпус был построен в конце XVI — начале XVII веков. Во втором этаже находилась одностолпная палата, где хранилась «рухлядь» — одежда, обувь и т.д. В подвальном помещении был рыбный амбар. В XIX веке в первом этаже были устроены погреба для кожи и ворвани; во втором и третьем — граверная мастерская и келии.

Корпус между Иконописной и Чоботной палатами был построен в 1906 году. Первый этаж содержал кухню-буфет и столовую; во втором были помещения для врачебного персонала; в третьем — кельи священнослужителей и операционная. После реставрации в 2005 году в этом корпусе расположены гостиницы для священнослужителей и келии для монастырских трудников.

2.11. ЧАСОВНИ ВОКРУГ МОНАСТЫРЯ

2.11.1. Филипповская часовня

Каменная восьмигранная часовня во имя Святителя Филиппа была построена с северо-западной стороны от монастыря на берегу морского залива в память об отправлении с сего места святых мощей Святителя Филиппа в царствующий град Москву 8/22 июня 1652 года. Внутри часовни находилась памятная доска со следующей надписью:

«По указу царя Алексея Михайловича, в 1652 году было перенесение мощей Святителя и чудотворца Филиппа, митрополита всея России, игумена Соловецкого, из Соловецкой обители в Москву митрополитом Никоном в сопровождении царского боярина князя Хованского и бояр служилых, и множества богомольцев; на этом месте совершено последнее моление и прощание со святыми мощами, и рака была поставлена на ладью; здесь была тогда пристань. Усердие братии и народа было так велико при прощании, что многие от слез умиления изнемогали на этом месте; плач и рыдание наполняли воздух и потрясали чувства всех. В честь и память Святителя Филиппа на этом месте была часовня деревянная, а в 1857 году, по распоряжению настоятеля архимандрита Александра с братиею, поставлена каменная. В эту часовню ежегодно, в неделю Всех святых, бывает крестный ход из обители со святыми мощами Святителя Филиппа, коих три частицы отделил Никон в утешение сетующей братии».

В 1989 году часовня была передана для богослужений Соловецкой религиозной общине и в ней вновь зазвучали молитвы. По благословению епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона 2 июля 1989 года часовня была освящена игуменом Германом и на ней был установлен крест. Сослужал игумену Герману его родной брат диакон Иоанн (сейчас игумен Зосима). Таким образом, с этой часовни началось духовное возрождение Соловецкой обители. В 2004—2005 году в часовне закончены реставрационные работы, проведенные на средства М.М. Поваляева. В часовне находится источник воды.

2.11.2. Иоанно-Предтеченская часовня

Таборская часовня, освященная в память Усекновения главы Иоанна Предтечи, расположена к северо-востоку от монастыря, в районе аэропорта. Название получила от местечка «Таборы», где находился лагерь стрельцов воеводы Мещеринова. Впервые была выстроена стрельцами «на том самом месте, где погребены убитые и умершие из войска», осаждавшего монастырь. До 1854 года была деревянной. В 1854 году возобновлена в камне. В плане восьмиугольная с круглым деревянным световым барабаном на купольной кровле. При постройке «крыша и глава покрыты железом и выкрашены масляными красками — крыша зеленою, глава желтою. Входные двери с западной стороны — деревянные, створчатые, глухие — окрашены масляными красками. Над ними снаружи икона... Окон внизу — 4, в фонаре — 4 и над дверью одно полукруглое, во всех рамы деревянные со стеклами. Пол настлан белою каменною плитой, внутри ее мерою 7 аршин, на восточной стороне иконостас сто-

лярной работы с полуколоннами. Во весь иконостас крест осьмиконечный с резным Распятием и с пространной надписью о мятеже Соловецком, зачинщиками которого прямо называются князь Львов и беглые разинцы со своими начальниками Фаддейкой Кожевниковым и Ивашкой Сарафановым.

Часовня поставлена на гробах павших здесь 112 царских воинов, о упокоении которых архимандритом Александром установлено совершать панихиду 22 января и 29 августа.

«Иисусе Христе! Молитвами Святаго Иоанна Предтечи даждь верным сынам нашего отечества, убиенным и зде погребенным, в день праведного своего воздаяния живот вечный и венцы нетления. Аминь» [25, с. 111].

2.11.3. Петровская часовня

Петровская часовня выстроена была при архимандрите Фирсе на месте большого деревянного Креста, поставленного на берегу по приказанию Петра I в память о его пребывании в Соловецком монастыре 7—10 июня 1694 года и 10—15 августа 1702 года. Согласно летописцу, «Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержец, прииде от города Архангельска в обитель Соловецкую помолитися со всем своим царским синклитом на яхте и с Холмогорским епископом Афанасием. И изволил отбыть к Архангельскому городу июня 10 дня» [6, л. 21]. Часовня была возобновлена тщанием архимандрита Геннадия 25 августа 1758 года и украшена внутри картинами исторических деяний сего Великого Государя. Каменная восьмигранная часовня выстроена в 1855 году. Посещение Петра I было чрезвычайно важно для монастыря, так как он тем самым восстановил статус царского богомолья, утраченный во время Соловецкого сидения.

Глава Петровской часовни

После советского запустения часовня восстановлена при наместнике Спасо-Преображенского монастыря архимандрите Иосифе и при директоре Соловецкого музея М.В. Лопаткине специалистами художественно-промышленной академии Санкт-Петербурга на средства Товарищества Северного морского пароходства и освящена в 2001 году Святейшим Патриархом Алексием II.

2.11.4. Константиновская часовня

Константиновская часовня, каменная, от монастыря к северу у Петербургской деревянной гостиницы, построена при архимандрите Димитрии в 1844 году в память посещения Соловецкого монастыря Великим Князем Константином Николаевичем[116]. «16 июня в 7 часов утра Великий Князь, прибыв в монастырь, посетил молебен в Зосимо-Савватиевской церкви, слушал литургию в Преображенском соборе, после литургии был в братской трапезе и осматривал обитель со всеми ее хозяйственными заведениями; на другой день 17 числа в 6 часов утра ездил в скиты: Троицкий и Голгофо-Распятский на Анзерском острове. Возвратясь оттуда в 4 часа пополудни, после молебна в Преображенском соборе, Великий Князь отправился в Архангельск» [5, с. 145].

Часовня посвящена Святым Равноапостольным Царям Константину и Елене. Часовня в плане восьмиугольная, сложена из кирпича, крыша крыта листовым железом (в XIX в. была выкрашена зеленою краскою, глава — желтою краскою). В четырех фронтонах располагались треугольные иконы: Господа Саваофа, Архангела Михаила, Святителя Николая и Святой Княгини Ольги. В часовне 4 окна, вход с западной стороны. В круглом деревянном барабане — также 4 окна прямоугольной формы. По углам фасады часовни украшены лопатками, под карнизом — декоративный ряд «сухариков». Пол выстлан белыми каменными плитами. В фонаре «во весь потолок икона круглая, на ней написан Спаситель до пояса с благословляющею рукой». В часовне на большом кресте собственноручно Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич изволил выбить медными гвоздями следующую надпись: К.Н. 16 июня 1844. [25, с. 107]

2.11.5. Александровская часовня

Александровская часовня, каменная, у монастырской пристани, близ Святых ворот, построена в 1858 году в память Высочайшаго посещения Соловецкой обители Императором Всероссийским Александром Нико-

[116] Великий Князь Константин Николаевич (1827—1892 гг.) — второй сын Императора Николая Павловича. Император Николай с детства определил его для службы во флоте, и уже в 1831 году он был назначен генерал-адмиралом, начав вместе с тем проходить лестницу морских чинов. С 1855 года он управлял флотом и Морским ведомством на правах министра. Первый период его управления ознаменовался целым рядом важных реформ: прежний парусный флот был заменен паровым, был сокращен личный состав береговых команд, упрощено делопроизводство по делам Морского ведомства, раньше всех других ведомств во флоте был положен конец господству телесных наказаний. В состав служащих в морском министерстве были привлечены новые, по преимуществу интеллигентные, силы; многие видные русские писатели, такие как Гончаров, Писемский, Григорович, Максимов, в эту пору состояли служащими в этом министерстве или исполняли его поручения.

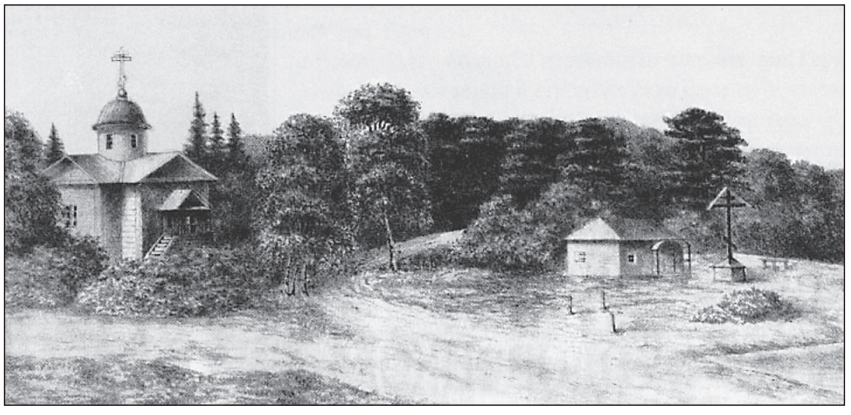
Молебен в присутствии государя Александра II

лаевичем (1818—1881 гг., на престоле с 1855 г.). «20 июня 1858 года в 11 часов утра Государь прибыл к Соловецкому острову. Архимандрит Александр, бывший во время осады настоятелем обители, в 1857 году рукоположенный во епископа Архангельского, сопровождал Государя Императора и встречал его вместе с управляющим Соловецкою обителью настоятелем Сийского монастыря архимандритом Мелхиседеком. Государь, отстояв молебствие у рак преподобных и приняв иконы, преподнесенные ему и для Государыни Императрицы, осматривал поврежденные выстрелами иконы и, увидев на иконе Страстей Спасителя пробоину от выстрела, Государь изъявил желание, чтоб этот знак, на память потомкам, остался незаделанным. Выйдя на площадь внутри обители и осмотрев сложенные в виде пирамид неприятельские ядра и бомбы, Государь взошел на крепостную стену и, обойдя ее, посетил оружейную, из которой пожелал получить несколько древних бердышей для принца Виртембергского и своих детей; осматривал гостиницу за монастырем, наиболее пострадавшую от бомбардирования; ездил на береговые батареи, заходил в часовни: Константиновскую, устроенную в память посещения монастыря Великим Князем Константином Николаевичем, и Иоанно-Предтеченскую, воздвигнутую на могиле царских воинов, павших во время Соловецкого мятежа, и потом в обители посетил ризницу, где обратил особенное внимание на царские грамоты, а затем — Успенский собор, братскую трапезу, воинские казармы и арестантские помещения, и при этом

Александровская часовня

некоторым заключенным оказал милость. На другой день в половине пятого утра Государь был уже за литургиею в церкви преподобных. Поклонившись мощам преподобных Германа и Иринарха в их часовнях и посетив усыпальницу Святого Филиппа, он возвратился на пароход. Там архимандрит Мелхиседек поднес Государю Императору икону для Государыни Императрицы Александры Феодоровны, хлеб, соль и рыбу. В 6 часов пароход отплыл от острова. Царские щедроты и предшествовали, и сопутствовали высочайшему посещению обители, впервые увидевшей монарха после Петра I. Еще в 1856 году от Государыни Императрицы Александры Феодоровны присланы в обитель на поминовение Императора Николая I золотые, весом 12 фунтов — потир, дискос, звездица и тарелочки. 20 июня 1858 года в день своего прибытия Государь Император от себя и от Государыни Императрицы пожаловал золотую лампаду к раке преподобного Зосимы, покров, шитый по бархату золотом, на раку преподобного Савватия и 2000 рублей на построение придельного храма во имя Святого Князя Александра Невского. Впоследствии было прислано от монарших щедрот пять парчовых священнических облачений и четыре диаконских с одеждами на престол и жертвенник. В 1860 году доставлен в обитель колокол в 72 пуда, отлитый в Ярославле на заводе Чарышникова, из украшений, бывших на гробе Императора Николая I. На колоколе изображена Соловецкая осада. Колокол повешен на колокольне, устроенной в ограде обители и освященной в 1863 году» [5, с. 169—170].

Часовня посвящена Святому Князю Александру Невскому. Она восьмиугольная в плане, с четырьмя фронтонами, каждый из которых поддерживается двумя круглыми колоннами. Стены оштукатурены и побелены. На барабане устроена главка в форме стилизованной императорской короны. Крыша восьмигранная купольная, крыта листовым железом (в XIX столетии была выкрашена в зеленый цвет, глава — местами позолочена). В треугольных фронтонах росписи масляной живописью: Спас Вседержитель, Знамение Пресвятой Богородицы, Святой Благоверный Князь Александр Невский, Святитель Николай, преподобные Зосима и Савватий. Входные двери — с западной, северной и южной сторон (створки дверей были до половины застеклены).



Часовня святой вмц. Варвары. Лит. Черепанова, 1884 г.

2.11.6. Варваринская часовня

Деревянная крестообразная часовня во имя святой великомученицы Варвары была построена в 1857 году в трех верстах от монастыря при морской губе, называемой Долгой. Вблизи часовни находился причал для перевоза в дальние скиты на остров Анзер и на остров Муксалма. В часовне находилась надпись следующего содержания: «Безначальный Боже, сияя солнце на благия и злыя, и одождяяй на праведныя и неправедныя, Ты и ныне, молящуюся к Тебе, услыши мя рабу Твою, всякому человеку, иже мене и моя страдания воспоминати будет, да не приближится ему болезнь внезапная, и смерть нечаянная его да не похитит. Так молилась святая великомученица Варвара, ведомая своим родителем на мечное посечение. И Господь внял усердной молитве рабы Своей, и благоволил явить видимое знамение того, что пламенная предсмертная молитва ея вниде во уши Господа, и сице, егда моляшеся святая, слышан бысть глас с небесе, призывающий ее в горняя и обещающий ей просимое исполнити» [25, с. 117]. Одной благочестивой христианке даровано было исцеление и повелено в благодарность принести икону святой великоомученицы Варвары в часовню Соловецкой обители, что и было исполнено.

В 20—30-е годы XX века в часовне размещалось Управление лагерного лесничества. По воспоминаниям архимандрита Феодосия (Алмазова)[117], среди работавших в лесничестве были архиепископ Иларион (Троицкий), епископ Антоний (Панкеев), епископ Василий (Зеленцов), протоиереи Гриневич и Трефильев, писатели О. Волков и М. Розанов, князь И.Н. Чегодаев и многие другие. О встрече с Владыкой Иларионом во время посещения лесничества М.З. Никонов-Смородин писал: «На широкой колонне большая икона великомученицы Варвары, около стоит кровать

[117] Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспонинания. М., 1997.

Архиепископ Иларион

и на ней сидит высокий, плотный, еще не старый ширококостный человек, с длинными, как у священника, волосами, окладистой русской бородой и такими же усами. Одет он в полушубок, по-видимому, только что пришел. Его спокойное лицо совсем не носило печати угнетения — общей печати нашей Соловецкой жизни, — а его медленные, уверенные движения дополняли впечатление какой-то живущей в нем скрытой силы. Это был лесник Соловецкого лесничества — архиепископ Иларион Троицкий. Он внимательно на меня посмотрел и приветливо поздоровался»[118]. Лесничество должно было заниматься учетом и устройством леса Соловков, а также надзором за лесозаготовительными работами, но реально его распоряжения и рекомендации не выполнялись.

После лагеря часовня была заброшена, а в 50-х гг. XX в. разобрана за ветхостью Сводным отрядом Северного флота. В 2002 году архимандритом Иосифом с братией на месте фундамента часовни был воздвигнут Поклонный Крест.

К великомученице Варваре обращаются с молитвой отправляющиеся в путь по морю на Анзер и Муксалму, почитая ее как избавительницу от внезапной смерти от бури на море и от огня на суше.

2.12. НЕКРОПОЛЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ: МОНАСТЫРСКОЕ КЛАДБИЩЕ, ЦЕРКОВЬ ПРЕПОДОБНОГО ГЕРМАНА И ПОДКЛЕТЫ ТРОИЦКОГО СОБОРА

Смысл почитания святых мощей и могил святых угодников Божиих вполне ясен: преподобные, основав обитель и за свою праведную жизнь имея дерзновение перед Богом, ходатайствуют о своей обители как хозяева, непрестанно молятся о ней — оттого благодать Божия обильно почиет на ней, оттого это место свято, и молитва здесь особенно многомощна, скорее доходит к преподобным. Действенно не только обращение к прославленным уже святым обители, но и ко многим здесь подвизавшимся. Поэтому надеемся, что сведения, касающиеся почивших на Святой Соловецкой земле, послужат поводом для молитвенного обращения к самим подвижникам, многие из которых ныне прославлены, или к самому Господу о упокоении душ тех, кто нуждается в нашей молитвенной помощи.

[118] Соловецкий сборник. Вып. 2. Архангельск, 2005, с.153.

Братское монастырское кладбище с церковью во имя прп. Онуфрия Великого. Фото кон. XIX в.

В воспоминаниях о монахе Данииле[119] сохранилось следующее повествование, касающееся упокоившихся на монастырском кладбище. «В одно время, проживая в Соловецком кремле, о. Даниил проходил по внутреннему коридору крепостной стены Соловецкого монастыря, где встретил одного инока, поприветствовав которого, спросил: “Как, брат, живешь?” Брат сей разочарованно отвечал: “Все мы живем очень худо, наверно и погибнем”. И в таком глубоком разочаровании продолжал свой разговор с о. Даниилом. На все это о. Даниил и говорит ему: “Так думаешь, что все в монастыре грешники? Все погибнут? Нет, брат, напрасно ты так думаешь”. Сказав сии слова, стал о. Даниил смотреть в окно на братское кладбище. Собеседник о. Даниила также подошел к окну, а старец уже строго вопрошает сего скорбного инока: “Посмотри-ка, брат, на кладбище, все ли в обители грешники?” И вдруг инок увидел горящие

[119] Монах Даниил (старец Дионисий) († 31 октября 1888 г.). Сей замечательный старец и подвижник, удостоенный от Бога дара прозорливости в особенной степени, доживал свой век при настоятеле Соловецкого монастыря архимандрите Мелетии. Среди братии и богомольцев он был известен как о. Дионисий (его имя в рясофоре). Незадолго до смерти был пострижен в мантию с именем Даниил. В подробностях жизнь его в описаниях не запечатлена, и сохранилось очень мало сведений о его подвигах и благодатных случаях великого дара прозорливости, передаваемых между братией изустно.

Братское кладбище. Лит., 1884 г.

светильники над многими могилами почивших из братии. В это время о. Даниил снова спрашивает стоящего в благоговейном страхе инока: “Нука, брат, как ты думаешь, все ли грешники там? Нет, не думай так, много было здесь людей, угождавших Господу и от Него прославленных и упокоенных во Царствии Небесном, но безвестных для нас. И сейчас еще много людей живет здесь благочестиво и богоугодно”... И множество других душеполезных наставлений поведал старец сему брату и отпустил его с миром душевным и бодрым духом, с изменившимся суждением о монастырской братии» [30, № 2, с. 41].

Братское монастырское кладбище с церковью во имя преподобного Онуфрия Великого[120] расположено вне монастырских стен на холме к югу от монастыря. На южной стене храма был установлен камень с надписью: «Святая церковь Христова от начала своего считает священной обязанностью молиться за усопших. Для сего и тела усопших полагают вблизи святых храмов, дабы во время совершения бескровной жертвы Господу, возносить моление о покое душ их. И усопшая братия наша умоляет нас, живых, не забывать их постоянною молитвою. Молитва суть живая непрерывная наша утешительная беседа, наше свидание с почившими. Каждое слово молитвы принесет отраду в вечности. Сила молитвы может поднять душу со дна адова, очистить от всех грехов и дать вечный покой. Умершие суть воины, отдыхающие мирным сном после трудных подвигов борьбы, но прозвучит труба Архангелова и мертвые о Христе воскреснут» [31, с. 92—93].

[120] Каменная церковь во имя преподобного Онуфрия Великого была выстроена в 1824 году на месте прежней деревянной, которая была «построена за монастырем для погребения умерших братий и мирских и освящена в 1667 году, июня 16 дня» [6, л. 18].

Современный вид кладбища

Церковь преподобного Онуфрия была единственной действующей во время СЛОНа. Богослужения в ней были разрешены до 1929 года ради 60-ти монахов, отказавшихся покидать Соловецкий остров и трудившихся на правах вольнонаемных в лагерном хозяйстве. В 1940-е годы церковь была взорвана, а кладбище разорено. Большая часть плит была использована для устройства фундаментов зданий госпиталя, дизельной электростанции, детского сада. Часть плит утрачена безвозвратно.

14 июля 1990 года на месте церкви преподобного Онуфрия, от которой сохранилось лишь валунное основание, был установлен крест по инициативе международной культурной миссии «Истоки». От громадного кладбища осталось только 4 плиты:

архимандрита Паисия († 4 декабря 1825) (текст надписи см. на с. 72);

иеромонаха Михаила († 15 мая 1877 г. на 65 г. жизни), бывшего казначеем и наместником Соловецкого монастыря;

иеромонаха Илариона († 19 марта 1880 г. на 67 году жизни), бывшего наместником Соловецкого монастыря;

иеромонаха Симона в схиме Симпсона († 27 августа 1880 г. на 62 г. жизни) бывшего духовником Соловецкого монастыря. Надпись на последней плите заканчивается словами: «Помня заповедь Божию, отца духовного я чту. И положил сию плиту Креста сего к подножию. Архимандрит Варлаам. 1892».

7 сентября 1994 года преставился ко Господу иеродиакон Иринарх (Михеев). Первым перешагнувший порог вечности из братии возрождающейся обители, он был похоронен на старом кладбище. Терпеливо перенося страдания от неизлечимого недуга, иеродиакон Иринарх просил

Иеродиакон Иринарх

только об одном: «Братия, молитесь за меня, а я, если стяжаю дерзновение, буду молиться за вас». Слова эти имеют силу: многие из приходящих на старое кладбище помолиться о упокоении иеродиакона Иринарха, получают духовное утешение. Хочется надеяться, что, забрав совсем ещё молодого человека, Господь дал монастырской братии небесного предстателя.

Говоря о захоронениях на территории монастыря, нам придётся вернуться ко временам преподобных основателей обители. В 1465 году преподобный Зосима по совету с преподобным Германом и братией перенес мощи преподобного Савватия с реки Выг, из Сороки, в Соловецкий монастырь [6, л. 3 об.]. От мощей исходило дивное благоухание, и тление не коснулось не только тела, но даже риз преподобного Савватия. Больные, лобызавшие честные мощи, исцелялись. По совершении надгробного пения раку с мощами положили за алтарем церкви Успения и устроили надгробную часовню. Вскоре купец Иоанн, который послужил погребению преподобного Савватия, принес в обитель образ преподобного, написанный в Новгороде

Панихида 2004 г.

по его заказу. Поставив этот образ в часовне, о. Зосима каждую ночь горячо молился перед ним, взывая: «О, рабе Божий! Аще и телом скончал еси свою жизнь, но духом не отступай от нас и руководствуй нас ко Христу Богу, настави и удостой нас шествовати по заповедям Владыки Христа и творити повеления его неотложно; он же рек во Святем Евангелии взяти крест и последовати по Себе. Ты же, преподобне, имея дерзновение ко Владыце Христу и Пречистей Его Матери, буди молитвенник, помощник и ходатай о нас, недостойных рабах твоих, живущих во святей обители сей, ей же ты начальник. И богособранней дружине, еже о Христе братству сему, буди помощник и заступник. Да твоими молитвами и мы, пребывающе на месте сем, невредими будем от бесов и человек злых, славу и благодарение возсылающе Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков» [7, с. 44, с. 187]. Эта часовня была, по-видимому, расположена на месте нынешней церкви преподобного Германа. Такой вывод можно сделать, основываясь на упоминании в Летописце: «В 1753 году построено две часовни каменные: одна четвероугольная с осмериком, а другая приделана к церкви чудотворцевой, вместо прежних деревянных, где был погребен преподобный Савватий, а ныне во оной почивает преподобный Герман с прочими святыми погребены. В другой часовне преподобный Иринарх с прочими святыми погребены»[121] [6, л. 30 об.].

Согласно Летописцу, «преподобный Зосима, пожив богоугодно и предвидя скорое свое от мира сего ко Господу отшествие, призвал к себе авву Германа и братию и, благословив их, рече, да будет по нем игумен обители Соловецкой ученик его Арсений, и, монастырь ему вручив, и о Христе дав всем целование, и сотворив молитву, ко Господу преставися в лето 1478 апреля 17 дня, и погребен бысть ту честно от ученик своих и от братии за олтарем великия церкви Преображения Господня. Игуменом был 26 лет, всего жития его бе на Соловецком острове сорок два года» [6, л. 3 об.]. При строительстве Спасо-Преображенского собора в 1566 году часовня над местом погребения преподобного Зосимы была сохранена в подклете собора.

В 1479 году авва Герман был послан «монастырския ради потребы в великий Новгород, и в путешествии своем преставися на Волхове на взвозе и погребен тамо в веси, именуемой Ховроньиной, при молитвенном храме. В 1484 году при том же игумене Исаии мощи преподобного Германа были перенесены в Соловецкий монастырь целы и нерушимы и погребены честно подле гроба Савватия чюдотворца. Жил авва Герман на Соловецком острове с преподобными Зосимою и Савватием и по них всего жития пятьдесят пять лет» [6, л. 4].

[121] Изображение деревянной часовни преподобного Германа сохранилось на гравюре 1744 года.

Интерьер церкви преподобного Германа. Фото кон. XIX в.

Таким образом, мощи преподобных почивали в двух часовнях до тех пор, пока 8 августа 1566 года мощи преподобных Зосимы и Савватия, прославленных в 1547 году, были перенесены в посвященный их памяти придел Спасо-Преображенского собора. Мощи же преподобного Германа, прославленного в 1692 году, оставались под спудом.

В 1591 году мощи Святителя Филиппа были принесены игуменом Иаковом с братией из Тверского Отрочь монастыря и погребены у северного входа в подклет Спасо-Преображенского собора[122] рядом с могилой старца и восприемного отца Святителя Филиппа Ионы Шамина[123]. Там они почивали до 1646 года, когда по прославлении Святителя Филиппа его честные мощи были поставлены в арке в южной стене собора. На месте захоронения была положена памятная плита с надписью: «Лета 7078 (1569 г.) преставися Филипп митрополит во Твери декабря в 23 день. Лета 7099 (1591 г.) привезены мощи Филипповы в Соловецкий монастырь и погребены августа в 10 день». Вход в усыпальницу Святителя Филиппа, располагающуюся теперь в подклете Троицкого собора, находится с южной стороны от церкви преподобного Германа. Сначала мы увидим часовню преподобного Иринарха, а правее, через открытую арку, располагается часовня Святителя Филиппа.

[122] Первоначальный вход XVI века, оформленный перспективным порталом, сохранился до сих пор.

[123] Надпись на надгробной плите: «В лето 7076 (1568 г.) преставися раб Божий инок Иона Шамин месяца генваря в 10 день».

Позднее в часовне преподобного Германа был погребен также архиепископ Маркелл Вологодский (3.6), а поставленный после Маркелла игумен Илия, преставившийся 1 июля 1659 года был погребен рядом с часовней с восточной стороны [6, л. 17].

26 июля 1819 года также с восточной стороны от часовни преподобного Германа было похоронено тело старца Феофана, преставившегося ко Господу 75 лет от роду. После того как на этом месте была построена церковь, могила его оказалась перед иконостасом, против местного образа Божией Матери, у царских врат [1, л. 154].

Надгробные плиты, находящиеся во дворике перед церковью преподобного Германа, положены в нынешнем порядке в 2003 году. Первоначально они частично располагались над захоронениями внутри монастыря, а частично перенесены на это место с бывшего монастырского кладбища, упраздненного в 1930-е годы. Здесь находятся надгробные плиты:

игумена Макария († 1632 г.), о котором известно только, что он был настоятелем после преподобного Иринарха;

епископа Тамбовского Игнатия († 1718 год), который по обвинению в сочувствии к лжеучению Григория Талицкого[124] был расстрижен и «послан в Соловецкий монастырь в Головленкову тюрьму, за крепким караулом до его смерти, неисходно, а пищу ему давать против таких же ссыльных» (5 ноября 1701 г.). О пребывании его на Соловках ничего не известно. На надгробной плите его была сделана следующая надпись: «Лета 7226 (1718 г.) марта 26 дня преставился раб Божий преосвященный Игнатий Тамбовский». В XIX веке была сделана надпись, сохранившаяся до настоящего времени: «Здесь погребено тело преосвященного Игнатия, епископа Тамбовского, преставившегося 1699 года марта 26 дня, понесшаго горькое отлучение от паствы. Положил плиту 1854 г. архимандрит Александр». Как видим, год кончины указан неправильно;

иеросхимонаха Иеремии († 1756 году июня 24 дня преставися раб Божий иеросхимонах Иеремий сего Соловецкого монастыря постриженик родом града Чебоцара Алексиев он прозванием Титов);

кошевого Запорожской Сечи П.И. Кальнишевского (текст на плите следующего содержания: «Господь наш Иисус Христос положил душу свою на Кресте за всех нас не хочет смерти грешника. Здесь погребено тело в Бозе почившего Кошевого бывшей некогда Запорожской грозной Сечи Казаков атамана Петра Кальнишевского, сосланного в сию обитель

[124] Называя Петра I антихристом и мучителем, книгописец Г. Талицкий намеревался с помощью стрельцов произвести государственный переворот и возвести на царский престол князя Михаила Черкасского. При обыске у него были найдены грушевые доски с воззванием к народу. Он был казнен четвертованием.

по высочайшему повелению в 1776 году на смирение. Он в 1801 году по высочайшему повелению был освобожден, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие христианина, искренне познавшего свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня в субботу 112 лет от роду смертию благочестивою доброю. Блаженни мертвии, умирающии о Господе. Аминь». Подробнее о нем см. в главе 4 об узниках);

монаха Феофила (Под сим камнем погребено тело рясофорного монаха Соловецкого монастыря Феофила, уроженца Московской губернии Богородицкого уезда Павлоцкого посада сына Ивана Дмитриева Широкова, скончавшегося в 1827 году октября в 28 день);

иеросхимонаха Алимпия (Здесь погребены Соловецкой обители иеросхимонах Алимпий. Близ его гроба <похоронены> два его родных сына, прекрасные трудолюбивые живописцы, расписавшие храмы и коридор в обители. Алимпий скончался 6 декабря 1848 года в понедельник, 1-й сын его монах Горгоний скончался 14 мая 1845 года в понедельник, 2-й сын его послушник Андрей скончался 2 марта 1833 года в четверг. Отец, Сын и Святый Дух! Всесвятая и единосущная и животворящая Троица, едино Божество и Царство: да простит, да отпустит вам вольная и невольная согрешения ваша, да вчинит вас в месте светле, в месте прохладне, где ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание не могли бы нарушить вашего покоя. Аминь.);

схимонаха Андрея (Во царствии твоем, Господи, помяни раба Твоего. На сем месте покоится <тело> в Бозе почившаго раба Божия схимонаха Андрея, скончавшагося 20 апреля 1879 года на 67 году своей жизни, потрудившегося в Соловецкой обители 21 год.);

крестьянина Орловского уезда Вятской губернии, потомственного почетного гражданина, монаха Соловецкого монастыря Афанасия Васильевича Булычева († 1902 года апреля 8 дня 75 лет от роду). Вятский крестьянин стал крупнейшим беломорским судовладельцем, а в конце жизни принял монашеский постриг;

крестьянина Архангельской губернии деревни Перхачевской Алексея Васильевича Ананьева († 1916 год),

а также архимандрита Макария, архимандрита Димитрия, архимандрита Порфирия, архимандрита Варлаама, монаха Наума, сына и дочери архимандрита Александра, о которых более подробно рассказывается ниже.

ГЛАВА 3

ИСТОРИЯ ОБИТЕЛИ В ЛИЧНОСТЯХ СОЛОВЕЦКИХ ПОДВИЖНИКОВ

«С преподобными преподобен будеши и со избранными избран будеши...» Наш рассказ о том, как искренняя любовь к Богу и ко святым Его может и любящего сотворить святым. Внимая рассказам о Соловецких святых, «пометем» истинным покаянием храмины душ наших, да и мы «обретем потерянную драхму», веру, творящую чудеса.

3.1. ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТИЙ

1396 году преподобный Савватий Соловецкий пришел в Кирилло-Белоезерский монастырь, где принял иноческий постриг. Там он долгое время подвизался воздержанием и постом, изнуряя тело свое и преодолевая страсти и козни диавола. Послушание, кротость и смирение привлекали к нему любовь братии и игумена, и все почитали его как «образ всем тамо пребывающим во всех добродетелях и исправлениях жития» [7, с.14][125]. Савватий же себя укорял: «Славу от человек принимаешь, а славы Божией не ищешь». И вскоре, узнав, что на Ладожском озере на острове Валаам есть пустынный монастырь Преображения Господня, в котором иноки, все приобретая трудами рук своих, отличаются особой строгостью жития, решил переселиться туда. И там приходилось ему трудиться на самых тяжелых работах, и все исполнял он без лености и с молчанием, никогда не говоря: «Почему мне то или за что это; все бо на пользу тому, чья душа не повреждается» [27, с. 16]. Видя, что игумен и братия почитают его ради добродетельного жития, Савватий рассудил: «Лучше ми есть отлучитися от пребывания места сего, нежели честь приимати и похвалы» [27, с. 19]. Между тем преподобный узнал, что на севе-

[125] Житие Соловецких святых было создано на рубеже XV—XVI вв. История его написания была зафиксирована письменно и дошла до нас в составе самого жития в «Слове о сотворении жития начальник Соловецких Зосимы и Савватия» [7, с.82—84; 27, с. 159—162] Досифея, инока Соловецкого монастыря, автора первоначальных записей о деятельности основателей монастыря, а также в предисловии и послесловии Спиридона-Саввы; последнему принадлежит и литературная обработка материалов, собранных Досифеем, осуществленная им по настоянию Новгородского архиепископа Геннадия. Спиридон-Савва завершил свою работу в 1503 г.

Основатели Соловецкого монастыря: Зосима, Савватий, Герман и святитель Филипп

ре есть остров Соловки: «пуст и человеческого пребывания неприятелен; ради зимнего времени[126]. ... имяше же посреди себе озера многи и рыбы разные. ... и по раздолиям всяко древеса имяше, и ягодичия многа разны бяху, и сосния древеса велия бяху к созиданию храмов и на вся потребы благоустроен бе» [27, с. 22]. Слышав сия, преподобный Савватий «сердечно уязвися безмолвия любовию» и стал просить у игумена благословения отпустить его на взыскание острова того. Однако игумен и братия не пожелали расстаться со святым старцем. Тогда, предав себя на волю Божию, преподобный Савватий ночью оставил Валаамскую обитель. Направляем благодатию Христовой, он преодолел более семисот верст и достиг берега Белого моря. От местных жителей он узнал, что остров

[126] В течение шести зимних месяцев остров совершенно отрезан от материка, так как навигация прекращается, а путь по льду невозможен, потому что Белое море полностью не замерзает.

находится в двух днях плавания и что на нем никто не живет, «страхования ради морския нужды»[127]. Видя желание старца там поселиться, удивленные жители спрашивали, как он будет там жить и чем питаться? «У меня такой Владыка, — отвечал преподобный, — Который и дряхлости дает силы свежей юности, и голодных питает досыта». Некоторое время преподобный Савватий оставался в часовне, стоявшей вблизи устья реки Выги, в местечке Сороки. Там он встретил черноризца Германа, старца проста нравом и безкнижна, который бывал уже на острове. Он согласился не только проводить Савватия на остров, но и поселиться вместе с ним. На утлой ладье, называемой карбас, старцы отправились по суровому морю и в третий день достигли Соловецкого острова. Выйдя на берег, подвижники сотворили молитву и водрузили Крест. Было это в 1429 году. Осматривая остров, они нашли подходящее место для устроения келии у озера на расстоянии одного поприща от берега. И поселились там (недалеко от Секирной горы), трудясь и копая землю мотыгами, и тем питаясь.

Прибрежные жители стали завидовать преподобным. Считая себя наследственными владельцами островов, они решили изгнать преподобных. По общему совету некий рыбак с женой и со всем домом приплыл на остров и поселился неподалеку от подвижников. Но Господь не попустил утвердиться мирянам рядом со старцами. На рассвете в воскресный день преподобный Савватий во время пения заутрени вышел из келии покадить честный Крест, водруженный вблизи келии для поклонения. Внезапно он услышал «вопль велик» и молился в изумлении и ужасе, думая, что людей на острове быть не может. По окончании утрени плач ещё усилился. Тогда Герман, приняв благословение от святого, пошел на голос и нашел женщину, лежащую и плачущую с воплем. На вопрос Германа: «Почто плачеши, кричащи?» — женщина отвечала: «Отче, идущу ми на озеро к мужу своему, и сретоста мя два юноши страшна образом светла зело, и начаста мя бити дубцы люте, глаголющу: “Изыдите скоро от острова сего! Вам бо недостоит жити зде, но благоволи Бог на пребывание иноческаго чина устроену быти месту сему. Вы же скорее отидите отсюда, да не погибнете злою смертию! На сем месте соберутся множество иноков, и да прославится от них имя Божие на месте сем и храм во имя Иисуса Христа воздвигнется”. И стали невидимы». Герман, возвратившись в келию, передал Савватию все слышанное, и оба возблагодарили Бога, так как уразумели «от Бога хотящую быти благодать на острове том». И с того времени никто из мирских людей не дерзал поселиться на Соловецком острове [7, с. 19; 27, с. 33].

[127] Боясь, что путь по морю не всегда возможен.

Явление ангелов, высекших жену. Клеймо грав. 1748 г.*

Через несколько лет преподобный Герман отправился для приобретения жизненных потребностей на реку Онегу. Осенью он не смог вернуться на Соловки из-за противного ветра и снежной бури. Пришлось зазимовать в Онеге, да и на следующее лето, будучи «объят болезнию на многая времена», преподобный Герман не смог исполнить своего намерения.

Преподобный Савватий, оставшись один, сперва поскорбел об отшествии Германа, но потом более укреплялся на подвиг, умоляя Господа не лишить его сего вожделенного места. Духи же нечистые, желая устрашить утеснявшего их, всей силой ополчились на преподобного, принимая образы змия или диких зверей, хотящих поглотити его. Святый же оградился крестным знамением и воспел: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его!» — и так пребыл без вреда.

Предчувствуя приближение кончины, преподобный Савватий обратился с молитвой к Богу, чтобы Он сподобил его причастия Святых Таин, поскольку долгое время лишен был он сего сладкого просвещения — с тех пор, как поселился на Соловках. Помолившись, Савватий вышел на берег моря, где Божиим смотрением обрел карбас со всем необходимым для плавания. Не возвращаясь в келию, он отправился в путь и за два дня при спокойном море и попутном ветре достиг устья реки Выг, где встретил игумена Нафанаила, шедшего для причащения больного крестьянина. Оба обрадовались встрече и приветствовали друг друга целованием, прося один от другого благословения. Савватий, рассказав о своем житии на острове, просил: «Да отимеши грехи мои от меня честным исповеданием, и да сподобиши быти причастником Святых и Животворящих Таин Пречистого Тела и Честныя Крови Владыки Христа и Бога моего, много бо лет желаю напитатися душепитательною сею пищею». Игумен Нафанаил, удивляясь, сколько имеет Господь сокровенных рабов, отвечал: «Да если бы я имел грехи твои, отче, во очищение моего недостоинства», — и просил Савватия подождать его в часовне до утра. Преподобный же отвечал: «Отче, не отлагай до завтра мое причащение. Не знаю, будет ли еще

* № 4 из Ровинский Д.А. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб., 1884 г. Сия доска издана при архимандрите Геннадии 1748 г.

Перенесение мощей преподобного Савватия. Фрагм. резьбы на раке, XVI в.

во мне дыхание заутра». Игумен, слыша пророчение о близком его отшествии, исполнил желание старца. Савватий, по слову игумена, отправился в часовню на реке Выг, благодаря Бога за причащение. Он затворился в келии, находившейся при часовне, и стал готовиться к отшествию в вечные селения.

В то время к берегу пристал новгородский купец Иоанн и, поклонившись святым иконам в часовне, пришел к святому старцу. Получив благословение и наставление, он предложил преподобному часть своего богатства и был опечален, когда услышал отказ. Желая утешить купца, преподобный Савватий предложил ему остаться до утра и обещал благополучие в дальнейшем пути. Но Иоанн спешил отплыть. Внезапно началась буря с громом, молнией и с великим трясением на море. Испугавшись, купец остался ночевать в шатре. Утром буря утихла и возсияло солнце. Иоанн, поклонившись иконам в часовне, пришел к келии преподобного, желая принять благословение на путь. Он сотворил молитву, но ответа не получил. Войдя в келию, он ощутил благоухание и увидел старца, сидящего в мантии и куколе, и кадильница стояла близ него. Иоанн сказал: «Прости меня, отче честный, яко дерзостно вошел к тебе. Не смею отойти в путь свой, не приняв твоего благословения». Но ответа не было. Думая, что старец спит, Иоанн коснулся его рукой, и лишь тогда понял, что душа его уже отошла ко Господу. Иоанн боялся и оставить тело святого без погребения, и прикоснуться к нему недостойными своими руками. Но, помолившись, дерзнул с верою возложить на плечи свои тело преподобного и перенести его в часовню. В тот час возвратился игумен Нафанаил, и они вдвоем с псалмами и песнями с честью погребли святые мощи преподобного Савватия, придав персть персти, 27 сентября

1435 года. Оба они, Нафанаил и Иоанн, удивлялись, какой благодати они сподобились — послужить погребению святого мужа.

Через 30 лет, в 1465 году, святые мощи преподобного Савватия были перенесены преподобным Зосимой и братией на Соловецкий остров и положены под спудом за алтарем церкви Успения. На Московском соборе, бывшем при митрополите Макарии, в 1547 году, установлено совершать память преподобного Савватия в день его кончины 27 сентября/10 октября. В 1566 году мощи преподобных Савватия и Зосимы были перенесены в Спасо-Преображенский собор, в придел, устроенный во имя сих чудотворцев (память перенесения мощей 8/21 августа).

3.2. ПРЕПОДОБНЫЙ ЗОСИМА

Преподобный Зосима происходил из села Толвуй Новгородской области. Его родители Гавриил и Варвара были людьми благочестивыми, воспитывали сына в добрых нравах и обучили его чтению святых книг. «От юности сосуд быв на приятие Святому Духу» [7а, т. 2, с. 210], Зосима вскоре удалился от мирской жизни и был пострижен в монашество в Палеостровском монастыре. Не желая к «земным пригвождатися, ибо свободный от земного попечения, может чистотою умною Богу привязатися» [7, с. 61], он стремился, как олень к источникам водным, в место пустынное, где бы ему уединиться и «един единому Богу беседовати в молитвах». И размышлял Зосима в уме своем: «Не до конца отверг я мирскую жизнь, лишь словом. В Писании же говорится: “Награждаются не слова, но дела, и не слушатели закона спасаются, но творцы”. Со мной же рядом всегда родители мои и родственники, друзья и знаемые, и живу я посреди них. В чем же тогда мое отвержение мира? Писано бо есть: “Не любите мира и яже в нем. Не может человек одно око устремить на небо, а другим смотреть на землю, как не может один раб двум господам работать: он или одного возлюбит, а другого возненавидит, или будет одному угождать, а о другом нерадеть. Невозможно служить одновременно Богу и мамоне”. Так, распаляясь любовью божественной, раб Божий Зосима днями и ночами молился и трудился, прилагая любовь к любви и пламя к огню, и искал себе помощника в духовных подвигах. И с Божией помощью случилось ему повстречать раба Божиего старца Германа, который прежде жил с блаженным Савватием на острове Соловецком.

В духовной беседе Герман рассказал Зосиме о блаженном Савватии, о его подвигах и трудах, и об острове, удобном для устройства монастыря. Услышав это, возрадовался в душе Зосима и возвел очи к небу, молясь про себя: «Господи Владыка человеколюбче! Настави мя на путь

истинный, им же пойду по милости Твоей к спасению моему!» И Бог просветил его очи сердечные. В сердце блаженного Зосимы словно огонь возгорелся от великого желания поселиться на острове вместе с Германом.

В то время отец Зосимы страдал лихорадкой и вскоре скончался, мать же осталась вдовой. Зосима с великими слезами и пением псалмов, как полагается по всем обычаям, похоронил отца своего. И пришел он в дом отчий, обратился к матери своей с советом благим, говоря ей так: «Госпожа моя мати! Угодно было Богу забрать к себе твоего мужа, моего отца... Не все ли в этом мире прах, не все ли пепел?» Она же, решив повиноваться во всем воле сына своего, с готовностью отвечала ему: «Как повелишь, чадо, так и будет, я не ослушаюсь тебя!» Блаженный же посоветовал матери оставить дом и имущество и удалиться в ближайший женский монастырь, и принять там пострижение. Мать же во всем исполнила волю его, ушла в монастырь, оставив дом и все имущество, как то было угодно сыну. Блаженный же Зосима раздал все имущество родителей своих убогим и нищим и служивших у них людей отпустил, отдав им довольную часть богатства своего, и возвратился к своим прежним подвигам. Так он во второй раз отвергся от мирской жизни: сначала от родителей и сродников отказался и от пищи, и от всех соблазнов мирских, затем же отечество и всех знаемых своих покинул.

И пришел он к Герману, и, Богу помогающу, с попутным ветром на второй день достигли они острова Соловецкого. Поставив карбас, Зосима и Герман пошли вдоль берега, размышляя про себя, где бы подобало монастырь строить, если Бог изволит и Пречистая Богородица. И обрели место, подходящее для основания обители: озеро близ моря на расстоянии полета стрелы, а морской залив тих и пригоден для устройства пристани и для рыбной ловли. И поставили они на том месте шатер свой и в нем провели ночь в молитве и бдении, и пении псалмов с великою верою и духовною любовию ко Христу Богу и Пречистой его Матери.

Когда же утром вышел раб Божий Зосима из шатра, было ему видение страшное: «луч пресветлый просвещающий его и сияние божественное осиявающее место то». И, ужасаясь сему, Зосима обратился к востоку и увидел церковь, «превелику зело и пречудну, простерту на воздусе, стоящу». И от такового страшного видения изменилось лицо его. Пришел Зосима к сподвижнику своему старцу Герману, и заметил старец перемену в лице его: был он мудр и искусен от многолетнего монашества и доброго жития. И спросил Герман Зосиму: «Что с тобою, брат мой любимый? Что приключилось? Или призрак, или видение какое возмутили сердце и душу твою?» Зосима же, видя, что невозможно утаиться,

рассказал ему все подробно, как видел свет божественный и церковь прекрасную. Герман же, горя духом, отвечал: «Дерзай, любимче! Тебя избрал Бог для устроения места сего. Теперь и я скажу тебе: при блаженном Савватии, о котором я прежде поведал тебе, ангелы Божии изгнали отсюда рыболова и жену его высекли, говоря: “Изыдите отсюда скоро, да не злою смертию погибнете, вам бо недостоит зде быти! Но сей остров в наследие будет иноческого жития”. Теперь же сказанное ангелами должно исполниться вскоре. Ибо Сам Владыка Христос сказал: “Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут”. Показал некогда Бог Моисею образ скинии в пустыне, также и тебе страшное видение явил. Не неверуй Божию явлению, тобою воздвигнет Бог монастырь на месте сем!» И от слов Германа укрепился блаженный Зосима в вере своей, и с ещё большей решимостью устремился он к подвигам телесным и духовным: к телесным — по неотложному созданию монастыря, к духовным — на борьбу с врагами невидимыми, вооружившись постом и молитвами. И поучался он этому от Германа, больше же — от самого Бога, помогающего всегда рабам своим в их борьбе с супостатами.

Видение прп. Зосимы. Клеймо грав., 1748 г.

И помолились вместе Зосима и Герман, говоря: ***«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий и Слово безначального Отца! Ты рекл еси праведному Аврааму: изыди от земли твоея и дому отца твоего и вселися в землю, юже ти покажу, и тамо реку ти, яже подобает творити; тако и бысть. Изведый Иакова от Лавана с женами и детицами и со имением животным многим, и сотворивый его обрести благодать пред Исавом, и преложив его в язык велик во Египте. Иосифа праведного положи царя страстем и князем всему Египту и пшеницедавца на всю вселенную, Моисея же — руководителя и наставника всему Израилю, <иже наставил еси в> землю Обетования. Дал еси правителя и законодавца Аарона, пречудного жреца сотворил еси <его и> служителя законным жертвам. Иисуса Навина причастодавца содела земли Обетования. И Давида — пророка и царя сотвори праведна роду еврейскому, и обещанием с клятвою извещаему Христу Богу от семени сести на престоле Его, на Негоже языцы уповают. Се убо прииде, Ему же щадеся, о сих всех дерзающе. И, уповающе, молим Тя, Всемилостивого Владыку Христа, да сотвориши на нас по милости Твоей и по щедротам челове-***

колюбия Твоего, а не по нашего недостоинства недоумению[128]***. Направи нас на волю Твоего хотения, да и мы, немощнии и смиреннии и недостойнии, сподобимся слышати глас онаго: "Се цел еси, к тому не согрешай!" или "Вера твоя спасе тя, иди с миром!" Утверди ны, Господи Владыко Христе, на месте сем, прославити имя Твое святое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь»***. [7а, т. 2, с. 161]

И помолившись, начали Зосима с Германом рубить деревья и келии строить, что и удалось им вскоре с помощью Божией завершить. Преподобный же Зосима с тех пор стал труды к трудам прилагать, радуясь о Господе, ум свой к вышним вперяя, тело духу покоряя, понуждая себя на всенощные стояния и молитвы непрестанные возсылая к Богу, поучаясь во псалмах и пении духовном. Он славословил Господа, говоря: ***«На Тя, Господи, уповах, спаси мя по милости Твоей! Буди нам помощник на противника нашего диавола, яко благословен еси во веки. Аминь».*** И так пребывали они с Германом, обрабатывая землю мотыгами и от плодов ея питаясь, по слову: «в поте лица своего съедали хлеб свой», так Бог питал их.

По прошествии времени Герман, посоветовавшись с блаженным Зосимой, отправился на материк за всем потребным для созидания обители. Когда же он намерен был идти к острову Соловецкому, то не смог: задули осенние студёные ветры и нанесли снега и льда, море неукротимо волновалось. Волны перекатывались с места на место с силой и скоростью великой. Так пророк Давид писал в Псалтири: «Духом уст Его <сотворена> вся сила их, собирая, яко мех, воды морские и полагая в сокровищах бездны». Льдины, увлекаемые волнами, сталкивались между собой и сокрушали друг друга, и невозможно было ни добраться к острову, ни вернуться оттуда.

Блаженный же Зосима, пребывая на острове в одиночестве, сперва скорбел, что не вернулся к нему старец Герман. Потом же возложил он упование на Бога, говоря: ***«Господи Боже мой, на Тя уповах, спаси мя! Яко к Тебе привержен есмь от юности моея и от чрева матери моея, и ныне, Человеколюбче, утверди мя на камене веры Твоея и неподвижна мя сохрани, яко к Тебе взях душу мою, никогда же не отлучаешися своих раб, но присно в них пребывая. Христе, Свете истинный, не остави мене, раба Твоего, уповающего на Тя!»*** И так к еще большим подвигам он устремился, слезами на всяк день омочая постель свою, молитвами, постом и злостраданием тело свое удручая, Богу непрестанно молитвы воссылая.

[128] И Давида — пророка и царя праведного дал народу еврейскому, обещанием с клятвою известив о явлении от семени его на престоле Христа Бога, на которого все народы уповают. Так, наконец, явился Тот, кому было предначертано изначально. Уповая на Тебя, мы молим Тебя, Всемилостивого Владыку Христа Бога, суди нас по милости Твоей и по щедротам человеколюбия Твоего, а не по нашего недостоинства недоумению.

Чудо о явлении ангелов. Клеймо грав., 1748 г.

Видя же бесы себя поругаемы и изгоняемы с острова молитвами преподобного Зосимы, вооружились против него и стали много бед творить ему. И ополчились они на него всею силою своею, и скрежетали зубами своими, одни — обличие змей приняв, другие превратившись в зверей различных и гадов, скорпионов и ящериц и других пресмыкающихся по земле. И устремились они все против Зосимы в виде змей, пожрать готовых, и зверей рыкающих, хотящих растерзать его. Раб же Божий Зосима, не усомнившись в заступничестве Божием и не испугавшись козней лукавых бесов и наглости их, отвечал им: ***«О вражия грубая немощь[129]! Аще прияли есте на мя власть от Бога, то творите, еже хощете, аще ли ни, то всуе тружаетеся: мене бо вы от любве Христовы никако же отлучити возможете!»*** И осенил себя Зосима знамением Животворящего Креста, обратившись к оружию непобедимому, глаголя: ***«Да воскреснет Бог и расточатся враги Его! И да бежат от лица Его вси ненавидящие Его, и яко исчезает дым, да исчезнут!»*** И так вся сила вражия исчезла.

Святый же, воздев руки к небу, рече: ***«Боже вечный, Царю безначальный, содетелю всей твари, молю Тя аз, раб Твой! Ты еси Царь царем и Господь господем, Ты еси разрешитель душам, Ты еси избавитель в Тя верующим, Ты еси упование труждающимся, Ты еси наставник рабом и всем уповающим на Тя, Ты еси утешитель плачущим, Ты еси Творец тварем, Ты еси любитель всякому добру, Ты еси Владыко и Содетель всем, Ты еси радость и веселие святых, и живот вечный, и свет незаходимый, Ты еси источник святыни, Ты еси сияние славы Бога Отца прежде всех век, ты еси Спаситель миру, исполнение Святаго Духа, ты седиши одесную Бога Отца, владеяй живыми и мертвыми в бесконечные веки. Ты убо, Господи, пресвятый Царю, услыши мя в час сей, недостойного, молящегося Твоей благости! Не отврати лица Твоего, яко скорблю! Избави мя от уст пагубного змия, зияющего пожрети мя и свести во ад жива, и от всех коварств человекоубийцы диавола. Да ополчением святых Твоих ангел сохраняем и наставляем, достигну во единство веры и в разум единосущныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».*** И с того времени

[129] О ничтожество проклятое.

преподобный Зосима имел власть над нечистыми духами и не могли они к нему приблизиться.

Вскоре подошли к концу запасы пищи; время от времени смущала преподобного Зосиму мысль, чем ему прокормиться до лета. Но он, отгоняя смущающие помыслы, говорил в себе: «Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает». Через малое время, когда он молился в келии, пришли к нему два светлых мужа, влекуще за собой сани, полные хлебов, муки и масла. Сотворив молитву и приняв благословение преподобного, они сказали: «Приими, отче, у нас хлебы, и муку, и масло, и положи их у себя. А мы идем на добычу в море. И аще будет у тебя недостаток еды, ешь хлебы сия, и муку, и масло, а мы, аще Бог повелит, со временем будем у тебя». Старец много времени не притрагивался к запасам, ожидая мужей тех, но они не пришли. И он уразумел Божие милосердие, что пища сия Богом послана ему, и прославил человеколюбца Господа, яко не презрел раба своего, уповающего на Него.

По весне пришел с побережья Герман с рыбаком Марком, который пожелал разделить с преподобными уединение, а также привез достаточное количество пищи и мрежи для рыбной ловли. Вскоре пристали люди к острову и с ними инок Феодосий, имевший священнический сан. Феодосий пришел к преподобному Зосиме, желая подвизаться с ним на острове. Святый же с усердием принял его и с радостию великою прославил Бога, что сподобил его жити с братией вкупе. И повелением преподобного Зосимы Феодосий постриг Марка в иноческий образ и нарек ему имя Макарий. Посем многие иноки приходили на остров к преподобному Зосиме, желая с ним поработать Богу. Святый же с радостною душею принимал их, говоря: «Владыко, Господи, призри с небесе и виждь, и посети место сие, еже сотвори десница твоя!» Для прибывающей братии выстроили келии, а затем воздвигли и небольшую деревянную церковь во имя Преображения Господня на том месте, где было преподобному Зосиме видение света неизреченного и церкви на воздусе. К церкви же присовокупили небольшую трапезу.

По совету с братией преподобный Зосима послал одного из старцев в Новгород за благословением на устроение Соловецкой обители и с просьбой поставить им игумена для освящения храма и попечения о душах братии. Архиепископ Иона, занимавший кафедру в 1450—1470 годах, прислал на Соловки антиминс[130] для церкви и определил Соловецким игуменом иеромонаха Павла, который по прибытии на Соловки освятил церковь во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

[130] Антиминс (греч. — вместопрестольник) — четырехугольный льняной или шелковый плат с зашитыми в угол частицами мощей, с изображением почившего Иисуса Христа и четырех евангелистов по углам.

Преподобный же Зосима радостной душой прославил Бога, исполнившего его желание сердечное. И вместе с игуменом и братией они непрестанно воссылали пение и молитвы Богу и Пречистой Его Матери. Так трудились они постом и молитвой, купно же и ручным делом, копая землю, и лес заготовляя для монастырских построек, и дров запасая множество, и, черпая морской рассол, соль варили, и давали купцам, приходящим к острову, получая взамен все необходимое для монастыря, и рыбу ловили в море и в озерах. И так от своих трудов и потов питались, и было их число братии с игуменом и с блаженным Зосимой двадцать два, и все подвижнически трудились для обители, пребывая «яко едина душа в разных телесех».

Однако ни игумен Павел, ни последовавшие за ним игумены Феодосий и Иона не смогли долго понести труды пустынножительства на Соловецком острове и вскоре возвратились в Новгород. Тогда братия Соловецкого монастыря положили на общем совете — не брать себе игуменов из других монастырей, а избирать из своей среды. Однако никто не дерзал воспринять игуменский сан, подражая смиренномудрию преподобного Зосимы и желая его иметь игуменом. И говорили братия преподобному Герману: «Ты пришел с нашим начальником на место сие святое, не имеем мы к нему ходатая, кроме тебя. Все мы пришли получить наставление ко спасению от его святости, слыша о его истинном любомудрии и добродетельном житии. И ныне видение паче слуха уверяет нас. Посему никто не может начальствовать на месте сем святом, но ему предназначено сие от Бога, а не от человек». Герман передал их слова преподобному, он же никак не хотел принять хиротонию по кротости и смирению. Братия же понуждали его, говоря: «Аще не хочешь хиротонисатится, разыдемся вси отсюду, и дашь ответ перед Богом в день судный о душах наших!» И преподобный неволей повиновался желанию их. Они же с радостью отправили к Новгородскому архиепископу посланцев с просьбой, чтобы он призвал отца их Зосиму и рукоположил его во священство и игуменство, хотя бы и не без сопротивления со стороны смиренного старца. Архиепископ Иона так и сделал: узнав, что в монастыре собралось более двадцати человек братии под началом старца Зосимы, он вызвал к себе преподобного посланием и, видя, «яко воистину Божий человек бе», почтил его саном священства, и, поставив его игуменом Соловецкого монастыря, дал братии с ним пришедшей со словами: «Се есть отец ваш игумен, имейте его во Христов образ со всяким послушанием и покорением». И дал игумену Зосиме на устроение монастыря серебро и золото, сосуды и ризы и все, на путь требующееся, и, благословив, отпустил их с миром.

Соловецкий монастырь. Фото нач. XX в. Справа часовня «Чуда о просфоре»

По возвращении в монастырь преподобный Зосима встречен был с честью старцем Германом и всей братией и возведен на игуменское место. Когда же преподобный совершал в своей обители первую Божественную Литургию, то по причащении Божественных Таин лицо его просветилось светом благодати, «яко лице ангелово», и церковь исполнилась благоухания, свидетельствуя достоинство его священства. По окончании богослужения преподобный благословил просфорой купцов, бывших в то время в обители, и пригласил их на трапезу с братией. Они же, выйдя из церкви, направились к своей ладье, желая принести дары, и по неосторожности обронили просфору. Посланный за ними инок Макарий заметил пса, который старался схватить что-то и не мог из-за поднимавшегося пламени. Приблизившись, Макарий увидел, что пламень исходит от просфоры, потерянной купцами. Ужасаясь огненному видению, инок поднял просфору и пошёл к ладье звать купцов к трапезе. И, позвав, спросил: «Что потеряли вы, идя от монастыря к ладье?» Они же отвечали: «Только просфору, благословение игумена вашего. Скажи и ты, отче, чего ради пес лаял, хапая устами пламень, пока ты не пришел к месту тому?» Макарий же рассказал о всем бывшем им, а затем, придя в трапезу, и преподобному игумену. И все немало удивлялись, говоря: «Верен Господь во всех словесех своих и преподобен во всех делех своих, творяй чудеса един!» И все едиными устами прославили Бога[131] .

[131] В память «Чуда о просфоре» «повеле преподобный Зосима на том месте Крест поставить, которой и доныне стоит» [6, л.2 об]. Позднее на этом месте справа от дорожки, ведущей от пристани к Святым вратам, была устроена часовня, которая хорошо видна на литографиях и фотографиях между Александровской и Петровской часовнями.

Преподобный Зосима стал игуменом в 1452 году и игуменствовал 26 лет. С умножением братии, прежняя деревянная церковь оказалась тесной, и преподобный Зосима заложил новую великую церковь Преображения Господня. Но напали на строителей церковных тучи мошки и комаров, и пришлось разводить костры, чтобы дымом отгонять их. И когда сруб готов был уже до порога дверей церковных, не ведомо как огонь попалил все до основания. Братия смутились, говоря: «Бог не велит нам воздвизати великия церкви!» Преподобный же Зосима отвечал им: «О чада, се есть злоба от неприязни, той нам пакости деет! Мы же не престанем подвизающеся!» И повелел ударить в било. И собралась братия, и преподобный отслужил молебен Господу и Пречистой Его Матери. И, освятив воду, покропил место и делателей, и благословил их Животворящаго Креста знамением. И сам положил основание церкви. И начали мастера строить по обычаю. И когда около полудня строители немного почивали, не один раз слышали братия стук топоров, рубящих церковь невидимо: Божия бо помощь посылаема была молитвами преподобного Зосимы. И так вскоре споспешеством благодати Христовой завершена была церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа. Потом пришлось строить трапезу, так как в прежней уже не вмещалась братия, и с восточной стороны трапезы пристроили церковь во имя честного Успения Пречистой Владычицы нашей Богородицы. Так обитель распространилась и братство о Христе умножилось. Построено было множество келий, поварня и хлебня.

Блаженный же Зосима заботился более о духовном делании, труды к трудам прилагая, и, радуясь, шествовал без преткновения по стопам Владыки своего, вышних ища и ум к небеси простирая, и сердце предочищая от всех страстных помышлений всегда. И пребывал во всенощных стояниях непрестанно. И добродетельного ради жития пронеслася всюду о нем слава. И многие приходили, желая жительствовать с ним и слышать от уст его слово спасения. Блаженный же не только советами поучал, но и делом во всем был примером своему стаду, исполняя Евангельскую заповедь: Блажен, иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном. Как чадолюбивый отец, преподобный Зосима принимал всех приходящих в обитель с радостью и кротостью, давая всё потребное: трапезу всем одинаковую, одежду и обувь. И было изобилие во всем. И весь чин монастырской жизни благолепно исправлялся по типикону Иерусалимскому. И учил преподобный Зосима братию непреложно хранить правила иноческого жития и устав, так как даны были они великими Антонием, Евфимием, Саввой, Феодосием, Пахомием и прочими преподобными. Братия же, яко благоплодная земля приемлю-

щая семена, во всем повиновались своему наставнику, пребывая без мятежа.

В 13-е лето своего настоятельства, то есть в 1465 году, преподобный Зосима в благословение увеличивающейся братии решил перенести мощи преподобного Савватия, скончавшегося на реке Выге и погребенного при тамошней часовне. В этом намерении он окончательно утвердился, получив следующее послание иноков Кирилло-Белоезерского монастыря: «Возлюбленному о Христе благодать и милость от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, духовному настоятелю, боголюбивому игумену Зосиме со всею еже о Христе братиею радоватися! Слышахом бо некогда от приходящих страны вашея до нас о острове Соловецком, яко издревле необитаем бе, за морскую скорбь и нужду[132]... ныне же слышим от многих самовидец, яко на острове том, Божиим изволением и Пресвятыя Богородицы ходатайством и вашего по Бозе трудолюбия тщанием, состависте обитель, и братства множество собрася, и храми воздвигошася велелепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Его Пречистыя Матере честнаго Ея Успения, и вся добре исправисте добродетели, памяти достойна. Но единаго дара лишены бысте — мощей блаженнаго Савватия, прежде вашего трудолюбия жительствовавшего на Соловецком острове и скончавшегося в посте и труде, совершенного в добродетели, подобно древним преподобным отцам. Он, всею душею Христа возлюбив, удалився мира и блаженную кончину приял, радуяся. Нецыи иноки нашего монастыря, бывшии в Новгороде, слышали повесть от христолюбца Иоанна, яко сподобил его Бог видеть преподобного Савватия и получить от него духовное наставление, и, по кончине, погрести святыя мощи его с игуменом Нафанаилом на реке Выг у часовни. Тако и брат его Феодор, токмо поклонился гробу преподобного, и от злыя смерти сохранен бысть на мори молитвами преподобного Савватия. И ина многа знамения и чудеса творяхуся у гроба его. И сами мы свидетели добродетельному его житию, понеже сей блаженный отец довольно пожил с нами в Кирилловском монастыре. Ныне же вашей святости даем совет духовный — да не лишены будете таковаго дара, его же сподоблени бысте от Бога, но скоро с потщанием шедше, перенесите блаженнаго мощи в свой монастырь, да иде же лета многа телом потрудился, тамо святыя мощи его да будут положены. Здравствуйте о Христе Иисусе в вечную жизнь и нас в молитвах ваших поминайте, да и нам подаст Господь Бог свободу от всех зол, находящих на ны, молитвами своего угодника преподобного Савватия» [7а, т. 2, с. 169—170].

[132] По причине неудобства морского пути.

Такое послание как нельзя более согласовалось с желанием самого преподобного Зосимы и Соловецкой братии. Приготовив корабль, они отправились с попутным ветром на поморское прибрежье. Достигнув селения Сороки на реке Выг и откопав гроб преподобного Савватия, они нашли мощи нетленными, невредимою и самую одежду — в воздухе разлилось необычайное благоухание. С подобающей честью и псалмопением Соловецкие иноки перенесли святую раку на корабль и с попутным ветром благополучно достигли своей обители. Первоначально честные мощи были положены в земле, за алтарем церкви Успения Пресвятыя Богородицы, а позднее над ними была устроена часовня. Многие болящие, приходя сюда с верой, получали исцеления по молитвам преподобного. Сам игумен Зосима каждую ночь горячо молился в этой часовне, и часто утренняя заря заставала его на молитве. Купец Иоанн, бывший при погребении Савватия и имевший к нему особенную любовь, принес в дар обители первую икону преподобного. Иоанн и брат его Феодор вручили образ игумену Зосиме, присовокупив и щедрое подаяние для обители. С благоговением приняв и лобызав изображение первоначальника Соловецкого, игумен Зосима поставил его в надгробной часовне и обратился к иконе преподобного, как к нему самому живому, со следующими словами: ***«О рабе Божий преподобне! Аще телом скончал еси свое житие от земных селений, но духом неотступно буди с нами, моляся Владыце Христу Богу, руководствуй нам и достойны представи шествовати по Божественней Его заповеди совершенней, яко же рекшу во святем Евангелии: взем крест свой и последовати по себе. Ты убо, преподобне, имый дерзновение ко Господу и Пречистей Его Матери, буди молитвенник о нас недостойных рабех твоих, живущих во святей обители сей, ей же ты бысть начальник; тако и ныне буди помощник Богом собранному стаду словесных овец, еже о Христе братству сему, да твоими молитвами к Богу невредими будем, пребывающе в месте сем, от враг видимых и невидимых и от человек, зло творящих святому месту сему; да всегда сохраняеми ходатайством твоим, славу и благодарение возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».***

Поселение иноков на пустынном острове, основание и распространение Соловецкой обители возбудили зависть корыстолюбивых и недоброжелательных людей. Они приплывали к острову, ловили в озёрах рыбу, а монастырю ловить не позволяли, называя себя хозяевами и владельцами Соловецких островов и даже грозили разорить обитель и выгнать оттуда монахов. Преподобный игумен решился отправиться к Новгородскому архиепископу и просить у него помощи и защиты. Прибыв в Новгород, преподобный Зосима был благосклонно принят архиепископом Ионой, который посоветовал ему изложить свои нужды пред главными

боярами, управлявшими городом. Преподобный обошёл их дома и просил не допустить обитель свою до разорения: все знатные люди обещали ему свою помощь. Но между влиятельными и богатыми новгородцами в то время особенно выделялась Марфа Борецкая: её-то поселенцы и рабы чаще других причиняли разные обиды Соловецкому монастырю. Заслышав о Соловецком игумене и предубежденная против него наговорами своих домашних, она повелела с бесчестием отогнать его от своего дома. С терпением и кротостью принял угодник Божий это бесчестие и пророчески сказал своим ученикам: «Настанет время, когда жители этого дома не будут ходить по своему двору; двери дома затворятся и уже не отворятся; этот двор опустеет».

Архиепископ Иона созвал бояр к себе, вновь изложил им обиды монастырю от пришлых людей и убедил оказать помощь монастырю. Игумен получил от доброхотных дателей много пожертвований на нужды обители церковными сосудами, священными одеждами, золотом, серебром, хлебом. Также дана была грамота «преосвященнаго Ионы, архиепископа великаго Новаграда, и посадников новгородских, и тысяцких, и боляр, и купецких людей, и жителей всех пяти концев преподобному чюдотворцу Зосиме на Соловецкий остров, и на Анзерский остров, и на Муксалмы, и на Заецкой островы, и на малые островки, и в тех островках на страдомую землю, и на пожни, и на ловища, и на тони, и на лешие озера в вечное владение в Соловецкой монастырь за осмию печатьми свинцовыми» [6, л. 3].

Скоро и сама Марфа раскаялась, что оскорбила преподобного и, желая загладить причиненную ему обиду, пригласила его к себе на обед. Игумен Зосима, по своему незлобию, принял это приглашение и, когда вошел в дом боярыни, был с честию встречен самою хозяйкою и всем семейством её и посажен на почётном месте. Все ели и пили с знаками живейшего удовольствия, а преподобный сидел молча и, по обыкновению, мало вкушал от предлагаемой пищи. Взглянув на гостей, он в изумлении опустил глаза; взглянув в другой и третий раз, он видел то же самое, именно: шесть главнейших бояр сидящими без голов. Поняв, что означает это видение, преподобный вздохнул и прослезился, и уже не мог вкушать ничего из снедей, как ни просили его собеседники. После обеда Марфа, испросив у старца прощение за прежнее оскорбление, дала монастырю во владение землю, утвердив это пожертвование грамотою. Когда преподобный вышел из дома Марфы, ученик его Даниил спрашивал его о причине скорби и слёз во время обеда. Старец объяснил ему своё видение, заметив, что эти шесть бояр будут со временем обезглавлены, но просил сохранить это втайне. Вскоре по возвращении преподобного в обитель исполнилось и пророчество его о запустении дома Борец-

Кончина преподобного Зосимы. Фрагм. резьбы на раке, XVI в.

кой, и видение во время обеда. Смирив Новгород силою оружия, великий князь Иоанн III повелел казнить тех бояр, которых преподобный Зосима видел обезглавленными, а Марфу Борецкую отправить в ссылку. Имение её было разграблено, дом и двор запустели.

Преподобный Зосима, достигнув маститой старости и предчувствуя приближение кончины, стал приготовляться к переходу в вечность. Он устроил себе гроб и часто со слезами смотрел на него, памятуя о своей смерти. Когда постигла его болезнь, то, призвав братию, он говорил им: ***«Се убо чада и братия, время моего скончания приходит. Вас же оставляю Всемилостивому Богу и Его Пречистей Матери; изберите, кого хощете имети с Богом игумена вместо меня!»*** Братия же едиными устами отвечали: «Аще бы можно нам умереть с тобою, отче, нежели разлучитися от тебе, пастырю добрый! Но се есть воля Божия. А яже ти извести всеведый Бог твое отшествие к вечным обителем, то и может тебе ради подати нам пастыря и учителя, да будет нам наставник и вожь ко спасению. Но молим тя, не остави нас, сирых, и по своем к Богу отшествии, имаши бо дерзновение к Нему» [7а, т. 2, с. 176].

Преподобный отвечал: ***«Не скорбите, о чада! Се уже предаю вас Богови и Его Пречистей Матери. И аще будут угодна дела моя Богови, то не оскудеет потребным святая обитель сия до скончания века и болма распространится. Но токмо любовь имейте друг ко другу и смирение нелицемерно, и страннолюбие, и милостыни со тщанием прилежите, без нея же никто же узрит Господа. А о игумене возложите упование на Господа Бога и Пречистую Богородицу и на наше смирение, то да будет вам игуменом Арсений».*** И поручил ему монастырь и братию, говоря: ***«Се убо, брате Арсение, оставляю тя по Бозе строителя и наставника святей обители сей и всей боголюбивой братии. Но блюди, брате, паче всегда ничто же погрешиши***

обычая монастырскаго по правилом святых апостол и святых отец седми Собор Вселенских, иже имать церкви Божия, и пение и чтение соборное без мятежа с вниманием да будет, и на трапезе ястия и питие с молчанием в благодарении и послушании божественных Писаний, и весь чин и обычаи монастыря сего, уставленные по Бозе нашим смирением. И Господь Бог да исправит стопы ваши к деланию заповедей Его, молитвами Пречистыя Богородицы и всех святых, и преподобного отца нашего старца Савватия. И Господь да сохранит вы и утвердит в любви Своей. Аз же, аще телесне отхожу от вас, но духом с вами неотступно пребуду. И о сем разумеете: аще обрящу благодать от Господа, то обитель сия по моем отшествии наипаче распространится, соберется множество братии в любви духовней, и в телесных потребах ничим же скорбни будете».

И так, поучив братию, и всем о Христе целование дав, отпустил всех по келиям, молитвами одарив и благословением укрепив. Сам же непрестанному славословию прилежал, в вечный путь готовяся. И, воздев руки, знаменовал себя крестным знамением, мир дал всем, и помолился: ***«Владыко Человеколюбче! Сподоби мя одесную Тебе стати в последний день, егда приидеши во славе судити живым и мертвым и воздати комуждо по делом его».*** И возлег на одр и предал честную душу в руце Божии блаженный Зосима игумен, начальник Соловецкого монастыря, в лето 1478 месяца апреля в 17-й день. Честное и трудолюбное тело его погребено было братиею со свечами и надгробным пением во гробе, иже он сам ископал, за алтарём Преображенского собора. По третьем же лете по успении преподобного ученики поставили часовню над его могилой, а в ней иконы Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Богородицы. Все верующие, притекая сюда с молитвою, получали по молитвам преподобного облегчение скорби и исцеление болезней. Московский собор, бывший при митрополите Макарии в 1547 году, положил совершать память преподобного Зосимы в день его кончины 17/30 апреля.

3.3. ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРМАН

С именем Савватия связан образ отшельника, безмолвника, с именем Зосимы — образ труженика, устроителя монастыря, заботливого игумена, а образ преподобного Германа — смирение и послушание, у него был редкий дар помощника. Он первым из монахов с рыболовами побывал на Соловках, и благодаря ему преподобные Савватий и Зосима поселились на острове, он нес наравне с ними все тяготы пустынножительства. О Германе архимандрит Досифей пишет, что он был из простых человек, грамоте и Божественному писанию не научен. Однако, будучи сам человеком не книжным, преподобный Герман был убежден, что жизне-

описания подвижников представляют назидание для чающих спасения, а потому повелел клирикам записать с его слов свидетельства о том, как преподобные Зосима и Савватий пришли на остров, и как обустраивался монастырь. Рассказами преподобного Германа, записанными для памяти священноиноком Досифеем о начале монашеской жизни на Соловецком острове, было положено начало написанию жития преподобных Саввати и Зосимы и их прославлению.

Преподобный Герман 50 лет потрудился на благо Соловецкой обители, и в этих трудах по дороге в Новгород застала его смерть. Проезжая мимо обители святого Антония Римлянина, он имел некое «явление Божие», которым извещен был о близком отшествии своем ко Господу. Он призвал игумена из того монастыря и после исповеди и причастия Святых Христовых Таин мирно предал дух свой Богу в 1479 году. Ученики преподобного решили перенести его мощи в монастырь, но из-за распутицы они не успели добраться до островов и погребли мощи в веси Ховроньиной на берегу реки Свири. В 1484 году при игумене Исайи святые мощи преподобного Германа были обретены нетленными и с радостью перенесены в родную Соловецкую обитель и положены под спудом «на восточной стороне, одесную храма святого Николы Чудотворца, близ святого алтаря». Служение преподобного Германа настолько сокровенно, что жизнеописание его содержит лишь сведения о его блаженной кончине и о его явлении пресвитеру Григорию в его родном селении Тотьме в 1602 году. Преподобный Герман повелел пресвитеру написать свое изображение и составить тропарь.

30 июля 1623 года при игумене Иринархе были обретены мощи преподобного аввы Германа [6, л. 15]. В 1692 году по благословению Патриарха Иоакима преподобный Герман, Соловецкий Чудотворец, был канонизирован к местному празднованию 30 июля/12 августа. «Аще кто с верою приходит к нему (преподобному Герману) — от многих скорбей, и болезней, и бед избавляет святыми своими молитвами».

3.4 ИГУМЕН ФИЛИПП

Святитель Филипп, митрополит Московский, происходил из знатного боярского рода Колычевых. Его отец Стефан был близок к великому князю Василию Ивановичу, благочестием отличалась его мать — Варвара[133].

[133] В Летописце отмечено: «Филипп Стефанович Колычев, игумен Соловецкого монастыря, просил всего братства, чтоб написать в вечной поминок в литию отца его Стефана, да матерь его инокиню Варсонофию, да брата Бориса, а как он, Филипп, мол, преставится, написать и его в литийный синодик и поминовение отправлять месяца ноября в 7 день. А всей его дачи на монастырь 180 рублев» [6, л. 8].

Явление пресвятой Богородицы иноку Филиппу. Клеймо грав., 1748 г.

11 февраля 1507 года в семье родился первенец, названный Феодором. Получив образование по церковным книгам, он вскоре поступил на службу при дворе великого князя, где был знаком с малолетним Иваном — будущим царем Иоанном IV. Христианское благочестие и глас Божий, услышанный Феодором 5 июля 1537 года в церкви во время Литургии: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Мф. 6, 24), — подвигли молодого боярина отвергнуть все мирское и удалиться в пустыню. Феодор тайно покинул родительский дом и безвестным странником ушел на Север. В одной из прибрежных онежских деревень (Хиже) он, воспользовавшись гостеприимством крестьянина Субботы, служил недолго пастухом, а затем продолжил путь на Соловецкие острова. В монастыре он был с любовью принят игуменом Алексием (Юреневым).

Феодор, ради смирения, не пожелал открыть своего мирского звания и прошел обычный суровый путь монастырского трудничества: «дрова убо секий и землю копая в огороде и каменье пренося, овогда же и гной (навоз) на плещу своею носяще», — работал на огороде, расчищая и удобряя бедную каменистую почву. Ради приобретения смирения приходилось ему переносить и более тяжкие испытания: «многожды же уничижаем и бием от неразумных», не гневался и с кротостью переносил все. Через полтора года он был пострижен и наречен Филиппом. Но ангельский образ не отменил его тяжелых трудов. Филипп нес послушание сначала в кузнице, где постоянное обращение около огня приводило ему на мысль геенский огонь, потом на поварне, потом в хлебне (пекарне), где он рубил дрова, носил воду, топил печь. Там почтила его труды Своим явлением Сама Пресвятая Богородица, оставив свой образ, получивший название «Хлебенная», или «Запечная». Это было удивительное знамение того, что не высота служения, а чистосердечная ревность в прохождении его приближает нас к Богу. Тогда Филипп находился в послушании у иеромонаха Ионы, дивного старца, который в юности был учеником преподобного Александра Свирского, тогда уже прославленного. Иона учил

Филиппа всему монастырскому и церковному уставу, пока ученик его, постигнув литургическую науку, не был поставлен екклисиархом, то есть наблюдающим за чином богослужения. Рассказывают, что старец предрекал о своем ученике: «Сей будет настоятелем во святой обители нашей». Доселе под папертью церкви святых Зосимы и Савватия, рядом с надгробной плитой митрополита Филиппа, сохранилась и памятная плита, отмечавшая место упокоения его учителя: «Лета 7076 (1568) преставися раб Божий инок Иона Шамин месяца генваря в 10 день». Старец Иона лишь на 2 года упредил в вечности своего духовного сына.

Трудовые послушания не заглушили в иноке Филиппе стремления к духовной жизни. На эти годы падает его удаление из монастыря в лесную пустыню: «тамо к Богу ум возвысив, в молитвах точию упражняшеся». В уединении отшельник провел «не мала лета», потом, навыкнув безмолвию, вернулся к обычным трудам. Запомним эту драгоценную подробность, которая поможет нам понять, что, будучи игуменом, а затем митрополитом, Филипп оставался в первую очередь монахом, сердце которого всецело принадлежит Господу. «Духовная карьера» его не интересовала, он бежал славы и принимал высокие назначения лишь «за послушание» воле Божией. Через десять лет соловецкой жизни «никто из иноков житием, разумом и опытностью» не мог сравниться с Филиппом. Игумен Алексий любил его и уже видел в нем своего возможного преемника. Филипп отказывался, но, видя его нелицемерное смирение, игумен Алексий только укреплялся в своем намерении. Было ли в это время известно в Соловках происхождение и мирское богатство Филиппа? Это возможно, по крайней мере, для настоятеля и духовного отца Филиппова. Все равно, имя Колычева должно было открыться в Новгороде при поставлении в игумены. Можно думать, что имя это, вместе с его личными качествами, могло остановить на нем выбор игумена Алексия. Удручаемый старостью и болезнями, он предложил братии избрать нового настоятеля. Выбор единодушно пал на Филиппа. Филипп не прекословил.

С письмом игумена Алексия и в сопровождении нескольких старцев он отправился за утверждением в Новгород. Архиепископ Феодосий принял монахов, привезших письмо игумена Алексия, но не увидел среди них Филиппа. «Где же избранный?» — спросил он. Избраннный скрылся из скромности. Представ перед владыкой и удовлетворив его разумными ответами на испытующие вопросы, Филипп был рукоположен в священника и получил из рук архиепископа игуменский посох. «Вот отец вам, — сказал Феодосий, — имейте его во образ Христов и покоряйтесь ему со всяким послушанием».

В середине августа его встречали уже в обители с крестами, иконами и колокольным звоном. Бывший игумен с братией вышли ему навстречу

до берега и проводили в церковь на игуменское место. Немного не поспел игумен Филипп ко дню храмового праздника Успения. 17 августа 1548 года он совершил соборне свою первую литургию в монастыре и сказал свое первое учительное слово.

Здесь в житии игумена Филиппа встречается странный эпизод, к сожалению, без пояснений. Однако удивляет, что игумен, столь торжественно поставленный, не остается в монастыре, а слагает с себя управление. Вот как повествуется об этом: «Преподобный, хотя и принимает старейшинство, но не изменяет своего прежнего нрава. Больше прежнего простираясь на подвиг и предаваясь еще большим телесным трудам, он видел себя хвалимым и почитаемым, и вменил сие в тщету, будучи от юности украшен смирением; сего ради оставил игуменство и отошел опять в пустыню, приходя в монастырь только для причащения пречистого тела и крови Христа Бога нашего. В это время начальствовал прежний игумен, который и постриг святого». По преставлении игумена Алексия через полтора года поставили опять Филиппа. Удивительный сам по себе случай отречения только что избранного игумена становится еще более странным, если обратить внимание на то, что, как для возвращения к власти престарелого Алексия, так и для вторичного утверждения Филиппа, требовались новые путешествия в далекий Новгород. Владыка Феодосий должен был трижды в течение двух лет ставить игумена в Соловки. Этому формальному поставлению соответствует и вторичное избрание Филиппа в игумены на собрании братии по смерти Алексия. Все это указывает на то, что, удаляясь в пустыню, Филипп действительно сложил с себя настоятельство.

Здесь представляются две возможности. Или Филипп с первых же шагов своего игуменства столкнулся с враждебной ему партией, сумевшей как-то противопоставить ему игумена Алексия. Или он слагает с себя бремя власти по аскетическим соображениям. Он сомневается в своих силах, раскаивается в своем согласии, бежит власти. В обоих случаях перед нами не твердый характер, не честолюбивый деятель, знающий меру своих сил и ответственности, — натура скорее робкая, стремящаяся уклониться от власти в смиренном сознании своей слабости. Беглецом из Москвы мы видели боярского сына, беглецом видим и игумена. Не борец, а беглец — таким мы запомним его, чтобы образ хозяйственного игумена и мужественного исповедника не заслонил в наших глазах его природы, той кроткой и смиренной немощи, в которой «сила Божия совершается».

Игуменство Святителя Филиппа продолжалось 18 лет. Его заботами по всему острову проложены новые дороги, озера соединены каналами, расчищены от леса луга и пастбища, построены первые каменные храмы и келии.

Летописец рассказывает и о том, как ревностно сохранял игумен Филипп память о Соловецких первоначальниках и как старался по мере сил поддерживать их начинания: «Преподобный Филипп-игумен доведался (разыскал) образ Пречистыя Богородицы Одигитрии, с которым Савватий-Чудотворец сам на остров приехал первее. Да он же Филипп-игумен сыскал Чудотворца Зосимы Псалтирь, по которой Псалтири сам правил, и служил, и готовился к службе, да вычинил он ее, да и подписал на ней, кое Зосимы-Чудотворца самого. Да Филипп же игумен сыскал Зосимины ризы, в коих сам служил, да вычинил, да и подписал на них, кое на Чудотворцевы памяти игумены сами служат в них, и учинил их первыми ризами».

В 1566 году, когда первосвятительская кафедра оказалась свободной, выбор пал на уже престарелого Соловецкого игумена. Он со слезами просил царя не налагать на него это тяжкое бремя: «Нет, милосердый государь, не разлучай меня с моею пустынею; не налагай на меня бремени выше сил. Отпусти, Господа ради, отпусти; не вручай малой ладье бремени великого». Но царь был непреклонен[134], и игумен Филипп принял первосвятительский сан с условием, что будет ослаблена «опричнина».

Благодаря Святителю Филиппу были помилованы многие из тех, кто выступал против «опричнины». Не найдя поддержки в Земской думе и Священном Соборе, он один мужественно противостоял грозному царю, порой отказывая ему в благословении. Не действовали на Святителя ни угрозы, ни попытки опорочить его имя. Свое дело он считал правым и готов был пострадать даже до смерти, отстаивая его.

В начале января 1568 года Иван IV вернулся в Москву после кратковременного пребывания в Александровской слободе, связанного с переводом туда Опричного двора и переездом семьи. Тогда же в январе царь собрал думный собор, на котором он объявил боярам и духовенству «свою царскую мысль, чтобы ему свое царство разделити и свой царский двор учинити в Александровой слободе. И на се бы его благословили» [с. 573][135]. Целью этих действий было продолжение расследования «заговора» в земщине и желание покончить со всеми, кто, как представлялось царю, сочувствовал этому «заговору». Подозреваемых казнили или

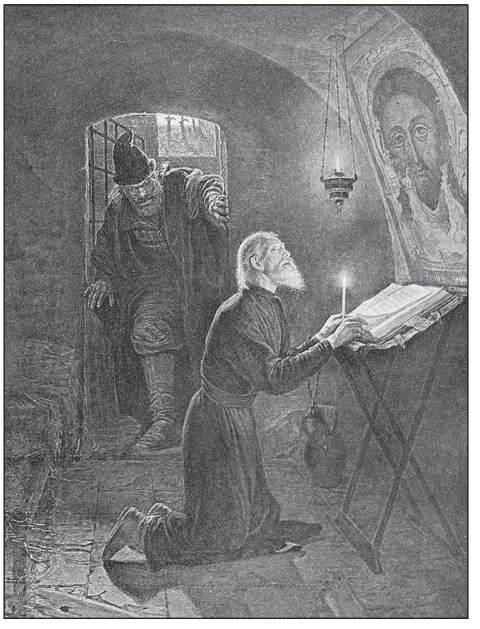
[134] Почему царь остановил свой выбор на игумене Филиппе, после того как изгнал из митрополичьих покоев Германа, архиепископа Казанского? Неужели он считал, что Филипп будет покладистее? Заметим, что Грозный соединял злодеяния со страстной набожностью и считал себя ревнителем чистоты и благолепия церковного. Желая видеть святого пастыря на Московской кафедре и иметь в нем молитвенника, а не судью своей совести, царь искал достойнейшего и нашел его в лице давно знакомого игумена Соловецкого.

[135] Эта и последующие цитаты приведены по Тулуповской редакции жития Святителя Филиппа, опубликованной в работе: Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление Московского самодержавия. СПб., 2004., с. 554—597.

грабили до последней нитки. По мысли царя, напуганные расправами знать и духовенство должны были бы «на всяко дело без рассуждения благословляти, и волю его творити, и не разгневати». Действительно, не только бояре, но и епископы, договорившиеся перед собором крепко стоять против опрично-земского двоевластия, убоялись «царева страха» и «своего начинания отпадоша». Доблестный же пастырь Филипп стал умолять царя: «Державный царю, престани от такового начинания, неугодного Богу и всем православным христианам. Сам Господь говорил: “Если царство разделится — запустеет”. И никак на такое дело нет и не будет нашего благословения». Святитель обращается к лучшей стороне царской личности: «Благочестия хранителя вем тя, и истины поборника, и православия снабдителя, и своея державы смотрительна правителя. И никто же на твою державу зло совещавает. Свидетель есть — Всевидящее око». Митрополит Филипп единственный из участников собора последовательно отрицал существование заговора в земщине. Он боролся против возведения опричных властей на вершину государственного управления, потому что способ проведения политической реформы опирался на ложные обвинения. Система правления, основанная на обмане, для своего поддержания требовала дальнейших преступлений, множивших страдание по всей стране. В конце своего обращения Святитель Филипп призывает царя «не посрамляти веру деяньми ненавистными»: «И мы тебе совещаваем и советуем — добродетельми украшати веру и верою добродетелей светлейших соделовати любовь... Общее же благо рода и отечества твоею властию дай видети и именовати» [с. 574]. Видя, что собор безмолвствует, Святитель Филипп обращается к епископам: «Что устрашаетеся правду глаголати? Ваше бо молчание цареву душу влагает в грех, а ваши души — на горькую погибель, а православную веру — на скорбь и смущение». Они же стояли видом смиренны, а делами предатели и злу пособники в угоду царю. Видя, что царь гневен на святого, они тоже досадовали на него, обвиняя его в пренебрежении церковными интересами: «Добро было во всем царя слушати, и на всяко дело без рассуждения благословляти, и волю его творити и не разгневати».

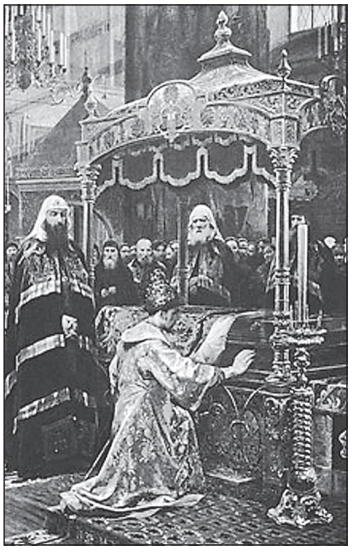
В начале весны 1568 года было очевидно, что опричные репрессии стали формой государственного террора, введенного Иваном IV для уничтожения всех недовольных существующим режимом. Тогда «благоразумные и истинные правители и искусные мужи, и от первых вельмож, и весь народ пришли к пастырю своему заступления ради с великим рыданием, смерть имея пред глазами» [с. 578]. После январского собора Святитель Филипп уже не имел возможности обратиться к царю с «печалованием». Он с любовью утешал свою паству, напоминая, что «Гос-

подь не оставит нас искуситися выше силы нашея и не попустит до конца пребыти в прелести сей!» Он мог только разделить страдания своей паствы и дать пример терпения в искушениях: «Сия приключишася грех ради наших, общего ради спасения нашего... Ныне же и аз радуюся о страданиих моих за вас — вы бо ми есте ответ, и оправдание, и похвалы венец».



Репродукция картины Н.А. Новоскольцева «Последние минуты митрополита Филиппа». 1890 г.

В воскресный день 1568 года после торжественной службы в Успенском соборе Московского Кремля Святитель Филипп с упованием на Бога обратился к царю, просившему у него благословения, со словами: «Царю благий! Несть се слышано, еже благочестивым царем свою державу возмущати... Убойся, о царю, Божия суда... Колико страждут православные христиане! Мы убо, о царю, приносим жертву чисту и бескровну за спасение мира, а за алтарем неповинно льется кровь христианская и напрасно умирают... Не о тех скорблю... иже скончаваются мученически, ибо не могут страдания нынешние сравниться с грядущим воздаянием, но о твоем спасении имею попечение!» Царь же, обличению не внимая, отвечал: «Филиппе, нашей ли державе противишься, увидим крепость твою!» Святый отвечал без страха твердо: «Царю благий! Вашему повелению не повинуемся, ибо не доброе помышляешь, аще и люто от вас постраждем... За истину благочестия подвизаюся. Аще и сана лишаеми или лютейшая предлежит пострадати — не смиряемся». Сие услышав царь, ярости исполнися [с. 580]. Автор жития пишет, что «малу времени минувшу, празднику пришедшу святых апостол Прохора и Никанора...», то есть 28 июля Святитель Филипп совершал праздничный молебен с крестным ходом в Новодевичьем монастыре. Когда он собирался читать Евангелие перед Святыми вратами, то, оглянувшись, увидел, что некоторые из пришедших с царем опричников стоят в тафьях — островерхих шапках. На обличение Святителя Филиппа царь отреагировал безудержным гневом. В ноябре 1568 года по требованию Грозного неугодный митрополит был смещен с кафедры и сослан в Тверской Отрочь монастырь. 23 декабря 1569 года он принял мученическую кончину от руки Малюты Скуратова.



Репродукция картины А.Д. Литовченко «Перенесение мощей святителя Филиппа в Москву в 1652 г.»

В 1591 году, при царе Феодоре Иоанновиче, мощи Святителя Филиппа были перенесены в Соловецкий монастырь игуменом Иаковом[136] с братией. В продолжение 55 лет покоились они в могиле, приготовленной для себя Святителем Филиппом. В 1646 году царь Алексей Михайлович повелел торжественно открыть святые мощи, после чего они были перенесены в Преображенский собор и поставлены «в раке против правого клироса в углу у святых икон» (у южной стены) [6, л. 17]. В 1652 году они были перенесены митрополитом Новгородским Никоном (будущим Патриархом) в Московский Успенский собор в Кремле, где и почивают до сего дня. «А часть мощей Святителя Филиппа-митрополита оставлена в Соловецком монастыре в соборной церкви, в той же раце, в ковчезе сребрянном, на исцеление скорбящим» [6, л. 17 об.].

Страдания Святителя Филиппа за правду, за ограничение безудержного самоуправства царской власти и за должный духовный авторитет Церкви в обществе были для митрополита Никона образцом и примером. Изгнание митрополита Филиппа, совершенное за обличение царских беззаконий и жестокостей, и его убийство были первым и самым серьезным конфликтом между самодержцем и главой Церкви в России. Требовалось восстановить каноническую правду в отношениях монархии и Церкви. Подобно тому как император Феодосий, отправляя посланников за мощами святого Иоанна Златоуста, обращался к давно почившему Святителю с покаянной грамотой, прося в ней прощения за свою мать, гнавшую святого, Никон предложил царю Алексею Михайловичу написать покаянное послание Святителю Филиппу, прося прощения «за совершенное против него неразсудно завистию и нездержан-

[136] Игумен Иаков пожелал, чтобы тело его покоилось рядом с местом погребения Святителя Филиппа, который, в свою очередь, приготовил себе могилу у северной стены Спасо-Преображенского собора рядом с могилой своего старца Ионы Шамина, попечению которого он был вручен после пострига. Сохранились прикрепленные к стене фрагменты надгробной плиты игумена Иакова с надписью: «Здесь погребено тело игумена 27-го Соловецкого Иакова, ученика Святителя Филиппа, бывшаго игуменом 16 лет, старанием коего перенесены Святителя Филиппа мощи из Отрочь-монастыря и за то принявшего покой у ног своего учителя. В 1597 году скончался». Ошибка в дате кончины свидетельствует о том, что эта плита, скорее всего, поздняя, положенная, может быть, во время строительства Троицкого храма. В 1597 году игумен Иаков стал архимандритом Костромского Ипатьевского монастыря. В 1606 г. он удалился на покой в Соловецкий монастырь, где и скончался в 1614 году [29, с. 9].

ною яростию» царем Иоанном Васильевичем и изъявляя свое почтение Святителю-мученику: «Преклоняю пред тобою сан мой царский за согрешившего против тебя, да отпустишь ему согрешение его своим к нам пришествием, и да упразднится поношение, которое лежит на нем, за изгнание тебя».

3.5. ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОРИТ КОЛЬСКИЙ

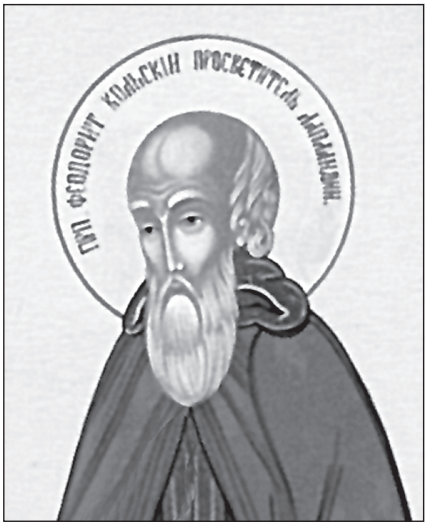
До разорения старого монастырского кладбища с южной стороны от Спасо-Преображенского собора внимание паломников обращала на себя белокаменная надгробная плита XVI века, которая отмечала место погребения Феодорита Кольского — просветителя лопарей. Надпись на плите приведена в Соловецком патерике: «Лета 7079 (1571) августа 17 дня преставися раб Божий священно-архимандрит Суздальский Евфимиева монастыря, священно-инок Феодорит, Соловецкий постриженник» [1, с.43]. Вот что известно об этом необыкновенном подвижнике, которому церковь за подвижническую жизнь и просветительские труды дала титло Блаженного. Мирское имя его было Сергий, родился он в Ростове[137], на тринадцатом году удалился из дому родительского в Соловецкий монастырь, а на четырнадцатом принял постриг с именем Феодорит. В соответствии с обычаем, он был отдан на послушание мудрому старцу, иеромонаху Зосиме (ученику преподобного Зосимы Соловецкого), который подвизался в скиту на реке Шуе южнее нынешней Кеми. В Летописце упоминается имя старца Зосимы, так как именно через него преподобные Зосима и Савватий Соловецкие явили чудесное заступничество и помощь своей погоревшей обители в 1485 году (см. 1.1). У Зосимы он пробыл в послушании духовном 15 лет. За это время он «навыче всякой духовной премудрости», а также познакомился с «лопью дикой»[138] и иными малыми народностями Севера, с их языком и наречиями, так как через скит проходили традиционные пути из центра России на Кольский Север.

Не позднее 1509 года[139] он был рукоположен архиепископом Новгородским Серапионом (Курцевым) в сан иеродиакона. Еще полтора-два года Феодорит провел в Шуе, теперь уже сослужа иеродиаконом иеромо-

[137] По оценке иеромонаха Митрофана [32], наиболее вероятная дата рождения — 1481 год. Далее в разделе 3.5 хронология жития следует работе [32], а цитаты в кавычках приведены по изданию: Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986, с. 324—347.

[138] Лопь, лопари — древнерусское обозначение этнической общности современных саамов.

[139] В 1509 г. Владыка Серапион был низвергнут с Новгородской кафедры [15, с. 318], после чего она пустовала до 1526 года, когда, наконец, был назначен архиепископ Новгородский Макарий (1482—1563 гг.), будущий митрополит Московский и всея Руси.



Прп. Феодорит Кольский. Фрагм. иконы XX в.

наху Зосиме в скитской церкви «Святого Христова Чудотворца Николы». А затем, испросив у своего старца благословения, отправился «на созерцание ко славному и великому мужу, чудотворцу сущу, Александру Свирскому». Преподобный Александр, не зная Феодорита и прозрев приближение его, вышел к нему навстречу за ограду монастыря и произнес: «Вот сын Авраамов пришел к нам, Феодорит-диакон», то есть принял его очень тепло и «зело любяще его, пока он жил в монастыре оном». Затем Феодорит обошел далекие заволжские монастыри, «ища храбрых воинов Христовых», и избрал для жительства Кириллов (Белоезерский) монастырь, так как именно здесь обрел «духовных монахов» и «святых мужей». С ними он в течение двух лет предавался «жестокому и святому жительству, умучая и покоряя плоть свою в порабощение и в послушание духа», а потом перешел в Порфирьеву пустынь, ради научения от «божественного Порфирия, исповедника и первомученика»[140]. С Порфирием Феодорит прожил в пустыни четыре года, когда получил письмо от своего духовного отца старца Зосимы, который писал, что приближается время его отшествия ко Господу, и просил Феодорита возвратиться к нему. Феодорит немедленно отправился в путь «по великим и непроходимым пустыням». Добравшись до своего учителя и духовного отца, он служил ему в его «немощах и недугах, аж до смерти старца» (около года).

Похоронив почившего Зосиму, Феодорит «разжегся желанием пустынного безмолвного жительства» и направился на небольшом судне «великою Колою рекою» до «глубоких варваров, лопарей диких». Там, «в лесах пустых, непроходимых», он через несколько месяцев встретил отшельника Митрофана, который, по-видимому, был не кто иной как преподобный Трифон Печенгский до своего пострига[141]. Феодорит и Митрофан подвизались вместе 12 лет «в святом и непорочном жительстве»,

[140] Иеромонах Митрофан указывает, что это было до 1521 года, когда «был тот Порфирий привлечен из пустыни насилием, по повелению великого Князя Московского (Василия III) на игуменство в Троице-Сергиев монастырь». В 1524 году за смелые обличения он был изгнан Василием III с игуменов обратно в его пустынь, а затем подвергнут жестоким пыткам и заточению.

[141] Ко времени этой встречи в 1518—1519 году Трифону было около 30 лет, из которых 5 он провёл в пустыне.

питаясь «от жестоких зелий и корений, их же там производит прегорчайшая пустыня оная». Личный подвиг спасения в пустынных, диких, языческих местах оказался наиболее действенным способом проповеди Христа. Н.М. Карамзин так писал о Феодорите: «Он имел славу крестить многих диких лопарей; не убоялся пустынь снежных; проник во глубину мрачных, хладных лесов и возвестил Христа Спасителя на берегах Туломы; узнав язык жителей, истолковал им Евангелие, изобрел для них письмена <...> просветил Божественною верою без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего». Завершением этой проповеди Евангелия на берегах Нивы, Колы и Туломы должно было стать крещение лопарей и строительство храмов для них. Поэтому в 1530 году Феодорит вместе с Трифоном (тогда еще Митрофаном) отправились за помощью в Новгород. Вернувшись со строителями, они воздвигают церкви: Трифон — на Печенге (у реки Маны) — Свято-Троицкую, Феодорит — на реке Коле — Благовещенскую (летнюю) и Никольскую (зимнюю).

Первой была построена церковь на Печенге и «по воздвижении же та святая церковь пребывала три лета» неосвященной — шло строительство церквей на Коле. В 1532 году Феодорит со своими «лоплянами с Колы-реки и с Туломы» поехали «бить челом» к «преосвященному Макарию и просить антиминсов и священников церкви Божии священати». По этой челобитной боголюбивый архиепископ Макарий направил к «Мурманскому морю» священника «от соборныя церкви святей Софии» — иеромонаха Илию. Вероятно, что вместе с ним отправился и диакон Феодорит как податель челобитной. Когда летом 1533 года Феодорит вернулся в Новгород, архиепископ Макарий рукоположил его во иеромонахи и определил быть своим духовником.

Феодориту было уже около шестидесяти лет. Благодать Духа Святого столь обильно изливалась на всех к нему притекающих, что Курбский, касаясь его деяний в Новгороде, писал: «Не будучи епископом, воистину светлого епископа дела исправляет». Он привел к истинной вере и «к пути спасенному» множество знатных «светлых и богатых граждан». Он «целил недужных, очищал прокаженных, возвращал заблудших душою из сетей диавольских», пробуждая их к покаянию. Но мыслями он был в северной стороне, среди полюбившихся ему лопарей. О них, по сути, добрых и наивных детях природы, Феодорит рассказывал Курбскому: «Тот народ Лопский, люди зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко пути спасения же тщаливы и охочи зело».

Через два года, собрав богатые пожертвования, Феодорит «с некоторыми другими» вернулся в свою пустыню и в устье «Колы-реки создал монастырь, а в нем поставил церковь во имя пребезначальные Троицы».

Заботясь о стекавшейся к нему монашеской братии, он «правило им священное уставил, заповедуя им обще и отнюдь нестяжательно жительствовать, без имений, своими руками пищу добывающе». Потом, поскольку Феодорит был «уже весьма искусен языку» лопарскому, он «некоторых оглашал к пути спасенному и просвещал святым крещением». Среди крещеных лопарей «множество от них монашеское житие возлюбили», поскольку Феодорит сумел научить их Священному Писанию и «молитвы некоторые перевел им от Словенска в их язык». По прошествии «лет немалых», когда проповедь Евангельская распространилась в округе среди лопарей, в «един день крестишася» около «двух тысяч с женами и детьми».

После этого у Феодорита начались нестроения в монастыре, поскольку «не терпит древний супостат человеческого рода благочестие возрастаемое» и «шепчет невидимо в уши и глаголюще им в сердце», что никто из людей не может вынести и претерпеть устав, от Феодорита установленный, — «тяжел он вам и неподъемен. Как можно без имений жить и лишь своими руками кормиться?» И «сложившись с диаволом», монахи, схватив Феодорита, «старца святого, бьют нещадно и не только из монастыря извлачают, но и из страны той изгоняют, как врага некоего». Феодорит, «неволей» отведен от тех пустынь «во вселенную», стал игуменом в малом монастыре в Новгородской земле, где и провел он два года.

О подвижничестве Феодорита узнал царь Иоанн Грозный и призвал Феодорита к себе. Вскоре он был поставлен архимандритом Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Там Феодорит пребывал около четырехпяти лет. В монастыре он встретил «зело не обузданных монахов, своевольно не по уставам и святым правилам живущих». Их он «уздает и востязает страхом Божиим», но также обличает и архиепископа Суздальского «за сребролюбие и пианство». В ответ архиепископ Суздальский обвинил Феодорита в ереси и сослал в Кирилло-Белоезерский монастырь «в неволю», где он полтора года претерпевал «ругание и бесчестие». После этого Феодорит отписал Курбскому и иным своим духовным чадам о своей нынешней скорби, и те, «саном почтенные», собравшись, пришли к архиепископу Макарию с ходатайством. И тот, устыдившись их сана, также вспоминая и духовничество Феодорита, послал письмо в монастырь, «повелевающе отпустити мужа и жительствовати ему свободне, идеже хощет». Феодорит поселился в Ярославском Спасском монастыре, однако через год или два был призван царем как муж духовный и знающий греческий язык и в 1558 году отправлен послом к Константинопольскому Патриарху просить об узаконении титула «царя Московского». Курбский, подчеркивая, что Феодорит, хотя и был «уже во старости и в немощном теле» (77 лет), но «повеление царево послушал и пошел с радостью на таковое посольство».

Поручение Феодорит выполнил очень успешно, и царь, весьма довольный полученным патриаршим посланием с благословением, наградил Феодорита 300 большими сребрениками и «кожухом драгих соболей», а также предложил ему выбрать себе «власть духовную», какую бы хотел. Курбский так описывает ответ Феодорита. На упомянутые выше искусительные царские милости он, «чуть усмехнувшись, отвечал: “Я, Царь, повеления твоего послушался и все, что ты заповедал мне сделать, исполнил, не обращая внимания на немощи старости моей. Пусть наградою и довольствием мне будет от апостольского наместника, Патриарха Вселенского, данное мне благословение. Даров же от Твоего Величества, так же как и власти для себя, не требую. Даруй их тем, кто просит и кому оное потребно. Я же серебром да драгоценною одеждою услаждаться не приучен, поскольку отрекся от всего такового в начале пострижения власов моих. И пекуся о том лишь, как бы украситься внутренне добротою душевною да благодать Духа стяжать, и только одного прошу — да с покоем и со безмолвием в келии до исшествия моего да пребуду”».

Сколь же велика была святость сего дивного старца, если даже Иоанн Грозный смирился перед ним и «начал молить его да не обесчестит он сана царского и да возьмет дары сии». Феодорит повиновался «за послушание», но взял от 300 лишь 25 серебряных монет. После чего, «поклонившись по обычаю, изыде от лица царского». Царь все же повелел шубу отнести в келию, где жил Феодорит. Шубу Феодорит продал и, раздав деньги нищим, отправился в Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологду. Из этого монастыря он дважды добирался по реке Двине до моря и морем до им созданного монастыря в устье Колы-реки ради посещения и окормления лопарей — детей своих духовных, — «пекущися о спасении душ их», сея «в неверных проповедь евангельскую» и «размножая благочестие — врученный ему от Бога талант» в народе этом лопарском, «не щадяще ни старости своей, ни немощного тела, сокрушенного многими летами и великими трудами».

Предвидя возможные сомнения читателей своей повести в реальности столь долгих лет жизни старца и весьма тяжких трудов, Курбский писал, обращаясь к скептикам: «Смотри сюда, полувер, лицемерный христианин, размягченный и разложенный различными наслаждениями: какие храбрые обретаются старцы в православной Христианской земле, на правоверных догматах воспитанные! Чем более состарятся и изнемогут телом, тем храбрее ревностью по благочестию полагают и острозрительнейшими и приятнейшими ко Богу бывают».

По милости Божией преподобный Феодорит почил от трудов праведных на месте своего пострижения в Соловецком монастыре.

3.6. Святитель Маркелл, архиепископ Вологодский

В 2003 году в церкви преподобного Германа было обнаружено погребение архиепископа Маркелла, постриженника Соловецкого, бывшего игуменом[142] после Варфоломея с 1639 по 1645 год [2, 2005, с. 75]. В житии преподобного Иринарха [1, с. 82] говорится, что, когда игуменом еще был Варфоломей, Маркелл видел необыкновенный сон. Он как бы оказался в церкви Преображения Господня и, сотворив начало молитвословию, встал у стены у западных дверей. И увидел лестницу, достигающую от земли до верха большой главы. И по той лестнице видел сходящего преподобного игумена Иринарха, который, сойдя с лестницы, остановился перед царскими вратами. Тут же он увидел и игумена Варфоломея, стоящего возле игуменского места. Игумен же Иринарх, воззрев на Варфоломея, подошел к нему и взял посох из руки его, сказав со властию: «Довольно ти есть, брате! Несть бо сие твое дело». После же воззрел и на Маркелла со словами: «Приближися семо, Маркелле! И возьми посох сей». Маркелл же с благоговением приблизился и поклонился ему до земли, и блаженный дал ему посох и благословил его. Очнувшись от сна, Маркелл удивлялся виденному, но вскоре царским повелением игумен Варфоломей был от игуменства отстранен, а на его место поставлен во игумена Маркелл. Ему царь Михаил Феодорович повелел (в 1641 году августа в 4-й день) в церкви преподобных отец Зосимы и Савватия, где почивают чудотворные мощи их, отправлять ежедневно Божественную литургию и прочую по уставу церковную службу. В 1642 году святой Соловецкий игумен Маркелл был вызван в Москву для участия в избрании нового первосвятителя Русской Церкви вместо почившего более года назад Святейшего Патриарха Иоасафа I. Более того, игумен Маркелл был избран царем в число достойнейших. Их имена были написаны в шести жребиях, запечатанных царской печатью и отосланных в соборную церковь, чтобы находившиеся там Святители, помолившись, вынули перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы Владимирской один из жребиев, кого «Бог изволит и Пречистая Богородица изберет быти патриархом». 20 марта 1642 года на патриаршество был избран Иосиф, архимандрит Симонова монастыря. В 1645 году, после шестилетнего настоятельства в Соловецком монастыре, игумен Маркелл был вытребован в Москву и там 16 января рукоположен в архиепископа Вологодского и Белоезерско-

[142] «При том игумене Маркелле, как был в Соловках в лето 7150 (1642), построена портная швальня каменная со своды, единостолпна, под ней два жилья — в одной половине живут рубашечные швали, недоросии, а в другой — Николаевских ворот караульщики. При том архиепископе Маркелле построен на Вологде каменной двор, и от него, преосвященнаго Маркелла, в строении того двора, как видно по письмам его в монастырь, было немалое вспоможение» [6, л. 16].

Икона святителя Маркелла, 2004 г.

го. В лице Святителя Маркелла Святейший патриарх Иосиф нашел единомышленника и соревнителя в охранении истинного христианского благочестия. В святительских грамотах епархиальному клиру (1658, 1660 гг.) архиепископ Маркелл увещевал в церквах Божиих пение совершать единогласно, за курение и продажу вина в монастырских вотчинах грозил наказанием и духовным запрещением без пощады. Архиепископ Маркелл преставился 22 марта (ст. ст.) 1663 года. Тело же его, согласно завещанию, было привезено в Соловецкий монастырь и погребено в Германовой часовне 5 июня [6, л. 16], о чём Соловецкий архимандрит Варфоломей послал царю Алексею Михайловичу следующее донесение: «В нынешний, Государь, в 7171 (1663 г.) год, июня в 5-й день ... в Соловецкий монастырь привезли тело твоего государева богомольца, бывшего преосвященного Маркелла, архиепископа Вологодского и Белоезерского, и я со священницы, и с диаконы, и с братиею со кресты вышел встретити на морской пристани, и принесли в соборную церковь, и надгробная над ним совершили и погребли в часовне, где опочивает Чудотворец Герман. А от преставления его до того времени, как ныне привезен к нам в монастырь, прошло одиннадцать недель; и тело его ничим же рушимо, и лицо светло: дух же исходит от тела его добровонен» [9, с. 140]. Мощи Святителя Маркелла были обретены 14 июля 2003 года при археологических раскопках, проводимых в церкви преподобного Германа В.А. Буровым. Святитель был высок ростом и статен, крепкого телосложения. На коленях его видны костные мозоли от множества поклонов, которыми он удручал плоть свою. Святитель Маркелл был погребен в гробу, выдолбленном из колоды. На груди его лежала панагия с серебряным ободком и тонкой двусторонней резьбой по дереву с изображением Вседержителя и Божией Матери. Сохранились остатки архиепископского облачения — фрагменты золототканого шитья плохой сохранности. 19 августа 2003 года мощи были перенесены от земных недр в домовый храм. В 2004 году 20 августа (перенес. с 19 августа) впервые праздновался день перенесения мощей Святителя Маркелла. В этом же году была написана первая его икона. К сожалению, никаких прежних изображений Святителя пока не известно.

3.7. АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН

У южной стены Спасо-Преображенского собора можно видеть надгробие над могилой Авраамия Палицына — знаменитого келаря Троице-Сергиевой Лавры.

Принадлежал он к древнему роду дворян Палицыных, выехавших из Литвы при Димитрии Донском. По преданию, он родился в селе Протасьеве Ярославской губернии, близ Ростова. Мирское имя его было Аверкий Иванович. Имена родителей — Иоанн и Матрона — остались в помянниках Лавры благодаря заупокойным вкладам, данным Авраамием. Дата его рождения неизвестна. Впервые имя Аверкия Палицына упоминается в 1584 г. в связи со ссудой денег родственнику (то есть к этому времени Аверкию Ивановичу было не менее двадцати лет). Он состоял на службе у царя Феодора Иоанновича и в 1588 году был послан воеводой в Колу, однако вскоре по неизвестной причине был лишен имущества и сослан на Соловки, где и принял монашество. В 1594 году вместе со старцами Исидором и Илией Авраамий был послан в Троице-Сергиеву Лавру. В 1601—1608 годах он жил в Богородицком Свияжском монастыре Казанской губернии. В 1608 году вновь переведен в Троице-Сергиев монастырь на должность келаря[143]. Являлся вторым лицом после архимандрита, ведал монастырское строение, вотчины, казну, столовые запасы, был судьей и устроителем имений монастыря и его посредником в сношениях со светской властью, оберегателем его прав и интересов. Вместе с архимандритом Лавры Иосафом рассылал грамоты, в которых Троицкие власти укрепляли народ стоять за царя Шуйского против Тушинского вора Лжедмитрия. Во время осады Лавры войсками Сапеги и Лисовского[144], по повелению Шуйского, жил в Москве. Писал поддерживающие нравственную бодрость послания в осажденный монастырь, убеждал царя послать в монастырь военную помощь. В Москве во время сильного голода по приказанию Шуйского вывозил на рынок хлеб из московских монастырских житниц с целью сбить цены.

После низведения с престола Шуйского 27 августа 1610 года произошло неслыханное: представители Русской земли, великой и обширной, но не имевшей порядка, присягнули на подданство иноземному государю Владиславу. Под Смоленск к Сигизмунду III было направлено

[143] Келарь, буквально, — келейный надзиратель, но по уставу Киево-Печерского монастыря келарь заведовал всем, что касалось монастырской трапезы. В Троице-Сергиевой Лавре келарь, под контролем и по благословению настоятеля, заведовал монастырским строением, вотчинами, казной, столовыми запасами, всякими угодьями, по совету с собором избирал старцев добрых, трезвого поведения на разные должности монастырского управления, составлял «окладные книги» — хозяйственные описания монастырских земель.

[144] Осада продолжалась с 23 сентября 1608 года по 12 января 1610 года.

Авраамий Палицын. Фрагм. памятника в Новгороде

посольство с тем, что бы он дал королевича Владислава на царство. Сигизмунд не согласился, намереваясь взять Москву силой, и Авраамий вместе с другими послами, был задержан и томим голодом. Сенаторы же и гетманы говорили послам, что они одни только упрямятся, а всё Московское государство хочет служить польскому королю, и показывали челобитные с подписями, кто что у короля просит. Авраамий, видя, что «лукави бо сущи и нетверди в вере Поляки и Литва» [16, с. 68], считал дальнейшие переговоры «бездельными». Поэтому, заботясь о сохранении монастыря в случае победы Сигизмунда, Авраамий богатыми дарами и признанием власти Сигизмунда выговорил себе право вернуться в Москву, да ещё с грамотой, подтверждающей права монастыря на вотчины. За ним последовали и другие представители посольства, причем против воли бывшего во главе посольства митрополита Ростовского Филарета (боярина Феодора Никитича Романова), чем, естественно, вызвали его гнев и обвинения в измене[145]. Однако сразу после возвращения из-под Смоленска Авраамий встает под знамя Патриарха Гермогена, создавшего грамотами ополчение Ляпунова, и вместе с архимандритом Лавры Дионисием рассылает Троицкие грамоты, призывающие русский народ к восстанию на поляков, засевших в Кремле. Одна из патриотических Троицких грамот повлияла на Минина, собравшего ополчение нижегородцев и двинувшегося к Москве на соединение с казаками.

Видя упорную медлительность Пожарского, стоявшего пять месяцев с нижегородцами в Ярославле, Авраамий лично отправился к нему, чтобы побудить к походу на Москву. В войске он увидел «нестроение велико: одни хотели идти под Москву, другие — нет, говоря: “Князя Димитрия манят в Москву за тем, что хотят его там убить казаки...” Келарь же много прещаше им и князю Димитрию говорил: “Помни, княже, Гос-

[145] «Измена Палицына была официальная, видимая. Но уехать в Москву иначе и невозможно было... Сигизмунд даже не позволял послам посылать в Москву известий о ходе дел под Смоленском... При отъезде Авраамий говорит, что болен и не может явиться на зов Филарета... Поступок этот не может быть оправдан, но может быть извинен. Авраамий Палицын понимал, что оставить посольство благоразумно, но не справедливо (юридически), и оправдываться означало к неправде прилагать большую ложь. Он не мог согласиться с позицией Филарета, но и поучать того считал неудобным» [16, с. 66].

Авраамий Палицын

подне слово, во Евангелии реченное: “не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих коснутися”, — что аще случится и постраждеши, мученик будеши Господеви”. Многое и другое говорил ему старец, “яко умилитеся ему, и, оставивши все свои размышления и страх ни во что же вменив, но все упование возложив на всесильного Бога”, Пожарский решился идти к Москве» [16, с. 122]. В решительный момент битвы с Ходкевичем, когда казаки готовы были переключиться на мародёрство и оставить нижегородцев без помощи, Авраамий живым словом, обещанием Троицкой казны и своим непосредственным участием воодушевил казаков к битве с поляками. Решено было отдать казакам Троицкую ризницу, так как денег не было. Однако казаки, тронутые Троицким челобитьем с похвальным словом о службе их, обещались и без вознаграждения не отходить от ополчения, не взявши Москвы. 26 октября 1612 года русские войска торжественно вошли в Кремль, 18 месяцев бывший в руках поляков. Благодарственный молебен на Лобном месте служил доблестный архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий.

В начале 1613 года, когда бояре в очередной раз делили между собой власть, выборные от народа склонились к избранию на царство молодого Михаила и обратились за поддержкой к Палицыну. Авраамий заплакал и, похвалив их за благое намерение, пошел и возвестил державствующим о желании народных масс. Бояр должно было удивить это заявление, коль скоро они домогались царства каждый для себя. Однако Палицын опять сумел помочь совершиться тому, что согласно было «смотрению Всевышнего Бога» [15, с. 499]: 21 февраля в неделю Торжества Православия посланы были Рязанский архиепископ Феодорит, Троицкий келарь Авраамий Палицын, Новоспасский архимандрит Иосиф, боярин Василий Морозов возвестить народу с Лобного места об избрании земским собором на царство Михаила Романова, однако прежде них народ единодушно воскликнул то же имя. Сразу снаряжено было посольство в Кострому в Ипатьевский монастырь. Однако инокиня Марфа отказывалась благословить сына на царство, ибо «Михаил несовершеннолетен, а люди Московского царства в Смутное время изолгались и измалодушествовались. Московское государство разорено, царская казна истощена, а служилые люди бедны. Узнает король Польский, что сын Филарета избран на цар-

ство, ещё более утеснит его» [16, с. 157]. Михаил соглашался с матерью, никакие доводы посольства не действовали, народ, пришедший из Костромы, кланялся в землю и плакал. В решительный момент архиепископ Феодорит взял принесенную из Москвы Владимирскую икону Божией Матери, а Палицын икону Московских Святителей и встали перед Марфой и Михаилом, говоря: «Недаром шла с нами сюда чудотворная икона Богородицы и образ Великих Святителей, если вы нас не хотите слушать, то не осмеливайтесь преслушаться Богородицы и Великих Святителей, но исполняйте волю Божию. От Бога избран ты, Михаил, не гневай Владыку всех Бога». Тогда Марфа, как бы испугавшись Божия гнева, вручила свое чадо Богородице и чудотворцам Петру, Алексею и Ионе: «Даю вам своего сына. Пусть будет он царем». «И паки радостная весна усмехнуся, лето благоверия повсюду пролияся», — заключает летописец сказание о Смутном времени [16, с. 160].

Авраамий Палицын был представителем на нескольких земских соборах. В 1615—1617 годах старец Авраамий написал «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом мятежах». «Сказание...» было высоко оценено современниками. «Хронограф» 1617 года советовал: «Аще кто восхощет о смятении Российския земли широко и пространно уведать, и той да прочти себе великую Историю Палицына». В 1615 г. Авраамий вместе с архимандритом Дионисием выхлопотал у царя указ об исправлении троицкими справщиками богослужебных книг. В 1618 г. он возглавлял защиту Лавры от войск Владислава, так как архимандрит Дионисий был оклеветан и находился в заточении за исправление книг. В 1620 году Авраамий Палицын, испросив разрешения царя, удалился на покой в Соловецкий монастырь, чтобы окончить дни свои в обители, где он был пострижен. В то время все монашествующие всемерно старались окончить жизнь свою в том монастыре, где они пострижены были, согласно с обещанием своим при пострижении. Здесь из-под его пера выходит новая версия «Сказания...». 13 сентября 1627 года старец мирно отошел ко Господу. Настоятель даже известил о его кончине Государя, думая, что он, возможно, пожелает как-нибудь отметить место упокоения столь известного мужа. Однако никаких распоряжений не последовало, и к 1836 году даже место упокоения Авраамия Палицына нельзя было указать. Архимандрит Досифей пишет: «Нашим бытописателям и доныне не было известно, где скончался сей достославный страж Отечества, и где покоится прах его» [9, с. 130]. В 1872 году могила была обнаружена. «Монахами был усмотрен выдававшийся наружу из-под размытого ливнем слоя земли кусок надгробной плиты с высеченной на камне надписью. Самый камень развалился, но слова: «лета 7135 погребен раб Божий Авраамий Палицын» — сохранилась весьма

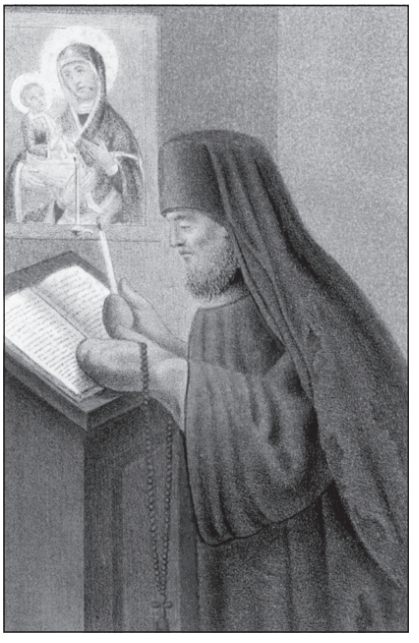
Надгробие Авраамия Палицына, 1901 г.

отчетливо и ясно». В 1901 году месяца сентября 13-го дня архимандрит Иоанникий с братией отметили место упокоения «достопамятного инока Авраамия» памятником в виде гробницы из местного серого гранита с надписями (на боковой плоскости, обращенной к посетителю): «В смутное время междуцарствия, когда России угрожало иноземное владычество, ты мужественно ополчился за свободу Отечества и явил беспримерный подвиг в жизни русского монашества. Как смиренный инок, ты безмолвною стезею достиг предела жизни и сошел в могилу не увенчанный победными лаврами. Венец тебе на небесах, незабвенная память твоя в сердцах благодарных сынов Отечества, тобой освобожденнаго вместе с Мининым и Пожарским».

3.8. МОНАХ НАУМ

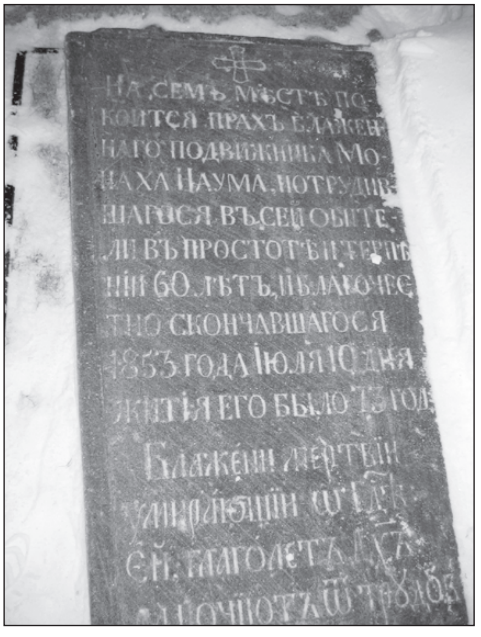
Монах Наум скончался 10 июня 1853 года, потрудившись 62 года ревностно для своего спасения [1, с. 155—173]. Родом он был из Кемского уезда, по происхождению — корел. Оставшись сиротой, он в 1791 году 14 летним отроком попал со звероловами на Соловки и пожелал остаться трудником в обители. Главными чертами его характера были всегдашнее спокойствие духа, кротость и незлобие. Только через 28 лет ему дозволено было ношение рясы. Он был определен псаломщиком в Анзерском скиту. При новом настоятеле было усмотрено, что Наум проживает в монастыре без увольнительного свидетельства, и решено было выслать его на место жительства. Он без прекословия сел в карбас с попутчиками поморцами. Противный ветер вынудил плавателей задержаться у Заяцкого острова на две недели. Когда корабельщики догадались отвезти Наума обратно в монастырь, ветер переменился и они благополучно отплыли. Видя явное покровительство Божие изгнаннику, настоятель вернул его в скит. Разделяя с братией все труды, отец Наум прилагал к ним подвиги иноческого самоотвержения: ночи он проводил в слезных мо-

литвах, сокращая, по возможности, время телесного упокоения; от рождения не пил ни вина, ни пива, ни чаю; не носил теплого платья, довольствуясь одним рубищным подрясником и ветхою рясою, которых не взял бы и нищий, если бы нашел брошенными на дороге; никогда не мылся в бане, но летом купался в морской воде, а зимой часто обнаженный опускался в снег или ледяную прорубь. В 1826 году архимандрит Досифей, во время новоначалия трудившийся вместе с Наумом в звериной и рыбной ловле, поручил ему чтение синодика в церкви преподобных Зосимы и Савватия. Так он и простоял у гробов преподобных 27 лет в неотапливаемой церкви. Он не надевал теплой одежды и на замечание: «Батюшка, ведь ты застыл», — он с улыбкой отвечал: «Ничего, за то не дремлется».



Монах Наум. Соловецкий патерик СПб, 1873 г.

Когда в 1834 году производилась ревизская перепись, увольнительное свидетельство Наума, хотя и было в монастыре, но затерялось, и старца, более 40 лет преподобно подвизавшегося в обители, на страстной седмице в Великий Четверг отправили в Кемь. Он, выйдя на берег, не подумал заботиться о деле, ради которого прибыл, а направился в церковь. Некоторые купцы кемские, знавшие о его благочестии, сами приобрели для него формальный акт, свидетельствующий о его давнем увольнении в Соловецкий монастырь. Через две недели бургомистр ратуши привез его обратно в монастырь в его любимую келию, о которой он говорил: «Келия — та же пустыня». Действительно, не входя в другие келии, всех любя и не имея ни к кому особенного пристрастия, постоянно погруженный в заботу о своем спасении, он и среди людей пребывал как в пустыне. Его постоянными сожителями были кот и петух. Преосвященный Игнатий Олонецкий, посещавший старца, спросил: «Для чего у тебя петух?» Тот отвечал: «С ним жить, владыко, очень полезно: как он запоет ночью, вот и вспомнишь Петра Апостола, как он гласом петела пробудился к плачу о своем грехе». Отец Наум летом неутомимо трудился на им устроенных пяти огородах, а зимой делал деревянные поплавки для сетей, он говорил: «С памятью о Боге усердное отправление всякого труда равно церковной молитве; то и другое равно благоугодно Богу и нам полезно».



Надгробная плита монаха Наума

Однажды перед утреней отец Наум шел с фонарем к часовне преподобного Германа для возжения лампады и сподобился видеть самого Угодника идущим в мантии и клобуке от соборного храма в свою часовню. Вслед за ним вошел Наум, но уже никого не увидел. Поняв, кого удостоился видеть своими глазами, он всех увещевал ежедневно приходить к гробам Чудотворцев и целовать их раки.

9 июня 1847 года архимандрит Димитрий, во время молебна преподобным, стоя у их раки, плакал. Наум, читавший канон Угодникам, спросил его тихо: «О чем, брате, плачешь?» — «Видно, за мои грехи, — отвечал архимандрит, — Бог не дает тепла, и богомольцы страдают в море, истомятся, быть может, и воротятся домой, не побывав у преподобных»[146]. «Полно, брат, малодушествовать, — возразил Наум, — преподобные пекутся о тех, кто с верою стремится к их святым мощам. Вот увидишь, что завтра же будут здесь все богомольцы». Потом прибавил: «Каково-то в Анзерах? Гостиница невелика и келий мало; пожалуй, и хлеба не хватит; напрасно зимою не послали муки побольше». С изумлением слушал архимандрит слова старца, которые в точности исполнились. В тот же день вечером в монастырь пришел по льдинам гонец с Анзера, прося о помощи: около 2000 богомольцев, отправившихся из Архангельска, были принесены льдами к Анзерскому острову. Все келии и помещения двух скитов были переполнены гостями, которые к тому же за два дня съели скудные скитские запасы продовольствия и оказались в бедственном положении. Немедленно из монастыря была подана помощь, и на следующий день богомольцы оказались в монастыре.

До конца жизни старец Наум неопустительно ходил в церковь и не оставлял своих трудов. За два дня до кончины он, с трудом возжигая свечу перед иконой Божией Матери, сказал: «В последний раз сам зажгу». На следующий день он вышел к озеру и, опустившись в воду по грудь,

[146] В тот год весна была поздняя, и море было еще покрыто наносным льдом.

долго стоял, не в силах сам выйти на берег. Проходивший брат помог ему и привел в келию. В тот же день совершили над ним Елеопомазание, а наутро он причастился Святых Таин. В последние минуты жизни старец Наум тихо творил молитву, перебирая четки. В два часа пополудни 10 июня 1853 года большой колокол возвестил о преставлении старейшего из братии, 62 года подвизавшегося с неослабной ревностью. По желанию всей братии могила была устроена за алтарем Преображенского собора, близ усыпальницы преподобного Зосимы, — почесть, которой удостоиваются одни настоятели. На могильной плите начертаны были слова: «На сем месте покоится прах блаженного подвижника монаха Наума, потрудившегося в сей обители в простоте и терпении 60 лет и благочестно скончавшагося 1853 года июля 10-го дня, жития его было 73 года. Блаженни мертвии, умирающие о Господе!.. Ей, глаголет Дух, да почиют от трудов своих».

3.9. АРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ

Архимандрит Макарий († 1825 год)[147] прибыл из Валаамского монастыря в 1819 году. На Валааме он жил в пустыне, поэтому и в Соловках выстроил на собственные деньги пустыньку, которая и носит его имя. Если дела не задерживали его в обители, он удалялся в пустыньку для безмолвия. И, когда возвращался в обитель, то братия бежала встречать его к Святым вратам: принять его благословение и слышать его ласковое назидательное слово. Он ездил скромно, на одной лошадке.

Архимандрит Макарий выстроил каменную церковь во имя преподобного Онуфрия на братском кладбище, улучшил экономическое состояние обители и первый на запас стал копить и класть деньги в банк. Великий труженик на ниве Господней, он отличался смирением и кротостью. Архимандрит Макарий благословил открыть сбор средств в пользу православных братьев-греков. Его усердием было издано в Москве одно из первых сочинений, отразивших историю и состояние обители на первую четверть XIX века, — «Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря». Похоронен он был близ алтаря построенной им церкви преподобного Онуфрия с левой стороны. Сохранилась надгробная плита с надписью: «Здесь погребено тело в Бозе почившаго Архимандрита 18-го, Макария 2-го, скончавшагося 1825 года ноября 22 в субботу. Настоятелем был в этой обители 6 лет. Идеже лики Святых,

[147] По мнению Федорова, «за XIX столетие (до 1889 г.) из 15 настоятелей только о троих сохранилась добрая память среди Соловецкой братии: о Макарии, Димитрии и Порфирии. О прочих настоятелях добрых воспоминаний не осталось: ихняя деятельность омрачена каким-либо их недостатком» [31, с. 301].

тамо вчини, Владыко многомилостиве, душу раба твоего Макария, послужившего Тебе всем сердцем. Аминь. 22 ноября 1854 года. Архим. Александр».

3.10. АРХИМАНДРИТ ДОСИФЕЙ

Архимандрит Досифей (Немчинов) был родом из купеческой семьи города Риги. Шестнадцатилетним юношей в 1796 году он приехал в монастырь и, пробыв недолгое время послушником, в 1799 году принял монашеский постриг, в 1803 году стал иеромонахом, а в 1819 году определился в число братии Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, где ведал ее доходами. В 1822 году по просьбе Адмиралтейской коллегии иеромонах Досифей был направлен на Балтийский флот и провел 4 месяца в плавании. В 1823 году его поставили игуменом Новгородского Кириллова монастыря. Через 3 года, в 1826 году, он вернулся в Соловецкий монастырь уже в качестве настоятеля и в течение 10 лет плодотворно управлял им. Позднее архимандрит Досифей был переведен в Задонский монастырь, а оттуда уволен на покой в Московский Симонов монастырь, где и скончался в 1845 году.

Став настоятелем обители, архимандрит Досифей в первую очередь обращается в Синод с прошением об увеличении числа монашествующих. Особенно не хватало служителей в многочисленных храмах монастыря, так как в воскресные и праздничные дни были заняты в службах 10—15 иеромонахов, столько же диаконов и 10 пономарей. А всего по штату, включая Анзерские скиты, положено 45 человек, и в их числе множество престарелых, проживших в обители 30—40 лет. Иноки просили увеличения числа монашествующих без прибавки казенного содержания, так как монастырь своими средствами содержал в то время до 600 человек разного звания, необходимых для ведения монастырского хозяйства. Поэтому, если необходимое число рясофорных послушников будет пострижено в мантию, монастырь с большей пользой сможет содержать их. Это будет и поощрением находящимся в искусе, а то многие, желая пострижения, за неимением вакансий отходят в другие монастыри, или, много лет подвизаясь, отходят ко Господу, не сподобившись монашеского чина. Ходатайство было удовлетворено.

Деятельный и заботливый настоятель совершил много полезного для благоустроения Соловецкой обители. После него осталось множество записей об истории строительства. При нем в 1827 году было «учинено» Соловецкое подворье в Архангельске; открыта судовая верфь для постройки новых и починки старых судов, отстроены обширная братская трапеза и большой коридор, украшенный настенной живописью, соединяю-

щий собор в честь Успения Пресвятой Богородицы с церковью преподобных Зосимы и Савватия. Сооружается также новая каменная церковь в честь Распятия Господа нашего Иисуса Христа вместо ветхой деревянной на горе Голгофе на острове Анзер. В монастыре был разобран древний обветшавший храм во имя Святителя и Чудотворца Николая и на его месте возведен новый, более обширный. В Архангельске на монастырском подворье заново отстраивается большой каменный странноприимный дом. В это время почта в монастырь начинает поступать из более близкой Кеми.

Занимался настоятель и книжными трудами: под его руководством и при его деятельном участии были подготовлены и изданы «Летописец Соловецкий» (1833 г.) и солидный трехтомный труд «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» (1836 г.) [9]. В этом замечательном труде были впервые собраны и приведены в систему все материалы по истории великой православной святыни от ее основания до начала XIX века. При подготовке этого капитального труда одним из помощников архимандрита Досифея, монахом Кассианом, были сделаны копии всех грамот XV—XVIII веков, собранных в монастырской ризнице, из которых были составлены три тома копийных книг 1834—1835 годов. Тогда же монах Кассиан и иеродиакон Памва составили подробную опись монастырской библиотеки, насчитывавшей в 1835 году 4606 названий.

За усердные труды по внешнему благоустройству обители и выдающийся духовный вклад архимандрит Досифей (Немчинов) был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

3.11. Архимандрит Димитрий

Архимандрит Димитрий родился в Олонецкой губернии и был женат, но овдовев, поступил в Соловецкую обитель, где и принял пострижение 11 апреля 1831 года. Проходя все послушания от тяжелых и низших (даже очищал по зимам сортиры) до высших и почетных (как строгий ревнитель порядка, сделан благочинным обители, а затем — наместником), везде проявлял усердие и способности, не оставляя молитвенного правила и чтения Слова Божия. Архимандрит Иларий, оставляя обитель, писал о своем наместнике следующее: «Я не смею рекомендовать на место себя в настоятели Соловецкого монастыря наместника своего иеромонаха Димитрия, но твердо уповаю, что он мог бы нести настоятельство Соловецкое; по жизни хороший монах, неутомимый послушник, по домостроительству хороший хозяин, пороков не имел и не имеет, порядок обители знает и все монастырские послушания сам испытал, судит о делах осно-

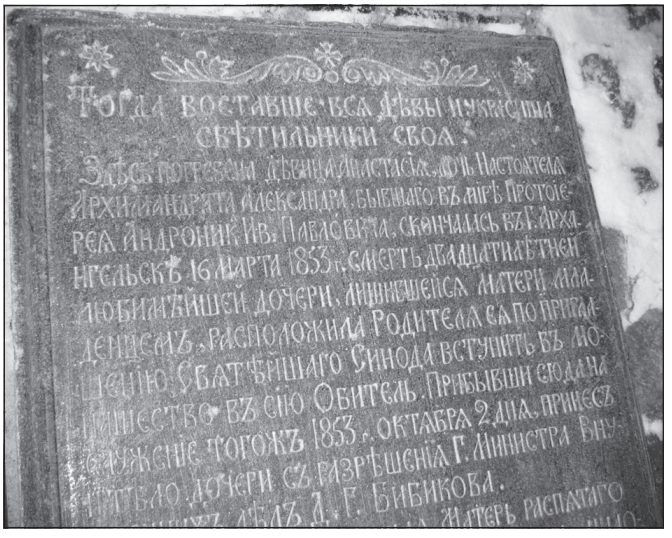
вательно, кроток, смирен, братолюбив и сострадателен, к настоятелю и старшим уважителен» [5, с. 145]. С 23 июля 1842 года иеромонаху Димитрию поручено было управление монастырем, 18 сентября 1843 года он утвержден в звании настоятеля с возведением в сан игумена, а 31 августа 1845 года произведен в сан архимандрита. Обитель имела в нем ревностного благоустроителя: в приделах святого Иоанна Предтечи и святого Димитрия Солунского Успенской церкви и в Благовещенской церкви он устроил новые иконостасы, в переходе от Преображенского собора к Успенскому стены украсил живописью, выстроил вновь Филипповскую часовню. При нем выстроен док, выложенный гранитными плитами, взамен прежнего деревянного. При церквах сделаны им гранитные крыльца. Все постройки архимандрита Димитрия отличаются необыкновенной прочностью и соответствием своей цели. «Отличительной чертой его было спрашивать совета даже у послушника и богомольца, как лучше что устроить, и, если совет был полезен, приводить его в исполнение. Был добр и ласков и по смирению своему велел себя погрести там, где братия и богомольцы, по выходе с богослужения, близ самой церкви останавливались для малой нужды, каковое место прямо было видно из окон настоятельских келий. Желание чтимаго настоятеля было исполнено, и тем устранено неприличие это» [31, с. 301]. Справа под аркой, ведущей во дворик церкви преподобного Германа, на стене сохранился кирпичный кивот для иконы. Возможно, именно здесь и был погребен архимандрит Димитрий «в ограде у Спасо-Преображенского собора». Сохранилось надгробие с надписью на боковой стороне:

«На прах мой всяк взирай,
Се мой гроб пред тобой,
Час смертный вспоминай,
То же последует с тобой.

На сем месте погребено тело в Бозе почившаго настоятеля Соловецкаго монастыря Священноархимандрита Димитрия, скончавшагося августа 19-го дня 1852 года. От роду на 62 году. Управлял монастырем 10 лет и пять дней. А с поступлением в оный и до кончины прошло 26 лет».

3.12. АРХИМАНДРИТ АЛЕКСАНДР

В миру Андроник Иванович Павлович был с 1820 по 1827 год священником Полоцкого пехотного полка, затем Либавского и Малороссийского кирасирных полков. С 1832 года он был назначен настоятелем Архангельского морского собора. Он рано овдовел и сам воспитывал с младенчества дочь Анастасию и сыновей Христофора, Гавриила и Иоан-



Надгробная плита девицы Анастасии

на. В 1848—1852 годах он дважды посещал Соловецкую обитель вместе с дочерью, которая печалилась, что богомольцам разрешено оставаться в обители лишь на трехдневный срок. Соловецкие чудотворцы Зосима и Савватий явились ей в видении и утешали ее, обещая, что вскоре она еще будет в обители, но без путевых издержек. В следующем году Анастасия занемогла и скончалась 16 марта 1853 года в возрасте 20 лет. Смерть любимейшей дочери, лишившейся матери младенцем, расположила родителя её по приглашению Святейшего Синода вступить в монашество в Соловецкую обитель. 20 июня 1853 года в Александро-Невской Лавре протоиерей Андроник принял пострижение с именем Александра от Преосвященного Христофора, викария Санкт-Петербургского. Став настоятелем Соловецкого монастыря, архимандрит Александр исходатайствовал разрешение министра внутренних дел господина Д.Г. Бибикова перенести тело дочери на Соловки и погребсти под приделом преподобных, что и было исполнено 2 октября 1853 года. Надпись на надгробной плите начинается словами: «Тогда восставше все девы и украсиша светильники своя». Архимандрит Александр поместил на надгробной плите и свое сердечное воздыхание к Божией Матери: «Преблагословенная Матерь распятого Господа моего! О сладчайшая Матерь милосердия! Умоляю тебя при гробе сем, принеси Твое умилостивительное слово пред Божественным Твоим Сыном да ради твоего ходатайства и молитв преподобных отец наших Зосимы и Савватия и прочих Соловецких угодников примет усопшую Анастасию в Царство Небесное. Не оставь и меня, когда и моя душа будет разлучаться с сею жизнию. Аминь».

Рядом положена плита с могилы чиновника Синода Христофора Андронниковича Павловича (сын архимандрита Александра, преставился ко Господу 16 апреля 1862 года в возрасте 30 лет). Тело сюда привезено по желанию отца усопшаго — Александра, епископа Полтавского, с разрешения начальства. Надпись на надгробной плите начинается словами: «Плачущися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть», а заканчивается словами: «В часы страдальческой тоски мне тяжко, одне лишь милы мои две хладные могилы. Бог усопших да упокоит и мою судьбу да устроит. 1863. Е.А.»

В 1853—1857 годах архимандрит Александр был настоятелем Соловецкого монастыря, причем, по словам беседовавшего с ним в 1856 году С.В. Максимова, из других архимандритов он был самым кротким и милостивым. В то же время он был и энергичным, и мужественным человеком, который смог успешно организовать оборону Соловецкой обители от англичан в 1854 году.

В октябре 1854 года архимандрит Александр с братией отправился с отчетом о событиях, происходивших в обители во время нападения англичан, в Санкт-Петербург на малом гребном карбасе. На другой день они попали в бурю. Ветер дул попутный к берегу, так что карбас должен был либо опрокинуться, либо разбиться о камни. Посоветовавшись, находившиеся на карбасе решили бросаться в море на самую большую волну. Архимандрит Александр лежал пораженный морской болезнью. Монах Арфаксад, опытный мореход, закричал: «А что ж мы не говорим архимандриту, что погибаем?» Архимандрит плакал, так как смерть была перед глазами. Послушник Виталий сказал: «Хватайтесь за мою шею и крепко держитесь, а я брошусь в море на волну и вас удержу». Предложение было принято. По милости Божией всех людей волны выбросили на песчаный, а не на каменистый берег близ селения Яреньга. Архимандрит пишет, что когда он пришел в себя, то «сладко-сладко заплакал от радости и благодарил Бога за спасение» [4, 1998, с. 15]. Архимандритом Александром было испрошено разрешение на построение десяти новых церквей в благодарность Господу за избавление от англичан, но лично он успел освятить только одну — во имя иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник» в Филипповой пустыни.

17 ноября 1857 года архимандрит Александр был хиротонисан во епископа Архангельского и Холмогорского. В июне 1858 года он сопровождал императора Александра II, посетившего Соловецкие острова. Царь лично наградил его медалью на Андреевской ленте за участие в Крымской войне. За организацию обороны монастыря он также был высочайше награжден бриллиантовым крестом на Георгиевской ленте. За усердие, про-

явленное в управлении делами обители, архимандрит Александр был также награжден орденом Святой Анны первой степени.

13 сентября 1860 года, согласно прошению, преосвященный Александр был назначен епископом Полтавским и Переяславским, а 17 ноября 1862 года отправлен на «покойное пребывание» в Киево-Софийский митрополичий дом по его прошению. Ему трудно было находиться в бездействии на покое, на него напала скука, доходившая до отчаяния. В 1866 году он просил Синод назначить его настоятелем Соловецкого монастыря, но в просьбе было отказано. В 1867 году преосвященный Александр изъявил желание посетить Иерусалим и другие святые места. Получив увольнение на 6 месяцев, он в январе 1868 года выехал из России. В Иерусалиме был принят с любовью и вниманием. Посетив Иерусалим и все святые места Палестины, епископ Александр побывал и на Святой Горе Афон. За время своего путешествия посвящал во диаконы, священники и архимандриты, освящал храмы и антиминсы как епархиальный архиерей. В сентябре 1868 года епископ Александр вернулся в Киев. Теперь он уже не подвергался прежней скуке и унынию, но усилились в нем болезни телесные. Однако в 1869 году он участвовал в богослужении в Зимнем Дворце в честь столетнего юбилея ордена Святого великомученика и победоносца Георгия. Чувствуя приближение кончины, епископ Александр усилил свои молитвенные подвиги, стал часто посещать Киево-Печерскую Лавру, оказывал милостыню бедным. Почти до самой кончины он принимал в своей келии всех приходящих к нему за советом и помощью и каждому уделял внимание независимо от сословия. 17 октября 1874 года преосвященный Александр последний раз участвовал в богослужении. В этот день он обошел все пещеры Киево-Печерской Лавры с усердной молитвой. А на следующий день (18 октября) почувствовал себя совсем плохо и с этого дня уже не выходил из своей келии. 7 ноября после приобщения Святых Таин он попросил усадить себя в кресло и весь день пробыл бодрствующим. На следующий день, когда зазвонили ко всенощной в честь праздника Архистратига Михаила, он взял в руки горящую свечу и стал вслух молиться. Во время этой молитвы лицо епископа Александра светилось необычайной радостью и оживлением, глаза сияли, на бледных щеках появился румянец. После молитвы он заснул глубоким, спокойным сном, так что окружающие думали, что Владыка скончался. Но в девять часов вечера он проснулся и сказал сыновьям своим: «Думал я умереть во вторник, а умираю в пятницу». Затем стал тяжело дышать и в три часа ночи скончался. Он преставился ко Господу 8/21 ноября 1874 года и похоронен у северной стены в церкви зачатия Анной Пресвятой Богородицы в дальних пещерах Киево-Печерской Лавры. В церкви прежде была икона с изображением Благоверного князя

Александра Невского и апостола Андроника и со следующей надписью: «Из земли взят, в землю пойдешь, иерарх. Отечество твое — гроб, мати — земля, а богатство — грехи»[148].

3.13. АРХИМАНДРИТ ПОРФИРИЙ

Архимандрит Порфирий управлял монастырем с 24 августа 1859 года по 26 июня 1865 года. [31, с. 302] «Собой был красавец, осанкой солидный и форсистый, волосы и бороду имел волнистые, служил с благоговением и со славою, которая ему была как-то к лицу. Поучения говорил наизусть и красноречиво, почему при его служении церковь всегда была полна народа, который не сгонялся, а шли посмотреть на его служение сами. Прилив желающих поступить в братство был необыкновенный, из коих еще и теперь 68 человек живут. Жили при нем весело, без притеснений, мастерские были полны народа. Он сам, хотя и нечасто, обойдет мастерские, посмотрит на дело, расспросит да и похвалит скороговоркой: «Ах, хорошо-хорошо, благодарю, трудитесь, помоги вам Бог». Кроме человек пяти, которым не нравилась его пышность, все его любили и ожидали, что долго жить здесь ему не дадут, а возьмут куда-нибудь в архиереи. Но Бог судил иначе: Соловецкий климат сломил его крепкое телосложение, и, похворавши года два в Архангельске, он скончался от водянки. Тело его было перевезено на Соловки и погребено под Троицким собором. При нем в Савватиевской пустыни была устроена каменная Одигитриевская церковь, а также на Секирной горе каменная церковь в честь Вознесения Господня, где учреждены скиты; расписаны Преображенский собор и Троицкая церковь, при нем же освященная, после того как в ней был сооружен иконостас и сень над мощами преподобных; при нем построены каменная Преображенская гостиница, просфорный корпус, лесопильный завод, переходы из церквей в настоятельский корпус; при нем купили пароход, а второй построили в своем доке; при нем открыто училище для трудников 15 декабря 1859 года, а в 1860-м году построен деревянный двухэтажный училищный корпус. На надгробной плите надпись: «Лета от Р.Х. 1865 месяца июния в 26 день преставися настоятель Ставропигиального монастыря Священноархимандрит Порфирий, имея от рождения своего 52 года, монастырем сим управлял 5 лет и 9 месяцев».

3.14. АРХИМАНДРИТ ФЕОФАН

Время рождения будущего архимандрита Феофана (Комаровского) и его мирское имя неизвестны, но так как он скончался 21.08.1871, имея от

[148] Л.А. Проценко «И до небес рукой подать». Киев. 2002. С. 75.

роду 63 года, можно заключить, что он родился в 1808 году. Происходил из дворян Новгородской губернии, воспитывался в роскоши, как сын богатого помещика, однако, по-видимому, с юных лет стремился к благочестивой жизни, имея перед глазами пример матери, которая скончалась в иноческом звании. Он получил наилучшее мирское образование, закончив инженерный институт. Но в 1835 году, то есть в двадцатисемилетнем возрасте, принял постриг в Свято-Троице-Сергиевой пустыни Санкт-Петербургской епархии. Эта обитель славилась тогда своим удивительным пением, своими настоятелями и своим внешним благоустройством. Пробыв там 10 лет, образованный и способный о. Феофан прошел несколько монастырских должностей, до казначея включительно, достиг иеромонашества и заслужил внимание начальства и любовь братии. Затем он был переведен настоятелем в Кирилло-Белоезерский монастырь. О подвижнических трудах его в то время сведений не сохранилось, но биограф его, протоиерей И. Сырцов, упоминает, что ему приходилось видеть у архимандрита Феофана сборник аскетических поучений, известный под названием «Добротолюбие», заключающий в себе до 1000 страниц писчей бумаги, в лист, собственноручно написанный самым тщательным, красивым и убористым почерком о. Феофана. Такой труд свидетельствует об аскетическом настроении, так как «Добротолюбие» всегда можно найти в монастырской библиотеке или купить печатное за недорогую цену. Тем не менее о. Феофан посвящал немногие свободные от служебных занятий и уставной молитвы часы переписыванию творений древних подвижников.

В настоятели Соловецкого монастыря архимандрит Феофан был назначен Святейшим Синодом 26 сентября 1865 г. Он был в то время шестидесятилетним старцем, известным своими иноческими добродетелями и административными способностями. Грудь его была украшена орденами до Анны 2-й степени включительно. Прибытие настоятеля затянулось до зимы, когда сообщение с берегом затруднено по причине носящихся по морю льдов. При нужде (например, раз в месяц, ради доставки почты) переправа осуществляется от ближайшего полуострова, отстоящего на 60 верст к югу от о. Муксалма. На этом пути два раза в сутки приходят с приливом подвижные льды с севера. Обходя Соловецкие острова, они сталкиваются на южной стороне и борются со страшным грохотом между собой, пока вода не пойдет на убыль. С отливом льды уносятся на север. За то время, пока они отсутствуют (не больше 6 часов), надо успеть проскочить от берега до Муксалмы. В случае неудачи льды окружают лодку, отнимая возможность двигаться в нужном направлении. Тогда соловецкие почтари вытаскивают лодки на первую надежную льдину и носятся на ней недели, пока не удастся пристать к какому-нибудь берегу иногда

за 200—300 верст от Соловецких островов. Поэтому поморы, отправляясь с почтой, берут запас провизии на месяц. Однако о. архимандрит Феофан не убоялся опасной зимней переправы через море и прибыл в обитель среди зимы, незадолго до Сырной седмицы. Встретить нового настоятеля с подобающими почестями на отдаленном Муксалмском острове было некому. Однако известие о его прибытии достигло монастыря не более чем за час, и тут же были посланы карета для настоятеля и экипажи для свиты и клади. На колокольне начался звон в тысячный колокол «Борисович» — дар царя Бориса Годунова. Вся братия с послушниками и трудниками числом не менее 500 человек собралась в Преображенский собор. Священнослужители во главе с наместником иеромонахом Михаилом выстроились по храму в две длинные линии. Архимандрит Феофан с появлением в соборе произвел собою на всех благоприятное впечатление: во взорах и на лице его иноки видели выражение доброты и сердечной мягкости. Помолившись за кратким молебном, о. архимандрит взошел на амвон, благословил всех дикириями и трикириями и удалился в алтарь, не сказав никакого приветствия, чем несколько озадачил братию, привыкшую к поучениям и речам предшественника его архимандрита Порфирия. Впоследствии в беседах с братией и в собраниях архимандрит Феофан говорил всегда свободно и убедительно, то есть возможно, он воздержался от ораторских выступлений по иноческому смирению. Готовясь к первому богослужению, он просил сослужащих иеромонахов учить его Соловецким обычаям, чтобы каким-либо неуместным поступком не нарушить заведенного порядка.

Архимандрит Феофан тяготился внешними делами по управлению монастырем, оставляя их на усмотрение наместника. Большую часть промахов и неважных проступков молодой братии он покрывал отеческой любовью, заменяя наказание наставлением или налагая на виновных легкую эпитимию, вроде поклонов. Он всем и все прощал.

5—8-го июля 1870 года в Соловецкий монастырь прибыл великий князь Алексей Александрович. Архимандрит Феофан с братией встречали его на царской пристани, на которой была сооружена из живых цветов триумфальная арка с вензелями имени Его Высочества. В Преображенском соборе великий князь молился за Божественной Литургией, которую служили настоятель с четырьмя старшими иеромонахами в великолепных облачениях, пожертвованных в 1859 году императором Александром II. Затем архимандрит Феофан соборно отслужил молебен преподобным Зосиме и Савватию перед их мощами и преподнес Его Высочеству два образа монастырского письма. После того великий князь осмотрел достопримечательности обители и посетил скиты. Провожали высокого гостя звоном во все колокола и пушечной пальбой. В знак признательности

Его Высочество пожертвовал монастырю 1000 руб. и прислал в монастырскую школу детям книги, карты и глобус.

При архимандрите Феофане достроена дамба между Соловецким и Б. Муксалмским островами, что существенно облегчило доставку молочных продуктов в монастырь.

Архимандрит Феофан скончался 21 августа 1871 г. и погребен в Соловецком монастыре.

3.15. АРХИМАНДРИТ ВАРЛААМ

Постриженник Соловецкий архимандрит Варлаам († 16 декабря 1894 года) [5, с. 178—179], бывший в 1891 году игуменом Онежского Крестного монастыря, был единогласно избран собором на настоятельство Соловецкого монастыря 26 мая 1894 года. Варлаам выразил желание, чтобы это избрание было подтверждено всем братством, что и было сделано почти единогласно. 1 января 1894 года игумен Варлаам был возведен в сан архимандрита. Происходил из крестьян (родился в 1841 г.), именовался в мире Василий Феодорович Горбачев. 17 лет в 1858 году приехал в Соловецкий монастырь и пожелал остаться потрудиться для обители. Через 6 лет вступил в число послушников, а в 1872 году был пострижен в монашество с именем Варлаама. В том же году рукоположен в иеродиакона, а через два года — в иеромонаха. Тогда же он был назначен библиотекарем, что способствовало его самообразованию. Через 5 лет он был назначен казначеем монастыря. Так, добросовестно и старательно исполняя послушания, он прожил в обители 28 лет. В 1886 году был назначен настоятелем Онежского Крестного монастыря, однако душой он стремился вернуться в обитель, где принял постриг. Желание его исполнилось, и 9 марта 1892 года архимандрит Варлаам прибыл в Соловецкий монастырь. Как пастырь добрый, он с полным вниманием относился к братии, руководя и наставляя их на избранном ими пути. Богомольцы-трудники, ежегодно проживающие в монастыре в количестве более 600 человек, всегда находили в нем любвеобильного и ласкового отца. Он устроил для их проживания два новых корпуса, и в одном из них было отведено помещение для монастырского училища, в котором обучались не только дети, но и взрослые. При нем было закончено сооружение гранитной набережной Святого озера. Он оставил по себе память благолепным украшением ниш, в которых помещаются раки преподобных Зосимы и Савватия. Много забот и трудов было положено им на восстановление отдаленного Трифоно-Печенгского монастыря. Однако в сравнительно молодом возрасте (53 года) в октябре 1894 года его постигла тяжкая болезнь. Уповая на Господа, он отказался от всякой медицинской помощи. 16 декабря, по-

чувствовав приближение смерти, он пригласил к себе духовника, и, в последний раз исповедавшись и причастившись Святых Таин, через четверть часа мирно почил о Господе. 19-го декабря он был погребен под Троицким собором к востоку от алтаря церкви преподобного Германа в общей усыпальнице с прежде бывшими архимандритами Порфирием и Феофаном. 6 ноября 1896 года над его могилой была установлена надгробная плита с надписью:

«Так волей неба суждено:
Все на земли, что нам дано,
Для нас не долговечно.
Величье сана, чести блеск,
Как волн на море шумный плеск,
Минуют скоротечно.
Богатство наше — сущий прах,
Одно, что есть на небесах,
Пребудет бесконечно.

Незабвенному другу и духовному отцу от благодарного сына архимандрита Иоанникия с братией».

Великий соловецкий старец, иеросхимонах Зосима, в свое время, при кончине настоятеля о. Варлаама, свидетельствовал ближним своим из братии, что Господь сподобил его знаменательного видения и соучастия в нем. В момент отшествия души о. Варлаама «он сам был духовно в числе небожителей в небесной славе и встречал со славою душу отца настоятеля, удостоенную доступа в обители Небесные. В то же время он видел там многих благочестивых священнослужителей (очевидно, соловецких — и своих сверстников, и знаемых им), удостоенных райского блаженства, и в отдельном месте схимонахов» (Соловецкий Новый Патерик. С. 36). О том же видении о. Зосимы было известно многим из братии и, в частности, подтверждение сего находим в словах нового соловецкого летописца митрополита Мануила.

3.16. АРХИМАНДРИТ ИОАННИКИЙ

Архимандрит Иоанникий, в миру именовавшийся Иван Филиппович Юсов, родился в 1849 г. в семье государственных крестьян Онежского уезда Архангельской губернии Филиппа и Марии Юсовых. Выучившись грамоте, он был отправлен в 1867 г. по изволению родителей в Соловецкий монастырь на безвозмездные труды для святой обители. 12 октября 1871 г. по его прошению и увольнительному свидетельству Архангель-

Архимандрит Иоанникий с братией, чиновниками и мальчиками-трудниками, 1910 г.

ской казенной палаты от 24 сентября 1871 года за № 3886 Иван был определен в число послушников Соловецкого монастыря. Послужной список игумена Иоанникия за 1895 год[149] позволяет проследить, какие послушания он проходил в монастыре. С 1 июля 1867 года по 1 августа 1873 года он исполнял клиросное послушание в Соборной церкви и заведовал архивом в монастырской канцелярии. 15 августа 1872 года послушник Иоанн был посвящен в стихарь. 18 июня 1880 года он был пострижен в мантию с именем Иоанникий и 8 сентября этого же года рукоположен во иеродиакона. Обладая хорошей грамотностью, он исправлял должность письмоводителя у казначея Соловецкого монастыря (1873—1885 гг.), а также в 1884—1888 годах обучал чистописанию и русскому языку в монастырском училище. 1 апреля 1888 года всегда трезвый, честный и деловитый иеродиакон Иоанникий по ходатайству архимандрита Мелетия указом Московской Правительствующего Синода Конторы был определен исправляющим должность казначея Соловецкого монастыря и членом учрежденного Собора. В мае по тому же указу он был рукоположен во иеромонаха. 21 июля 1892 года он стал исправляющим должность наместника Соловецкого монастыря и был награжден набедренником. 2 июня 1894 года иеромонах Иоанникий был утвержден в должности наместника Соловецкого монастыря.

Будучи ближайшим помощником архимандритов Мелетия и Варлаама, он пользовался у них неограниченным доверием во всех хозяйственных делах монастыря, так как он всегда осторожно и обдуманно приступал к делу. Его голос пользовался авторитетом и в Духовном соборе, так как иеромонах Иоанникий обладал многолетним опытом монастырской

[149] Ф. 1201, оп. 4, ед. хр. 886, 1895 г.

жизни в сочетании с редкой начитанностью и вниманием к Слову Божию и святоотеческим писаниям. Поэтому после кончины архимандрита Варлаама он был избран братией Соловецкого монастыря на должность настоятеля. В представлении преосвященного Никанора, епископа Архангельского и Холмогорского, от 3 мая 1895 года говорится: «На выборах кандидата на вакантную должность настоятеля Соловецкого монастыря, произведенных 26 марта 1895 года, большинство голосов 51 получил наместник иеромонах Иоанникий, 10 — игумен Питирим, 6 — казначей иеромонах Наум и по одному голосу иеромонахи Филарет и Тарасий[150]. В этом же деле (Л. 18) содержится указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, присланный из Московской Святейшаго Синода Конторы от 28 июня 1895 года: «Избрание иеромонаха Иоанникия на должность настоятеля Соловецкого монастыря Контора признает правильным и его самого достойным занятия сей должности по уважению к его 28-летнему пребыванию в сей обители. <...> Приказали: избранного братией Соловецкого монастыря на должность настоятеля их обители наместника оной иеромонаха Иоанникия утвердить в означенной должности с возведением в сан игумена». 6 августа 1895 года он был возведен в сан игумена в г. Архангельске в Соломбальском Преображенском соборе преосвященным Никанором, епископом Архангельским и Холмогорским. В сан архимандрита возведен в 1896 году. Все свои силы, опыт и энергию архимандрит Иоанникий прилагал к делу благоустройства святой обители. Поэтому те, кто пытался тормозить его решения, пересуживать или критиковать их так, что дальнейшему делу грозила задержка или пагуба, рассматривались им не как личные недоброжелатели, а как враги обители. Отец Иоанникий всегда наставлял братию ссылками на Священное Писание, подчёркивая, что его решения и указания имеют основанием волю Божию. Поэтому он считал вполне законным делом, когда требовалось проявить настоятельскую власть во всей полноте своего авторитета.

С самого начала его настоятельства монастырское хозяйство стало расширяться. Из фонда государственных земель был приобретён остров Кондо, сплошь покрытый сосновым лесом. Это дало возможность монастырю открыть смолокуренный завод (даже с изготовлением скипидара), который работал на отходах от обработки брёвен. В 1908 году в скиту на Кондострове был освящен храм в память Святителя Николая, который мог вместить 500 молящихся. При архимандрите Иоанникии под руководством самоучки монаха Иринарха создана система судоходных каналов между 12 озерами, причем по каналам проходили не только лодки,

[150] Ф. 1183, оп. 1, ед. хр. 34, 1895 г. Л. 13, 14.

но и даже маленькие паровые катера; в 1910—1912 годах с южной стороны от монастыря была построена единственная в России монастырская гидроэлектростанция мощностью 40 кВт; в 1914—1916 годах была построена радиотелеграфная станция, обеспечившая связь с материком; построен келейный корпус на острове Б. Муксалма.

Архимандрит Иоанникий принимал деятельное участие в строительстве железнодорожной ветки до Кеми, как видно из его переписки с начальником Управления по сооружению железной дороги Г.О. Паукером:

«С чувством искренней радости получил я Ваше извещение о том, о чем убежденно и настойчиво говорил с господином министром путей сообщения Сергеем Васильевичем Рухловым. Весьма радуюсь осуществлению моих давнишних желаний устроить железнодорожный путь в нашем Северном крае, во-первых, как патриот, радея о государственной пользе, во-вторых, как местный обитатель и настоятель северной великой обители, выгоды которой близки моему сердцу...

Но не могу умолчать, что избранная правительством Сороцкая бухта несравненно менее удобна для сооружения железной дороги, чем г. Кемь.

Для подтверждения моего личного мнения о сем посылаю Вам копию с протокола заседания членов попечительного комитета Кемской мореходной школы от 30 ноября 1914 г. и письмо начальника Кемской мореходной школы капитана дальнего плавания А. Фирсова, который является первым и лучшим знатоком Беломорского края по своей специальной эрудиции.

Очень желательно мне получить сведения о продолжении железнодорожной линии на Мурман. 31 января 1915 года»[151].

Убедив правительство в необходимости построения железнодорожной ветки до Кеми, а от Кеми до Попова острова, на котором находилось подворье Соловецкого монастыря, архимандрит Иоанникий продолжал оказывать помощь в производстве работ лошадьми, кирпичом и всякими жизненными припасами. По настойчивой просьбе одного из строителей ж./д. монастырь уступил свой последний запас — 50 000 кирпича:

«Кемский исправник известил меня, что дорога от Сороки до Кеми будет готова к половине марта... Заведывающий этой дорогой инженер Хомейко самым убедительным образом просил меня продать 50 000 кирпича, и я решился, и уговорил членов учрежденного Собора пожертвовать последним запасом кирпича.., радея о государственной пользе, какую может принести строящаяся дорога в обстоятельствах военного времени».

Архимандрит Иоанникий обладал исключительной памятью на лица и свободно ориентировался в тысячной массе братии и трудников, кото-

[151] Ф. 1183, оп. 1, ч. 49, ед. хр. 192, 1913 г. Л. 151.

рая была вверена ему Господом для руководства на пути спасения. Из 500—700 трудников-годовиков отец настоятель внутренним чутьем избирал тихих, послушливых, молитвенно настроенных, чтобы оставить их в обители по окончании срока трудничества. Впоследствии он всегда безошибочно определял, кто из братии откуда и зачем пришел, о чем задумал просить, и тут же давал быстрые удовлетворительные ответы. Неизменно следил настоятель за сохранением устава монастырской жизни. Заботясь о повышении уровня грамотности и просвещённости среди братии и трудников, архимандрит Иоанникий добавил к программе 4-классного монастырского училища еще 4 богословских класса и в 1913 году ходатайствовал о предоставлении богословскому училищу прав семинарии. Однако это ходатайство, а также строгий порядок в обители в сочетании с властным характером настоятеля вызвали недовольство Духовного Собора и некоторой части братии. 23 июля 1913 года они написали донесение в Святейший Синод с жалобой «на неправильные и вредные для обители действия настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Иоанникия»[152]. Адресовано донесение было митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию. Обвиняли архимандрита Иоанникия в том, что он посещает богослужения изредка, храмы пустуют, а в монастыре 1000 монахов, послушников и годовиков; обвиняли в расточительности, выставляя все дела его (надстройка парохода «Вера», строительство новой мельницы и скита на Кондострове, устройство каналов...) как личные и ненужные. Подписали жалобу 22 иеромонаха из 64, 8 иеродиаконов из 42 и 6 монахов из 130. Инициаторами письма были казначей иеромонах Анатолий, ризничий иеромонах Аверкий и делопроизводитель иеродиакон Виктор, которого архимандрит Иоанникий характеризовал как «революционера в душе», что и оправдалось впоследствии. Так началась горестная смута, растянувшаяся на десятилетие, вплоть до закрытия монастыря. В Синоде жалобщикам не поверили и благословили архимандрита Иоанникия уладить дело по-домашнему. Однако сделать это оказалось невозможно, так как среди упорствующих жалобщиков были члены Собора. Поэтому архимандрит Иоанникий писал в Московскую Святейшаго Синода Контору: «Осведомленный от Его Высокопревосходительства г. Обер-Прокурора Святейшего Синода, что на меня подана жалоба <...> я нахожусь в большом недоумении и смущении, каким образом в состоянии я буду успешно продолжать управление монастырем с членами Собора, явно вставшими во враждебные отношения ко мне и воспользовавшимися моим отсутствием (с 1 августа по 1 октября для лечения в Ессентуках), дабы произвести бунтовской заговор против меня части братии монастыря. Не

[152] Ф. 1183, оп. 1 ч. 49, ед. хр. 192, 1913 г. Л. 1.

признает ли Контора Святейшаго Синода благопотребным и необходимым отстранить сих двух членов, казначея Анатолия и ризничаго Аверкия, как виновников сего возмущения, от их обязанностей впредь до окончания расследования, уполномочив меня с остальными тремя членами Учрежденного Собора приставить к временному исполнению их обязанностей других вполне благонадежных лиц из братии». Естественно, на это дано было благословение, и казначей иеромонах Анатолий был удален в Сергиев скит на Муксалме, ризничий иеромонах Аверкий в Анзерский скит. Сохранилось письмо иеромонаха Анатолия от 30 ноября 1913 года Прокурору Московской Святейшаго Синода Конторы Филиппу Петровичу Степанову: «Ваше Высокопревосходительство! Бога ради простите нас за то, что мы сделали ошибку, подали жалобу на о. Настоятеля. Хотя сознают все, что написано все верно и правда. Признаюсь, что на это научили нас люди, которые остались в стороне, а мы оказались пушечным мясом. И теперь от о. Настоятеля с нами идет жестокая расправа. Большинство причастных к жалобе сосланы в скиты... и нам за 7,5 годовую службу казначеем непорочную у о. Иоанникия не нашлось келии в монастыре, а сослали в скит. По-нашему это несправедливо и обидно». Из дела видно, что Ионафан, настоятель Печенгского монастыря, действительно склонял иеромонаха Анатолия к борьбе с настоятелем, которого именовал «деспотом», «бироном» и «бисмарком». Увлечение борьбой за свои права заставило жалобщиков начисто забыть о монашеских обетах: терпении, послушании, нестяжании. В письме митрополиту Макарию от 9 июля 1914 года иеромонах Аверкий жалуется на свое положение: «помещены по двое в тесных келиях» и лишены некоторые кружечного вознаграждения. Далее он пишет, что «некоторые изнемогают в терпении» и нельзя ручаться, чтобы они «не окончили свое поприще произвольно». Надеясь, что «обиженные» со временем смирятся, Святейшй Синод указом от 29 июля 1914 года за №12536 постановил ввиду военного времени дело о ревизии Соловецкого монастыря отложить до особого распоряжения. Тем не менее 29 января 1915 года иеродиакон Виктор опять обращается к митрополиту Макарию с письмом: «29 августа 1914 года архимандрит Иоанникий распорядился перевести меня в отдельную келию, но отнял денежное вознаграждение 10 руб., вместо чего дается 0,5 ф. чаю и 4 ф. сахару в месяц. Но надо спички, деревянное масло, свечи, мелочи из одежды, заплатить трудникам за стирку белья, очистку ретирадных мест, колку дров. Между тем я не живу праздно, несу послушание — исполняю чреду священнослужения — следовательно, много ли-мало ли зарабатываю своим трудом и потому имею право на получение денежной доли из монастырских доходов <...> Потребности насущныя сократил поневоле, как нет грошиков, а там из сердца не вырвешь угнетающих дум о таковой несправедливости!»

3 апреля 1915 года, наконец, последовал достойный ответ: «Объявить жалобщику иеродиакону Виктору строгий выговор за допущение им укоризненных и дерзких выражений по отношению к Синодальной Конторе и уведомить его, что за оскорбление на бумаге присутственного места он может быть предан уголовному суду. Распоряжение архимандрита Иоанникия о лишении иеродиакона Виктора денежного вознаграждения, ввиду его строптивости, признать правильным».

С новой силой вспыхнул бунт в 1916 году. Его инициаторами были молодые монахи, которые до пострижения служили в армии и участвовали в защите Порт-Артура. Там они дали обет: уцелеют — уйдут в монастырь. Военный министр дал согласие на их увольнение, но потребовал, чтобы они были немедленно включены в списки братии, что и было сделано. Архимандрит Иоанникий принял их с любовию и, желая, чтобы грамотные, энергичные люди могли послужить Церкви, дал им возможность получить образование в монастырском училище по семинарской программе и даже специально для них пригласил преподавателей. После двухлетнего обучения они были рукоположены кто в иеромонахи, а кто в иеродиаконы. Когда же их привлекли к работам по сооружению ГЭС и каналов, они стали протестовать, требуя освобождения от физического труда. Конфликт набрал силу. В это время пришло известие об отречении царя Николая II от престола в пользу брата Михаила. О. Иоанникий, прочитав эту радиограмму, не смог сдержать слез: «Отечество в опасности. Результаты нельзя предусмотреть», — и первым же пароходом выехал в Петроград [51, с. 82].

В его отсутствие 23 июня 1917 года была написана еще одна жалоба в Святейший Синод, подписанная иеромонахами Аверкием и Викторином и монахом Викентием, в которой они предлагали:

1) продать кобыл и купить коров, чтобы каждому для трапезы получать молоко по бутылке в неделю;

2) продать сепаратор;

3) остановить на время покоса электростанцию;

4) уничтожить навсегда курятник;

5) уравнять братию жалованьем;

6) увеличить число членов Собора тремя, которые должны образовать «братский комитет». В случае отказа «не можем приступить к работе покоса и вынуждены послать депутацию в Петроград»[153]. Депутация в составе трех авторов этого письма была отправлена. Боясь огласки о Соловецкой смуте в столичной печати, 4 августа 1917 года Святейший Синод принял решение уволить архимандрита Иоанникия на покой по старости (67 лет) с правом проживания в монастыре и ежегодной пенсией в

[153] Ф. 1183, оп. 1, ч. 49, ед. хр. 192, 1913 г.

размере 2000 рублей. Настоятель, проживавший в это время около месяца в Ново-Иерусалимском монастыре и готовившийся к участию в Поместном Соборе, узнал об этом решении из газет. «Он только перекрестился и сказал: “Слава Богу за все, — и, немного погодя, тяжело вздохнув, со слезами на глазах тихо закончил, — мне своих дел не стыдно”» [30, №1, с. 74—98].

Душа архимандрита Иоанникия не возроптала и не смутилась, освободившись от всех дел и обязанностей, он поспешил в родную Соловецкая обитель, где провёл 50 лет своей жизни, но вернулся туда уже не как хозяин, а как смиренный богомолец. Сначала он занял келию бывшего ризничего близ настоятельских покоев, но вскоре, под давлением части братии, вынужден был удалиться в Савватиевский скит, где ему отвели 2 комнаты в нижнем этаже деревянного корпуса. Там он провел около трех лет в покаянных молитвах, самоукорении и самоуглублении. Когда «вся земная совершишася», он отошел на делание «богатеть в Господа». Близких по духу людей рядом не было. В 1920 году в монастыре пошли слухи о возможной скорой кончине архимандрита Иоанникия. Многие из бывших его недоброжелателей потянулись в Савватиевский скит просить прощения. Подходя к о. Иоанникию под благословение, они с трудом узнавали в смиренном, согбенном старце своего бывшего грозного настоятеля, не терпевшего противоречий. Истончилась плоть, обновился дух, смирился взгляд, сделавшись кротким, любвеобильным и всепрощающим. Никто не знал его келейного правила последнего времени, но все теперь могли почти осязать труд и достижения молитвенного делания архимандрита Иоанникия. Он каждого приходившего к нему принимал с братской любовию, и бывшие у него тогда ощущали в нем присутствие особого мира и благодати.

6 июня 1921 года, примирившись со всеми и простив всем и вся, после соборования и напутствия Святыми Таинами архимандрит Иоанникий тихо и почти безболезненно отошел ко Господу в возрасте 71 года, прожив всего в Соловецкой обители 54 года. Когда ему еще во время настоятельства указывали на живших в обители подвижников и блаженных, он обычно говорил: «Вид-то их благочестив и молчалив, а каков конец-то у самих будет?» Сам о. Иоанникий стяжал блаженную кончину безропотным преданием себя воле Божией.

3.17. МОНАХ ГУРИЙ

Весной 1923 года вместе со многими другими иноками покинул Соловецкую обитель и монах Гурий, 63 лет от роду, проживший в ней бессменно 30 лет. Отец Гурий являл собою редкий пример трудолюбия, тер-

пения, воздержания, а особенно необычайного и редкого усердия к неукоснительному посещению всех церковных служб. Бывало, где застанет его первый удар колокола, он тотчас оставлял работу и, зачастую даже не пообедав, торопился в храм, в каковой по усердию приходил всегда одним из первых. В храме он забывал всех окружающих и все мирское, суетное, оставшееся за церковным порогом, и всецело сосредоточивался в молитве. И молитва его была горяча и действенна, ее силу неоднократно ощущали прибегавшие к нему за духовной помощью и советами или стремящиеся к нравственному подражанию. Будучи в благодушном настроении, он рассказывал о прошлой своей жизни некоторым из братии, всецело им доверяя. Вот почему по отъезде его на материк в назидание оставшимся из братии было составлено краткое описание его жизни с малых лет и до последних дней пребывания в обители. Вот как он рассказывал о себе:

«Я внук священника, но отец мой не был духовного звания. Родом я из Валдайского уезда, местности Устюжской. В малых годах постигла меня смерть родителей. Не желая крестьянствовать, я занялся мелочною торговлею, но так как я должен был поступать по совести, а не по-хозяйски, то в скором времени у меня не оказалось ни денег, ни товару, ибо по доброте своей часть их отдал нуждающимся, а остальное — в долг, поверив на честное слово. Не зная, как устроиться мне в дальнейшем, решил я сходить помолиться к преподобным Зосиме и Савватию во Флорищеву Успенскую пустынь, находящуюся от нашего места в 50 верстах. Монастырь расположен среди густого леса над рекой. В церкви местной святыней была чудотворная икона соловецких угодников. В день преставления преподобного Савватия здесь бывает двухдневная ярмарка, главным образом, конная и мануфактурная. К этому дню со всей округи собиралось много богомольцев. Пошел и я на этот праздник. Остановившись у добрых людей и поразведав от них о славных своей праведной жизнью здешних старцах, пошел я в келлию к одному такому известному (“знаменитому”) старцу, одиноко живущему ради Бога при монастырской церкви. Старец меня во многом утешил, а при моем выходе сунул мне в карман бумажку. С нетерпением и волнением вышел я на монастырский двор и здесь прочитал ее краткое, но знаменательное содержание: “Тебя ждут преподобные Соловецкие”. И тогда же я возымел желание идти на богомолье в Соловецкий монастырь. Покончив навсегда со всеми домашними делами и рассчитавшись с окружающими, поспешно покинул я свою родину, торопясь до зимы достигнуть Соловецких святынь и угодников. Принятый о. настоятелем в трудники, я стал трудиться и до сего времени по милости Божией не бросаю своего послушания, благодаря Господа Бога за явленные мне милости Его» [30, № 2, с. 70].

С первых же лет своей жизни о. Гурий трудился на огороде и пребыл на сем послушании бессменно почти 30 лет. От него требовалась в зависимости от времени года, неопустительная бдительность, особенно весной, при выращивании рассады, при посадке и поливке овощей. Весь день трудясь на послушании, зачастую без обеденной трапезы, он, хотя и усталый, первым являлся по зову колокола в храм и пребывал там до конца. Дома же, как открыл он одному из братии, вставал за час и ранее до полунощницы и, исполнив свое келейное правило, начинал класть поклоны поименно за всю братию, начиная с о. настоятеля и кончая последним послушником, а потом уже шел в церковь. Трапезой пользовался только братской, общей, и никаких съестных запасов у себя не держал, ничего съестного в келлию не приносил, а до обеда ничего не пил и не вкушал. Чаю вовсе не потреблял. Несмотря на это, о. Гурий всегда был бодр, здоров и легок. Слова неприличного, или праздного, или осудительного никогда не произносил и от других сего слушать не любил. В первые 20 лет жизни в монастыре братия очень любили и уважали его, но в период начавшейся внутренней смуты, связанной с настоятелем о. Иоанникием, все противники последнего не стали уже постарому прилежать к о. Гурию, так как ему по ревности Божией приходилось их укорять и предостерегать от душепагубного пути восстания на своих властей. А раньше, бывало, бежит, торопится о. Гурий в церковь, а братия шутливо точно укоряют его: «Ну, о. Гурий, опять уже побежал, дай нам-то немного отдохнуть». А другие отвечают за него: «Ему что?! Он не по-нашему живет, брат. До обеда ему ни о чем заботиться не нужно, как нам — позавтракать. А как из церкви — так и на работу сейчас».

Нестяжание о. Гурия было также для всех видимое и непритворное. Ничего лишнего в келии у него не было, а если кто-либо ему что-то дарил, он тотчас все раздавал нуждающимся из братии. Хотя в грамоте он был не очень силен, но все же правило молитвенное совершал уставно. Кроме того, он имел дар Иисусовой умной молитвы, которая слагалась за последнее время в его сердце в непрестанное делание. Будучи духовно и телесно согреваем ею, он изливал на окружающих духовную теплоту и любовь, а в своих дерзновенных молитвах, благодаря неистощимой вере, получал просимое для ближних. Особенно эта духовная черта обнаружилась в последние годы его жизни, когда многие из братии свидетельствовали о силе и действенности его молитвы к Богу. Как в жизни своей, так и в своей пламенной вере он от природы был простой и за свою простоту в годы монастырской смуты немало пострадал от братии. Тяжело жилось монахам в эти смутные годы. Братия разделилась на два лагеря и враждовала между собою, не было покоя в их душах и менее

всего были заняты они думами о своем душевном спасении. Вот в это время за свою безмерную простоту и чистоту веры о. Гурий сподобился нескольких видений. Вначале приходил к нему в сонном видении преподобный Зосима, один, с крестом в руке, и просил передать братии, чтобы они прекратили смуту и нестроения, ибо небесные ходатаи за святую обитель сильно скорбят о ней, так как гнев Божий невидимо надвигается на нее. Вскоре после сего, ввиду непрекращающегося раздора, явилась Сама Царица Небесная своему усердному служке и приказала передать настоятелю с братиею, что если они не прекратят между собою вражды и несогласия, если они не начнут исправляться в своей монашеской жизни, то Божие наказание постигнет монастырь и братию. Но начальствующие и прочие насельники обители остались глухи к его рассказу, а самого о. Гурия посчитали пребывающим в прелести и не обратили внимания на грозное небесное предупреждение.

Вскоре над монастырем разразилась первая гроза. По неизвестной причине в ночь на 7 декабря 1917 года сгорел бучильный корпус. Огонь перекинулся на прачечную, в сторону бани, и угрожал мельнице и всему монастырскому кварталу с Головленковой башней. Несмотря на свирепствовавший ветер, грозивший уничтожить весь монастырь, после совершения молебна и обнесения местных святынь вокруг пламени огонь затих и ветер переменился. В ближайшие годы, кроме бучильного корпуса, все быстро восстановили и отремонтировали. Так прошло приблизительно около двух лет. Противники бывшего настоятеля о. Иоанникия продолжали враждовать с новым настоятелем о. Вениамином, требуя от него невозможных условий видимого примирения. Смуты в умах и сердцах продолжались, они еще более усугублялись общим нестроением на материке. Тяжелые 1917—1920 годы прошли в постоянных страхованиях, ожиданиях чего-то скорбного. В это время Божия Матерь снова посетила соловецкого «чудака», как стали называть о. Гурия братия после пересказа им своих видений. Неуклонно и грозно вещала Она ему: «Грехи монастыря Соловецкого тяжки. Грешны и старшие, и младшие. Старшие виноваты тем, что обижают и притесняют младших, а младшие грешны тем, что, не терпя сих утеснений и не желая в скорбях спасаться, наушничают власть имущим на деяния старших. Те и другие не хотят терпеть скорбей от ближних. Если не одумаются и не примирятся, то кара Божия постигнет их неминуемо».

Весною 1920 года монастырь был частью занят под концентрационный лагерь и государственный сельхоз. Зловещие тучи надвинулись на обитель. Великие святыни ее подверглись величайшей опасности поругания. Но братия словно не хотели сознать свою вину и послушаться сего

призыва Царицы Небесной, провещанного Ею чрез простого монаха Гурия, стоявшего к тому же все время в стороне от враждовавших. Начались на местах притеснения, обыски, реквизиции, оскорбления и поругания святынь. Но это было началом великой Соловецкой скорби, началом грядущего великого последнего Соловецкого плача.

В 1922 году произошло изъятие монастырских ценностей. Братия в большинстве своём продолжали коснеть в старой вражде и наушничестве в отношении к правящей власти. Приблизительно в начале 1923 года Царица Небесная снова явилась убогому «чудаку» о. Гурию, но уже с последним и грозным предупреждением: «Если не исправятся и не помирятся братия, огнем попалю сию святыню, вас накажу и рассею».

Молчали угодники, не являясь ныне никому из братии. Повторился 1538 год, когда старцу Леониду в видении приходили преподобные Зосима и Савватий и сказали, что не услышана Господом их мольба о пощаде братии и что Господь ниспошлет огнь, который и попалит весь монастырь за нечестие его. Не поверили сему видению тогдашние люди. И в день Вознесения Соловецкий монастырь сгорел дотла. Как праздник Вознесения означает, что Господь покинул землю и отошел ко Отцу Своему, так и милость Божия отходила от Соловецкого монастыря к небожителям за поругание святыни, нарушение обетов и попрание идеала монашества. И вот через 385 лет история повторилась вновь. За те же грехи и жестоковыйность, за три дня до Святой Троицы, в 1923 году 12 мая огнем пожигается почти вся святая обитель. «12 мая в истории великого соловецкого пожара 1923 года имело громадное значение. Это был день скорби (пятница, день воспоминания крестной смерти нашего Спасителя и Господа Иисуса Христа); наконец, Господь не дал породиться великой радости от тех даров, которые ниспосылаются христианам в день Святой Троицы, когда происходит Сошествие Духа Утешителя на скорбную землю. Бог отнял от насельников сию радость, лишил их ее как недостойных и сим заключил Свой праведный гнев — на времена и лета, еже заключены суть у Него под печатями... И плач обуял келии и храм — ибо великий некогда, но ныне поваплённый Израиль исшел из Иерусалима, дабы с гор окрестных вздыхать и плакать о грехах своих и потерянных и поруганных святынях.

Пламя выбросилось в разных местах и церквах почти одновременно. Но страшно то, что пожар начался в храме Успения Божией Матери. Царица Небесная испепелила Свою святыню за нечестие братии и в предупреждение еще большего и неизбежного кощунства со стороны властей. Вскоре после пожара Успенская церковь была отведена под жилое

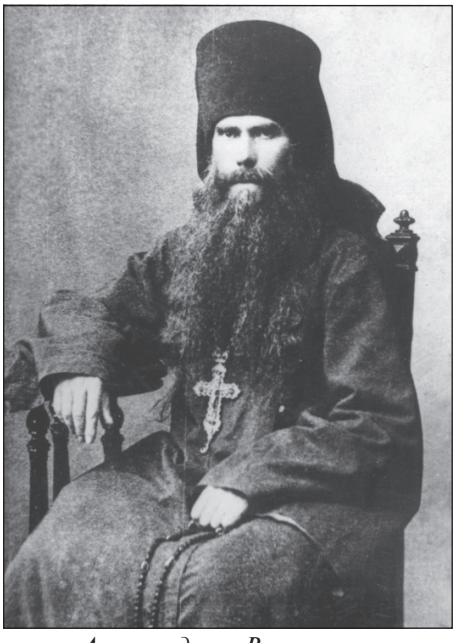
помещение нового лагеря особого назначения ГПУ, заполнилась отбросами и отщепенцами мира, и осквернилась, как и другие храмы. Монахи были изгнаны из монастыря; потеряли святыню, потеряли свои келии, кров, большая часть их (главным образом, смутьяны, бунтовщики) были вывезены на берег за ненадобностью. И так, по слову Царицы Небесной, они рассеялись. По Промыслу Божию наиболее крепкие, трудолюбивые и менее виновные в сих смутах остались при святой обители на разных хозяйственных должностях для обслуживания лагеря и сохранения последней монастырской святыни — кладбищенской Онуфриевской церкви, при которой образовалась двадцатка». Исполнились слова и видения о. Гурия, ныне уже не чудака и не в прелести бывшего. Сам он в числе многих покинул святую обитель весною 1923 года, завершив в ней все ему и чрез него пророченное во славу Господа и в назидание и спасение братии и святой обители сей.

3.18. ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН

Преподобномученик Вениамин (в миру Василий Васильевич Кононов) родился в 1869 году в Шенкурском уезде Архангельской губернии в крестьянской семье. В детстве, по обычаю архангелогородских крестьян, он вместе с семьей побывал в Соловецкой обители. Достигнув зрелого возраста, Василий покинул родительский дом и отправился на Соловки. В 1893 году, при архимандрите Варлааме, он был принят в Спасо-Преображенский монастырь трудником. Через четыре года он был определен в число послушников обители. В течение шести лет Василий проходил череду послушаний, совмещая труды с учебой в братском Соловецком училище. Он пользовался уважением братии, был благонравен и послушен. Василию давали послушания руководить хлебопекарней, заведовать расходной монастырской лавкой.

В 1903 году послушник Василий был пострижен Соловецким архимандритом Иоанникием в монашество с именем Вениамин (в честь священномученика Вениамина Синайского). Новоначальный инок отличался склонностью к уединению, любил церковную службу. В 1905 году инок Вениамин был рукоположен во иеродиакона, а в 1908 году — в сан иеромонаха. Он был определен к службе при святых мощах преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Монастырское начальство назначило его также законоучителем братского училища.

Когда в декабре 1909 года отошел ко Господу духовник обители старец иеромонах Дамаскин, то на общем собрании старшей братии сорокалетний иеромонах Вениамин был избран духовником монастыря.



Архимандрит Вениамин. Фото нач. XX в.

Осенью 1912 года, после 19 летнего пребывания в Соловецкой обители, иеромонах Вениамин был назначен настоятелем Антониева Сийского монастыря и возведен в сан архимандрита преосвященным Нафанаилом, епископом Архангельским. Архимандрит Вениамин управлял Антониевым Сийским монастырем пять лет. Он был награжден Святейшим Синодом — в 1913 году наперсным крестом и орденом Святой Анны в 1916 году.

В Соловецкой обители в это время братия была вовлечена в смуту против настоятеля. По увольнении на покой настоятеля монастыря архимадрита Иоанникия 4 августа 1917 года, насельники монастыря, вспомнив о своем бывшем духовнике, просили его стать настоятелем. Многие искренне чаяли прекращения смуты и раздоров в монастыре. Собор старшей братии избрал архимандрита Вениамина настоятелем. В это время в России уже шла братоубийственная Гражданская война. Северный край получил краткую передышку, пока Белая армия удерживала фронт. Скоро на долю архимандрита Вениамина выпало первое испытание: в ночь с 7 на 8 декабря 1917 года в бучильном корпусе южного дворика вспыхнул пожар. Огонь угрожал всему монастырю.

Архимандрит Вениамин говорил братии о том, что сие несчастие имело причиной грехи братии и смуту против прежнего настоятеля. Призвав всех жить в братской любви и миролюбии, архимандрит Вениамин твердо сказал, что никаких обвинений против отца Иоанникия он принимать не будет. На время в обители был восстановлен порядок. Многие смутьяны покинули монастырь. В 1919 году жизнь в монастыре еще оставалась прежней.

Декрет Совнаркома об отделении Церкви от государства, изданный в 1918 году, фактически предполагал уничтожение всей собственности монастырей и приходов. Соборное постановление обязывало архимандрита Вениамина и братию монастыря к сохранению соловецких святынь и укрытию ценностей и имущества от большевиков. По указанию архимандрита Вениамина в многометровых стенах Спасо-Преображенского

собора было сделано хранилище, где были упокоены святые мощи первооснователей монастыря — преподобных Зосимы и Савватия. Ценности из ризницы были сокрыты в стене Спасо-Преображенского собора, под его папертью и над алтарем Никольской церкви. Строились тайные хранилища продовольствия на Амбарном озере и каналах. Ближайшим помощником архимандрита Вениамина в это время стал иеромонах Никифор (Кучин), постриженный в монахи архимандритом Иоанникием в 1913 году.

В 1920 году 29 апреля на Соловки прибыла из Архангельска комиссия Губревкома. С островов начали вывозить запасы продовольствия. Архимандрит Вениамин пытался отстоять хотя бы жизненно необходимую для обители часть имущества. 20 июня он обратился с жалобой в Кемский продовольственный комитет. Он писал: «Если не достанет хлеба хотя бы на пятнадцать дней, все мы должны будем помереть с голоду на диком, суровом морском острове...»

Начались обыски и разграбление обители. Из числа монахов, прежде бунтовавших против архимандрита Иоанникия, нашлись доносчики, с чьей помощью были обнаружены некоторые сокрытые ценности. Председатель Архгубисполкома Попов распорядился «серебро заарестовать, произвести расследование и выяснить виновных в сокрытии». В это время сбылись пророческие слова архимадрита Вениамина, сказанные им тремя годами ранее. Он говорил, что и против него, как прежде против архимандрита Иоанникия, начнутся «козни и смуты».

На архимандрита Вениамина был составлен донос, авторами которого были некоторые насельники монастыря. Донос не принес им пользы, поскольку они желали «новой» монашеской жизни, но «новая» жизнь началась открытием клуба Карла Маркса в монастыре. К осени 1920 года монастырь еще существовал, но часть хозяйства обители уже отошла к совхозу, которым заведовал назначенный Кемским уездным советом директор.

В конце 1920 года архимандрит Вениамин и его ближайший помощник иеромонах Никифор были арестованы по обвинению в сокрытии монастырских ценностей и хранении оружия. Они были отправлены на принудительные работы — на лесозаготовки в село Холмогоры. После окончания срока заключения, летом 1922 года, архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор прибыли в Архангельск и устроились на Соловецком подворье. После закрытия подворья их приютил Александр Алексеевич Левичев, архангелогородский фармацевт.

Летом 1926 года они переехали в село Часовенское Архангельской области, по совету бывшего послушника Соловецкого монастыря Степа-

на Антонова. В этом селе жила сестра Степана, Анна. В самом селе жить они не стали, а в уединенном месте поставили себе лесную келию, в сорока километрах от ближайшего населенного пункта — деревни Коровкинской. Небольшая изба площадью около двадцати квадратных метров стояла на высоком берегу Волкозера, рядом преподобномученики разбили небольшой огород. В доме было только самое необходимое — иконы, две кровати и предметы обихода. Питались они от трудов своих — выращивали овощи, ловили рыбу. Недостающие продукты привозил по зимнику из Архангельска бывший послушник Соловецкого монастыря Степан Антонов. Людей отшельники почти не видели — в течение лета случайно забредало к ним два-три человека. Так, в отдалении от мирской суеты, в трудах и общих молитвах прошло два года.

Весной 1928 года житель села Часовенского, 19 летний комсомолец Владимир Иванов, подговорил одного из жителей деревни Коровкинской, уже дважды судимого бандита Степана Ярыгина, 23 лет от роду, ограбить отшельников, полагая, что у них хранятся сокровища Соловецкого монастыря. Было это накануне Пасхи. Вечером 4/17 апреля Иванов и Ярыгин вышли к Волкозеру. Был вторник Светлой седмицы.

Когда совсем стемнело, в доме погас свет. Иванов и его сообщник подошли к избушке и в темноте начали стрелять в окна, стараясь попасть в монахов. Иванов, хорошо изучивший расположение дома, стрелял в восточное окно — туда, где располагалась кровать архимандрита Вениамина. Раздались стоны преподобномучеников, затем все стихло... Однако ограбить избушку бандитам не удалось: их обуял непонятный ужас, так что они не посмели переступить порог келии. Иванов и Ярыгин зашли только в сени и влезли на чердак, где хранились припасы, подвезенные по зимнику, запасы верхнего и нижнего белья и обуви. Они взяли две пары сапог, два дождевика, фуфайку, нижнее белье, носки, брюки, кусок черного брезента, голубой эмалированный чайничек, набор рыболовных крючков и плотницкий инструмент. Чтобы замести следы, сообщники облили избушку снаружи керосином, найденным на чердаке, и подожгли. Мученики-иноки были в то время еще живы, из огня слышались их стоны... Позднее, 9 июня 1928 года, Степан Антонов, как обещал, приехал на Волкозеро навестить архимандрита Вениамина, но обнаружил только остатки избы и два обгоревших скелета в ней...

Расположение останков преподобномучеников было зафиксировано в протоколе осмотра местности следственной комиссией в 1928 г. Судебные эксперты отмечали, что на месте сгоревшей кровати архимандрита Вениамина был обнаружен скелет человека (кальцинированные кости),

второй скелет (обуглившиеся кости) был зафиксирован рядом, на полу, ближе к развалу печи. Соловецкие преподобномученики архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор были канонизированы в 2000 году. Память преподобномучеников Вениамина, архимандрита Соловецкого, и Никифора иеромонаха совершается в день их мученической кончины 4/17 апреля и в день празднования Собора новомучеников и исповедников Соловецких 10/23 августа.

11—13 сентября 2004 года комиссия (в составе игумена Германа, благочинного Соловецкого монастыря, Столярова В.П., начальника Соловецкого отряда Морской Арктической комплексной экспедиции (МАКЭ), Саликова Е.А., с.н. с. Соловецкого отряда МАКЭ и Матонина В.Н., доцента кафедры культурологии и религиоведения Поморского университета им. М.В. Ломоносова) произвела осмотр места мученической кончины преподобномучеников Соловецких архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора в районе северного берега Волкозера в 80 км к северо-востоку от г. Архангельска. Работы производились по благословению наместника Соловецкого монастыря архимандрита Иосифа (Братищева). Были выполнены обмеры и привязка на местности объектов, связанных с жизнью и мученической кончиной архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора. 13 сентября, в процессе установки Поклонного Креста на месте мученической кончины преподобных, в центральной части остатков восточной стены избы были обнаружены три кальцинированных (сильно пережженных) фрагмента длинной кости. Рядом была найдена обожженная костяная пуговица овальной формы 1,5 х 1,3 см с четырьмя отверстиями. В этом месте, согласно следственному делу, располагалось окно, возле которого на сгоревшей кровати (архимандрита Вениамина) в 1928 году были зафиксированы человеческие останки.

Обследование и раскопки на месте сожженной пустынной келии архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора были продолжены 6 — 13 августа 2005 года по благословению Святейшего Патриарха Алексия II участниками совместной экспедиции Соловецкого монастыря и Соловецкого отряда МАКЭ. Основной состав комиссии остался прежним, но вместо В.Н. Матонина в работе приняли участие насельники Соловецкого монастыря: иеродиакон Кассиан (Анисимов) и монах Онуфрий (Поречный). 9 августа на месте гибели преподобных у восточной стены избы, в слое перегноя были обнаружены ещё три кальцинированных фрагмента человеческих костей. Также было найдено более ста предметов, в числе которых, например, кадило, чашка и т.д., свидетельствующих о последних подвижнических годах жизни преподобных. Эти реликвии хранят на себе следы пламени, в котором приняли смерть за Христа новомуче-

ники Соловецкие, расстрелянные и сожженные бандитами 17 апреля 1928 года. Все находки в течение нескольких месяцев обрабатывались археологами Российского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева в Москве. 21 апреля 2006 года обретенные реликвии были привезены В.П. Столяровым в Соловецкую обитель и переданы на хранение в Церковно-археологический кабинет обители. Они будут экспонированы на специальной выставке, посвященной новомученикам и исповедникам Соловецким.

Сохранившиеся части кадила, найденного на месте гибели преподобномучеников Вениамина и Никифора

ГЛАВА 4

ЗА КРЕПКИМИ ЗАСОВАМИ

4.1. РЕЖИМ И МЕСТА СОДЕРЖАНИЯ ССЫЛЬНЫХ В СОЛОВЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ

Соловецкий монастырь использовался в качестве места ссылки и заточения с середины XVI века до 1903 года, когда при Императоре Николае II, по ходатайству архимандрита Иоанникия, монастырь был освобожден от этой не подобающей ему обязанности. За все время существования тюрьмы через неё прошло немногим больше трёхсот заключенных, большинство из которых были осуждены за религиозные преступления[154]. Удаленное от центра островное положение обители способствовало надежной изоляции государственных преступников. Суровые условия содержания ссыльных составили монастырю славу жестокой тюрьмы, что противоречило назначению и самому образу Святой обители. Недаром при советской власти, старавшейся искоренить всякое воспоминание о святынях, возникла идея устроить в прославленном монастыре концлагерь, первыми узниками которого были политические противники большевиков и духовенство. Заметим, однако, что изначально мысль посылать преступников на увещание и караул монахов была вполне оправдана, так как монашествующие увещевали не за страх, а за совесть, видя в этом угодное Богу дело полезное для спасения своей души. «Великое дело — наставить на путь истины заблудшего человека, спасти душу, совлеченную лукавым на путь погибельный», — говорят монахи. И весь монашеский уклад жизни, как нечто цельное, отлитое в совершенную форму, оказывал иногда свое влияние на ссыльных. Они не только раскаивались в своих заблуждениях, но и делались горячими подвижниками истинной веры как, например, послушник Иоанн Сорокин [1, с. 203]. Некоторые ссыльные даже удостоились быть занесенными на страницы Соловецкого патерика, таковы преподобный Иов Анзерский и иеросхи-

[154] Историк соловецкой тюрьмы М.В. Колчин так характеризовал контингент заключенных: «Ссылались туда бунтовщик, государственный преступник и пьяный монах, религиозный сектант и разгулявшийся не в меру купеческий сынок, знатный вельможа и не помнящий родства бродяга»[52, с. 246].

монах Иероним, которые терпели заточение безвинно. Также по ложному обвинению «в непочтительности к власти» был сослан на Соловки настоятель Санаксарского монастыря иеромонах Феодор в 1774 г. Святой страдалец и ревнитель правды Божией был помещен в холодную и угарную келию в строгое заключение. Преподобный Феодор принял незаслуженное наказание как искус и безропотно переносил лишения, не оставляя духовного окормления своей паствы. По ходатайству своего ученика Феофила через 9 лет преподобный Феодор был возвращен из ссылки указом императрицы Екатерины II.

До 1798 года в монастыре не было специального тюремного помещения. Узники содержались в самых различных местах: «под братскими келиями, в кладовых палатках и братских келиях», во внутристенных казематах некоторых крепостных башен, а также в забранных кирпичом печурах крепостных стен. Тюрьмы подразделялись на «первотяжкие», «тяжкие» и «крепкие», то есть самые строгие. К последним относились внутристенные камеры, имевшие от полутора до трех метров длины и от метра до двух ширины. Всю обстановку такой камеры составляли скамейка, на которой можно было сидеть или лежать, да охапка соломы. В таких помещениях стоял вечный полумрак, было сыро и холодно. В 1741 году, в начале царствования Елизаветы Петровны разразился скандал, так как до Петербурга дошли слухи о так называемых подземных тюрьмах, где людей якобы гноили заживо. Последовал Указ императрицы, предписывавший засыпать в монастыре все ямы для колодников. Соловецкий архимандрит отвечал, что подземных тюрем в монастыре не было и нет, а есть поземные тяжкие каменные, и что две такие каменные, Корожная и Головленкова[155], заложены. Слухи о подземных тюрьмах ходят до настоящего времени, однако недавние раскопки Головленковой тюрьмы, расположенной в третьей бойнице подошвенного боя к северу от Архангельской башни в толще стены, показали, что: во-первых, это помещение изначально при строительстве предназначалось под тюрьму. Об этом свидетельствуют вмонтированные в толщу стен кованые полосы с петлями на концах для крепления цепей колодников и внутристенный канал с деревянным желобом для выведения отбросов. Во-вторых, уровень пола в тюрьме был на 0,7—0,8 м выше поверхности земли, что соответствовало верху цоколя платформы крепостной стены, сложенной из крупных валунов. Это исключало возможность подкопа. В-третьих, эти тюрьмы не использовались с 1740-х годов по назначению, а в них, по-видимому, складывали дрова [33, с. 45].

[155] Свое название тюрьма получила по имени узника Ивана Головленкова, о котором известно из Государевой грамоты 1616 года к игумену Антонию. Он, по-видимому, раскаялся и постригся в монахи, так как при кончине имя его было инок Иосиф [33, с. 15].

В 1798 году в северном дворике монастыря, близ Корожной башни, выгородили специальный тюремный двор и переоборудовали под тюрьму бывшую иконописную палату.

До начала XVIII века правом ссылать в монастырь пользовались царь, патриарх, митрополиты, епархиальные архиереи. Однако ссылка на Соловки в это время носила эпизодический, нерегулярный характер. Положение резко изменилось со времен Петра I, когда стали отправлять на Соловки людей, провинности которых формулировались подчас весьма туманным образом: «за великоважную вину, о которой видно явно по делу», «за злодейственные поступки», «за происшедшее от него тягчайшее богохулением согрешение, о чем явно по делу», «за непристойные его монашескому чину непорядочные поступки и сказывания за собою слова и дела», «за явное его с женским полом грехопадение», «за раскольническое суеверие и непреклонное опровергание с развращенным умствованием таинства христианской веры» и т.д. и т.п. Отправляли «произносителей важных и непристойных слов» и просто душевнобольных — «для исправления ума».

В XVIII веке на Соловки ссылали сначала по распоряжению Тайной Канцелярии (Канцелярии тайных розыскных дел), а потом по резолюциям Святейшего Синода.

Арестанты прибывали на Соловки под крепким караулом. В сопроводительных документах указывалось (не всегда) имя и фамилия ссыльного, а также, иногда намёками, характер преступления. Зато подробно, до мелочей регламентировался режим содержания.

Заточенные в Соловецкий монастырь подразделялись на секретных и обыкновенных, «рядовых». Первых присылали обычно без объявления вины (оговаривая при этом, что арестант является опасным государственным преступником), имени и фамилии. Им присваивали клички и номера и помещали в отдельных, специально оборудованных казематах в кандалах или без оных, на цепи или без таковой.

Двери казематов закрывали на замок, опечатывали печатью. Охраняли секретных узников солдаты монастырской команды. Колодники, присланные с предписанием, чтобы «ни они кого, ни их кто видеть не могли», получали кормовые деньги на руки, и караульные солдаты покупали им съестные припасы.

Несекретные пользовались относительной свободой, особенно в зимнее время, когда остров был отрезан от внешнего мира, и всякая возможность побега исключалась. Присланные под начало «для строгого смирения» были задействованы на самых тяжелых монастырских послушаниях: пекли хлеб, рубили дрова, возили воду, убирали нечистоты.

Кормили ссыльных скромно: одних «токмо хлебом слезным и водою», других — еще и постными щами с квасом; «а рыбы не давать никогда» —

предписывалось в отношении некоторых узников. Со второй половины XVIII века заключенные стали получать продовольственный паек «против одного монаха», то есть иноческую норму. Правительство компенсировало монастырю расходы на выдачу арестантам питания и одежды.

Соловецкая ссылка была зачастую бессрочной. В монастырскую тюрьму попадали обычно «до кончины живота», или «навечно», или «впредь до исправления» (что тоже означало — пожизненно). Некоторые узники проводили на Соловках по 25, 30 и даже 40 лет.

4.2. Узники XVI-XVIII веков

АРТЕМИЙ. Игумен Троице-Сергиева монастыря. Один из первых известных нам соловецких узников.

По свидетельству Курбского [15, с. 383], Артемий «преподобный и премудрый», пустынник заволжский, взятый за святость жизни в игумены Сергиевой Лавры, удалился оттуда снова в пустынь против воли царя, «многаго ради мятежа и любостяжательных, искони законопреступных мнихов» (лаврских). В 1554 году на церковном соборе был обвинен в еретическом вольномыслии и приговорен к отлучению от Церкви и в цепях отправлен в Соловецкий монастырь «с великою крепостью и множайшим хранением в некоторой келии молчальной, да яко и тамо душевредный не распространится». Его обвиняли в том, что он хулил крестное знамение, считал бесполезным поминовение усопших, унижал чтение акафистов. Артемий же возражал, что порицал не крестное знамение, а наглое махание рукою при небрежном осенении себя крестом; что бесполезным считал только поминовение для нераскаявшихся грешников, а чтение акафистов — для тех, которые, называя Иисуса сладчайшим и взывая к Богородице «радуйся», презирают закон Иисусов и не радят о своем спасении. В противовес историкам, обвиняющим его в ереси, отметим следущее: 1) Артемий сам был в числе судий Матвея Башкина[156] и опровергал на соборе его лжеучения; 2) в бытность игуменом Лавры он ходатайствовал о переводе в обитель праведного узника Максима Грека (ныне прославленного), которого глубоко почитал и старался успокоить его старость; 3) писатель Захарий Копыстенский утверждает, что «преподобный инок Артемий в Литве от ереси арианской и лютеранской многих отвергнул»; 4) в его сохранившихся письмах князю Черторисскому излагается учение чисто православное и опровергаются лжеучения Лютера и Кальвина. В 1556 году он бежал с Соловков и укрылся за границей. По предположению А.А. Зимина, к «сбегу» Артемия прямое или косвенное отношение имел игумен Филипп.

[156] Ересь его сходна с ересью жидовствующих (отрицание Божественной природы Иисуса Христа, отрицание Таинств покаяния и причащения, отрицание иконопочитания), но научен он был от литовских протестантов [15, с. 375,376].

СИЛЬВЕСТР. Священник Благовещенского собора Московского Кремля. Составитель Домостроя. Был приближен к царскому двору, имел большое влияние на молодого царя Ивана IV. Входил в состав так называемой Избранной Рады — правительства первых лет царствования Ивана Грозного. После упразднения Избранной Рады в 1560 году удалился на покой в Кириллов Белоезерский монастырь. В том же году был осужден церковным собором как «ведомый злодей», повинный в смерти царицы Анастасии и переведен в Соловецкий монастырь на вечное заточение. Скончался на Соловках в конце 1560-х годов.

НИКОЛА де МЕЛЛО. «Гишпанския земли чернец» — католический миссионер в Мексике, на Филиппинах, в Индии. В 1600 году приехал в Москву в качестве тайного агента Ватикана. Был разоблачен, арестован и сослан в Соловецкий монастырь. В 1605 году освобожден Лжедмитрием I. Интриговал против царя Василия Шуйского. Состоял на службе у польских интервентов, затем в штате Марины Мнишек. В 1614 году был захвачен в плен царскими войсками и казнен в Нижнем Новгороде.

СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ. Бывший в магометанстве Эдигер-Махмет, второй царь казанский, взятый в плен при завоевании Казани царем Иоанном Васильевичем. Православную греко-российскую веру и крещение принял со всем семейством в Москве в присутствии самого царя. Восприемником его был митрополит Макарий, который прежде крещения многократно посылал к сему высокому пленнику с вопрошением, не по нужде ли и опасности хочет он принять веру Христову. Дальнейшая его благочестивая христианская жизнь вполне оправдала искреннее и добровольное его к тому желание. После крещения в 1575 году по воле Ивана Грозного он был почтен титулом царя Тверского и сопровождал Грозного в военных походах. Кратковременное пребывание Симеона на московском престоле сделало его потенциальным конкурентом самозванных царей Лжедмитрия I и Василия Шуйского. При Лжедмитрии за обличение его нечестивых поступков и за увещание народа отвратиться от латинских обычаев Симеон был сослан в Соловецкий монастырь и пострижен под именем Стефан. За богатые вклады в обитель все семейство старца Стефана записано для вечного поминовения в старинном синодике [9, ч. I, с. 119]. В 1612 году по приговору бояр и воевод московских и князя Дмитрия Пожарского старец Стефан переведен по его просьбе на жительство в Кириллов Белоезерский монастырь, где и скончался в 1616 году.

АРСЕНИЙ ГРЕК. Иеромонах, учитель риторики, переводчик. Родился в Солуни около 1610 года. Образование получил в Венеции и Риме. Принял монашество в 23 года, после чего жил при дворах правителей Молдавии, Валахии, Польши. Сменил несколько вероисповеданий: был последовательно иудеем, католиком, мусульманином, униатом, православным. В 1649 году в Киеве познакомился с Патриархом Иерусалимским

Паисием и в его свите приехал в Москву, где сблизился с митрополитом Новгородским (впоследствии Патриархом) Никоном. Остался в Москве учителем риторики, но вскоре Патриарх Паисий прислал письмо, в котором изобличал Арсения в перемене веры: «Прежде был иноком и священником и сделался бусурманом, потом бежал к ляхам и у них обратился в униата, способен на всякое злое безделие». За многие ереси Арсений был сослан в Соловецкий монастырь. В 1652 году имел на Соловках встречу с Никоном и вскоре был вызван Никоном (уже Патриархом) в Москву и назначен главным справщиком (редактором) Печатного Двора. Во время чумного бунта (август 1654 года) москвичи требовали выдать им Арсения на расправу как «ведомого еретика», который «многие книги перепортил». «Никон и Арсений, — говорили восставшие, — ведут, де, нас к конечной погибели». После самовольного оставления Никоном патриаршего престола Арсений сблизился с придворной партией, враждебно относившейся к Никону. Основал в Москве греко-латинскую школу. В 1660 году выпустил сборник своих переводов «Анфологион, си есть Цветословие». В декабре 1662 года оказался под следствием, был обвинен во «многих ересях» и чернокнижии и в 1663 году вторично сослан в Соловецкий монастырь. В 1666 году освобожден по распоряжению Алексея Михайловича. Больше никаких упоминаний о нем не сохранилось.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ТОЛСТОЙ. Первый постоянный российский представитель в Турции, сенатор, тайный советник, лейб-гвардии капитан, президент Коммерц-коллегии, управляющий Тайной Канцелярией, кавалер высшей награды Империи — ордена Андрея Первозванного, граф. В свое время вывез из Неаполя царевича Алексея, вел следствие по его делу. Известен также как автор записок о путешествии по Италии. В 1726—1727 годах возглавлял придворную оппозицию светлейшему князю А.Д. Меньшикову, намеревавшемуся в случае смерти Императрицы Екатерины I возвести на престол сына казненного царевича Алексея — Петра — и женить будущего императора на своей дочери. Единомышленники П.А. Толстого прочили в императрицы одну из дочерей Петра I — Елизавету или Анну. С подачи Меньшикова Толстой был приговорен «учрежденным» судом к смертной казни, замененной ссылкою на Соловки с лишением чинов и конфискацией имущества. На остров Толстой с сыном Иваном был доставлен 1 июня 1727 года. Графа водворили в помещение Антоновской тюрьмы, где он и скончался 30 января 1729 года в возрасте 83 лет. Был захоронен у Спасо-Преображенского собора, точное место захоронения неизвестно.

ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ ДОЛГОРУКИЙ. Первый русский посол в Дании, сенатор, член Верховного Тайного Совета, князь. Воспитатель и наставник Императора Петра II. После смерти Петра II от имени восьми членов Верховного Тайного Совета заставил приглашенную на вакантный

российский престол герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну подписать так называемые кондиции, существенно ограничивавшие самодержавную власть императрицы в пользу олигархов. В феврале 1730 года при поддержке дворянства Анна принародно разодрала «кондиции» и восстановила самодержавие. «Осмеричные затейщики» были арестованы и преданы суду. В.Л. Долгорукий был приговорен к лишению чинов и наград и к ссылке. В августе 1730 года доставлен на Соловки и помещен в Антоновскую тюрьму. Был лишен права переписки с родными и возможности общаться с посторонними лицами, но материальных затруднений не испытывал, получая кормовых денег 1 рубль в день. В 1739 году после дополнительного следствия казнен в Новгороде отсечением головы.

ПЕТР ИВАНОВИЧ КАЛЬНИШЕВСКИЙ. Последний кошевой атаман Запорожской Сечи (1765—1775 гг.), участник Русско-турецкой войны 1768—1774 годов (за храбрость был награжден золотой медалью с бриллиантами). Состоял в приятельских отношениях со Светлейшим Князем Григорием Александровичем Потемкиным. 4 июня 1775 года при разгроме Сечи царскими войсками был арестован и по приказанию Потемкина сослан навечно в Соловецкий монастырь «за вероломное буйство и разорение российских подданных», несмотря на то что еще год назад князь души не чаял в атамане, осыпая того комплиментами и уверяя в своей «всегдашней любви» к нему и «удовольствии исполнять все поручения». В монастырь Петр Кальнишевский прибыл в конце июля 1776 года. Монастырскому начальству было предписано содержать его «без выпускно из монастыря и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними лицами обращения за неослабным караулом находящихся в монастыре солдат». Содержался в каземате № 15 возле сушила. «Порционных денег» получал один рубль в день (примерно в 40 раз больше других узников). На сэкономленные средства отремонтировал себе келию, а в конце жизни приобрел Евангелие стоимостью 2435 рублей и оставил его вкладом в монастырь на вечное упокоение. В 1792 году был переведен в одиночную тюрьму возле поварни. Указом Императора Александра Павловича от 2 апреля 1801 года был помилован и получил право на выбор места жительства по своему желанию. За возрастом и состоянием здоровья он предпочел остаться в монастыре и в 1803 году скончался в возрасте 112 лет. Был похоронен на монастырском кладбище. Могила не сохранилась. Во дворике церкви преподобного Германа находится надгробная плита с могилы П.И. Кальнишевского с текстом следующего содержания: «Здесь погребено тело в Бозе почившего кошевого бывшей некогда Запорожской грозной Сечи казаков атамана Петра Кальнишевского, сосланного в сию обитель по Высочайшему повелению в 1776 году на смирение. Он в 1801 году по Высочайшему повелению был освобож-

ден, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие смиренного христианина, искренно познавшего свои вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня, в субботу 112 лет от роду смертию благочестивою, доброю». Рядом с плитой в 2004 году был поставлен памятник.

«БЫВШИЙ ПУШКИН». Капитан Сергей Пушкин, прадед А.С. Пушкина по отцовской линии. В 1772 году был приговорен к вечному заточению «в какую ни есть отдаленную крепость» с лишением чинов и дворянства за изготовление инструмента для печатания фальшивых ассигнаций. Поначалу содержался в Пустозерском остроге. Проявил себя как «дерзкий, вредный и опасный» человек. Готовился к побегу, ругал носителей высшей власти, а однажды «кричанием изрыгнул скверно-матерную брань прямо и точно на священнейшую особу Ея Императорского Величества». 18 июля 1781 года был доставлен в Соловецкий монастырь без объявления имени под кличкой «бывший Пушкин», водворен в каземат № 19 под Иконописной палатой. Угол, где находился каземат, оградили двумя стенами — каменной и деревянной. Секретного узника охранял двойной караул. На пищу и платье «бывшему Пушкину» отпускали 10 копеек в день. На Соловках арестант «житие препровождал смиренно». Умер 24 декабря 1795 года.

4.3. УЗНИКИ XIX ВЕКА

В самом конце XVIII века, в 1798 году, в монастыре была учреждена «регулярная» тюрьма. Она разместилась в здании бывшей Иконописной палаты. В первом ярусе ее было оборудовано 12 арестантских чуланов (камер), а во втором — помещения для караула. В 1828 году палата была надстроена третьим этажом с еще 16 чуланами, которых стало в итоге 28. Здание было обнесено кирпичной стеной.

В XIX веке условия, в которых содержались узники Соловецкой тюрьмы (35—50 человек постоянно), мало отличались от прежних времен. В.И. Немирович-Данченко, посетивший монастырь в 1870-х годах, так описывал свои впечатления от посещения острога: «Узкая щель без света тянулась довольно далеко. Одна стена ее глухая, в другой несколько дверей с окошечками. За этими дверями мрачные, потрясающе мрачные келии. В каждой окно. В окне по три рамы и между ними две решетки. Все это прозеленено, прокопчено, прогнило, почернело. День не бросит сюда ни одного луча света. Вечные сумерки, вечное молчание. Я вошел в одну из пустых келий. На меня пахнуло мраком и задушающею смрадной сыростью подвала. Точно я был на дне холодного и глубокого колодезя».

В 1835 году Император Николай I изменил порядок ссылки на Соловки, определив, что арестанты могут быть направлены в соловецкую тюрьму только по Высочайшему повелению. Ссылали за «распростране-

ние вредных толков о вере и богопротивные деяния», за «соучастие в злоумышленном обществе», за «дерзкое порицание установленного государственными законами образа правления», «за раскольничество», «за старообрядчество», «за отпадение от Православия». Состав заключенных был пестрым как по социальной принадлежности (лица духовного звания, чиновники, офицеры, солдаты, крестьяне, рабочие), так и в национальном отношении (русские, украинцы, грузины, иноземцы). Ссылали без суда и следствия, в административном порядке, часто без указания срока или с пометкой — «навечно». Очень немногие поступали под надзор братии на поселение. Подавляющее большинство направлялось в тюрьму, «в черные монастырские работы» или «в монастырские работы вместо штатного служителя, но под воинской охраной».

Режим содержания узников по сравнению с XVIII веком изменился мало. Арестанты по-прежнему оставались в своих камерах безвыходно. Архимандрит Мелетий в 1879 году сообщал в Синод, что только пять человек пользуются правом посещать богослужение — поодиночке и под караулом. Что касается прогулок по монастырскому двору, то таковые «никому никогда не позволялись». Продовольственный паек был мизерным и скверным: на день фунт черствого, заплесневелого или наполовину с квасною гущею хлеба, который «прилично употреблять для скотины», щи, каша из недоброкачественных залежалых продуктов и рыба.

Несмотря на заведение «регулярной» тюрьмы, положение узников Соловецкого монастыря в XIX веке продолжало оставаться тяжелым.

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ГОРОЖАНСКИЙ. Поручик кавалергардского полка. В 1824 году вступил в Северное общество, в которое вовлек еще пять человек. Следственная комиссия по делу декабристов установила, что А.С. Горожанский «на собраниях общества не был, но во время возмущения (14 декабря 1825 г.) подходил к каре, брал за руку Одоевского и на вопрос последнего: “Что их полк?”, — отвечал: “Идет сюда”. После чего ушел в Сенат и пробыл там, пока все кончилось». 29 декабря 1825 года был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, в которой провел четыре года. В 1830 году в прежнем звании и без лишения дворянского достоинства (!) был направлен на службу в Оренбургскую губернию «под бдительное наблюдение его начальства». В ссылке буйствовал, высказывал неудовольствие существующими порядками и властями, обнаруживал «особенное против всего ожесточение», даже «произносил разные дерзкие слова на особу Его Величества». Началось расстройство психики. Будучи дежурным по караулам, Горожанский ранил стоявшего на часах рядового Ступина, который «не окликал» его. В мае 1831 года по личному указанию Императора Николая I был водворен в тюрьму Соловецкого монастыря. Полгода спустя архимандрит Досифей

доносил в Синод, что заключенный «ведет жизнь смирную, но в преступлениях своих ни в чем не сознается. Примечательно в нем помешательство ума». Для лечения Горожанского поместили в подземелье, откуда, по просьбе его матери, подарившей архимандриту 2000 рублей, переведен в чулан. 9 мая 1833 года заколол ножом часового Герасима Скворцова, который «не унимал» солдат, не дававших Горожанскому покоя.

Освидетельствовавший заключенного член Архангельской врачебной управы Григорий Резанцев пришел к выводу, что узник «имеет частное помешательство ума, основанное на мнимой против него несправедливости других и претерпенных чрез то от всех обид и оскорблений, соединенной с опостылостью жизни как следствия претерпеваемых им великих несчастий». А.С. Горожанский умер в Соловецком монастыре 29 июля 1846 года.

ПАВЕЛ ИСААКОВИЧ ГАННИБАЛ. Родной внук арапа Петра I, двоюродный дядя А.С. Пушкина. Закончил Морской кадетский корпус в Петербурге, служил на Балтике, затем в казачьем полку и в гусарах. Участвовал в Отечественной войне 1812 года, был награжден орденами и медалями. В 1824 году после 30-летней службы вышел в отставку в звании подполковника. В июне 1826 года в одной из петербургских рестораций в споре с подполковником Краковским осудил расправу над декабристами, заявив, что «несчастные были слишком строго наказаны». В августе того же года был арестован и помещен в Петропавловскую крепость без суда и следствия, по личному указанию Императора Николая I, «без объявления вины». Два месяца спустя был выслан в Сольвычегодск. В ссылке, будучи человеком беспечным и отчаянным, брал деньги взаймы у каждого, кто давал, забывая, разумеется, вернуть долг. Приобрел медную пушечку и, забавы ради, произвел из нее несколько выстрелов из окна своей комнаты, повергнув сольвычегодских обывателей в ужас. Любил ходить в гости к знакомым и незнакомым без всякого зова. В обращении с людьми «часто выражения употреблял гордые и дерзкие», произносил «отчаянные речи». За буйство и «дабы освободить город Сольвычегодск от столь опасного тамошнего чиновника» в мае 1827 года Ганнибал был водворен в соловецкую тюрьму, в чулан, «в котором особо один сидел запертым». Поначалу впал в бешенство и «силился освободить себя из чулана», но вскоре успокоился. За мирное поведение и благодаря хлопотам бывшей жены Варвары Тихоновны в октябре 1832 года был освобожден. Умер в Луге в 1841 году.

ЯКОВ ПОТАПОВ. Рабочий фабрики Торнтон в Петербурге. В возрасте 18 лет принял участие в первой политической демонстрации в России — на площади у Казанского собора в Петербурге 6 декабря 1876 года. Нес красное знамя с надписью «Земля и Воля». Особым Присутствием Пра-

вительствующего Сената был приговорен к ссылке в Сибирь, замененной по молодости лет ссылкой в Спасо-Каменный монастырь Вологодской епархии «на покаяние». В монастыре почасту совершал самовольные отлучки, проявлял желание уйти из-под надзора, недовольство режимом выражал «оскорбительными для строителя (настоятеля монастыря) словами» и «неоднократно высказывал свое намерение, при представившемся случае, нанести ему (строителю) побои», а также нарушал спокойствие братии, «стараясь между нею поселить раздоры и ссоры». Монастырские власти полагали, что «присмотр за ним, по его буйному характеру, требуется не монастырский, а строго полицейский». 22 июля 1879 года Я. Потапов был доставлен на Соловки и «заключен в одном из арестантских помещений под строгий присмотр караульной команды для исправления и утверждения в правилах христианского и верноподданического долга». Однако на путь исправления Я. Потапов не встал, наставления и советы закрепленного за ним иеромонаха Паисия принимал «с кощунством», в церковь ходил по принуждению и вел себя там неприлично — «стоял, развалившись на стену», не молился, так что было «стыдно смотреть на него». 19 марта 1881 года после заупокойной литургии и панихиды по Императору Александру II совершил дерзкий поступок. По этому поводу архимандрит Мелетий сообщал в Святейший Синод: «Яков Потапов по выходе моем из алтаря по окончании богослужения среди храма подходит ко мне и говорит: “Теперь свобода”, — и, размахнувшись, ударил меня по правому виску в голову, но более не мог нанести дерзости потому, что сейчас его задержали и караульный воин, и посторонние тут стоявшие люди и отвели его в свое место заключения». На рапорте Мелетия обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев наложил резолюцию: «Означенного Потапова следует держать самым строгим образом в одиночной камере». 13 июня 1881 года Я. Потапов совершил попытку побега, но на монастырской пристани был задержан богомольцами и передан караулу. Потапова заковали в кандалы и посадили на самый строгий режим. 4 сентября 1881 года Архангельская палата уголовного и гражданского суда заслушала дело Я. Потапова и нашла его виновным в нанесении оскорбления действием священнослужителю, находившемуся при исполнении служебных обязанностей. Я. Потапов был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленнейшие места Сибири на поселение. Умер в Якутске 3 мая 1919 года.

МАТВЕЙ ГРИГОРЬЕВ. Санкт-Петербургский рабочий, вместе с Я. Потаповым участвовал в демонстрации 6 декабря 1876 года. По приговору суда Особого Присутствия Правительствующего Сената был сослан в Чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской епархии «на покаяние». В ссылке вел себя «неодобрительно» и «крайне нахально», издева-

тельски относился к богослужению и настоятелю. По поводу покушения народовольца Соловьева на Императора Александра II заявил: «Дурак, взялся стрелять, но не умел попасть в цель». Об убийстве шефа жандармов Мезенцова отозвался «одобрительно, относя при этом к личности покойного... крайне дерзкую и площадную брань». Вел антиправительственную агитацию среди окрестных жителей, оказывая на них вредное влияние. Был посажен в астраханскую тюрьму, а в августе 1879 года переведен на Соловки, где помещен в одиночную камеру «под строжайший присмотр». В Соловецком монастыре вел себя «хорошо и покойно». В августе 1882 года по ходатайству архимандрита Мелетия был освобожден и выехал на родину под гласный надзор полиции.

Я. Потаповым и М. Григорьевым закончилась история политической ссылки на Соловки. В 1886 году из монастыря была выведена воинская команда, караулившая заключенных. Осенью 1903 года тюрьма в Соловецком монастыре была упразднена. В здании бывшей Иконописной палаты разместилась больница.

ГЛАВА 5

СОЛОВЕЦКИЙ ЛАГЕРЬ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ — СЛОН

Погружаясь в события лагерных времен, вы вступаете на скорбный Голгофский путь, которым прошли тысячи новомучеников и исповедников Соловецких. Здесь требуется особое духовное трезвение и сосредоточение, чтобы за тьмой советской каторги увидеть свет неугасимой лампады, о которой писал Борис Ширяев: «Последний на Руси схимник умер, склоненный в земном поклоне перед своей лампадой на освященном страданием, подвигом и молитвой острове. Его лампада не угасла. Пламя от пламени, свет от света. Тихими тайными светильниками возгорелись иные лампады. Я их видел и сохранил в своей памяти. Духа не угасить» [34, с. 424]. Борис Ширяев задумал свою повесть еще на Соловках. Он писал о слезах и крови, страданиях и смерти, о том, что «над навсегда покинутым Святым островом смерть, только смерть простирала свои черные крылья». И неожиданно для него самого «дивная, несказанная прелесть преображенного Китежа засияла из-за рассеянной пелены кровавого, смрадного тумана. Обновленными золотыми ризами оделись обгорелые купола Соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепеленная, кровью и слезами омытая обитель веры и любви. Стоны родили звоны. Страдание — подвиг. Временное сменилось вечным» [34, с. 422]. Эти строки писались в 1950-м году, когда о Воскресении Соловецкой обители никто не помышлял. Борис Ширяев верил в Воскресение, потому что видел Голгофу, на которую восходили те, кто нес в себе искру пламени духа, кто отверг тьму и победил её в своем сердце. Из них первый — «русский князь церкви» — владыка Иларион (Троицкий) [34, с. 329—337], «утешительный поп» — протоиерей Никодим [34, с. 249—274], Василек-святая душа [34, с. 275—287], фрейлина трех императриц баронесса Наталья Модестовна Фредерикс [34, с. 275—298]... Всех не перечислишь! На Соловках Голгофа и Фавор зримо соединились. Так было и на многих Голгофах иных стран и земель от Камчатки до Пиренеев, от Колымы до Ла-

Рошели — везде, где проходили крестные пути к святыне преображенного града. «Путь к Голгофе и Фавору един. Жертва кладет предел страху плоти. Страх умирает на жертвеннике, ибо он — плоть. Дух не ведает страха». Вот это мы должны помнить: нынешним духовным возрождением России мы обязаны той жертве, наше бытие куплено дорогой ценой. И еще: в наших молитвах нуждаются тысячи погибших здесь людей, отказавшихся от несения креста, по неволе испивших чашу страдания, но лишившихся мученического венца.

Понять и принять неизбежность страданий на нашем жизненном пути можно только глядя с высоты Небесной. Соловки, в своей отделенности от большой земли, по необходимости обращены только к Небу. Утешая Бориса Ширяева, получившего приговор на Соловки, художник Михаил Нестеров сказал: «Не бойтесь Соловков, там Христос близко» [34, с. 10].

5.1. ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ

В советские годы смысл судопроизводства и наказания был совершенно извращен. Вспомним, как следователь добивался раскаяния от Раскольникова, чтобы не каторга его страшила, а вечные муки совести. В монастырь присылали «на покаяние». В 1932 году в приветственной речи на торжественном заседании в день пятнадцатилетнего юбилея ВЧК ОГПУ С.М. Киров так определил их задачу: «Карать по-настоящему, чтобы на том свете был заметен прирост населения благодаря деятельности нашего ГПУ». И далее он с удовлетворением констатирует: «У многих людей мы прекратили их физическое существование, на многих мы нагнали такой величайший, подобающий революции страх, что они и сейчас ходят с согбенными головами» [35, с. 22]. Трагическая история вторжения советской власти на Соловки началась в мае 1920 года, когда на островах были созданы две организации: лагерь принудработ, предназначавшийся для заключения военнопленных Гражданской войны и лиц, осужденных на принудительные работы, и совхоз «Соловецкий», в котором трудились в основном бывшие монахи численностью до 200 человек, что составляло почти половину населения острова. 13 октября 1923 года Совет народных комиссаров СССР принял постановление за подписями зампредседателя СНК Рыкова, управделами Горбунова и секретаря Фотиевой об организации нового карательного учреждения значительно большего масштаба — Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) и двух пересыльно-распределительных пунктов в Архангельске и в Кеми. Согласно этому постановлению, лагерю принудительных работ передавались все угодья, здания и инвентарь, принадлежавший ранее Соловецкому монастырю, а с 1920 года — совхозу «Соловецкий». Еще до принятия офици-

ального решения, 6 июня 1923 года, пароход «Печора» доставил на Соловки первую партию заключенных из Архангельска и Пертоминска. Они были привлечены к работам по ликвидации последствий недавнего пожара, по восстановлению жилья и подсобного хозяйства, по подготовке к зиме. В районе Сосновой губы заработали первые артели лесорубов. Между тем прибывали новые партии заключенных, так что на 1 октября 1923 года их насчитывалось 2557 человек, а к закрытию навигации 1 декабря 1923 года их было уже 3049 человек. Численность заключенных постоянно увеличивалась далее по годам на 1 октября: в 1924 году — 4115, в 1925 году — 6765, в 1926 году — 9830, в 1927 году — 12896 человек [2, вып. 3, 2004, с. 122—129]. Соответственно возрастали и затраты на содержание лагеря до 1926 года, когда один из заключенных, работавших в строительном отделе лагеря, Н.А. Френкель, предложил использовать труд заключенных для внешних работ, не требующих больших начальных капиталовложений и допускающих применение большого количества ручного труда и неквалифицированной рабочей силы. В условиях нехватки рабочих рук в северных районах применение труда заключенных позволяло сделать лагерь самоокупаемым. Стимулом к добросовестному труду заключенных была система зачетов, когда 1 или 2 дня ударной работы засчитывались за 3 дня срока. По мере внедрения этих предложений в 1927 года начинается прорастание Соловецкого лагеря на материк в Карелию, где заключенные строят железные и грунтовые дороги, участвуют в лесозаготовках. Уже в 1928 году доходы от произведенных работ превысили расходы на содержание лагеря. В целях экономии более 60% охранников в лагере составляли заключенные. Кроме того, новая система позволяла принять гораздо большее число заключенных в 1928 году, когда стали поступать осужденные по шахтинскому делу и раскулаченные крестьяне. На 1 января 1930 года в Соловецких лагерях, включая материк, насчитывалось уже 53 123 человека. Стремительный рост лагерного населения, приводивший к ухудшению условий содержания заключенных, в сочетании с тяжелым трудом в приполярных условиях приводили к росту заболеваний и высокой смертности. Только по известным архивным данным в период с 1923 по 1933 года в Соловецком лагере умерло около 7,5 тысяч заключенных [2, вып. 3, 2004, с.129]. Послужив полигоном для отработки принципов гулаговской системы, в конце 1933 года СЛОН был расформирован, а заключенные, аппарат и имущество переданы Беломоро-Балтийскому ИТЛ, однако лагерь на Соловецких островах продолжал существовать до 1937 года как VIII отделение Беломоро-Балтийского лагеря. С начала 1937 по 1939 год места заключения на Соловках были преобразованы в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН) Главного управления государственной безопасности НКВД.

Трагический смысл аббревиатуры последнего названия сполна отразил условия содержания заключенных. Изощренные издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову — Соловки — зловещее звучание. На протяжении почти двух десятилетий, с 1920 по 1939 год, десятки тысяч заключенных прошли через Соловки, и из них, по подсчетам М. Розанова, возможно несколько завышенным, до 40 тысяч человек осталось лежать в Соловецкой земле. По словам одного из нынешних монастырских иеромонахов, «Соловки — антиминс под открытым небом, здесь вся земля полита кровью мучеников». Однако ужасы лагерной жизни не должны заслонить от нас светлый подвиг новомучеников и исповедников Соловецких. Их жертва — основание нынешнего возрождения духовной жизни в России. Источником сил для них была любовь к Богу и ближним, и кажется к нам обращены слова из письма архиепископа Петра (Зверева): «Сумейте полюбить Христа, и всем вокруг вас будет тепло, покойно и не тесно».

После закрытия монастыря около 60 человек братии отказались покинуть острова, заявив чекистам, что их последнее желание — сложить свои кости на Соловках, и если присутствие их нежелательно, то они просят расстрелять их здесь же, на монастырском кладбище. ГПУ разрешило им остаться в родных стенах в качестве вольнонаемных «инструкторов» по различным производствам[157]. Они с радостью согласились, говоря, что работают не на ГПУ, а состоят в «послушании» у преподобных. Жили монашествующие сначала в Архангельской гостинице, а затем — в наместническом корпусе около Сельдяных ворот. Им было разрешено совершать Богослужения в церкви преподобного Онуфрия на монастырском кладбище. Отец Григорий (пожилой монах 65 лет) говорил: «Наша глубокая вера в том, что Всемогущий Господь, допустивший, что наша обитель превратилась в арену духовной борьбы между последователями Христа и клевретами антихристовой сатанинской власти, предопределил, что свет победит тьму. После низвержения в России слуг Вельзевула наша святая обитель послужит памятником духовной победы Христа над темными силами ада. Как ныне Соловецкий маяк освещает путь мореплава-

[157] Производства в лагере: в 1926—1927 годах — лесозаготовки (на Соловецких островах и в Карелии — в р-не Пан-озера), торфоразработки, ловля озерной и морской рыбы, забой морского зверя, сельское хозяйство, обслуживание кирпичного, кожевенного, гончарного, смолокуренного, известкового, салотопенного заводов и механического завода, погрузочно-разгрузочные работы на Мурманской ж.д., дорожное строительство, в 1928—1931 годах — лесозаготовки, обслуживание лесозавода в Ковде, лесопильных заводов в Карелии, погрузочные и разделочные работы на Мурманской ж.д., дорожное строительство (в том числе ж.д. ветки Белая—Апатиты, трактов Кемь—Ухта (протяженность 300 км), Лоухи—Кестеньга, Восточная Губа—Кармаселька, Парандово—Тишкозеро), рыболовство, сельское хозяйство, производство ширпотреба, начало строительства Северного участка ББК, в 1932—1933 годах основное производство — рыбная промышленность и производство ширпотреба.

телям, так в последующие века наша святая обитель, озаренная победным Божественным светом Христа, будет путеводным маяком в истории православной России» [4, 1998, с. 18]. В 2005 г. был опубликован список монашествующей братии Соловецкого монастыря[158], составленный 17 июля 1929 г. иеромонахом Мартином[159] в память 500-летия прихода на Соловки первых иноков Савватия и Германа. Список включает 58 человек. Возглавлял братию архимандрит Феофан, в числе братии были 3 игумена, 13 иеромонахов, 8 иеродиаконов, 32 монаха и один рясофорный послушник. В списке указано, что рукоположения и постриги совершались и в лагерное время вплоть до 1929 года. Список вывез с Соловков епископ Вятский Нектарий (Трезвинский).

Вскоре число духовных лиц в лагере значительно пополнилось осужденными за противодействие изъятию церковных ценностей, выступавшими против обновленчества, арестованными за нарушение Декрета об отделении Церкви от государства и просто за религиозные убеждения. Количество заключенных из духовенства, по разным источникам, колеблется от 100 до 200 человек единовременно. Многие из них были умучены, расстреляны, погибли на Соловках или в местах пересылки.

По воспоминаниям соловецкого узника, генерала Русской армии Ивана Михайловича Зайцева, СЛОН — это «оргия обезумевших людей для осквернения святого места». В Троицком храме помещалась карантинная рота для вновь прибывших. «Утром обнаружили в нашем размещении на нарах, что наши архипастыри, архиепископ Ювеналий, епископ Глеб и епископ Мануил были помещены на том месте нар, где доски были положены на жертвенник — таким образом, они спали на жертвеннике... По этому поводу архимандрит Серафим изрек следующее: “Воистину исполняется в самой жизни наш богослужебный возглас, приносимый нами, когда мы вырезаем на жертвеннике Святый Агнец: *Яко овча на заколение ведеся, яко агнец непорочен прямо стрегущего его безгласен*... Духовенство отбывало принудительные работы на общих основаниях... Никто из духовных никогда не заявлял протеста против назначения на ту

[158] Соловецкий сборник. Вып. 2. Архангельск. 2005. С.182.

[159] О нем упоминает архимандрит Феодосий (Алмазов): «В кладбищенской церкви богослужение совершалось по уставу ежедневно. В мое время пел хор заключенных и иногда в праздники настолько хорошо, что многие рыдали, я сам плакал навзрыд. Монашеское пение Соловецкого напева очень грубое, особенно в исполнении иеромонаха Мартина, которому «подмартинивать» (любимое выражение Владыки Илариона, обычно певшего с монахами на правом клиросе) было очень тяжело в виду своеобразия Соловецкого напева. В 1927 году регентом был преосвященный Амвросий Полянский, его заместил Дехтярев, работник отдела труда, а потом — наш лесник. Он управлял хором в Пасху 1928 года, когда мы служили в Знаменской церкви Кремля, только в этот день, имея во главе епископа Гомельского Тихона. Обычно в этой церкви помещалась 11-я «отрицательная рота», впоследствии превращенная в карцер» [Феодосий (Алмазов), архим. Мои воспоминания. М., 1997, с. 99].

Троицкий храм, где находилась карантинная рота

или иную работу; никто никогда не жаловался на мнимую болезнь, а всегда все шли молча и по-христиански покорно туда, куда их назначали» [4, 1998, с. 17—18].

В 20-е годы в лагере был учрежден «Собор Соловецких епископов», который не обладал официальными полномочиями, но в силу своего высокого духовного авторитета влиял на церковную жизнь в стране. В первом и наиболее известном из своих Посланий, составленном в 1926 году, епископы указывали на факты гонения на Церковь, на необходимость полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства, о несовместимости сыска и политического доноса с достоинством пастыря.

После 1929 года репрессии против священнослужителей ужесточились. Было ограничено, а потом и полностью запрещено богослужение, всех остригли и переодели в казенное обмундирование, не разрешали держать иконы. Особенно безжалостно преследовались сектанты и раскольники. Большинство духовных лиц достойно несли свой крест, а репрессии и ссылку на Соловки воспринимали как особую милость Господа. «Сквозь дрему я услышал тонкий жалобный плач, отец Василий, священник из Рязани, с зеленоватой от старости бородой, стоял в углу на коленях, молился и плакал. Я не мог вынести и спустился утешить старика. Оказалось, он плакал от радости, что умрет не где-нибудь в тайге, а на земле, Зосимой и Савватием освященной» [36, с. 12].

На Соловки ссылали участников Белого движения — офицеров и солдат, политических противников советской власти — анархистов, мень-

шевиков, эсеров (до 1925 г.), неугодных ей представителей творческой интеллигенции, раскулаченных крестьян из России, Белоруссии, Украины (крестьяне в 1927 г. составляли около 75% заключенных). Значительный процент заключенных составляли уголовные преступники. Лагерное начальство[160] по приказу свыше было обязано заниматься так называемой «воспитательной работой» среди заключенных. Были разрешены самодеятельные театральные постановки, временное издание краеведческих и литературных журналов, существовала библиотека, постоянно действовала музейная экспозиция, но все это никак не могло скрасить античеловеческий лагерный режим, который отличался особой изощренной жестокостью: малейшее нарушение беспощадно каралось штрафным изолятором или расстрелом. Заключенных морили голодом и мучили непосильным, а иногда даже бессмысленным, трудом.

5.2. ПРИБЫТИЕ НА СОЛОВКИ

Для вновь прибывших заключенных Соловки начинались с монастырской пристани в бухте Благополучия. Таинственное дыхание святости, исходящее от древней поруганной обители, передано в словах соловецкого узника Олега Васильевича Волкова: «Прежние путешественники на Соловецкие острова рассказывали о слезах, о сиявших счастьем лицах богомольцев, при виде святой обители забывавших беды многотрудной жизни. Я был слишком человеком своего времени, закрытым для подобного просветления, и все-таки... И все-таки с невольным трепетом всматривался в несокрушимую православную твердыню, воздвигнутую, чтобы противостоять любым покушениям...

Корабль вплыл в тень каменных громад монастыря. Этап, сбиваемый кулаками, оглушенный святотатственной бранью, сошел на берег. И все сильнее, чем на палубе, я ощутил, что здесь — святыня длинной чредой поколений моих предков: точно незримо реяли вокруг их душевные устремления, их смиренные помыслы.

Кто искал здесь утешения, приходил за очищением, кто усердной молитвой и обращением к религиозным началам жизни надеялся помочь людям в их скорбях. Почти шесть веков подряд на этих камнях и за

[160] Начальники: *Ногтев А.П.*, с момента организации лагеря (в 1923 г. — нач. Северных лагерей принудительных работ ГПУ, последнее (по времени) найденное упоминание Ногтева в должности нач. СЛОНа датируется 10.07.24. После этой должности, вплоть до 20.05.29, он — нач. 3-го отделения Спецотдела ОГПУ); *Эйхманс Ф.И*, с 1925 г. — по 20.05.29 (с 20.05.29 он — нач. 3-го отделения Спецотдела ОГПУ; назначен нач. УЛАГа ОГПУ с момента его организации 25.04.30, однако вскоре от занимаемой должности освобожден и назначен нач. Вайгачской экспедиции ОГПУ); *Ногтев А.П.*, с 20.05.29 по 19.05.30; *Иванченко* А.А., с 19.05.30 по 25.09.31, врио нач. — *Дукис К.Я.*, с 25.09.31 по 06.11.31; нач. — *Сенкевич* Э.И., с 06.11.31 по 16.11.31 и с 16.01.32 по 21.03.33 (с 16.11.31 по 16.01.32 он — нач. Белбалтлага ОГПУ); врид нач. — *Бояр*; нач. — *Бухбанд*, с 28.01.33 — ?; *Иевлев* (упом. как врид нач. 08.10.33).

этими стенами непрерывно шли службы. Молились, совершенствовались в духовных подвигах пламенно веровавшие в добрую людскую суть. И тщились побороть силы зла, вывести к свету и радости с темных перепутий жизни.

Теперь не стало больше окутывавшей остров оберегаемой от века тишины; место смиренных монахов и просветленных богомольцев заступили разношерстные лагерники и свирепая охрана; уже меркли тени прежних молельников за Русь и на развалинах скитов и часовен воздвигали лобное место для всего народа, — душа и сердце продолжали испытывать таинственное влияние вершившейся здесь веками жизни... несмотря ни на что! Влияние, заставлявшее вдумываться в значение подвига и испытаний» [37, с. 72].

Все прибывшие заключенные проходили карантин (от 3—4 недель до 3 месяцев). В 20-е годы карантин находился внутри монастыря, в Троицком соборе. Там висел плакат: «ЧЕРЕЗ ТРУД ВОЗВРАТИМСЯ К ОБЩЕСТВУ». Целью «первичной обработки» было подавить волю заключенных к сопротивлению лагерным порядкам, то есть приспособить их к «полезному сожительству в трудовом обществе». (Соловецкие острова.1925. № 1, с. 24.) Тяжелая работа, поверки во дворе монастыря и на паперти собора, продолжавшиеся по 2—3 часа, «штрафная пайка» (700 г. черного хлеба и суп из гнилых селедок), страшная скученность арестантов (внутри собора помещали до 800—900 человек на трехъярусных нарах), вечный холод, ограбления шпаной, размещавшейся на нарах вперемежку с каэрами. На измученных, истомленных тюрьмой и следствием людей накатывалось раздавливавшее их волю бремя бессмысленного, безнадежного труда[161]. Вместо божественного достоинства человеку в лагере предписывалась роль бессловесного животного. Например, на заготовку дров лошадей не давали, а посылали ВРИДЛО (временно исполняющий должность лошади). На эту работу назначали только вполне здоровых, не старше 40 лет людей. Каждая группа из 5 человек, впряженных в сани веревочными лямками, должна была выполнить норму 1 лошади. Довелось поработать ВРИДЛО и Д.С. Лихачеву.

5.3. СТРУКТУРА СЛОН

Чтобы представить общую структуру лагеря, приведем информацию о его подразделениях и их размещении на территории Кремля.

[161] В 1930 году карантин был вынесен за пределы монастыря в специально построенный для него Карантинный городок, который находился в 500 метрах к северу от Кремля и состоял из 4 бараков, обнесенных высоким забором, с вышкой для надзирателей и проходной, рассчитанных на 800 заключенных.

На Соловецких островах в составе лагеря существовали отделения:

Первое отделение (Кремлевское) включало территорию Соловецкого монастыря и окружающего его поселка. В разные периоды существования лагеря здесь находилось от 50 до 80% всех заключенных на Соловках. Здесь размещалось Управление СЛОН и всех его административных подразделений (до 1929 г., когда Управление перебралось в г. Кемь), располагался военный городок с казармами для солдат, домами для командиров и подсобными службами к северо-востоку от монастыря. К югу от монастыря, по краю монастырского кладбища, хоронили умерших и убитых заключенных и производились расстрелы.

Второе отделение включало до 30 командировок на территории Большого Соловецкого острова, где располагались лагерные производства: лесозаготовки, торфоразработки, производство кирпича, рыбная ловля, сельхозработы, заготовка водорослей, разведение пушного зверя. Самые значительные из них: Кирпичный завод, Филимоново, Старая Сосновая, Новая Сосновая, Реболда, Красное озеро, Перт-озеро, Зеленые озера, Амбарчик, Овсянка, Березовая тоня, Варваринское озеро, Пушхоз, Торфогородок. В это же отделение были включены: Савватьево, где до 1925 года существовал политизолятор, а затем были сельхоз и молочная ферма; Исаково, где сначала был центр лесозаготовок, позднее располагался совхоз; Филиппова пустынь, где находился Биосад (Биостанция), в котором содержались и разводились различные животные, а позднее находилась лаборатория о. Павла Флоренского. Отделение Биосада, в котором выращивались селекционные растения, находилось на территории бывшей Макарьевской пустыни («Хутор Горка»). Здесь же была резиденция начальника лагеря.

Третье отделение располагалось на острове Большая Муксалма, в нем были сосредоточены заключенные, потерявшие трудоспособность и нуждавшиеся в отдыхе.

На Секирной горе, в здании Вознесенской церкви, было устроено четвертое отделение — мужской штрафной изолятор с чрезвычайно суровым режимом. Здесь же приводились в исполнение расстрельные приговоры.

В пятом отделении на Кондострове содержались заключенные, больные заразными болезнями и отказывающиеся от работы.

Шестое отделение на острове Анзер использовалось для содержания больных, инвалидов и заключенных с ограниченной трудоспособностью.

В 1-м, Кремлевском, отделении было 15 рот, разделявшихся как по составу заключенных, так и по видам выполняемых ими работ. Наиболее ценные специалисты и администраторы из заключенных находились в трех первых ротах. Эти роты располагались в Южном дворике

монастыря — в Новобратском и Прачечном келейных корпусах (относительно новых, построенных в XIX веке). В 1-й роте жили заведующие различными предприятиями, их помощники и лагерный старостат. Во 2-й роте — специалисты и лица свободных профессий (актеры театра, музыканты, сотрудники музея и редколлегии журнала). В 3-й роте — заключенные из чекистов и работников следственных органов, милиции, угрозыска, используемые на особо важных постах (в ИСО—ИСЧ, цензуре, УРО, комендатуре). Жили здесь в светлых, теплых келиях по 2—6 человек, спали на монашеских койках и топчанах, питались в особой столовой. Вход шпане в эти роты был запрещен. Численность в каждой роте не превышала 100—150 человек.

4-я и 5-я роты располагались в Благовещенском корпусе. В них жили музыканты, артисты и подсобный персонал театра, а также пожарники.

6-я рота, которая официально называлась «сторожевой», находилась в Святительском корпусе. В ней, начиная с 1925 года, проживало духовенство. Численность в этой роте временами доходила до двух сотен человек.

В 7-й роте, расположенной в Благовещенском корпусе, проживал средний и низший персонал лазарета, банщики, парикмахеры, дезинфекторы и т.д.

В Казначейском корпусе находились 8-я и 9-я роты. 8-я рота общих хозяйственных работ состояла из уголовников, осужденных за незначительные преступления (мелкое воровство, мошенничество и т.д.). В 9-й роте находились заключенные, имевшие право занимать мелкие посты в тех отделах лагерного управления, в которые каэры не допускались. Здесь преобладала хозяйственная и партийная мелкота, осужденная за служебные преступления. Условия их жизни выгодно отличались от условий жизни других заключенных. Все они получали денежный паек до 30 рублей в месяц (против обычного в 9 рублей), имели отдельную кухню (одной из кухарок была княжна Гагарина), уборщиков. Катались на лодке по Святому озеру, занимались спортом на спортплощадке, зимой — на катке.

В западной части Наместнического корпуса находилась 10-я, счетно-канцелярская, рота. В ней было до 500—600 заключенных, в подавляющем большинстве — интеллигенция и дворяне, реже — священнослужители.

В Успенской церкви, Трапезной и Келарской палатах располагались 11-я и 12-я роты. В них преобладали шпана и рецидивисты. О топчанах здесь не мечтали. На ночь вносили «парашу», и роты запирались на ключ. Это были роты общих (неквалифицированных) работ. 11-я рота, называвшаяся РОЭ (Рота отрицательного элемента), была последней ступе-

нью перед Секиркой. В эту роту помещали тех, кто совершенно не поддавался исправлению, то есть воров-рецидивистов, симулянтов, саботажников и тех, кто упорно отказывался от принудительных работ. Рота размещалась в приделах Успенской церкви, в третьем ярусе храма. В небольшом, холодном помещении (толщина стен доходит до 3 метров) набивали до 300 босых, полуголых и грязных людей, тесно расположенных на двухъярусных нарах и на полу. Спали в холода «тепловыми группами» по 4—6 человек: ноги одного переплетали шею другого. К РОЭ относилась и карцерная камера, в которой содержались заключенные перед отправкой на Секирку.

13-я рота, «карантинная», до 1930 года находилась в Троицком соборе.

14-я рота, «запретников», располагалась вдоль южной крепостной стены по соседству с братской баней. Здесь содержались политические заключенные, которым по тем или иным причинам запрещалось общаться с другими лагерниками. Зимой их под конвоем выводили на работу за стены Кремля, но с началом навигации держали в камерах. В этой роте было 100—300 человек.

Самой многочисленной была 15-я, «сводная», рота. Половина ее состава проживала внутри Кремля в разных ротах, а вторая половина была размещена в конце 1927 года в стандартных рубленых бараках за южной стеной монастыря. В этой роте содержались железнодорожники, электрики, водники, рабочие, занятые на лесопильном и механическом заводах, мастеровые и рабочие морской лесобиржи.

В Северном дворике монастыря находился лагерный лазарет.

В лагере существовала невеселая шутка, что, кроме 15-ти рот есть, еще и 16-я — кладбище, которое находилось за южной стеной монастыря, по соседству с монастырским кладбищем. Место в этой роте было гарантировано всем заключенным СЛОНа, и большинство рано или поздно оказывались там.

Женское население лагеря[162] размещалось в женском бараке, прежней Архангельской гостинице монастыря, которая была окружена высоким деревянным забором (Ширяев пишет о том, что она была обнесена тремя рядами колючей проволоки). Обитательниц женбарака под усиленным конвоем водили на работы в прачечную, канатную мастерскую, на торфоразработки и на кирпичный завод (последние работы считались самыми тяжелыми). Наиболее удачливые из каэрок (работавшие в театре, в СОКе, в лазарете, в семьях военного начальства гувернантками,

[162] Среди заключенных лагеря было меньше 10% женщин, из них 60% составляли профессиональные проститутки, от которых «разгружали» столицы, 15% — уголовницы и жены нэпманов, а остальные 25%, — каэрки.

поварихами, учительницами в школах) жили на втором этаже Архангельской гостиницы своим особым, замкнутым мирком. Первый этаж занимали в основном уголовницы и проститутки. Жизнь тех каэрок, которые оказались вместе с ними, превращалась в сущий ад. Штрафные изоляторы для женщин находилась на Анзере и Заяцком острове.

5.4. ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ

СЛОН унаследовал те производства, которые существовали ранее в Соловецком монастыре. Более того, возглавили их оставшиеся монахи под руководством создателя транспортной озерно-канальной системы монастыря — монаха Иринарха. Только на территории поселка существовали кожевенное, швейное, столярное и лесопильное производства; известково-алебастровый, гончарный, механический заводы; бондарная, канатная, наждачная мастерские; карбасная мастерская (до 1929 г.); с 1930-х годов — Йодпром, радиостанция, электростанция и типография. На Муксалме при СЛОНе продолжал существовать скотный двор (правда, в нем начали разводить свиней, которые не выращивались там при монастыре). С середины 20-х годов появляется Пушхоз, ставший одним из крупнейших пушных хозяйств в Советском Союзе.

Но самыми значительными (и унесшими наибольшее количество жизней заключенных) были лесозаготовки и торфоразработки. Участки по заготовке леса по праву считались самым гиблым местом в лагере. В лес попадали те, у кого не было блата (в основном шпана и крестьяне), кто был наказан начальством и на кого был формуляр, предписывающий использовать его только на тяжелых физических работах. В 1923 — 1924 годах в лесу на заготовке дров работали не более 200—300 человек. Жили они в Кремле в карантинной и рабочей ротах в Троицком соборе. Усиленная вырубка леса на экспорт началась с зимы 1926 — 1927 годах, а в 1927 — 1929 годах уже существовали самостоятельные лесные командировки: Исаково, Савватиево, Новая Сосновка, Амбарчик, Овсянка, Красное, Щучье. За зимний период в лесу погибала четверть работающих там, и столько же заключенных покидали лесные командировки, как инвалиды и доходяги с правом на медленную и мучительную смерть.

Жилищные условия на лесозаготовках были гораздо хуже, чем в Кремле. Жили заключенные в «крикушниках» — сарайчиках из плохо подогнанных одна к другой досок. Пол был земляной, не на чем было сидеть или лежать. Часто, экономя лес, подобные «крикушники» строили в земле. Вырывалась глубокая, метра в три, яма, над ней ставили небольшой сруб, на дно кидали солому — и все.

У А.И. Солженицына есть описание работы на лесоповале, которое может служить иллюстрацией лесозаготовок на Соловках: «Снег — по

грудь. Ты — лесоруб. Сперва ты собой утопчешь его около ствола. Свалишь ствол. Потом, едва проталкиваясь по снегу, обрубишь все ветки (еще их надо искать в снегу и топором до них добираться). Все в том же рыхлом снегу волоча все ветки, ты снесешь в кучи и в кучах сожжешь. Теперь лесину распилишь на размеры и сошташелюешь». Нормой выработки в лесу было срубить, очистить от сучьев и вытащить на дорогу (за 500 метров, по пояс в снегу) десять бревен (5 кубометров на одного человека). Норма выполнялась немногими сильнейшими. Невыполнение нормы влекло за собой задержку на морозе в лесу на несколько часов, а то и на всю ночь. За заболевших или обессилевших товарищей здоровые должны были выполнять норму, пока не пришлют замену. Лагерники звали три недели лесоповала — ***сухим расстрелом***. «Саморубам» конвоир давал пропуск в Кремль — полено в 2 пуда весом с пометкой, чтобы после перевязки направили обратно в лес закончить урок. Хуже всего приходилось тем заключенным, кто, изможденный от работы и холода, отказывался продолжать работу. Таких раздевали и в одном белье, босыми ставили на пень на виду у конвоиров. Утром им приносили по 400 г хлеба, а спустя несколько дней запирали в холодный карцер. Начальники конвоя приказывали раздеть заключенного и обливать его водой из проруби. Зимой 1925—1926 годов вместе с началом заготовки экспортного леса был издан приказ, дающий право начальникам лесозаготовок расстреливать на месте без суда отказчиков. Погибших на лесозаготовках хоронили в братских могилах за Кремлем. Весной, когда сходил снег, в лесу обнаруживали много трупов. Сваленный заключенными лес сплавляли по многочисленным каналам (старым, монастырским, и новым, лагерным) к морю, и там особые бригады заключенных, стоя по колено в морской воде (средняя температура воды в Белом море в июле 6—8 градусов выше нуля), сплачивали бревна в плоты. И находились добровольцы, которые шли на эту работу за усиленное питание.

Только по воскресениям заключенные немного приходили в себя. Одни отсыпаются, другие разговаривают, сушат у печки одежду, слоняются по бараку. Слышится диалог:

— Это похоже на ад... Не хватает только жары и адского пламени. А люди как раз из царства теней.

— Нет, это только чистилище...

— Да, чистилище. Ад это всегда, вечность. А чистилище — временно. Каким бы долгим оно ни казалось, оно все равно пройдет [35, с.75].

В 1929—1930 годах лесозаготовки на Соловках были прекращены из-за тифозной эпидемии и перехода УСЛОНа на эксплуатацию более выгодных и ценных массивов на материке. Заготавливали после этого только березовые чурки для обжига кирпича и для отопления зданий.

5.5. СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

Монастырское кладбище соединяло два полюса лагерной жизни: здесь, в церкви Онуфрия Великого, соловецкие иноки продолжали возносить хвалу Господу, и рядом всегда разверстая братская могила ожидала новых жертв.

Обычно вырывали длинную узкую траншею, на дно которой сбрасывали трупы, присыпая их немного землей и хлоркой. С течением времени, когда траншея наполнялась умершими, окончательно засыпали ее и выкапывали новую. В лагере существовал единственный «почетный» гроб, сколоченный из неструганных досок. Если друзья умершего хотели проводить его на кладбище, они могли брать этот гроб, доносить покойника до могилы, сбрасывать его туда, гроб же ставить на место. У соловчан это называлось «прокатить на автобусе».

В 1931 году кладбище Соловецкого монастыря подверглось разорению и уничтожению. В течение нескольких «ударников» разобрали ограду и с могил сняли (выкопали, спилили?) кресты, причём некоторые были больше обхвата в окружности и до восьми метров высотой. На Сельдяном мысу выросла груда из крестов и деревянных могильных оград высотой с четырехэтажный дом. Эту груду подожгли, и она горела и тлела несколько суток.

И здесь же, на месте общей скорби, протекали, может быть, самые светлые мгновения лагерной жизни. До 1931 года в кладбищенской церкви преподобного Онуфрия Великого регулярно совершались богослужения монахами Соловецкого монастыря, которые трудились в лагере вольнонаемными рабочими. Их так и называли: монахи-инструктора. Они работали либо своими артелями (рыболовецкая артель, зверобойная артель), либо были вкраплены в лагерные производства (гончарный завод, механический завод, кирпичный завод). На Секирном маяке смотрителем работал монах Флавиан. Основным консультантом по бывшему монастырскому хозяйству был монах Иринарх. Жили они по монастырскому уставу, и начальство лагеря выделило им для богослужений Онуфриевскую церковь. Служба в церкви совершалась ежедневно: в 6 часов вечера всенощная и в 4 утра литургия. Доступ в церковь до 1925 года был запрещен всем заключенным, даже высшему духовенству. Со сменой начальника лагеря духовенству разрешили не только молиться в церкви, но и служить, что особенно радовало Соловецких монахов, так как смогли совершать службы сами «князья церкви» — архиереи. Посещали церковь и миряне, оказавшиеся в лагере по церковным делам, а также заключенные по разовым пропускам, подписанным начальником лагеря. Особенно торжественными были пасхальные богослужения 1926—1927

Группа священнослужителей — заключенных СЛОНа. Фото сер. 1920-х гг.

годов. Их разрешили посетить всем заключенным. Ширяев описал Пасху 1927 года, указав, что Владыка Иларион Троицкий добился от начальника лагеря разрешения для всех заключенных, уговорив дать на Пасхальную ночь древние хоругви, кресты и чаши из лагерного музея. А облачения из музея с помощью отмычки изъял (а затем вернул обратно) знаменитый взломщик, Владимир Бедрут. Попасть в саму церковь удалось немногим. Она не смогла вместить даже духовенство (более 500 человек: 17 епископов, более 200 иереев, остальные — монахи). Все кладбище было занято людьми. На вершине звонницы на этот день был водружен Животворящий Крест. «С победным ликующим пением о попранной побежденной смерти шли те, кому она грозила ежечасно, ежеминутно... Пели все. Ликующий хор “сущих во гробех” славил и утверждал свое грядущее, неизбежное, непреодолимое силами зла Воскресение...» Эта заутреня была единственной, отслуженной на Соловецкой каторге, которую могли посетить многие заключенные. В 1928—1929 годах на Пасху в церкви были только монахи монастыря и духовенство. В 1930 году доступ в церковь заключенным был строжайше запрещен, а в 1931 году с острова удалили последнего монаха-инструктора, и Онуфриевская церковь была окончательно закрыта. Однако заключенное духовенство, собранное в 6-й роте, наряду со службой в Онуфриевской церкви, служило келейно, — до 1929 года в камерах роты разрешалось иметь иконы, книги, лампадки. Происходили и «катакомбные» богослужения в лесу возле поселка и на отдаленных командировках. Тайных катакомбных храмов в соловецких лесах было несколько. «Кафедраль-

ный собор» Пресвятой Троицы представлял собой небольшую полянку посреди густого березового леса в направлении Савватьевского скита, богослужения здесь совершались только летом, в большие праздники. Чаще всего службы православные священники совершали в храме Святителя Николая, находившемся в густом лесу по дороге на Муксалму. Он представлял собой кущу, естественно созданную семью большими елями. В катакомбных храмах совершались и хиротонии нескольких новых епископов.

Известны случаи крещения младенцев в Онуфриевской церкви. Так, в 1925 или 1926 году здесь крестила ребенка жена начальника 1-го (Кремлевского отделения) вольнонаемного чекиста Баринова. Иногда крестили (но тайно) и детей заключенных, родившихся на Соловках. В 1928 году архиепископ Петр (Зверев) обратил к православной вере и крестил в Святом озере эстонку, за что был сослан на Анзер. Известно только одно отпевание в церкви умершего мирянина, однако тайно в лагере совершались панихиды по умершим или расстрелянным. В 30-е годы на Соловках всякие богослужения и требы находились под строжайшим запретом. За отправление любых треб священников расстреливали, а миряне получали дополнительный срок. Однако изредка верующие собирались в лесу, на поляне, неподалеку от Кремля.

Отдельно нужно сказать о богослужениях католиков. По прибытии на остров в 1924 году они служили келейно. Первое разрешение на службу в часовне преподобного Германа (располагавшейся неподалеку от Филипповских садков) они получили на Рождество 1925 года, затем с конца мая 1926 года до 5 декабря 1928 года были разрешены ежедневные службы и причастие только для духовенства. В часовне проводились тайные посвящения. В 1929 году на Пасху католики получили разовое разрешение на службу в Филипповской часовне.

В 1940 году, уже после закрытия лагеря, Онуфриевскую церковь взорвали. Кирпичи из кладки пошли на строительство госпиталя воинской части, стоящего здесь же, на монастырском кладбище. Растащили и плиты с могил монахов. В 1990 году по инициативе международной культурной миссии «Истоки» на фундаменте уничтоженной церкви был установлен Поклонный Крест в память о жертвах лагеря. Снова, как и сотни лет назад, на кладбище служатся панихиды в память почивших насельников Соловецкого монастыря и в память всех пострадавших на святем месте сем.

5.6. ДЕТСКИЙ БАРАК УСЛОН

В доме с надписью «Детский барак УСЛОН» до сих пор живут люди. Эти бараки были построены для первой внутрилагерной колонии для детей, созданной в 1928 году по инициативе заключенного Александра

Николаевича Колосова, юриста по образованию. В лагере дети быстро становились шпанятами, или, как их называли на Соловках, «вшивками». Жили они по законам воровского мира, всячески избегая работы. Перевоспитывать их никто не собирался, их просто вымаривали, не давая им пайков.

В Трудколонии каждому подростку был дан топчан с бельем. Детям выдали бушлаты, обувь, были придуманы шапки особого фасона. Подростки получали усиленное питание, которое было положено им по закону (в дополнение к обычной пайке стакан молока и даже мясо), должны были посещать организованную для них школу. Это вовсе не значит, что дети сошли с воровского пути. Они и в колонии продолжали жить своей жизнью. Наблюдения над этой жизнью описаны в одной из первых научных работ Д.С. Лихачева, которая называлась «Карточные игры уголовников» и была опубликована в лагерном журнале «Соловецкие острова». Но Трудколония спасла жизнь многим подросткам, которых иначе ожидала верная смерть на лесных командировках лагеря.

В 1929 году один из бараков Трудколонии посетил Максим Горький. Его визит в СЛОН заслуживает того, чтобы о нем рассказать особо. В 1928 году ряд европейских стран, а также Социнтерн (объединение социалистических партий Европы) обратились к СССР с запросами по поводу положения заключенных в советских концлагерях. Правительства США и Великобритании приняли решение не покупать лес у Советского Союза, узнав от бежавших из СЛОНа заключенных об ужасах лагерных лесозаготовок. Чтобы успокоить общественное мнение мирового сообщества, Горький был направлен на Соловки как писатель, и целью его поездки была публикация очерка о жизни заключенных СЛОНа. К приезду Горького готовились и начальство, и заключенные. Арестанты надеялись, что Горький узнает всю правду об их жизни. Начальство готовило для высокого гостя «шоу». За день или два до приезда Горького по обе стороны прохода к Трудколонии воткнули для декорации срубленные в лесу елки. Из Кремля каждую ночь в Соловецкие леса уходили этапы, чтобы разгрузить от заключенных Кремль. Персоналу в лагерном лазарете выдали чистые халаты. К причалу для встречи гостя была подана монастырская коляска с запряженной в нее лошадью. Ездил Горький по острову немного и постоянно в сопровождении первых чинов лагерной администрации. Был он и в Трудколонии, зайдя в один из бараков. Говорили, что там он беседовал с глазу на глаз с одним из подростков-колонистов, вызвавшимся рассказать ему всю правду о лагерной жизни. Выйдя из барака, Горький плакал у всех на виду, не пытаясь скрыть своих слез. Был Горький и на Секирке, где немногих оставшихся там к его приезду заключенных (большую часть скрыли на самой глухой лагерной коман-

дировке на севере острова, на озере Амбарном) усадили за стол и заставили читать газеты. Чтобы показать нелепость этого занятия в штрафном изоляторе, арестанты перевернули газеты, держа их «вверх ногами». Горький подошел к одному из них и перевернул газету, показав, что понял смысл их выдумки. Вернувшись в Москву, Горький действительно напечатал очерк «Соловки», но в нем он воспел «романтику» лагерной жизни, превращающей закоренелых преступников и врагов советской власти в примерных строителей нового общества. На Соловках же Горький оставил в «книге отзывов» такие строки, опубликованные в журнале «Соловецкие острова»: «Я не в состоянии выразить мои впечатления в нескольких словах. Не хочется, да и стыдно было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неутомимыми стражами революции, умеют, вместе с этим, быть замечательно смелыми творцами культуры». В поездке Горького сопровождал один из главных на тот день «творцов культуры», член Коллегии ОГПУ Глеб Бокий.

5.7. О ЛАГЕРНОЙ КУЛЬТУРЕ

В 1924 году в СЛОНе появился ВТО (воспитательно-трудовой отдел), со временем переросший в КВЧ (культурно-воспитательную часть). Она возникла как надстройка над начавшейся «снизу» работой, после того как состоялся первый спектакль, поставленный провинциальным актером Арамановым. «Театр на каторге — экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве» [34, с. 53]. Именно поэтому артисты находили в себе силы для репетиций по вечерам после 10—12 часов тяжелого труда на морозе. Репертуар был вначале разношерстный и незначительный: водевили, политические агитки, цыганские романсы, балалаечный виртуоз. Затем театр возглавил провинциальный комик Макар Семенович Борин. Был обустроен настоящий театральный зал (в бывшей монастырской общей трапезной) на 700—800 мест с костюмерными и гримерочными для артистов. Актеры театра были освобождены от общих работ, к театру прикрепили портного, парикмахера, бутафора, плотников. Репертуар театра теперь состоял из классики русской сцены («Борис Годунов», «Царь Федор Иоаннович», «Девичий переполох», «Дети Ванюшина», «На дне», «Идиот», «Коварство и любовь» и др.). Ставили даже запрещенные в стране пьесы. В театре играли младший режиссер 2-го МХАТа Н. Красовский, артист Камерного театра Борис Глубоковский, Ширяев, куплетист Жорж Леон. Играли в театре и уголовники (например, бандит Алексей Чекмаза играл Арбенина в «Маскараде»). Театр назывался ХЛАМ (Художники-Литераторы-Артисты-Музыканты). Два раза в неделю шли платные спектакли, два раза — бес-

платные (по пропускам от воспитателей и ротных командиров). Позднее, с 1934 года, театром руководил Олесь Курбас. Уголовники имели свой театр, который назывался «Свои» и был знаменит сводным хором в 150 голосов. В лагере были духовой и симфонический оркестры, оперетта.

На Соловках во время СЛОНа были две библиотеки: лагерная и монастырская. Монастырская находилась в ведении музея и насчитывала около 2000 книг и рукописей. Лагерная библиотека находилась по соседству с театром, чуть севернее, на втором этаже, в помещении бывшей монастырской библиотеки. Уже к 1927 году ее фонды превышали 30 000 томов и несколько тысяч журналов по всем отраслям знаний. Основой слоновской библиотеки были книги, выделенные библиотекой Бутырской тюрьмы, а также нескольких частных и коммерческих библиотек, реквизированных в Москве. Но библиотека постоянно пополнялась за счет книг, отобранных при освобождении или при обыске (а также поступавших после смерти) у заключенных. В библиотеке выдавали книги, уже изъятые из обращения на материке (например, «Бесы» Достоевского, статьи К. Леонтьева, «Россия и Европа» Данилевского, «К трехсотлетию дома Романовых» и др.). Особенно богатым был фонд литературы на иностранных языках (благо, на Соловках было в достатке тех, кто имел возможность ими пользоваться). Вначале библиотекой заведовал видный большевик с дореволюционным партийным стажем Шеллер-Михайлов. В 1930-х годах заведующим библиотекой был Григорий Порфирьевич Котляревский, тоже видный большевик. Заведующим иностранным отделом библиотеки был профессор Алексей Феодосьевич Вангенгейм, до 1934 года возглавлявший Гидрометеорологический комитет при Совнаркоме СССР. Библиотеки-передвижки, посылаемые в другие отделения (позднее лагпункты) СЛОНа, формировал Пантелеймон Константинович Казаринов — президент Сибирского отделения Географического общества. При библиотеке был большой читальный зал, в котором проводились диспуты и читались доклады на литературные или научные темы. В то же время в библиотеку не поступали (по крайней мере, до 1934 года) центральные газеты, и о том, что творится в стране и в мире, соловчане узнавали только из местной газетки «Новые Соловки» и передач местного радио.

В лагере существовали школы (их было около 80) по ликвидации неграмотности, а также различные профессиональные курсы. Если первые посещались в основном уголовниками, желавшими за посещение курсов получить для себя поблажки от начальства, то на профессиональные курсы ходила интеллигенция, которой необходимо было приобрести профессии, востребованные в системе ГУЛАГа, прежде всего — профессии счетоводов, бухгалтеров, нормировщиков и табельщиков.

С января 1925 года на Соловках в бывшей монастырской типографии издавалась газета «Новые Соловки». В редакции были бывшие профессионалы и научные работники. Газета выпускалась тиражом в 1000 экземпляров, из которых на островах расходилось 100—120 экземпляров. На остальной тираж подписывались на материке (подписаться можно было в любом почтовом отделении страны) родственники заключенных, стремившиеся хотя бы таким способом узнать что-то о жизни своих близких в лагере. Большую часть материалов составляли заметки о том, как споро и качественно враги советской власти «перековываются» в лагере в строителей нового общества.

Гораздо интереснее был журнал «Соловецкие острова», печатавшийся на 250—300 страницах. Журнал состоял из двух частей: художественной и краеведческой. Вторая была гораздо обширнее первой. Печатались короткие рассказы и даже повести с продолжением. Стихов было больше. В журнале помещали свои стихи поэты Евреинов, Бернер, Русаков, Емельянов, Кемецкий (Свешников). Несмотря на налет сентиментальности и романтизма (нужно помнить, что журнал подвергался цензуре и серьезную прозу просто не напечатали бы), и проза, и поэзия были очень хорошего уровня. Еще более весомо были представлены разделы краеведения и мемуаристики.

По инициативе заключенных приказом УСЛОНа от 13 марта 1925 года было организовано Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения (СОАОК)[163], которое объединило около 60 человек, прилагавших огромные усилия для спасения историко-культурных и природных ценностей Соловков. Музей стал одним из первых отделов СОАОКа[164]. В первую очередь усилия сотрудников музея были направлены на розыск и сбор находившихся под угрозой уничтожения старинных икон, рукописей, книг, предметов быта и т.д. Уже в 1925 году фонды музея насчитывали 12 000 единиц хранения. 19 июля 1925 года состоялось торжественное открытие музея, который разместился в Благовещенской церкви и в утепленном прясле стены от церкви до Белой башни. В алтаре церкви размещалось более 500 наиболее ценных экспонатов: богослужебные сосуды прп. Зосимы, белокаменный келейный крест прп. Савватия, чудотворные иконы, среди которых Сосновская, Словенская (сейчас в ГИМ) и Хлебенная, рукописи, кресты, древние облачения. В самой церкви и на хорах были выставлены предметы монастырского быта. Одновременно шла работа по организации музея и в Преображенском соборе, где почти сохранился иконостас. Наконец, 20 сентября 1925 года собор

[163] В конце 1926 года преобразовано в самостоятельное Соловецкое общество краеведения (СОК).

[164] Подробнее о музее можно прочесть в статье А. Сошиной [2, вып. 3, 2004, с. 130—142].

был объявлен заповедником. В алтаре была открыта выставка иконописи, причем полное количество икон было до 2000. В алтаре висела сень (ныне в музее «Коломенское»). В Архангельском приделе были представлены гравированные медные доски и оттиски с них. В самом соборе находились коллекции лампад и подсвечников XVII века, в серебряных раках лежали мощи Зосимы, Савватия и Германа, а в деревянных ящиках — Иринарха и Елеазара, экспонировались предметы церковного обихода, оружие, утварь. По воспоминаниям Ю. Чиркова, «в музее были великолепные гербарии и мастерски выполненные чучела всех представителей флоры и фауны Соловецкого архипелага; детальные карты всех островов, системы каналов, макеты построек; чудесная надвратная церковь с иконостасом, иконами, росписью и сенью над престолом в алтаре».

С 1927 года заведующим Музея стал Николай Николаевич Виноградов. Он был сослан на Соловки в 1926 году за службу в канцелярии Костромского губернатора. После освобождения в 1929 году Николай Николаевич остался вольнонаемным заведующим музея. В 1928—1932 годах он был ученым секретарем СОКа и при этом написал 4 тома научных работ, 30 статей, редактировал 23 выпуска материалов СОКа. В 1937 году он был повторно арестован и расстрелян. В музее работали также Осип Эммануилович Браз (писал акварели), историк А.П. Приклонский, В.П. Никольский, искусствовед и реставратор Александр Иванович Анисимов, археолог и реставратор Назимов. Активным сотрудником музея был также митрополит Мануил (Лемешевский), собиравший сведения о Соловецких подвижниках из архивов, агиографических сочинений, синодиков, обследования некрополя. Копированием древних грамот занимался епископ Аркадий (Остальский). Хотя СОК был закрыт в начале 30-х годах, музей продолжал существовать до 1937 году, когда СЛОН был реорганизован. Наиболее ценные его экспонаты были отправлены в Москву.

5.8. Соловки — национальная Голгофа

За монастырским кладбищем находится Аллея Памяти жертв СЛОНа. Большая часть погибших в Соловецком лагере умерли своей (нельзя ее назвать естественной, но, по крайней мере, ненасильственной) смертью. Но в течение всего периода существования лагеря в нем казнили людей. Расстреливали по одиночке под колокольней. Уводили в лес со связанными за спиной колючей проволокой (не тратиться же на веревку!) руками. Вели босого, в одном белье, заключенного и обрывали его жизнь внезапным выстрелом из револьвера в затылок. Целые группы заключенных выгружали с парохода на причале и, не заводя в Кремль, кон-

воировали к Секирной горе и расстреливали у подножия горы или на Большом Куликовом болоте.

Было в лагере и несколько массовых расстрелов заключенных. Один из известных произошел 29 октября 1929 года. После побега морских офицеров в Кремль со всего архипелага стали собирать бывших офицеров (царских и Белой армии). На них заводили новые дела, открывали следствие. Всего набралось около 36 человек. Их держали в карцере. Нелепый побег сумасшедшего Кожевникова и его манифест дал возможность администрации обвинить арестованных в подготовке восстания с целью захвата лагеря и освобождения всех заключенных. Расстреливали невдалеке от женбарака (Архангельской гостиницы). Убийцы светили фонариком в темноте и стреляли из револьверов в затылок заключенного. Женщины видели расстрел из окон второго этажа. Могилы были вырыты за день до расстрела. Палачи, видимо, изрядно выпили для храбрости и многих закопали живыми, слабо присыпав землей. Утром земля над ямами еще шевелилась. Место, на котором были зарыты убитые, некоторое время спустя было выровнено заключенными под музыку оркестра. Образовалась большая, 80х80 метров, свободная от леса, удобная для застройки площадка. Летом 1975 года здесь начали рыть котлован для жилых домов — и вместе с грунтом и камнями экскаватор выгребал кости и простреленные черепа. Новый дом был тем не менее выстроен на костях мучеников. Одним из расстрелянных по делу «о кремлевском заговоре» был Георгий Осоргин. Пользуясь тем, что работал в медсанчасти, он оказывал помощь многим заключенным, содействуя переводу на более легкие работы или помещению в лазарет и т.п. Так, когда на Анзерской командировке заболел тифом архиепископ Воронежский Петр, Георгий доставил ему все необходимое для погребения облачение, которое впоследствии и пригодилось. По доносу он был посажен в карцер и приговорен к расстрелу, и неожиданно на Соловки прибыла его жена, которая предварительно добилась свидания с ним. «И Осоргин просит тюремщиков: не омрачать жене свидания. Он обещает, что не даст ей задержаться долее трех дней, и как только она уедет — пусть его расстреляют. И вот что значит это самообладание, которое за анафемой аристократии забыли мы, скулящие от каждой мелкой беды, от каждой мелкой боли: три дня непрерывно с женой и не дать ей догадаться! Ни в одной фразе не намекнуть! Не дать тону упасть! Не дать омрачиться глазам! Лишь один раз (жена жива и вспоминает теперь), когда гуляли вдоль Святого озера, она обернулась и увидела, как муж взялся за голову с мукой. «Что с тобой?» — «Ничего», — прояснился он тут же. Она могла еще остаться, он упросил ее уехать. Черта времени: убедил ее взять теплые вещи, он на следующую зиму получит в санчасти — ведь это драгоценность была, он отдал их

семье. Когда пароход отходил от пристани — Осоргин опустил голову. Через десять минут он уже раздевался к расстрелу»[165].

Через год, осенью 1930 года, на Соловках произошел еще один расстрел, который явился следствием борьбы за власть в лагере между чекистами (вольными и ссыльными), возглавлявшими ИСО (Информационно-следственный отдел), и заключенными офицерами, составлявшими АЧ (Административную часть, по сути дела, лагерное самоуправление). Под предлогом борьбы с искривлениями лагерной дисциплины, чрезмерной жестокостью по отношению к заключенным были арестованы (в лагере!) и судимы несколько десятков ротных, старост и иных мелких лагерных начальников, на самом деле отравлявших жизнь заключенным. Из Москвы в мае 1930 года в лагерь даже приехала комиссия, собиравшая жалобы заключенных на лагерное начальство. После приезда комиссии дезорганизованное начальство ослабило дисциплину, ввело выходные дни. Новая обстановка увеличила число побегов, отказов, краж и освобождений от работ по болезни. От лагерной «оттепели» выиграли прежде всего уголовники, ставшие «социально-близкими» лагерной администрации. И вот пришел Приказ Коллегии ОГПУ (цитируется по Розанову):

«На основе материалов следственной комиссии по Соловецкому концлагерю, коллегия ОГПУ вынесла приговор в отношении контрреволюционеров и произвольщиков, искривлявших основы карательной политики. Определенная часть заключенных восприняла данный приказ как изменение трудового режима и как право работать тогда и там, где они желают. Учет использования рабочей силы по лагерям с мая констатирует рост побегов и отказов от работы. Классово враждебный элемент распространяет злостные слухи, будто означенным приказом отменяются меры принуждения и воздействия к нарушителям трудовой и лагерной дисциплины. Все это, вместе взятое, привело к срыву производственных планов и крупным материальным убыткам по ряду лагерей. В отношении нижепоименованных отказчиков от работы, беглецов и контрреволюционных агитаторов, на которых информационно-следственными отделами лагерей был представлен материал, коллегия ОГПУ применила высшую меру наказания — расстрел». Далее следовал длинный список из 120 фамилий. Наряду с каэрами, представителями лагерной администрации в список были включены рецидивисты, неоднократно пытавшиеся бежать из лагеря и систематически отказывавшиеся от работы.

В 30-е годы СЛОН постоянно посылал партии заключенных в Карелию на прокладку дорог и на экспортные лесоповалы. Также охотно СЛОН

[165] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Т. 2, М., 1989, с. 45.

стал «продавать» инженеров: они бесконвойно ехали работать в любое северное место, а зарплата их перечислялась в лагерь. Во всех точках Мурманской железной дороги от Лодейного Поля до Тайболы к 1929 году уже появились лагерные пункты СЛОНа. Затем движение перешло на вологодскую линию. К 1930 году в Лодейном Поле окреп и стал на ноги СвирЛаг, в Котласе образовался КотЛаг. С 1931 года с центром в Медвежьегорске родился БелБалтЛаг. На Северной Двине образовался СевДвинЛаг. В 1931 году было основано Северо-Уральское отделение СЛОНа с центрами в Соликамске, Березниках и на Вишере. Летом 1929 года из Соловков на реку Чибью была послана экспедиция бесконвойных заключенных под руководством геолога Рущинского — разведать нефтяные месторождения. Экспедиция была успешной, и на Ухте возник УхтЛаг. Вскоре он захватил и Печору, преобразовавшись в Ухтинское, Печорское, Интинское и Воркутинское отделения, — основы будущих «великих» самостоятельных лагерей. Так вся северная часть ГУЛАГа была рождена Соловками. Одновременно сам СЛОН терял специфику, которая отличала его от других лагерей. Из «свалки» аристократии, научной и творческой интеллигенции и духовенства, и потому, как ни странно, центра духовной жизни России в 20-е годы, СЛОН превратился в «кузницу кадров» для лагерей ГУЛАГа и место изоляции советских и партийных оппонентов сталинского большинства в руководстве ВКП(б) и республиканских компартий. Наконец, в 1937 году на Соловках был организован СТОН (Соловецкая тюрьма особого назначения) с непосредственным подчинением Соловков Управлению тюрьмами Центрального ведомства НКВД. Большинство заключенных было переведено на тюремный режим. В дверях камер появились глазки и «кормушки», в окнах — решетки. В центральном дворике Кремля вырубили скверики, уничтожили цветочные клумбы. Возле тюремных корпусов (на первом этаже которых окна были забиты глухими щитами) устроили дворики для прогулок. В тюремных камерах разрешалось только сидеть на кровати, не опираясь на стену, с открытыми глазами, держа руки на коленях. Разрешалась прогулка до 30 минут в день, пользование книгами из тюремной библиотеки да обращение с заявлениями на имя начальника тюрьмы. За малейшее нарушение следовал карцер до пяти суток или лишение прогулки до 10 дней. Заключенных водили по двору только на допрос под конвоем. Всех одели в одинаковые черные рубашки с темно-коричневыми нашивками на воротниках и рукавах с надписью «СТОН». Ботинки полагалось носить без шнурков.

В конце 1937 года Особая тройка УНКВД по Ленинградской области постановила расстрелять 1825 заключенных СЛОН. Расстрел был осуществлен в три приема. Первую, самую многочисленную группу, расстрели-

вали в несколько этапов в октябре—ноябре 1937 года под Медвежьегорском, в песчаном урочище Сандармох. Исполнителем был капитан Матвеев, которого репрессировали в 1938 году. Он расстрелял 1111 человек. В этой группе погибли: основоположник нового украинского театра Лесь Карбас, министры правительства Независимой Украины А. Крушельницкий и М. Полоз, видный адвокат А. Бобрищев-Пушкин, дворянин, профессор А. Вангенгейм, основоположник удмуртской литературы Кузебай Герд, член правительства Белоруссии Ф. Волынец, группа татарских общественных деятелей во главе с И. Фирлевсом, выборный глава российского цыганского табора (некоронованный король цыган России) Г. Станеско, грузинские князья Н. Эристов и Я. Андронников, черкесский писатель князь Х. Абуков, видный деятель корейской общины в России Ан Тай До. Там же были рассреляны православные епископы: архиепископ Курский Дамиан (Воскресенский), епископ Воронежский Алексий (Буй), епископ Тамбовский Николай, епископ Самарский Петр; католический администратор Грузии Ш. Татманишвили, глава баптистской церкви СССР В. Колесников и 22 католических священника. Вторую группу из 509 человек в декабре вывезли и расстреляли где-то в окрестностях Ленинграда. Последнюю группу из 200 человек, в отношении которых постановление было вынесено 14 февраля 1938 года, расстреляли в феврале в районе Исакова.

В ноябре 1939 года Соловки покинули последние заключенные, которых океанскими пароходами отправили в Норильск. Закончилась история СЛОНа.

Об этом учреждении скажем словами бывшего заключенного, а ныне новомученика и исповедника Соловецкого епископа Вятского Виктора (Островидова). Он так напутствовал отбывшего уже срок писателя Олега Волкова: «Ты, сынок, вот тут с год потолкался, повидал все, в храме бок о бок стоял. И должен все это сердцем запомнить. Понять, почему сюда власти попов да монахов согнали. Отчего это мир на них ополчился? Да, не люба ему правда Господня стала, вот в чем дело! Светлый лик Христовой Церкви — помеха, с нею темные да злые дела неспособно делать. Вот ты, сынок, об этом свете, об этой правде, что затаптывают, почаще вспоминай, чтобы самому от неё не отстать. Поглядывай в нашу сторону, в полунощный край небушка, не забывай, что тут хоть туго да жутко, а духу легко...» [38, с. 143].

СЛОН — концентрированное выражение беззакония революционной стихии. Советское общество отвергло от себя лучших представителей духовенства и интеллигенции, поставив их в положение узников, и вместе с ними отвергло христианские начала, на которых основывалась Российская государственность. Сейчас уже очевидно, что невозможно оказалось построить жизнеспособное общество на иных основаниях, получа-

ется «дом на песке» (Мф 7; 26), который рушится, едва подует ветер. Поэтому необходимо возвращаться к прошлому ради осмысления, ради покаяния. Люди осознанно или неосознанно стремятся к святыням, стараясь найти твердый камень, который можно положить в основание своего духовного мира, в России возрождается традиция паломничества.

Приведем впечатление от посещения Соловков архиепископа Львовского и Галицкого Августина: «Мне кажется, что каждому православному человеку надо обязательно найти возможность побывать на Соловках. Тут тесно переплетаются история и сегодняшний день. Все это вразумляет, остепеняет и заставляет более духовно относиться к жизни. Вот итальянцы, с которыми я вчера разговаривал, прежде всего интересовались трагической историей Соловков и скорбели о жертвах насилия и жестокости. Но ведь Соловецкие новомученики и исповедники были похожи на первых христиан, на тех, кто в Риме и других местах Римской империи пострадал от гонителей. И многие принимали мучения с благодарностью, потому что этим имели возможность свидетельствовать о своей вере, доказать Богу и людям свою верность и любовь ко Господу. Во время гонений Рим был для христиан как бы второй Голгофой. А Соловецкая Голгофа в истории христианства может считаться третьей. Во всяком случае, для православного русского народа Соловки — национальная Голгофа»[166].

Невозможно перечислить имена всех соловецких узников, с упованием на Господа мужественно стоявших за веру и Отечество. Помянем лишь имена тех, кто уже прославлен Русской Православной Церковью в чине новомучеников и исповедников Соловецких:

Священномученики:

Евгений (Зернов), митрополит Нижегородский	†1937;
Александр (Щукин), архиепископ Семипалатинский	†1937;
Дамиан (Воскресенский), архиепископ Курский	†1937;
Захария (Лобов), архиепископ Воронежский	†1937;
Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский	†1929;
Иувеналий (Масловский), архиепископ Рязанский	†1937;
Петр (Зверев), архиепископ Воронежский	†1929;
Прокопий (Титов), архиепископ Херсонский	†1937;
Серафим (Самойлович), архиепископ Угличский	†1937;
Амфилохий (Скворцов), епископ Красноярский	†1937;
Антоний (Панкеев), епископ Белгородский	†1937;
Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий	†1937;
Василий (Зеленцов), епископ Прилукский	†1930;

[166] Соловецкий вестник. № 3. 2004, с. 9.

Дамаскин (Цедрик), епископ Стародубский	†1937;
Игнатий (Садковский), епископ Скопинский	†1938;
Иоасаф (Жевахов), епископ Могилевский	†1937;
Никодим (Кононов), епископ Белгородский	†1918;
Онисим (Пылаев), епископ Тульский	†1937;
Александр (Сахаров), протоиерей	†1927;
Владимир (Лозина-Лозинский), протоиерей	†1937;
Владимир (Медведюк), протоиерей	†1937;
Александр (Орлов), иерей	†1937;
Иоанн (Стеблин-Каменский), иерей	†1930;
Николай (Правдолюбов), иерей	†1941;
Николай (Восторгов), иерей	†1930;

Священноисповедники

Амвросий (Полянский), епископ Каменец-Подольский	†1932;
Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский	†1962;
Виктор (Островидов), епископ Глазовский	†1934;
Роман (Медведь), протоиерей	†1937;
Сергий (Голощапов), протоиерей	†1937;
Сергий (Правдолюбов), протоиерей	†1950;
Николай (Лебедев), иерей	†1933;
Петр (Чельцов), иерей	†1972;

Преподобномученики

Иннокентий (Беда), архимандрит	†1928;
Вениамин (Кононов), архимандрит	†1928;
Никифор (Кучин), иеромонах	†1928;

Преподобноисповедник

Никон (Беляев), иеромонах	†1931;

Мученики

Владимир (Правдолюбов)	†1937;
Стефан (Наливайко)	†1945;
Анна (Лыкошина)	†1925;
Вера (Самсонова)	†1940.

Нам трудно представить сегодня, как смогли они устоять перед махиной СЛОНа, которая безапелляционно обещала их раздавить, не оставляя другого выбора, кроме смерти. «Когда человек осознал свое положение полной беззащитности, остался, как говорят святые отцы, лишь под

покровом своей кожи, то ему ничего не остается, кроме смирения. У него открываются глаза на собственные недостоинство и греховность. Становится ясно, как благоразумному разбойнику на кресте, что ничего в жизни не собрано. И вот тут он начинает взывать ко Господу... И тогда он получает укрепление от Него, обретает благодать, которая дает возможность устоять перед испытаниями... Господь полагает предел страданиям... Человек выносит страдания и пытки только до известного предела. Потом он перестает чувствовать боль. Если же его страх превышает его веру, то он начинает ощущать себя лишь земным существом и тогда сдается раньше, чем Господь его уводит с поля мучилищного». Это слова игумена Дамаскина (Орловского)[167] — ревностнейшего агиографа, собирающего драгоценные жемчужины жизнеописаний новомучеников и исповедников Российских [38]. В этих житиях поражает безжалостность мучеников к себе и беспощадное обличение своего недостоинства. Перед лицом физической смерти они видели свою почти прожитую жизнь совершенно недостойной вечности с Богом. И вера в благий и спасающий Промысел Божий давала им силы терпеть мучения. Пролив кровь за Христа, новомученики и исповедники Соловецкие предстоят ныне Престолу Божию и имеют дерзновение умолить Всевышнего о даровании милости и благодати всем, обращающимся к ним с молитвой.

«Опять падает снег, скоро снова наступит Соловецкая ночь...
В ноябре пароход гудит в последний раз и на полгода Соловки оказываются отрезанными от всего света... и мы не по своей охоте и неизвестно зачем сидим на этом краю света, охраняемые льдом, морем, метелями, тьмой».
Геннадий Андреев [Соловецкие острова. 1927—1929, с. 20].

[167] [4, 2006, с. 279].

Схимники в Филипповой пустыни. Фото нач. XX в.

ГЛАВА 6

СКИТЫ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ

6.1. САВВАТИЕВО

Савватиево расположено примерно в 12 километрах от монастыря и в километре от Сосновой губы, где преподобные Савватий и Герман впервые пристали к Соловецкому острову (см. 3.1). Они направились в глубь острова вдоль ручья и обрели поляну на берегу озера, защищенную от холодных ветров. Поставив крест и устроив келию, они основали на острове первый скит, названный позже Савватиевским. Здесь преподобные прожили с 1429 по 1436 год. Через столетие в эту пустынь приходил помолиться игумен Филипп, который обрел в келии каменный крест и икону Божией Матери Одигитрии, принадлежавшие преподобному Савватию. Сейчас на месте келии преподобных установлен Поклонный Крест. Здесь хорошо почитать житие преподобного Савватия (3.1) и, познакомившись таким образом со святым, обратиться к нему с молитвой.

Как использовалось Савватиево в древние времена, неизвестно. Скорее всего, в память о преподобных приходили сюда на временное житье монахи-отшельники. В середине XVIII столетия старую часовню перестроили, тогда же здесь появились новые келии, пристань, конюшня. Иногда в это святое место приезжали на богомолье архимандриты, жившие в выстроенной для них келии.

Сохранившиеся постройки скита относятся ко второй половине XIX века. В 1860 году здесь была освящена каменная церковь, построенная по проекту архитектора Шахларева, в честь Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии, что была принесена на Соловецкий остров преподобным Савватием. Икона была перенесена в новопостроенный храм, и каждодневно перед ней читался акафист Пресвятой Богородице. Своим видом эта церковь напоминала древнерусские храмы с простой четырехскатной кровлей, увенчанные шлемовидной главой. С западной стороны к церкви примыкала невысокая шатровая колокольня. Сейчас обезглавленные храм и колокольня нуждаются в скорейшем восстановлении как драгоценная память о первоначальниках Соловецких. Около храма стоит

Савватиевский скит. Лит. Тр.-Серг. Лавры, 1881 г.

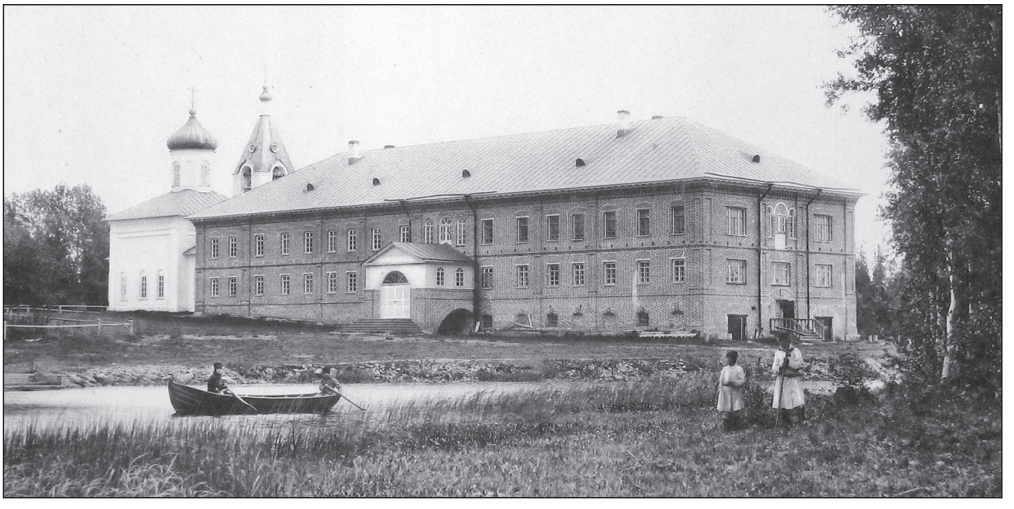
каменная плита с надписью: «Преподобные отцы Савватий и Герман Соловецкие Чудотворцы первыми прибыли на сей остров в 1429 году и жили на сем месте 6 лет. Сей храм во славу Пресвятыя Богородицы Одигитрии <построен> по обету архимандрита Александра с братиею в 1856 году в вечную благодарность Премилосердному Богу и Царице Небесной за избавление Обители от нашествия англичан в 1854 году. Преподобного Савватия здесь в благословение икона Божией Матери Одигитрии и крест каменный. До построения сего храма здесь была часовня деревянная. Матерь Божия, Царица Небесная! Молитвами преподобных отец Соловецких сохрани сей храм во спасение всего Отечества и всех Христиан. Аминь».

С появлением новой церкви начинают обустраиваться и прилегающие к ней земли: увеличивается количество лугов, осушаются болота, появляются огороды. Для приезжающих трудников и паломников рядом с храмом в 1886—1890 годах был построен большой корпус в два этажа с подвалами. Часть поздних построек скита утрачена, хорошо сохранилась лишь старинная валунная баня, расположенная вблизи ручья, вытекающего из озера. Постройки скита настолько гармонично были вписаны в окружающую природу, что не только не нарушали, но даже оживляли и украшали пейзаж. Это был благословенный труд, который освящал природу, привлекая ее к служению Богу.

Сюда, в Савватиево, удалился уволенный на покой архимандрит Иоанникий, здесь же он мирно упокоился в 1921-м году.

В начале существования СЛОНа, в 1923 году, большинство его «населения» составляли белые офицеры и социалисты (члены оппозиционных большевикам эсеровской, социал-демократической и анархистской партий). Первая партия социалистов прибыла на Соловки 1 июля 1923 года в количестве 150 человек. До этого социалисты содержались в Пертоминском монастыре в 50 километрах от Архангельска. Социалистов там «перевоспитывали» холодом и темнотой (не давая ни топлива, ни света). Часть из них покончили с собой еще на этапе, протестуя против условий содержания. Всего на Соловки в 1923—1924 годах завезли до 350 «политических». Они содержались и на Муксалме, и в Троицком скиту на Анзере. Но основная часть социалистов (до 170 человек) находилась в Савватиевском скиту. Были среди них и супружеские пары, некоторые с детьми. Социалисты отстояли себе права политических заключенных. У каждой партии был свой выборный староста, завхоз, своя каптерка, куда поступали посылки и денежные переводы от родных. Размещались социалисты в отдельных келиях. К ним приезжали на свидание родные. Савватиевский скит был обнесен колючей проволокой, в углах стояли вышки с часовыми. Однако охране было запрещено входить в зону.

«В церкви читались лекции, проводились доклады с диспутами на различные темы; выписывались книги, журналы, газеты. Социалисты были освобождены от общих работ. Для детей социалисты соорудили снежную горку и салазки, но и сами взрослые увлеклись катанием с горки, причем использовали для этого иконы из церкви, облив их водой и заморозив. Был у них и каток на озере».



Савватиевский скит после построения корпуса для трудников. Фото Я.И. Лейцингера, кон. XIX в.

Среди них было несколько представителей партийного руководства (член Центрального Бюро партии эсеров А.А. Иваницкий, член ЦК партии меньшевиков Богданов). Но в основном это была партийная молодежь, вступившая в социалистические партии после Февральской революции.

В декабре 1923 года заместитель начальника СЛОНа Эйхманс заявил старостам, что изменяется режим содержания социалистов. Переписка ограничивалась тремя письмами в месяц и сокращалось время прогулок. С 18 часов до 6 утра запрещалось выходить из корпусов. Все социалисты единодушно отказались принять новый режим, но по поводу способов борьбы сразу наметились расхождения. Эсеры, левые эсеры и анархисты решили не прекращать прогулок, и чтобы гуляние продолжалось весь день, разбились на группы, которые сменяли друг друга до и после поверки. Обычно в 6 часов вечера ударами колокола с колокольни объявляли поверку. Приходил старший надзиратель и вместе со старостами обходил келии, пересчитывая людей. До поверки заключенные гуляли во дворе. Гуляющих в тот вечер (19 декабря 1923 года) было около 60 человек. Вдруг из административного корпуса (где размещалась охрана) вышел наряд конвоиров с ружьями наизготовку, и сразу раздались залпы. Всего их было три. Шесть убитых и трое тяжело раненых были занесены в корпус. 20 декабря в скит прискакал Эйхманс и, объяснив все происшедшее как досадное недоразумение, обещал наказать виновных. Он разрешил отправить раненых в кремлевскую больницу и самим социалистам похоронить убитых. За колючей проволокой вдоль ограды выкопали братскую могилу. На похоронах пели «Вы жертвою пали в борьбе роковой», на могиле поставили большой валун, на котором были высечены имена убитых, но после вывоза социалистов с островов валун перевернули, а позднее разбили кувалдами, и куски побросали в озеро. Сведения о расстреле дошли до западных социалистов, и в феврале 1924 года «Социалистический вестник», выходивший тогда в Берлине, напечатал статью под названием «Бойня в Соловецком концлагере». В статье сообщалось между прочим, что Президиум ЦИКа Советской республики создал комиссию для расследования происшествия. Весной 1924 года эта комиссия приехала на Соловки, однако социалисты соглашались разговаривать с ее членами только в присутствии представителей Красного Креста. Социалисты уже знали, что «Правда» описала это происшествие как столкновение конвоя с напавшими на него заключенными.

В конце июня 1925 года всех социалистов на лагерном пароходе «Глеб Бокий» вывезли с Соловков и распределили по политизоляторам страны. «Социалистический вестник» комментировал это событие как конец Соловецкого концлагеря.

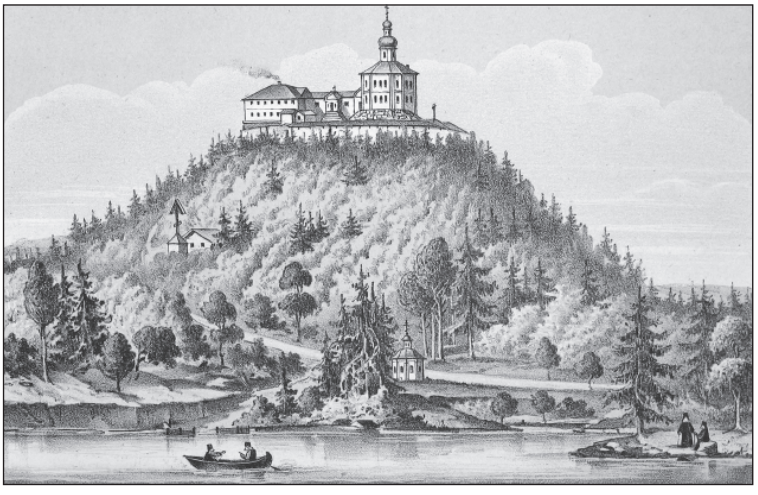
В 1942 году на территории Савватиева находились подразделения школы юнг (сигнальщики, боцманы и рулевые). В каменных корпусах находились учебные классы, а сами юнги жили в ими же построенных землянках. За три года в школе юнг было подготовлено более 4000 выпускников.

В настоящее время Савватиевский скит принадлежит монастырю и там находятся монастырские огороды.

6.2. СВЯТО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ СКИТ НА СЕКИРНОЙ ГОРЕ

От Савватиева скита хорошо видна церковь на вершине Секирной горы, названной так в память об ангелах, высекших жену рыбака. Это место обжито в середине XIX века, тогда же у подножия Секирной горы поставлен был камень с надписью: «На Чудову гору вход женскому полу возбранен по тому случаю, когда преподобные Савватий и Герман жили на сем месте, рыболовы, проживая летом с женами под горою, оскорбляли преподобных, чтобы изгнать их из острова. Перст Божий явил чудо. Ангелы в виде двух светозарных юношей изгнали рыболова жену прутьями из горы. На крик ея пришел преподобный Савватий <согласно житию — Герман>, коему жена сказала, что ангелы, изгоняя ея, говорили: “Сей остров назначен Богом для иноков”. Это чудо заставило рыболовов оставить остров и благоговеть к преподобным, а женский пол не бывает на этой горе по таинственному страху». После устроения Свято-Вознесенского скита на Секирной горе паломницам, по-видимому, разрешено было бывать здесь. Место для возведения Вознесенского храма было предуготовано Богом, по крайней мере, за 150 лет до начала строительства. В 1696 году 12 марта архиерей Игнатий[168] милостию Божиею митрополит Тобольский и всея Сибири бил челом архимандриту Фирсу с братией: «Молю ваше Преподобие о прежде бывшем моем прошении во еже на горе Святаго Савватия, еже просторечием на Секирной вараке, построити церковь святаго Вознесения Господня, а в верху в подглавии, сиречь в шее церковной, церковь святых апостолов Петра и Павла, по образу церкве творения Святейшаго Никона Патриарха, что на Истре на лугу у Воскресенского монастыря, егоже нарицают царие Новый Иерусалим, в

[168] В издании [26, с. 39] упоминается, что после подавления Соловецкого мятежа в 1676 году был назначен в обитель архимандрит Макарий из Тихвина. Далее говорится: «Должность экклисиарха три года исполнял при нем благоговейный Игнатий, из рода Римских-Корсаковых, бывший впоследствии митрополитом Тобольским, который сильно обличал раскол своими посланиями; они весьма для нас драгоценны, как свидетельство современное неистовых действий мнимых ревнителей старины». Около 1679 года иеромонах Игнатий был назначен строителем Новосоловецкой Марчуговской пустыни, в 1683 году он был рукоположен во архимандрита Новоспасского Московского монастыря, а оттуда в 1692 году произведен в митрополита Тобольского.



Свято-Вознесенский скит. Лит. Тр.-Серг. Лавры, 1881 г.

ней же пустыньке и Святейший Никон живяше, а тот образец ведает каменщик наш Трофим; прошу любовь вашу, постройте, а во что станет, мы со многою любовию по письму вашему к вам деньги пришлем» [9, ч. III, с. 238]. Через год митрополит Игнатий пишет новую грамоту, упоминая, что послал уже 100 рублей и посылает еще 50 рублей своих келейных денег. Он просит, чтобы начинали строить храм, который он обещался построить, будучи строителем Московского подворья Соловецкого монастыря. К сожалению, продолжение этой истории пока не известно. Строительство храма было начато только спустя 150 лет при архимандрите Александре и завершено в 1862 году при архимандрите Порфирии, столпообразный храм возведен «иже под колоколы», то есть в верхнем ярусе имеет колокольню, а в оформлении несет древнерусские и классические черты[169]. Алтарь храма ориентирован на север. С южной стороны церковь связана небольшой галереей с деревянным братским корпусом, в котором летом жили служащий иеромонах и несколько человек братии. Добротный келейный корпус частично сохранил внутреннюю планировку и печи. С балкончика на западном фасаде открывается хороший обзор, даже видны острова Кузова. На склоне горы сохранились обычная для Соловков валунная баня да стоящий неподалеку колодец. Каменная часовня с восточной стороны при подошве горы не сохранилась. Окрестности скита были хорошо обустроены и ухожены: расчищенные дорожки выложены булыжниками, на крутых склонах — лестницы, на южном склоне устроены ягодники и огороды. Подъем в гору шел по неспешно изгибающейся дороге. Другой путь в сторону Савватиева вел по крутой

[169] Храм построен по проекту архитектора Шахларева.

Келейный корпус. Фото нач. XX в.

лестнице, насчитывающей около 250 ступенек. Свято-Вознесенский храм поставлен на вершине одной из самых высоких (80 м) на Большом Соловецком острове горы. Это единственная на Русской земле церковь-маяк. Свет от креста помогал плавающим, путешествующим, терпящим бедствие на море. Нижний храм посвящен ангельским силам: престол освящен в память чуда Архистратига Михаила в Хонех (6/19 сентября)[170]. В среднике запрестольного образа (а также в росписи на южном столпе) можно видеть грозного Архистратига, изменяющего русло реки, и по-

[170] Во Фригии, недалеко от города Иераполя, в местности, называемой Херотопа, находился храм во имя Архистратига Михаила; около храма истекал целебный источник. Храм этот был сооружен усердием одного из жителей города Лаодикии в благодарность Богу и святому Архистратигу Михаилу за исцеление его немой дочери водой источника. Архистратиг Михаил, явившись в сонном видении отцу немой девицы, еще не просвещенному святым Крещением, открыл ему, что его дочь получит дар речи, испив воды из источника. Девица действительно получила при источнике исцеление и начала говорить. После этого чуда отец с дочерью и все его семейство крестились, и усердием благодарного отца был воздвигнут храм в честь святого Архистратига Михаила. К источнику стали приходить за исцелением не только христиане, но и язычники. В храме святого Архистратига Михаила в продолжение 60 лет исполнял пономарское служение благочестивый человек по имени Архипп. Проповедью о Христе и примером своей богоугодной жизни он многих язычников приводил к вере во Христа.

В своем озлоблении на христиан вообще, и в первую очередь на Архиппа, который никогда не отлучался от храма и был примерным служителем Христовым, язычники задумали уничтожить храм и одновременно погубить Архиппа. Для этого они соединили в одно русло две горные реки и направили их течение на храм. Святой Архипп усердно молился Архистратигу Михаилу о предотвращении бедствия. По его молитве около храма явился Архистратиг Михаил, который ударом своего жезла открыл в горе широкую расселину и повелел устремиться в нее водам бурлящего потока. Таким образом храм остался невредим. Увидев такое дивное чудо, язычники в страхе бежали, а святой Архипп и собравшиеся к храму христиане прославили Бога и благодарили святого Архистратига Михаила за помощь. Место же, где совершилось чудо, получило название Хоны, что значит «отверстие», «расселина».

номаря Архиппа, сидящего при храме. Угловые клейма посвящены вселению на остров преподобных Савватия и Германа (сами они изображены в полный рост по сторонам иконы), а внизу видны ангелы, секущие жену. Росписи в нижнем храме были забелены в лагерные времена. В конце XX века побелка стала отпадать и открылись лики архангелов на своде, икона Божией Матери «Знамение» с предстоящими Зосимой и Савватием на западной стене, лики святых: Феодора Тирона, Алексия Человека Божия, равноапостольного князя Владимира, Михаила Черниговского, Феодосия Черниговского. В 2005—2006 годах были проведены работы по расчистке, фиксации и реставрации росписей. Верхний храм посвящен Вознесению Господню, он летний (толщина стен заметно меньше), поэтому богослужения в нем совершались от Вознесения до Покрова. Стены этого храма не были расписаны, так как он не отапливался. Местоположение этого храма, расположенного между небом и землей, особенно способствует тому, чтобы в молитве отрешиться от всякого житейского попечения и обратить очи сердечные горе ко Христу.

В первые лагерные годы в штрафной изолятор на Секирную гору направляли проштрафившихся на островах, пойманных беглецов с Кемперпункта и с материковых командировок УСЛОНа. На это имели право ИСО-ИСЧ и начальник лагеря. В штрафной изолятор заключали на срок от 1 месяца до 1 года за побеги и подготовку к ним (бежали в основном уголовники и бытовики, каэрам в случае поимки грозил расстрел), за неоднократные или групповые отказы от работ, за самоувечье и за «контрреволюционную агитацию в лагере», но немногие могли выдержать условия заточения больше 6 месяцев.

Вокруг церкви стояли 3 сторожевые будки. Каждый ярус храма был разделен на 3 отделения: общая камера, одиночные и «особые» — за взятки для привилегированных секирчан. Оба яруса совершенно не отапливались. Окна забиты щитами. Осужденных в строгий изолятор (на втором ярусе) вталкивали в камеру в одном белье. Отбирали все вещи и деньги. В камерах обоих ярусов не было ни коек, ни постелей. Люди спали в одном белье на полу, зимой покрытом инеем. В нижнем ярусе давали 300 г хлеба и раз в день пшенный навар. В строгом изоляторе даже навара не получали: кружка горячей воды через день и полфунта хлеба в сутки.

Из воспоминаний Зайцева: «вдоль стен высокого здания и посередине на голых деревянных нарах сидят плотно друг к другу заключенные. В 1926 году разрешили поставить железную печку-времянку, но топить ее позволяли только на ночь, с 20 до 24 часов. На ночь же выдавали один предмет из одежды. В 11 часов раздают хлеб по фунту на брата, суп и по

3—4 ложки каши. Утром приносят кипяток по кружке на троих. Цинготникам выдавали добавочно по полфунта черного хлеба и на двоих одну воблу, а также по столовой ложке тюленьего жира. После поверки (в 7 часов утра) приносят ушаты с холодной водой и ковшом поливают ее на охотников. Один раз в неделю баня, где дают по шайке теплой воды и 15—20 минут на мытье. После подъема команда: «Садись по местам! Прекратить разговоры! Ни слова больше!» Все усаживаются в 2 ряда. В сильные морозы некоторые дежурные разрешали составлять группы для согревания. 4 человека садились спиной друг к другу, а наружные части согревали, хлопая по ним руками, часто по команде, вроде групповой гимнастики. Ночью спали штабелями: ложились друг на друга в 4 яруса, перемещаясь в течение ночи из одного яруса в другой. Тогда во внутренних ярусах можно было немного согреться, однако существовала опасность быть раздавленным или задохнуться, находясь в нижнем ярусе. В наказание штрафники на озере переливали воду из одной проруби в другую. Существовал карцер «под маяком» — холодная камера, вся в щелях, под куполом собора. В каждом этаже раньше был особый храм, трехпрестольный, с главным алтарем и двумя приделами (это неверно, был алтарь, диаконник и жертвенник). Теперь прекрасная роспись на стенах храмов была скверно и грубо заштукатурена. Прежние боковые алтари переделаны в карцеры, где происходили избиения строптивых штрафников. В верхнем этаже, там, где в храме был расположен святой жертвенник, теперь стоит огромная «параша» для большой нужды...»

Там, где под горой начинается дорога на Савватиево, в 1992 году в присутствии Святейшего Патриарха Алексия II архимандритом Иосифом с братией установлен Поклонный Крест в память всех здесь пострадавших. Лестница рядом с Крестом напоминает о том, что Крест — «небесная лествица, ступеням святыни наставниче, Христова высота и слава, Божий образ назнаменателен, миру невидимому же и видимому единочестне» [27, с. 215].

В 2003 году восстановлен Поклонный Крест с восточной стороны горы. Даты «1837—1937» на перекладине Креста напоминают о том, что здесь поставлен был Крест в 1837 году и простоял до 1937 года,

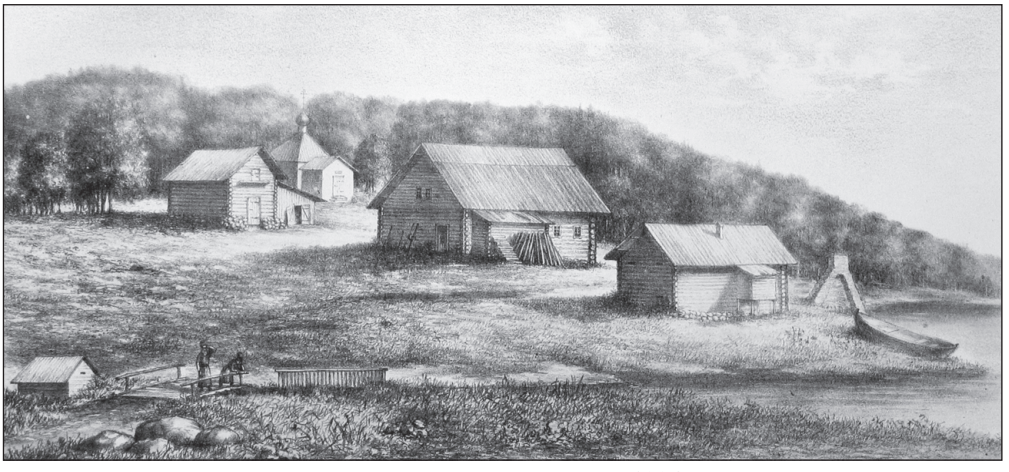
Крест, 1992 г.

когда был спилен и вместе с заготовленным лесом отправлен на материк. Этот Крест мистически отмечает границу скита.

В Свято-Вознесенском скиту на Секирной горе с 2003 года затеплилась монашеская жизнь: совершаются регулярные богослужения, на которых скитоначальник иеромонах Матфей с братией возносит молитвы о всех убиенных и замученных в штрафном изоляторе СЛОНа. В июле 2006 года на юго-западном склоне горы было обнаружено около 60 могильных ям. Их обследование показало, что в самой большой яме покоятся останки 26 человек, причём 22 из них убиты выстрелом в голову, а четверо — в грудную клетку. У всех погибших перед расстрелом были связаны руки. Найденные в яме пули и гильзы указывают на то, что расстрел производился прямо на месте. На всех обнаруженных могилах установлены кресты, возле которых братия монастыря и паломнические группы совершают панихиды и литии, начато благоустройство мемориального кладбища.

6.3. ИСАКОВО

Исаково расположено в двух километрах от Секирной горы, на берегу Исаковского озера. В древние времена здесь селились Соловецкие отшельники — подвижники веры. Сколько угодников Божиих, возлюбивших пустынное житие, знала святая Соловецкая земля! О многих, даже при их жизни, в самой обители слышали только по рассказам. Обычной пищей отшельников были травы, питием — чистая вода из близлежащего озера, кровом — землянки и пещеры. Позднее здесь возникла небольшая Исаакиевская пустынь. Свое название она получила от стоявшей здесь деревянной часовни во имя преподобного Исаакия Далматского — святого подвижника древнехристианской Церкви (†383 г.). С XVIII века

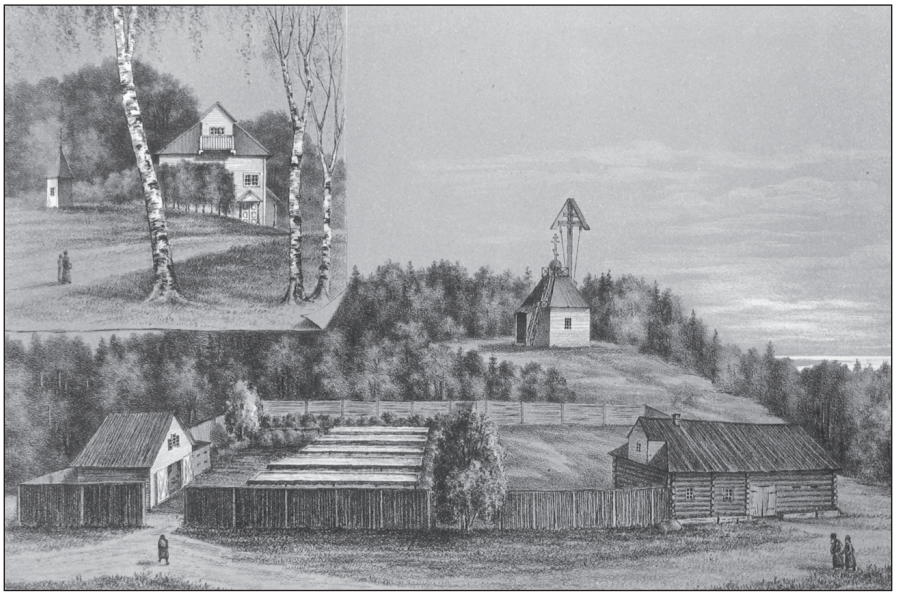


Исаково. Лит. Черепанова, 1884 г.

приходили сюда монастырские сенокосцы, так как это место изобиловало сенокосными угодьями. В настоящее время из старых построек Исаакиевского скита сохранились деревянный жилой дом (1836 г.), валунная баня на берегу озера и складской амбар (конец XIX в.). В XIX столетии в скиту стояло несколько жилых домов, много земли было расчищено под луга.

6.4. МАКАРИЕВА ПУСТЫНЬ

Впервые на средней высоты холм, расположенный между двумя большими озерами, обратил внимание архимандрит Макарий (о нем см. гл. 3.9) и в 1822 году он поставил там две пустынные келии. Одна из келий была предназначена для настоятеля, а в другой проживала братия. Сохранилась и небольшая деревянная часовня неизвестного посвящения. После войны 1854 года, в которой Соловецкая обитель героически отразила жестокое нападение англичан, на горе возле Креста была поставлена небольшая деревянная четырехгранная часовня во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского, в коей была следующая надпись: «Настоятель архимандрит Александр поставил на сей горе в 1854 г. Крест Господень и часовню во имя Святаго Великаго Князя Александра Невскаго, ангела своего, и гора сия названа “Александровская” за спасение жизни своей при нападении англичан на Соловецкую обитель в 1854 г. июля 6 и 7 числ, в самую страшную канонаду, под градом ядер и бомб 36- и 96-фун. летавших над головами во время крестнаго хода вокруг монастыря» [25, с. 114].



Макариева пустынь. Александровская гора. Лит. Черепанова, 1884 г.

Крест 1907 года

Сильно перестроенная часовня и сейчас стоит на Александровской горе, сохранился и памятный камень с названием горы. Под горой тогда же был устроен валунный амбар с ледником для хранения припасов. Сейчас он засыпан землей и порос травой, отчего производит впечатление глубокой древности. На Крестовой горе в 1907 году был установлен Поклонный Крест. Сейчас он окружен высоким лесом, а в прошлом был виден с дороги и с моря.

В середине XIX века в полюбившемся Соловецким архимандритам месте, на вершине холма, из привозной лиственницы был построен большой двухэтажный летний дом с мезонином. С его строительством южный склон холма начал обустраиваться и засаживаться специально завезенными сюда редкими породами деревьев и экзотическими растениями. Сейчас самыми старшими по возрасту являются сибирские кедры и яблони Палласа, которым более ста лет. Так было положено начало будущему ботаническому саду. Позднее здесь появилось множество небывалых для северных широт растений: липа мелколистная, черемуха пенсильванская, даурский чай, роза морщинистая, бодан толстолистый и другие. С устройством в пустыни воскобелильного завода количество растений еще более увеличилось. По трубам, проложенным под землей от печей завода, тепло подавалось в парники, в которых выращивались арбузы, дыни, персики. Здесь же была цветочная оранжерея.

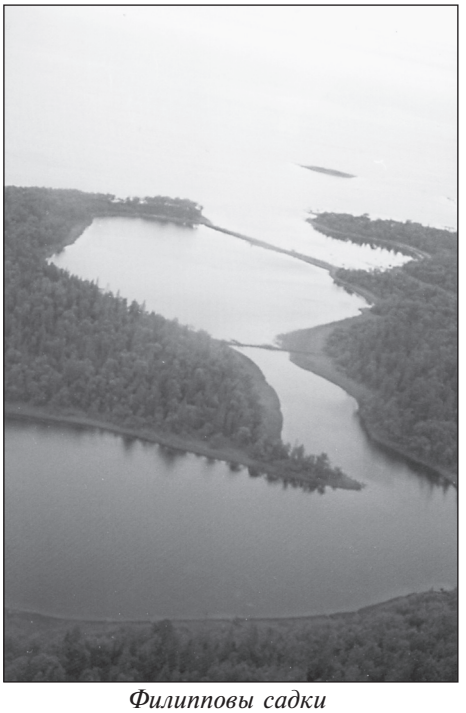
Большие работы по акклиматизации привозных растений проводились в 20—30-х годах XX века Соловецким обществом краеведения. Им были высажены и выращены пихта сибирская, туя западная, тополь бальзамический, яблоня сливолистная, боярышник желтокорый, вишня птичья, а также декоративные деревья и кустарники, такие как калина, орешник, барбарис, чай курильский и многие другие. Украшением Хутора Горки (так стала называться Макариева пустынь в советское время) стала лиственничная аллея, ведущая к дому архимандрита, посаженная заключенными в 1933 году.

После войны за садом ухаживали соловецкие школьники, а после организации музея-заповедника акклиматизацией растений стали заниматься сотрудники отдела природы. В настоящее время коллекция бо-

танического сада насчитывает около ста видов растений из Средней Европы, Сибири, Средней Азии и даже Северной Америки. Растения ботанического сада более непривычны для северных жителей, приезжающих из Карелии и Архангельской области, чем для жителей средних широт. Известный этнограф XIX века С.В. Максимов писал: «Местность Соловецкого острова составляет решительный контраст со всеми соседними ей: словно природа огорчилась, истощенная в береговых тундрах и болотах, и, собравши последние оставшиеся силы, произвела на острове новый, особенный мир, в котором так все привольно и так все сродни и знакомо дальнему, заезжему человеку...»

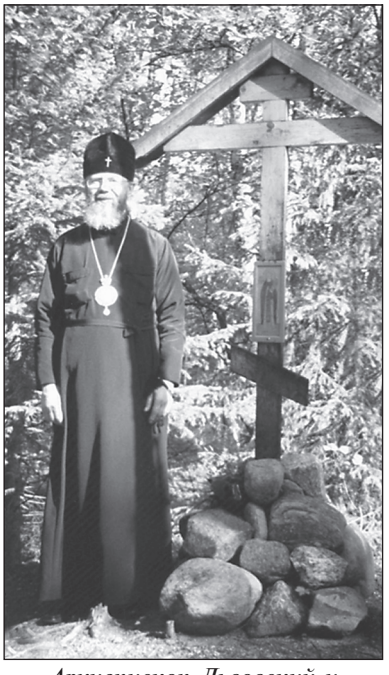
6.5. ФИЛИППОВЫ САДКИ И МЕСТА КЕЛИЙ ПРЕПОДОБНЫХ ЗОСИМЫ И ГЕРМАНА

При игумене Филиппе, много порадевшем о благоустроении Соловецкой обители, на берегу моря к северо-западу от монастыря были сооружены садки для содержания выловленной в море рыбы. Мысль о создании их рачительному настоятелю подсказала сама соловецкая природа: в этом месте морская рыба постоянно заходила в два небольших залива. Для устройства садков мелководные проливы были перегорожены грядами из крупного булыжника, через которые происходила фильтрация воды. В отгороженных прудах разводилась и содержалась выловленная в море свежая рыба. Валунная перемычка одного из прудов, при ширине и высоте около двух метров, протянулась вдоль моря на 150 метров. Мелководная часть пруда отделялась от глубокой еще одной перемычкой, которая, возможно, отгораживала молодняк от взрослой рыбы или служила дамбой для перехода рыбаков во время отлова рыбы сетями. Со времен Святителя Филиппа треска — свежая летом, соленая зимой — стала существенным добавлением к скромной братской трапезе; хватало ее и для трудников, и для многочисленных паломников.



Филипповы садки

Садки использовались в течение нескольких столетий. На одной из



Архиепископ Львовский и Галицкий Августин на месте келии прп. Германа. 2004 г.

поздних карт они названы «прудом для свежей трески». Свое существование они прекратили, видимо, из-за поднятия суши в районе Соловков (в среднем до 30 сантиметров в столетие) и, как следствие, уменьшения поступления в пруды свежей морской воды.

Игумен Филипп устроил садки вблизи того места, где в 1436 году поселились преподобные Зосима и Герман. Небольшой островок к западу от садков до сих пор называют «остров Зосимы». Отсюда он мог видеть таинственный свет и церковь «на воздусе» над тем местом, где сейчас располагается монастырь. Действительно, очень живописный вид на монастырь открывается с мыса острова Зосимы, а также с мыса, на который ведет дамба садков. Место келии преподобного Зосимы находится недалеко (метров 100) от берега напротив островка его имени. Там сохранился колодец с желтоватой, но вкусной водой. У источника установлен Поклонный Крест. К юго-востоку от Креста видны развалины часовни во имя преподобного Зосимы, Соловецкаго Чудотворца. Каменная восьмигранная часовня была построена в память первоначальнаго жительства преподобного Зосимы на этом месте. В ней находилась доска со следующей надписью:

«Святый преподобный Зосима прииде на этот Соловецкий остров с преподобным Германом в 1436 году, жил на сем месте в келии, близ таковой же преподобнаго Германа. С этого места благоволил Господь Бог чудесно показать преподобному Зосиме славу Свою в храме, сходящем с неба в сиянии на то место, где имела быть преславная обитель. После этого видения преподобный Зосима и Герман перешли на место, указанное Богом; там построили храм, — нынешнюю обитель во имя Преображения Господня, и при ней общежительство на строгих душеполезных правилах для жительствующих и посетителей. Еще с начала обители поставлена здесь часовня, куда преподобный Зосима по временам приходил для безмолвной беседы с Богом о испрошении милости Божией и отпущения грехов любящим обитель; для сохранения этого святаго места богоугоднаго труженичества великаго угодника Божия, на память потомству — любителям святыни, построена эта часовня вместо деревянной тщанием архимандрита Александра с братиею в 1854 году» [25, с. 111].

Если пройти по дорожке вдоль берега метров 800, мы окажемся на месте келии преподобного Германа. Она была расположена у ручья, на котором археологи обнаружили остатки древней мельницы. Место келии отмечено Крестом, а гладкий камень у его подножия — ступенька от разрушенной часовни преподобного Германа. В часовне находилась следующая надпись на доске:

«Святый преподобный Герман по вторичном приходе на Соловецкий остров с преподобным уже Зосимою в 1436 г. жил на сем месте в келии близ келии преподобного Зосимы до того времени, пока Бог чудесно не открыл в видении преподобному Зосиме в пресветлом сиянии церкви, на воздусе сходящей с неба на то место, где имела быть преславная великая обитель. По видении этом преподобные отцы Зосима и Герман перешли жить туда, где ныне обитель, которую Господь Бог благоволил устроить в незабвенную память к святому угоднику Герману и святых его подвигов; с древних времен на этом месте была поставлена часовня, а вместо той, ветхой деревянной, поставлена эта при архимандрите Александре с братиею в 1854 году» [25, с. 112].

6.6. ПЕРЕГОВОРНЫЙ КАМЕНЬ

Переговорный камень лежит на берегу моря, в трех километрах к югу от монастыря, на месте, где архимандрит Александр встретился с представителем английской военной эскадры. На гладкой плите правильной формы сохранилась надпись: «Зри сие. Во время войны Турции, Франции, Англии, Сардинии с Россией здесь был переговор Настоятеля Архим. Александра с английским офицером Антоном Н. 22 июня, 1855 в

Мыс вблизи переговорного камня

среду в 11 час. до полудня по записке начальника неприятельской военной эскадры в Белом море, требовавшего от монастыря быков (записка представлена Святейшему Синоду). После переговоров, благополучных для обители, настоятель, возвратясь в монастырь в 1 час дня, служил в тот день в Успенском соборе Литургию и молебны; служба кончилась в 4 часа. В эту неделю три дня пост строгий был в обители и скитах и Господь в это лето не допустил воюющих нарушить иноков покой, как без милосердия они поступили в 1854 г. А.А.» Не выдав в распоряжение англичан свежего провианта, монастырь в очередной раз подтвердил свою твердость и независимость. Это был первый и единственный в истории случай, когда неприятель ступил на святую Соловецкую землю.

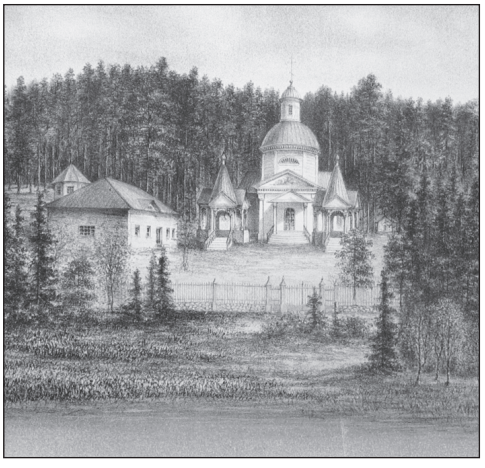
6.7. ФИЛИППОВА ПУСТЫНЬ

От некогда благоустроенной пустыни, расположенной в двух верстах от монастыря, на возвышенном месте у небольшого Игуменского озера, сохранился лишь келейный корпус середины XIX столетия да несколько старых могучих кедров. Это место связано с памятью о митрополите Филиппе, который, еще будучи простым иноком, избегал «даже и тени славы земной, боясь, как бы ради нее не лишиться Царства Небесного». С благословения игумена молодой инок немало лет провел в пустыни, навыкая безмолвию и богомыслию. И позднее, став игуменом, Филипп удалялся сюда из обители для уединенной молитвы. Когда царь Иоанн Грозный повелел игумену Филиппу отправиться в Москву, чтобы нести бремя предстоятеля Русской Церкви, он, не желая расставаться с Соловецкой обителью, просил у Господа вразумления, как поступить. По преданию, во время усердной молитвы ему было видение Христа Спасителя, в терновом венце и оковах, с окровавленным Ликом и ранами от мучений и истязаний. Это было предзнаменованием мученической кончины будущего первосвятителя. Филипп принял решение следовать по Крестному пути Христову. На месте чудесного явления из земли истекли струи чистой ключевой воды. В 1565 году в память об этом игумен Филипп поставил над святым источником часовню и сде-

Келия Святителя Филиппа. Лит. Черепанова, 1884 г.

Изображение страждущего Спасителя. Фото нач. XX в.

Церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Фото нач. XX в.



Филиппова пустынь.
Лит. Черепанова, 1884 г.

лал для нее деревянное резное изображение страждущего Спасителя. С той поры в Филипповой пустыни братия монастыря бережно сохраняла келию великого Соловецкого игумена и в ней — гладкий камень, который, по преданию, Святой клал под голову. Со времен Святителя Филиппа и до начала XX века в этом уединенном месте селились монастырские схимники, которых привлекали покой и благодать сего места. В XIX веке здесь жили подвижники Соловецкие схимонахи Герасим, Иоанн, монах Памфил.

В 1839 году в Филипповой пустыни на месте обветшавшей деревянной часовни была возведена новая, больших размеров, с тремя крыльцами. А в 1854 году над источником Святителя Филиппа была построена и освящена церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник», к которой были пристроены небольшая колокольня и беседка. В церкви было поставлено резное деревянное изображение Спасителя в терновом венце, каким видел Его Святитель Филипп, а святой источник находился под алтарем церкви.

В 1920-е годы Филиппова пустынь была разорена и опустошена. В ней устроили пушной заповедник (Биосад) для искусственного разведения гаги, ондатры, лис, соболя. Его обширная территория простиралась через болото до Долгой губы. Во время СЛОНа в 1928 году здесь работал свмч. архиепископ Иларион (Троицкий), а в 1934—1936 годах — ученый, философ, священник о. Павел Флоренский.

В 2002 году 30 августа в Филипповой пустыни был установлен Поклонный Крест, изготовленный в монастырской мастерской. Крест несли на руках до пустыни и установили по традиции в деревянном срубе на том месте, где стоял храм. Источник сохранился, сейчас над ним устроен колодец.

6.8. БОЛЬШАЯ МУКСАЛМА

Остров расположен в десяти километрах от монастыря и отделен проливом шириной около километра от Большого Соловецкого острова. В 1975 году в северо-восточной части острова была раскопана неолитическая дюнная стоянка. Найденные здесь кремневые орудия, фрагменты

лепного сосуда, наконечники стрел и другие предметы подтвердили существовавшую в древнейшие времена связь Соловецких островов с первобытными стоянками на берегах Белого моря во втором — первом тысячелетиях до нашей эры.

Обширные луга Большой Муксалмы уже в древности способствовали использованию его под летнее пастбище для монастырского стада. Много скота привозили в дар монастырю поморские крестьяне. Уже описи 1514 года свидетельствуют о существовании на Муксалме «коровниц». Так продолжалось на протяжении столетий. Большие, богатые сочными кормами луга на Муксалме могли прокормить постоянно росшее стадо. В 1829 году сюда перевезли деревянную кладбищенскую церковь и приспособили ее под часовню во имя священномученика Власия, которого на Руси почитали как покровителя домашнего скота. Позднее на этом месте была возведена часовня Рождества Христова, а в 1873—1876 годах на средства, пожертвованные купцом М.И. Шапошниковым, недалеко от нее была поставлена каменная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского (архитектор Кармин). Своим обликом она напоминала церковь в Савватиеве. Во времена Соловецких лагерей Сергиевская церковь была разобрана.

Сохранившиеся в настоящее время постройки, широко раскинувшиеся на большом ровном поле, относятся преимущественно к началу XX столетия. В 1900 году под руководством архитектора Вуколова был построен деревянный двухэтажный дом для приезжих, так называемый Сергиевский корпус. Вслед за ним в 1901—1905 годах был возведен самый большой из всех существующих на островах каменный жилой корпус с хозяйственными погребами. В прошлом к нему вплотную примыкал большой деревянный скотный двор [40, 41].

Скит прп. Сергия Радонежского на Б. Муксалме. Лит. Черепанова, 1884 г.

Сейчас уцелевшие строения бывшего скотного двора сильно обветшали, а сто лет назад посещавшие Большую Муксалму православные паломники дивились мастерству и добротности здешних построек, большому размаху, чистоте, обжитости и ухоженности всего монастырского скотоводческого хозяйства.

Но, пожалуй, самой яркой достопримечательностью следует считать проложенную между островами соединяющую их валунную дамбу (1865—1871 гг.). Длина ее составляет около километра. По этой дамбе перегоняли монастырские стада, тогда как раньше скот от монастыря доставляли на остров с большими сложностями: через бурный пролив на лодках или плотах. Большое количество мелей между островами позволило использовать их как основу для прокладки дамбы. Она пролегает по наиболее мелким местам пролива, прихотливо изгибаясь среди моря и валунных насыпей. Выстроили дамбу монастырские трудники, руководимые талантливым строителем монахом Феоктистом. Первоначально дамба была сложена из крупного валуна без скрепляющего раствора. В конце XIX века деревянный мост заменили тремя каменными арками для прохода карбасов, а в начале XX века дамба была надложена, по бокам валуны были скреплены металлическими скобами, и устроено деревянное ограждение. Несомненную привлекательность этой местности придают обилие света, открывающиеся по сторонам морские просторы, подвижная стихия волн и неба, пропитанный запахом соли и водорослей свежий ветер.

Большая соловецкая дамба не была первым гидротехническим сооружением такого рода. В 1828 году была проложена первая, гораздо более скромная, трехсотметровая дамба между островами Большая и Малая

Дамба. Фото нач. XX в.

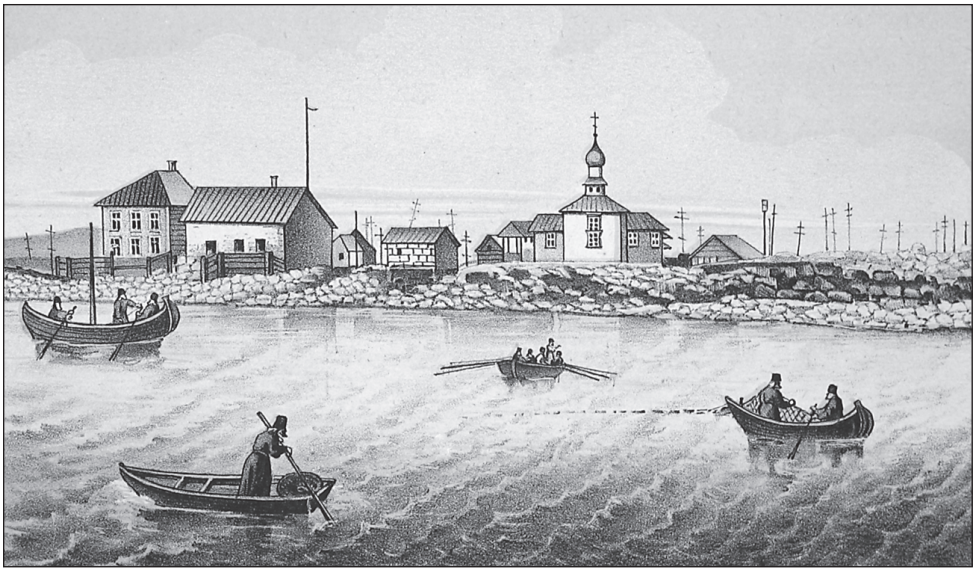
Муксалма. Она также предназначалась для перегонки скота на небольшой, почти безлесый, но покрытый травой остров. Сейчас она сильно размыта и имеет несколько проливов, через которые когда-то были перекинуты деревянные мосты.

Помимо содержания скота на малом острове были заведены рыбные и тюленьи промыслы, в связи с чем построены жилые помещения, амбары и баня. После возведения на Большой Муксалме каменной церкви сюда была перенесена старая часовня — бывшая Онуфриевская кладбищенская церковь. В сильно перестроенном виде стоит она и сейчас на возвышении в центре острова. От бывших жилых изб промысловиков сохранилось только две, хотя подобных построек когда-то стояло много вдоль соловецких берегов.

6.9. АНДРЕЕВСКИЙ СКИТ НА БОЛЬШОМ ЗАЯЦКОМ ОСТРОВЕ

В грамоте (около 1450 г.), данной правителями Новгородской республики, 3-му Соловецкому игумену Ионе на владение Соловецкими островами упоминался уже остров Заячий [9, с. 9]. Название это, возможно, связано с тем, что вблизи этих островов водились мелкие тюлени, называемые морскими зайцами. На западном берегу Заяцкого острова в середине XVI столетия при игумене Филиппе была сооружена валунная гавань, построены каменная жилая палата — надежное пристанище для плавающих и путешествующих — и при ней поварня. «В лето 7069-е (1561 г.) <...> в Заяцком делал становище каменное, полатку да поварню, а люди монастырские да игумновы наймиты, а хлеб ели общий монастырской» [39, с. 15]. Монастырским мореплавателям слишком знакомо было коварство Белого моря с часто сменявшимися ветрами и мощными приливами и отливами, множеством опасных подводных камней. Морской путь, который сейчас преодолевается за 45 минут, в прошлом мог потребовать нескольких часов[171], а то и дней. Приходившие из Архан-

[171] «Более суток пробыли мы на Заячьем острове, имея в виду здешнее прославленное место. Ветр веял все с одной стороны, т.е. N.O., прямо противной и довольно усильчивой. Наконец решились мы преодолеть, нещадением наших сил, его упорчивость, и пустилися 1 июля по утру в 9 часов бечевою, подле берега Заяцкаго острова. Трудно было откалываться от подводных камней, около берега лежащих, кои безпрестанно стучали во дно и киль нашего судна. Добравшись близ островка, неподалеку от Заяцкаго лежащаго, называемаго Парусная луда, пустились к нему на гребях, и миновав его, приближились к берегу Соловецкаго острова, через что получили небольшой выигрыш в ветре; растянув паруса с помощью весел добились напоследок до ворот гавани монастырской, ознаменованных по обеим сторонам прохода деревянными крестами, в каменных насыпях водруженными. В один час за полдень вошли мы в сие спокойное отишие». Письма Александра Фомина из путешествия в Соловецкий монастырь, 1789 года. Письмо XIV, 3 июля 1789.



Андреевский скит. Лит. Тр.-Серг. Лавры, 1881 г.

гельска парусные корабли движимы были юго-восточным ветром, а для входа в бухту Благополучия приходилось дожидаться юго-западного или западного ветра. Поэтому такой необходимой и желанной была Заяцкая валунная гавань, сооруженная игуменом Филиппом. Вблизи гавани на северо-западном мысу во множестве стояли обетные и благодарственные деревянные Поклонные Кресты на каменных подножиях. Посетивший в конце XVIII столетия Заяцкие острова А.И. Фомин писал, что деревянных крестов на них «великое множество» и что они «подобятся лесной роще, сквозь которую взор едва проникнуть может». Архимандрит Досифей упоминает, что «святая вера с давних времен руководствовала здешних поморян к обычаю водружать Кресты, когда они близ островов или приморских берегов принуждены бывают стоять за противными ветрами. Сделав и поставив крест на той стороне, где пристали и куда им плыть надлежит, они надеются, что вскоре Бог даст им попутный ветр; а сие и действительно по усердию и вере их исполняется» [9, с. 7].

Конструкция и сам вид гавани уникальны. По современным меркам, это небольшой прямоугольный водоем, огороженный с трех сторон валунными насыпями. Восточная стена далеко выдается в море и заканчивается пристанью, к которой и до сего времени швартуются корабли. Рядом с пристанью неширокий вход в гавань. В северной части располагались пять эллингов, разделенных валунными перемычками. Здесь устанавливались в прошлом суда различной вместимости. В настоящее время

валунные конструкции гавани подверглись сильным разрушениям, оплыли или просто осыпались. Кроме того, по сравнению с XVI веком уровень воды понизился, по-видимому, из-за медленного поднятия всего Соловецкого архипелага.

На берегу рядом с гаванью при игумене Филиппе была построена каменная палата для проезжающих — первая гостиница. Это одно из первых валунных сооружений на Соловецких островах. Сейчас палата, сохранившая в нижней своей части древние формы, реставрируется. В ней предполагается разместить экспозицию по первобытной археологии. С восточной стороны от палаты можно видеть небольшую валунную поварню XVI века, верхняя часть стен и кровля которой были восстановлены в 2003—2004 годах. К северу от палаты находится валунный ледник, покрытый дерном.

Итак, Заяцкий остров был важным стратегическим пунктом для торговых и рыболовных судов. В начале соловецкого «осадного сидения» здесь располагалось государево войско с целью обеспечить экономическую блокаду взбунтовавшегося монастыря и вынудить его сдаться. Стряпчий Игнатий Волохов со стрельцами «каждогодно приезжая на Заяцкий остров и простаивая на оном не более трех летних месяцев, почти в бездейственном положении, в течение четырех лет не имел никакого успеха» [39, с. 16]. Экономическая блокада не удалась, так как монастырь пополнял запасы, принимая малые поморские суда в Долгой губе или в Сосновой губе.

Следующая страница истории Заяцкого острова связана с посещением Петра I. Первый раз он провел в Соловецком монастыре четыре дня (с 7 по 10 июня 1694 г.). Для монастыря монаршее посещение означало прекращение царского гнева на обитель. В память о своем посещении Петр поставил большой деревянный Крест на возвышенном берегу у пролива, разделяющего Большой и Малый Заяцкий островки. Н. Виноградов пишет: «Дожди и бури источили, обглодали деревянный Крест. Он подгнил, свалился и, как реликвия, помещен был в церковь, где и хранится до настоящего времени (1927 г.) за левым клиросом у западной стены. К сожалению, вырезанная на подножье Креста надпись настолько пострадала от времени, что из девятнадцати составляющих ее строк можно разобрать только лишь самое начало — «Божиею милостью...» [39, с. 16].

Во второй раз Петр пробыл на Соловках неделю, с 10 по 16 августа 1702 года. Все это время 13 пришедших с ним кораблей с войском в числе 4000 человек стояли около Заяцких островов. Монастырский летописец сообщает, что по желанию Государя под руководством придворного уставщика Иоанна Стефанова за несколько дней здесь была поставлена

деревянная церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного[172] — небесного покровителя России и русского флота. Церковь была освящена 1 сентября 1702 года при благоверном и великом Государе царе и Великом Князе Петре Алексеевиче, при благороднейшем государе царевиче и великом князе Алексие Петровиче, при преосвященном Афанасии, архиепископе Холмогорском и Важском, архимандритом Фирсом Соловецкого монастыря[173] [39, с. 78]. На месте нынешней церкви стояла издавна (лет 150—200) простая деревянная часовня. К концу XVII века она совершенно обветшала, поэтому в 1691 году на остров была перенесена Таборская часовня, построенная стрельцами в 1672—1676 годах. А в ней «лета 7200 (1691 г.), сентября в 27 день <...> поставлен Крест Христов с Распятием Господним светло украшен при архимандрите Фирсе с братиею Соловецкого монастыря на поклонение всем православным христианом» [39, с. 20, с. 77]. Высота Креста 4 м 25 см определяла размер часовни. В церкви, где Крест был поставлен у южной стены, на клиросе, по правую сторону иконостаса, верхняя его перекладина подходит под самый потолок. Самый низ Креста украшен чешуйчатой резьбой (дубовые листья, окрашенные в красный цвет) и представляет собою как бы чашечку цветка, из которого процвело Древо Крестное. По темно-синему фону Креста разбросаны золотые и серебряные звезды, восьмиконечные и четвероконечные кресты, розетки и другие украшения. Распятие представляет собой горельеф.

В 1701 году для часовни была написана икона апостола Андрея Первозванного, под ней надпись: «Сии горы Киевские, на нихже Первозванный апостол Христов Андрей восшедши, животворящий Крест поставил и пророчески рекл, яко на сих горах возсияти имать благочестие и град велик быти. Якоже и бысть по пророчеству святаго. Писал сей св. храмовой образ апостола Христова Андрея иконописец Иулиан Иванов: 1701 год, августа 12 дня. А поправлен 1864 года, декабря 23 дня» [39, с. 77]. Предполагалось, что эта небольшая церковь с иконостасом была срублена на материке и перевезена на остров в разобранном виде. Однако в последнее время появились основания предполагать, что при устройстве церкви были использованы основные конструкции часовни[174], то есть к

[172] Андрей — первый из двенадцати Апостолов Христовых, именуемый поэтому Первозванным. Согласно преданию, Апостол Андрей еще в I веке совершил путешествие по землям славян и проповедовал язычникам христианство. На Киевских горах им был воздвигнут крест. За приверженность учению Христа Апостол Андрей был распят на кресте в Патрах в Пелопоннесе ок. 67 года. Крест, на котором страдал и скончался Апостол Андрей, был, по преданию, не обычной формы, а косой, в виде латинской буквы Х. Память празднуется 30 ноября/13 декабря. Со времен Петра I в России Андрей Первозванный почитается покровителем военных моряков. Российский военно-морской флаг несет изображение Андреевского креста.

[173] Из надписи на обороте закладного Креста, находившегося в алтаре на юго-восточной стене.

[174] [2, вып. 4, 2005, с. 67]

часовне был прирублен пятигранный алтарь из бруса (а храм построен из круглых бревен), в ранее глухой восточной стене часовни сделан проруб для входа в алтарь, сооружена солея и установлен иконостас.

Внешний облик церкви с 1702 года не сильно изменился. В плане она имеет форму креста[175], в центре которого, над четвериком, водружен восьмигранный сруб, увенчанный не шатром, как обычно на севере, а круглой шейкой с луковичной главой. На главе высокий восьмиконечный крест, глава и шейка покрыты лемехом. Четверик срублен «в угол» с длинными зауголками, а алтарь рублен на пять граней «в лапу». Стены церкви и алтаря сложены из толстых бревен, гладко обтесанных с внутренней стороны. Потолок в церкви настлан «в елочку», между пятью продольными брусьями. Крыльцо, кроме прямого своего назначения, играло ещё роль звонницы: под крышей у лестницы были укреплены три маленьких колокола. Четвертый колокол, самый большой (полтора пуда), был снят и употреблялся в качестве сигнального. Он висел в 1927 году под особым навесом в виде гриба.

Первоначально церковь была окрашена: крыша — зеленой краской, восьмерик — белый с бледно-желтыми досчатыми зеркалами на каждой стороне, шейка главы белая, глава зеленая, а восьмиконечные кресты на церкви и на алтаре — желтоватого цвета, обшивка церкви окрашена в желтый цвет. В окнах алтаря в 1927 году ещё сохранялись слюдяные оконницы.

Характерной особенностью этой церкви было наличие в прошлом небольшой закрытой галереи, окружавшей церковь и сохранявшей в ней тепло. Сейчас галерея и старинное крыльцо утрачены, растесаны некоторые окна, не украшают церковь и следы поздней обшивки.

Во время Крымской войны (1854—55 гг.) на Заяцкие острова неоднократно высаживались англичане с военных судов. Приведем тексты надписей на памятной доске, находившейся на западной стене церкви за правым клиросом. 8 июля 1854 года, «будучи посрамлены неудачным приступом к Соловецкой обители», английские корабли сделали 2—3 выстрела и по Большому Заяцкому острову. Не получив ответа, они «в злостном ожесточении устремились на сей храм и, не заходя в гостиницу, где жил монах Мемнон, разрубили двери <Андреевского> храма и в нем церковную кружку, царские врата отворили, раскрыли престол, похитили с иконы Божией Матери крестики, принесенные богомольцами, захватили три колокольчика и бежали в Крестный монастырь грабить» [39, с. 80].

[175] Рукоятью креста является крыльцо, нижней частью креста — широкий притвор, верхней частью — алтарь, а центральную поперечную перекладину составляет сама церковь.

«В 1855 году англичане в течение лета раз пять приставали к Заяцкому острову, где и по три дня жили, а французы два раза бросали якорь. Храм отверстый стоял, при нем жил тот же монах Мемнон». Выйдя на берег, англичане охотились на зайцев и монастырских баранов. Отъезжая с острова, командир десанта передал через старца Мемнона соловецкому настоятелю штуцерную пулю (которая хранится в ризнице монастырской) с письменным требованием выдачи им нескольких быков. За быками они приехали 21 июня и, получив через старца Мемнона отрицательный ответ настоятеля, пожелали видеть его самого. Встреча состоялась на другой день, 22 июня, на Соловецком острове, на том месте, где теперь лежит переговорный камень (6.6). В выдаче быков было категорически отказано. 12 августа англичане еще раз приглашали настоятеля для объяснений, но он на этот раз им в свидании отказал. Затем англичане высаживались на остров 17 и 18 августа и, уходя с острова, они забрали с собой годичный запас хлеба и дров, имевшийся у монахов. И последний раз англичане посетили Заяцкий остров 7—10 сентября, после чего уже не показывались, так как вскоре был заключен мир. «При последнем уходе усиливались козла монастырского захватить, но он удивительною смышленостью избег плена, целое лето будучи ласков с неприятелем, как ручной. Монах Мемнон настоятелю объявил, что козла увезли англичане, но животное, убежавши из рук неприятелей, более суток пролежало в Каменной горе».

В конце XIX — начале XX века, когда обустроена была уже гавань Благополучия, Андреевский скит мало посещался, сюда ссылали в наказание «за мелкие провинки», и два монаха присматривали за «несколькими десятками ягнят и баранов, кои в пищу употребляются монастырскими штатными служителями и работниками» [39, с. 18].

После прекращения навигации Заяцкие острова были совершенно изолированы от окружающего мира. В 1914 году во время бури поздней осенью утонули в море два жившие здесь монаха. Об их смерти узнали только через несколько недель, когда установился пешеходный путь по льду [51, с. 81].

Однако Н.Н. Виноградов отмечает, что Андреевская церковь усердно посещалась поморами и икона Святителя Николая Чудотворца (Николы Морского) вся была завешена их приношениями: умилостивительными и благодарственными привесками (иконки, крестики, картинки, четки). Со времени возрождения монастыря богослужения здесь совершаются 13 декабря и 13 июля (н.с.) в дни памяти апостола Андрея Первозванного.

Единственный в настоящее время источник пресной воды на Заяцком острове находится в 900 м от пристани, туда ведет тропинка вдоль южного берега. В 2002 году над источником сооружена часовня.

Открытый всем ветрам, с мощными нагромождениями валунов и низкой растительностью, Заяцкий остров может показаться мало приспособленным для жизни, однако ещё в эпоху неолита сюда приходили люди.

Памятники неолита на острове датируются третьим — вторым тысячелетиями до н. э. и представлены лабиринтами, искусственными нагромождениями камней, курганами и каменными выкладками в виде «оградки», «пирамиды», «креста» и другими. Особенно много их на склонах невысокой Сигнальной горы. Здесь 14 лабиринтов, более 600 курганов, два дольмена и другие древнейшие сооружения. Наибольший интерес среди них представляют загадочные лабиринты[176] — невысокие спиралевидные каменные выкладки круглой или овальной формы, с диаметром от 3 до 20 метров. Как правило, лабиринты имеют вход и выход в одном месте, так что, следуя в одном направлении, можно дойти до центра, а затем, не переступая через каменный барьер, вернуться туда, откуда вошел. Изучавшие лабиринты ученые по-разному отвечали на вопрос об их назначении [42]. Н.Н. Виноградов выдвинул гипотезу, что лабиринты — изображение Saivo — священных гор, где живут духи усопших предков, наслаждаясь блаженством. Вместе с тем они являлись и местом жертвоприношений для умилостивления этих духов.

Современные исследователи северного неолита А.А. Куратов и А.Я. Мартынов[177] установили, что входы в лабиринты имеют различную пространственную ориентацию и почти всегда соседствуют с каменными курганами, дольменами и другими каменными выкладками, которые, по-видимому, образуют единый культово-погребальный комплекс. Каменные курганы представляют собой искусственные валунные насыпи полукруглой или полуовальной формы небольших размеров и высотой около метра. При разборке некоторых из них были обнаружены остатки древних языческих захоронений. Возможно, что в этих местах также были первобытные капища.

Не менее сложным для науки оказался вопрос об этнической принадлежности народов, посещавших острова Соловецкого архипелага в те древние времена. Лишь недавно, после обнаружения на Малом Заяцком острове кремневой фигурки тюленя, удалось подтвердить принадлежность этой культуры протосаамским племенам, жившим на побережье Белого моря. Судя по всему, во времена, когда они заплывали на острова, кли-

[176] Н.Н. Виноградов в работе «Соловецкие лабиринты» 1927 г. указывает, что название «лабиринт» возникло в научной литературе по подобию древнего лабиринта на о. Крит и совершенно неизвестно было местным жителям в России, где такие сооружения называли «вавилонами», подчеркивая их замысловатость.

[177] Мартынов А.Я. Древними тропами Соловецких островов. М. 2006.

матические и геологические условия были другие: климат был значительно теплее, а уровень моря у островов намного выше.

В XVI веке монахи, не имея возможности разобраться в культовой принадлежности археологических памятников, поступили просто: не разрушая то, что было устроено до них, они выложили на вершине Сигнальной горы валунный крест, то есть посвятили это место Богу.

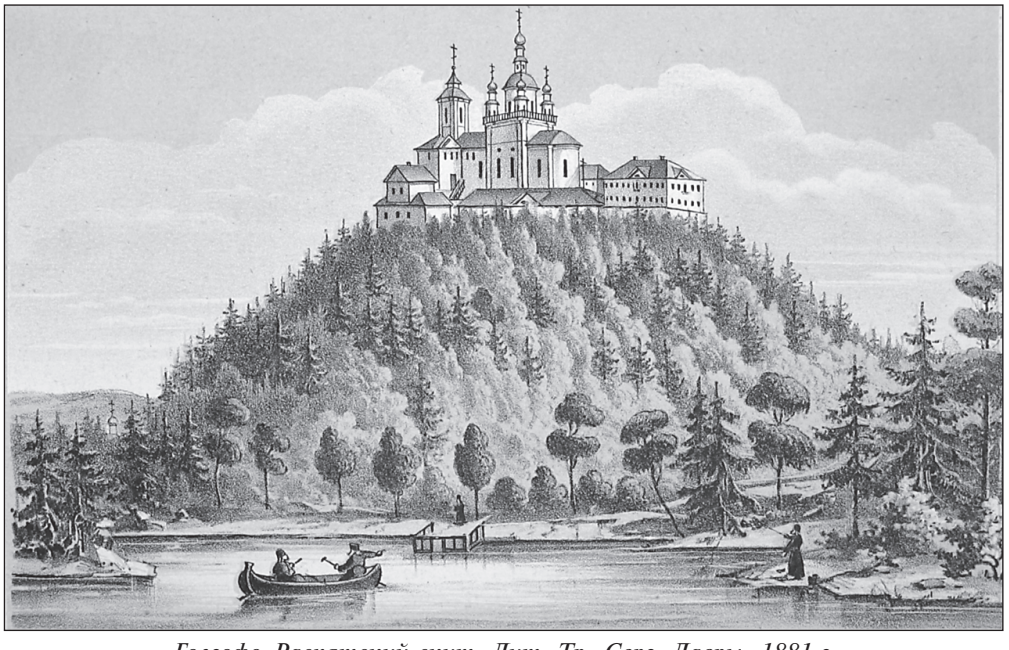
Модель яхты-фрегата Петра I, подаренная им монастырю и находившаяся в арке Святых врат. Фото нач. XX в.

ГЛАВА 7

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО НА ОСТРОВЕ АНЗЕР

7.1. ДИВНЫЙ АНЗЄР

11 июня 1907 года на гору Голгофу поднимался странного вида человек: высокие сапоги совершенно грязные, куртка в смоле от лодки, изорвана, на плече котомка, в которой гремят пустые патроны... Чувствовал он некоторое смущение, так как путь по Белому морю в белые ночи и разговоры с кормчим о промысле на тюленей, когда охотников на льдине уносит в море, и они прощаются там со всем земным и живут только верой в Бога, настроил его против обыкновения серьёзно. «Монашеская жизнь на диком острове — тоже реальное выражение этой веры, — думал он. — Как с ними говорить? Я никогда не говорил с монахами, я знаю, у них какие-то свои обычаи, устав, хитрость...» Неведомым течением жи-



Голгофо-Распятский скит. Лит. Тр.-Серг. Лавры, 1881 г.

тейского моря его занесло в этот скит, и он теперь пытался объяснить себе и другим, зачем: «Я не богомолец, туристы сюда не ездят, учёные тоже. Кто я такой? Зачем я сюда забрался?»

— Вы как же сюда пожаловали, по усердию ли... или?.. — спрашивал строитель Голгофского скита Михаила Пришвина [43].

— Я, батюшка, от Географического общества, занимаюсь изучением жизни поморов и вот заехал сюда... и по усердию... конечно, конечно, по усердию...

— От Географи-и-ческого? — улыбается он. — Но ведь у нас, на Соловецких островах, никакой же географии нету.

Пришвин пытался географию защитить. Но, подумайте, какая география может объяснить, как два скита могут практически не сообщаться, находясь на расстоянии в 4 версты, а в то же время в Троицком скиту вершатся судьбы России в XVII веке, а столетием позже в Распятском скиту предвозвещается Российская Голгофа века XX. И время здесь, как заметил Пришвин, тоже необыкновенное:

— А уж половина восьмого, сейчас будет трапеза, — замечает строитель Голгофского скита.

— Как половина восьмого, солнце садится, одиннадцать!

— У вас, — говорит он, — а у нас половина восьмого, а вот в Анзерском скиту восемь, в Соловецком — девять.

— Как это так?

Он объясняет, что время изменяется потому, что служба должна быть в определенное время, а монастырские работы так складываются, что служить нельзя, когда требуется. А потому и переводят часы.

— Это ничего, — сказал монах, — в сутках остаются те же двадцать четыре часа.

И этот эпизод весьма характерен: время властвует над миром, а монахи силятся принадлежать вечности. И напрасно расстроился наш незадачливый богомолец, узнав, что и схимники теперь живут в каменных келиях в скитах, а не в лесных хижинах, как прежние старцы-подвижники. Михаил Пришвин едва ли смог бы предположить, что пройдёт ещё почти сто лет и в 1999 году в разоренный Голгофский скит придут монахи и будут жить так, как жили пустынники в XVII—XIX веках: в маленьком деревянном домике, без электричества, постясь в течение всего года, на себе перетаскивая за несколько километров все необходимые грузы, доставляемые по морю, и главное, непрестанно вознося Богу молитвы о всех и за вся. Так что время здесь с нашим не совпадает, и как ни подводи здесь часы, они таинственным образом устанавливаются на тот момент, когда: «Се Жених грядет в полунощи...»

Если Соловки — Святая земля, то Анзер — Святая Святых, земное Небо, место предызбранное быть селением угодников Божиих. Архимандрит Досифей обратил внимание на то, что само слово «Анзер» может быть переведено с греческого как «подвижник», «воздержник», «труженик»[178]. Поэтому рассказ об Анзере — повесть о тех, кто здесь подвизался. Страничка с практическими советами для путешествующих на Анзер расположена после рассказа о скитах (см. раздел 7.6.). Подробное описание паломнического маршрута по острову Анзер содержится в отдельном издании В.П. Столярова «Анзер и его святыни» [44]. Практически весь комплекс источников, касающихся жития преподобного Елеазара, основателя скитского жития на острове Анзер, его писаний, а также истории Троицкого Анзерского скита был недавно опубликован С.К. Севастьяновой [29], но документы эти остались мало известны из-за небольшого тиража издания, поэтому далее будут цитироваться некоторые документы, содержащие сведения, не вошедшие в Соловецкий патерик, и приведены ссылки.

Основоположником пустынножительства на Анзерском острове считается преподобный Елеазар. Прежде всего помянем его родителей: благочестивого священника Афанасия (Севрюкова) и матушку его Татиану[179]. Они проживали в городе Козельске и были столь праведны, что не поколебались троих сыновей своих благословить на труды в Соловецкой обители. Елеазар, по-видимому, был старшим, так как он далее руководил братьями: благословил Романа пребывать в Соловецком монастыре, где тот и скончался, а Афанасия — жить в Сумском остроге. Во вкладной книге Анзерского скита описывается судьба икон, которыми отец Афанасий благословил своих детей. Вселившись на остров Анзерский, Елеазар эти «иконы имел в хижине своей в почтении мнозем. И был в монашестве своем чуден. Снеди же токмо единою в седмице приимаше, в прочия же дни в поте лица своего слезами душу свою питаше. Еще же и вериги на теле своем за смирение ношаше и, по реченному пророком, питие свое с плачем растворяше. И многаго ради воздержания и бдения плоть ему изменися, и колена его изнемогоста от поста. Но благодатию Христовою силен бе в немощи своей. От единаго же образа Пресвятыя Богородицы, иже с Корнилием преподобным, и явления сподобися видети. И яко ангел, в телеси своем на земли пребывая в молитвах многих, и поживе лета долги, и Вышняго Иерусалима человек устроися быти.

[178] Экскурсоводы обычно говорят, что в переводе с вепского Анзер означает «вытянутый остров». Конечно, более логично происхождение названия связывать с вепским языком, а не с греческим, однако смысл созвучия с греческим оправдан историей пустынножительства.

[179] В патерике говорится, что Елеазар происходил из купеческой семьи.

*Преподобный Елеазар. Гравюра Артемия Касаткина, 1806 г.**

Егда же проуведа блаженный Елеазар свое ко Господу отшествие, тогда призва <сына>[180] брата своего по плоти Димитрия и теми чудесными и явленными иконами благослови его, и повеле ему иметь их у себя до времени судеб Божиих... По успении же преподобного отца нашего Елеазара начаша от него бывати чудеса многа, иже на море являяся, и страждущих от смертных бед избавляя, и от цельбоносного своего гроба различныя исцеления подавая... О всех сих слыша, Сумского острога житель, Димитриев сын Иоаким прослытием Севрюков, привез в Анзерский скит две божественныя иконы — Софии Премудрости Божией и Пресвятыя Богородицы с Корнилием преподобным, писаны на красном золоте в давние лета. И постави их по вере своей над гробом родственника своего» [29, с. 271, 272].

Возвращаясь к началу монашеского пути преподобного Елеазара, скажем, что пострижен он был, по-видимому, игуменом Иринархом около 1613 года. Монашеское имя его в переводе с древнееврейского означает «Божия помощь», мирское имя осталось неизвестным. Елеазар усердно подвизался в посте, молитвах и трудах. Он был искусен в резном деле и принимал участие в обновлении иконостаса в Преображенском соборе[181]. Будучи сам всегда погруженным в богомыслие и молитву, игумен Иринарх в ученике своем провидел великого подвижника и потому, испытав, благословил его на пустынножительство.

7.2. СКАЗАНИЕ О НАЧАЛЕ ЖИТИЯ НА ОСТРОВЕ АНЗЕРСКОМ ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА ЕЛЕАЗАРА

«Лета 7123 (1615 г.[182]) поведа мне, грешному Елеазару, некто от христолюбивых мужей о острове Анзерском — возможно на нем имети жи-

* №15 из Ровинский Д.А. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб. 1884 г.

[180] По-видимому, о нем упоминается в Дозорной книге 1661 года «Никитка да Митка (Дмитрий) Афанасьевы Севрюковы» [29, с. 9].

[181] К четырехъярусному иконостасу добавили 28 икон праотцев, а Елеазар выполнил резные надписи о времени создания иконостаса.

[182] По нынешнему летоисчислению временем прихода Елеазара на Анзер была осень 1614 года «от Покрова Пресвятей Богородицы».

тие пустынное. И приидох нача здати келлиа. Завидя же супостат диавол, хотя устрашити и изгнати, вооружися на мя со многими бесы, ови во образе знаемых сумских людей стрельцов, ины же незнаемы. Ови на конях, ины же пеши с луки, и с самопалы, и с копии. Обступиша мя с яростию хотяху убити, глаголюще сице: "Почто прииде на нас? Наше бо место исконии бе, никто же бо житие прежде тебе имуще". Аз им отвещав: "Не ваше, но Христа Бога нашего, а Бог изволил быти мне на месте сем". И начах глаголати: "Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его", — и прочая псалма того. И тако отидоша без вести» [4, 2000, с. 181]. Это цитата из «Своеручной хартии[183] преподобного Елеазара о бывших ему видениях и откровениях»[184]. Вчитываясь в архаичный текст, мы имеем возможность хотя бы одним глазком заглянуть в сокровенную жизнь пустынника, понять, почему он избрал такой, кажется, непосильный для человека, способ спасения.

Поначалу он поселился в глубине острова около озера Круглое (теперь Большое Елеазарово). На невысокой горе, расположенной чуть восточнее озера, он водрузил крест и поставил келию. Пропитание он добывал изготовлением деревянной посуды, которую выносил к месту стоянок мореходов. Путешествующие охотно брали эти чашки с собой, оставляя взамен хлеб и съестные припасы. К естественным тяготам жития на необитаемом острове добавлялись бесовские страхования. «Иногда же приходяще скрежещуще зубы и грозяще убийством, глаголы многоразличными устрашая. И до сего дни безпрестанно. Иногда же внезапно пришедше, яко из тысячи вдруг самопалов удариша, с первых дней жития моего, от Покрова Пресвятей Богородицы до Рождества Христова, Бога нашего. Зело мне тяжко — не дающе сна и покоя ни в день, ни в нощь. И не в кое время, спяще и не спяще мне, прииде ко мне в видении Святая Богородице, глаголюще ми тако: "Мужайся и крепися, Господь с тобою. И напиши в келии своей на стенах: ***Христос с нами уставися"***. И даде мне посох и четки. Аз же, востах, написах по глаголу Ея. И умалися многи рати». Древнее слово «уставися» означает «встал и пребывает». С тех пор эти слова пишут на стенах или на двери келии все Анзерские подвижники.

В 1616 году Елеазар встретился в пустыне с таким же подвижником, Соловецким иеромонахом Фирсом, и от него принял пострижение в схиму. «Схимник есть истинный и буквальный исполнитель заповеди — любить Бога всем сердцем, умом, крепостию, всею мыслию, всею душею... Ныне понуждают схимника заниматься совсем не свойственным

[183] Грамота, писание.
[184] Рукопись датируется 1636—1638 годами [29, с. 49].

Часовня и келия преподобного Елеазара. Лит. Черепанова, 1884 г.

делом (продавать свечи, собирать с кошельком деньги, молиться и служить молебны, стоять на определенном месте напоказ мирянам). Мастеру золотых и бриллиантовых дел дают в руки железные клещи и молоток и заставляют ковать гвозди. Схимник есть вместилище Духа Святого, приятелище многих духовных дарований, столп Православия, живая как бы копия с Господа Иисуса по человечеству. Да не помыслит кто, что я по пристрастию так высоко сужу о схиме, — это истина»[185].

Елеазар сознательно принимает на себя все тяготы отшельничества, так как, согласно его опыту, «ничто же бо ино тако душу очищает и на первообразное приводит[186], яко пустыня и безмолвие». Учителем же его в умном делании был сам Господь: ***«Научен еси христолюбивым Духом Святым и отеческим преданием закону света Христа Бога нашего: тецы во след святых и стереги дом свой душевный неленостно, да не окраден будет от фараона мысленнаго и лукавых амоликов, приникай всегда во глубину сердечную, что душа и ум строят — земная или небесная. Сей … плод духовный: слезы и воздыхание, страх Господень, и любовь ко Господу и человеком»*** [29, с.107].

[185] Так писал о схиме иеросхимонах Иероним, в миру Ерофей Лукин. Он был пострижен в Новгородском Хутынском монастыре в 1799 году, а в 1808 году рукоположен в иеромонахи в Московском Новоспасском монастыре. Под влиянием архимандрита Юрьевского Фотия составил записку о распространении в обществе масонства и противных Православию учений, за что был заключен в Петропавловскую крепость, а в 1830-м — сослан под строгий надзор в Соловецкий монастырь. Иероним обладал обширным умом и был весьма начитан в духовной литературе, имел «увлекательный дар слова и редкую силу убедительности». Иеросхимонах Иероним почил в Троицком ските 23 сентября 1847 года, имея 82 года от роду [1, с. 184—191].

[186] «На первообразное приводит», то есть приводит к Богосозерцанию.

Это наставление — образец поразительной духовной свободы. Преподобный Елеазар с готовностью следует пути Промысла Божия, даже когда по человеческому рассуждению путь этот кажется странным: «Вот я, Господи, пошли меня!» — мог бы он сказать подобно древним пророкам. В своей «хартии» он неоднократно упоминает, как Господь наставлял его на путь. Он желал пребывать в безмолвии, но, как пишет преподобный: «Прииде ко мне Соловецкаго острова инок, имя ему Кирило. И нача ему глаголати: “Брате, аще пришел еси Богу работати — поживем в любви Христовой в безмолвии обычаем. Церкви же отнюд не помышляй ставити, освятим прежде церковь телесную, свободим душы своя от грех, а по смерти нашей, яже Бог изволит”. Он, слыша от мене, и паче мене укрепляюще, и обещася никако же сего начати». Преподобный Елеазар ввел для сподвижников древний порядок пустынной жизни. Каждый пустынник имел особую келию, в которой пребывал в посте и молитве, занимаясь каким-либо рукоделием для своего пропитания, никого не принимая к себе и сам никуда не ходил, кроме собрания на общую молитву. Общая молитва совершалась или в часовне, или в келии преподобного Елеазара: с вечера отправляли вечерню, читали Псалтирь, пели каноны Господу Иисусу и Пресвятой Богородице, исповедовали свои помышления и грехи наставнику; утром служили литию, утреню, часы, и затем подвижники уходили на безмолвие в свои келии.

Однако строительство скита и скитской церкви было ещё до прихода преподобного Елеазара на остров Богом предусмотрено. «Прежде мене, грешнаго Елеазара, бывший игумен Иаков виде от Бога откровение о месте Анзерском. Аз же его застах. И поведа, что хощет Бог прославитися на месте сем, и будет монастырь велий и многи святыя. И сам он хотел поставити монастырь на том месте и церковь воздвигнути. И по зависти супостата врага не даша ему воздвигнути Соловецкия старцы. Он же и до смерти глаголаше: “Аще и не даша мне поставити, а обитель будет на месте сем велия”». Исполнилось Божие предначертание об устроении скитской церкви через царскую семью. В то время, «при государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче ... случися быти на Москве игумену соловецкому Иринарху и старцам. Прииде же игумен к государыне, великой старице инокине Марфе Ивановне, побити челом о своей нужде. Она же вопрошаху его тако: “Слух нас дошед, отец игумен Иринарх, что есть, де, от вашего монастыря недалече остров Анзерской, на немъ отшелницы живут пустынным житием”. Он же отвещает: “Ей, государыня, остров зело угоден иноческому пустынному пребыванию: воды много, со езеры, и лес, и ягодичие”. Она же глаголаше: “Мочно ли поставить на том месте церковъ?” Он глагола: “По глаголу твоему — зело угодно!” И даша ему сто рублев на сооружение. Нам же, пребывающим на острове, ничто же о сем имуще попечение, но сам Бог изволи быти святой церкви».

7.3. Об устроении Троицкого скита

«По сем же извести Бог Святейшему Патриарху (Филарету)[187] о святем месте, и даша книги, и ризы, и образы, и приложи велию веру строити. Некогда же видех аз, грешный Елеазар, умныма очима над тем местом, идеже ныне стоит святая церковь, облак темен, и нача быти красен, и сниде, нача гремети, обхожаше около то место, попаляя и очищая остров, идеже церковь и келии ныне стоят, в длину восемьдесят сажен, поперек — сорок. Ин же брат поведа мне, имя ему Феофил, — видяще идуще от высоты небесныя, от Востока, церковь на место богоизбранное. Старец мой Фирс слышал яве звон велми, и мене воззва из келии во свидетельство се бывающи. Лука же верижник, что был у губы у Троицкой, слышал во дни глас неизреченный и звон мног на том же месте: в то время брал ягоды на монастырь Соловецкой. И мнози людие поморцы, егда стояще у острова ко пристанищем, поведаху мне страшная и различная знамения.

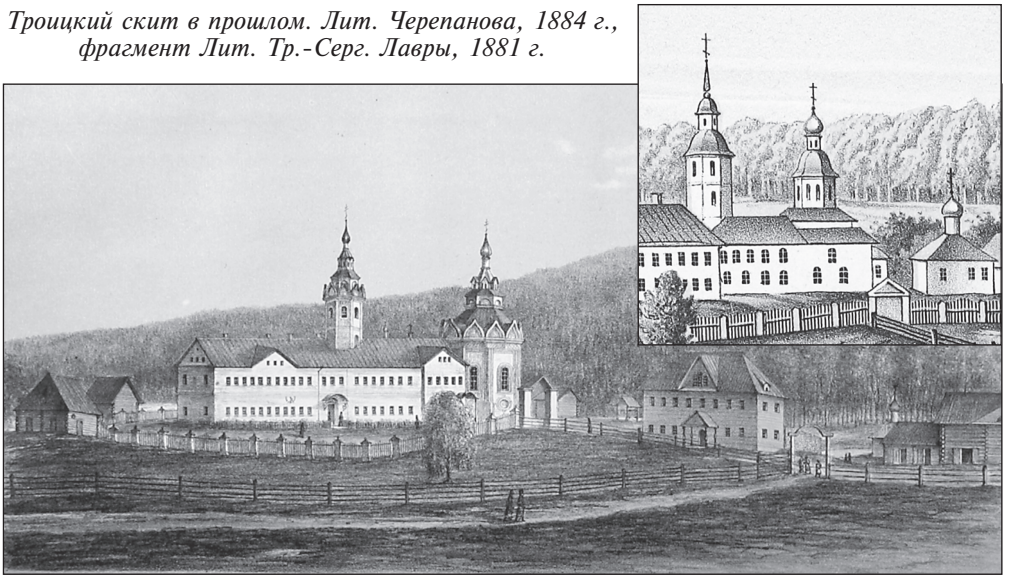
По повелению Государя царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руси, и по благословению Великаго Государя, Святейшаго Патриарха Филарета Московскаго и всея Руси, поставити повеле церковь во имя Пресвятыя Троицы[188]. Егда же уготова бревна, прииде игумен Иринарх обложити церковь, и нача класти основание бревны, идеже ныне стоит. Аз же моляще его подвигнути основание повыше, чтоб среди острова. Он же не послуша. Мне же пререкующе ему о сем[189]. Он же поведа мне: “Сын, де, мой духовной, инок, сидел на тони, со служебники ловил рыбу красну на Соловецкой монастырь, — на устье Кобыльей губы, от того места за две версты. И поведа мне страшно видение: во время полудня седящу ему стрегуще рыбы и видех на том месте столп огнен, до небес восходящ. Он же вскоре посла двух человек своих рыболовцов: “Идите и возвестите ми, что се есть таково дивное знамение?” Они же приидоша на место то, огня же не видяще, токмо от того места восходя-

[187] Через старца Александра Булатникова.

[188] 18 марта (ст.стиля) 1620 года послана грамота Патриарха Филарета о строительстве на Анзерском острове церкви Св. Троицы «в клетку» с приделом Преподобного Михаила Малеина. Царской грамотой 20-го января (ст. стиля) 1621 года повелено было двенадцати анзерским пустынникам иметь содержание от Соловецкого монастыря, быть в послушании у Соловецкого настоятеля и соборных старцев, самоволия и безчиния не делать, мирских людей к себе не принимать, жить пустынным обычаем в нестяжании, всячески удаляясь мирской молвы и смятения. Пожалована от Государя Михаила Феодоровича и Патриарха Филарета Анзерским пустынникам ружная дача. От игумена Соловецкого определен в Анзерский скит иеромонах Варлаам (до 1624 г.)

[189] Старец Елеазар пишет об этом, чтобы и нам видеть глубину немощи человеческой: видениями указал ему Бог место для церкви, а человеческие рассуждения (расположить церковь среди острова подальше от ветров) берут вверх. И помогает свидетельство наставника.

Троицкий скит в прошлом. Лит. Черепанова, 1884 г., фрагмент Лит. Тр.-Серг. Лавры, 1881 г.



ще дым и гарь. И приидоша к старцу и поведаху ему, яко на томъ месте быша знамения подле того, идеже келия стояла Усольскаго дворища[190] ". Имени же игумен того старца не поведа.

Во оно же время, при игумене Рафаиле[191] видяще в нощи иноцы и бельцы Соловецкаго монастыря над монастырем Анзерским свет неизреченный. Они же мняще, яко церковь и вси келии от огня погореша. И в той же нощи игумен посла двух человек на проведание. Они же приидоша скоро ко мне и вопрошающе мя и братию: "Что у вас в нощи сей бывше?" Нам же отвещающе: "Ничто же видехом, токмо милостию Божией хранимы"».

В 1621 году была построена в скиту деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом в честь преподобного Михаила Малеина (небесного покровителя царя Михаила Феодоровича). Для нового храма Патриарх и царь пожаловали книги, иконы и церковную утварь. Строителем (скитоначальником) с 1624 года был назначен преподобный Елеазар. Братия скита жила по обычаю древних пустынников. После недели труда и молитв иноки собирались в субботу вечером на общую службу в храме. В воскресение утром, по окончании Литургии, совершали чин прощения и в молчании расходились по келиям. Около этого времени

[190] С середине XVI века на этом месте выварили соль. Так как в монастырских послушаниях постоянно были заняты до 70 иноков и послушников монастыря, а также мирских людей, появилась необходимость в совершении регулярных богослужений. Для этого из Соловецкого монастыря на Анзер перенесли в 1583 году деревянную церковь Св. Николая.

[191] Управлял монастырем в 1632—1636 гг.

И в настоящем

(1624 г.) по откровению свыше[192] преподобным Елеазаром написан образ Спасителя, поставленный впоследствии над Святыми вратами Соловецкого монастыря «в защищение от врагов видимых и невидимых» (пропал в 1921 г.).

17 июля 1628 года преставился ко Господу игумен Иринарх — друг и наставник старца Елеазара. Единство душ их и высота их духовных дарований обнаружились, когда в час кончины игумена Иринарха Елеазар, будучи у себя в скиту, сказал братии: «Друг мой и собеседник о Господе игумен Иринарх сегодня умирает, — мне надобно поспешить в обитель, но уже не застану его в живых». Иринарх же, на одре смертном, пред Соловецкою братиею произнес: «Брат мой духовный Елеазар сегодня отправляется из своего скита в нашу обитель и желает прибыть прежде моей кончины, но, по воле Божией, уже не увидит меня в живых» [1, с. 92]. Последние два года своей жизни игумен Иринарх, отпросившись на покой, провел в пустынной келии.

[192] «Се аз, грешный Елеазар, написал сей образ повелением Божиим красками. А назна-менил мне сей образ в Соловках Памва иконописец чернилы. А слышу глас, глаголюще ко мне во дни умильно: “Напиши Мой образ”. Аз же не посмел писать. И паки на другой день с утра глаголаша крепчайше перваго и со гневом: “Напиши Мой образ Христов”. Аз же, уповая на Господа, помоляся, написал красками сей образ, уповаючи на силу Его святую. Ему же буди слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь» [29, с. 105]. «И постави сей образ в келии своей, и имея у себя зело в чести велицей. И посем вдаде его вкладом во святую Божию церковь в вечное свое воспоминание. Ныне (1710 г.) ... сей чудотворный образ поставлен во святей часовне над гробом преподобнаго Елеазара, и приходящим к нему с верою сладостное некое благоухание от себя испущает, аки ароматное, и лобызающим его исцеление неоскудное подавает» [29, с. 249].

При преемнике его новом Соловецком игумене Макарии, грамотой 7 февраля 1628 года, число братства в Анзерском скиту определено в 12 человек и на это число повелено отпускать, чрез Соловецкий монастырь, из доходов Двинской области — на одежду по 2 руб. на человека, на содержание по три четверти ржаной муки, по осьмине овса, солоду, по полуосьмине круп и толокна, на церковные расходы — пуд воску, три ведра краснаго вина, 10 фунтов ладона, на просфоры, — по четверти пшеничной муки и, кроме того, 5 руб. на дрова. Благодаря такой заботливости царя Михаила Феодоровича, материальное положение Анзерских пустынников было обеспечено.

Усердная помощь царской семьи Анзерскому скиту не осталась без воздаяния. Однажды в беседе с келарем Троице-Сергиевой Лавры Александром Булатниковым царь выразил ему свою скорбь, что не имеет по себе наследника, прибавив: «Кто бы мог помолиться, чтобы Господь разрешил нашу печаль?» «Есть, государь, — отвечал старец, — в твоей державе таков муж. Надеюсь, яко может вам у Бога испросить плод сыновства». И рассказал о жизни и подвигах преподобного Елеазара. Благочестивый царь обрадовался этой вести и послал того же Александра[193] просить пустынника «да благоволит не нуждею доити к ним» в Москву. Он же со смирением пришел и беседовал с царем, и утешил его: «Не печалуйся, о богосочетанный супруже царственный! Силен бо есть Бог дати вам плод по вере вашей. И се (ясно), яко день сей, ... яко зачнется вам сын и родится, и царствия по вас будет наследник» [29, с. 140]. Государь принял эти слова с радостью и умолял преподобного Елеазара остаться в Чудовом монастыре до времени рождения наследника. 10 марта 1629 г. Бог даровал царю сына Алексия. Рождение царевича принесло царскому дому радость и торжество. Не был забыт при этом и Анзерский пустынник. Царь, призвав к себе Елеазара, предлагал ему почести и чины духовные, но смиренный подвижник отказался от лестных предложений, намереваясь окончить жизнь свою в пустынном уединении.

Уважая Анзерского строителя, царь хотел упрочить существование скита его, и грамотой 31 июля 1633 года объявил Анзерский скит независимым от монастыря и разрешил пустынникам избирать строителей из своей среды, иметь братии 12 человек и 2 мирян для рубки дров, провинившихся не посылать в Соловецкий монастырь для исправления, но смирять их по своему усмотрению. Соловецкому игумену

[193] В последние годы своего пребывания на Соловках Александр Булатников, по-видимому, предполагал перейти в Анзерский скит на «безмолвие». Для этого он даже построил в Анзерской пустыни две келии «с сени и с чюланы». В феврале 1652 года, уже после возвращения в Троице-Сергиев монастырь, Александр Булатников передал обе келии насельникам Анзерской пустыни, оценив их в 40 рублей и попросив записать их в качестве вклада «по собе и по своих родителех в наследие вечных благ и будущаго ради покоя» [29, с. 207].

Прп. игумен Иринарх и прп. Елеазар. Соловецкий патерик СПб. 1873 г.

предписывалось не вступаться в управление скитом, не посылать туда строителей, не делать пустынникам никакого притеснения и не препятствовать желающим из Соловецкой братии переходить в скит. А Двинскому воеводе особою царскою грамотою, того же 31 июля 1633 года, было повелено, под опасением опалы, высылать в Анзерский скит, своевременно и сполна, назначенное содержание на казенных подводах и судах, помимо Соловецкого монастыря. Впрочем, зависть и недоброжелательство злых людей причиняли скитянам немало скорбей и беспокойств. 13 июля 1634 года приезжали к острову злоумышленники с явною целию грабежа, но в то время приплыли к устью губы поморския ладьи, и воры, устрашившись, бежали. По жалобе преподобного Елеазара, царь грамотою 31 января 1638 года повелел Сумскому воеводе охранять скит от разбойников и недоброжелателей.

В это время скитское братство увеличилось несколькими замечательными лицами. В 1634 году вступил в скит Никодим, который сделался любимым учеником преподобного Елеазара, и по смерти его занял место строителя. В 1636 году в скит пришел, по стремлению к строгому подвижничеству, московский священник отец Никита, которого преподобный Елеазар постриг в 1636 году с именем Никон в честь священномученика Никона, епископа († 251 год, память 23 марта/5 апреля)[194]. О нем так упоминается в житии: «Бысть же и ин ученик преподобному преславен именем Никон, иже бысть Патриарх царствующаго града Москвы и всей России. И той пречуден бысть в житии своем, и многу ревность о исправлении православия показа, и во изгнании скончася» [29, с. 130].

Строг был в то время иноческий устав в Анзерском скиту. Но иеромонах Никон не только со всей точностью соблюдал его, но и по благословению преподобного Елеазара прибавлял прочтение в течение суток всей Псалтири и совершал 1000 земных поклонов с Иисусовой молитвой, до крайности сокращая время сна. Также он нес иерейское послушание в Троицком храме скита. Духовные подвиги его сделались нестерпимыми

[194] Преподобный Елеазар, видя в пустынножителях воинов Христовых, давал любимым ученикам имена, начинавшиеся со слова Ника — по гречески победа: Никон — «побеждающий», Никодим — «побеждающий народ», Никифор — «победоносец».

для врага рода человеческого. Когда подвижник решался немного отдохнуть от трудов своих, «тогда абие нечистии дуси приходяще ему в келлию, его давляху, и иныя пакости и страшилища многообразными своими мечты деяху, и от труда ему почити не даяху» [45, с. 17]. Страдая от этих напастей, отец Никон дополнительно стал читать молитвы от обуревания злых духов и каждый день совершать водоосвящение, окропляя келию святой водой.

Святейший Никон, Патриарх Московский и всея Руси (неизв. художник в кн.: «Жизнь Святейшего Никона, Патриарха Всероссийского». М., 1878. Оборот форзаца)

Повествуется и о чудесном видении этого времени: «Однажды Никон совершал литургию. Преподобному Елеазару представилось, что на плечах Никона лежит архиерейский омофор. Узрев в этом знамение Божие, преподобный Елеазар предсказал, что Никон впоследствии будет Святителем» [46, с. 25]. В житии преподобного Елеазара Анзерского упоминается также об образе Спаса Нерукотворенного, «егоже написа Никон Патриарх по повелению преподобнаго Елеазара, когда был учеником у него». Сей образ, написанный на убрусе и устроенный над церковным входом, в течение 65 лет «на всяко лето от вара солнечнаго пожизаем, и зноем и мразом, и вихры и дождем, и снегом изнуряем, и цел пребывает, чудесно соблюдаем Божиею благодатию за угождших ради преподобнаго Елеазара и ученика Его» [47, с. 176]. По свидетельству паломников, в 1869 году этот образ был благоговейно сохраняем в алтаре Троицкой церкви Анзерского скита [48, с. 130].

До последних дней своей жизни Святейший Патриарх Никон не забывал об обители, в которой положил он начало своему монашескому подвигу, продолжая, насколько возможно, подвизаться «чином Анзерския пустыни». Сохраняя сыновнюю любовь к своему духовному наставнику преподобному Елеазару, он часто делал вклады в Анзерский скит [9, с. 353—355], посылал дары и лично преподобному («да тебе, Строителю, рыбу белужку» [9, с. 355]), прося молитв соборных и келейных, а тот с благодарностью принимал от него эти дары. Узнав о болезни преподобного, митрополит Никон в своей грамоте приказывает Соловецкому игумену Илии отпустить больничного старца преподобного Кириака из Соловецкого монастыря в Анзерский скит для ухода за преподобным Еле-

азаром [1, с. 96; 46, с. 49]. «Здесь да обличится ложь раскольников, что якобы преподобный Елеазар, предвидев о делах ученика своего Никона, от себя его изгнал и предрек, что он много Святой Церкви причинит зла и разорит церковные уставы. Из подлинных документов, хранящихся в Соловецком монастыре, можно увериться, что преподобный Елеазар имел нелицемерное уважение к Никону, как к истинному пастырю Христовой церкви, а Никон особенное оказывал почтение своему учителю» [9, с. 325].

В 1639 году, по воле Божией, иеромонах Никон покинул Анзерский скит[195] и перешел в Кожеезерскую обитель, где в 1643 году был поставлен игуменом. Вершиной его служения стало Патриаршество. 25 июля 1652 г. во главе Русской Церкви и Русского государства встали два «собинных друга», два духовных сына преподобного Елеазара: Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. На несколько лет в России реализовалась византийская идея симфонии церковной и царской власти, когда, как писал сам Патриарх Никон в предисловии к Служебнику, изданному в 1656 году, «священство Божественным служит, царство же человеческим владеет и о сем печется. Вкупе же уставы и правила святых отец, яко от Святаго Духа вдохновенны, облобызающе приемлют и держат». Это идеальное устроение государства, когда дело личного спасения поставлено во главу угла государственной политики, держалось до кончины старца Елеазара. Затем враг рода человеческого посеял раздор, и Российское государство взяло курс на расцерковление, плоды чего мы пожинаем и до сего времени.

В царствование Алексея Михайловича с 1646 года на Анзере, наконец, началось строительство каменной Свято-Троицкой церкви с двумя приделами:[196] в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» и во имя преподобного Михаила Малеина. «По недоброжелательству соловьян» строительство затягивалось, Соловецкий игумен Илия даже заключил преподобного Елеазара в темницу. Понадобилось энергичное вмешательство митрополита Новгородского Никона, который писал в Соло-

[195] С тех пор путь Никона — путь одиночества, он не имел больше никогда такого учителя, каким был для него преподобный Елеазар. В конце XIX века имя Патриарха Никона появляется в списке местночтимых Соловецких святых за номером 16 [49, с. 18]: «Никонъ, патріархъ всероссійскій, ученикъ и постриженикъ преподобнаго Еліазара, опочиваетъ въ монастыре Нововоскресенскомъ, егоже и ктиторъ бысть, за 50 поприщь отъ царствующаго града Москвы».

[196] Ещё в 1638 году двинскому воеводе кн. Львову велено послать мастеров для строительства на Анзере каменной церкви, Соловецкому игумену предписывалось дать кирпич для строения с монастырского завода. Государь Михаил Феодорович дал на строение 200 рублей, «а уставщиком каменщиком» от него Великого Государя в Анзерский скит послан с Москвы Трефил Шарутин. Однако монастырские власти не пожелали исполнить царский указ.

вецкий монастырь о скорейшем завершении церковного строения и просил отписать по окончании работ. Строительство было завершено в конце 1649 года, а освящение храма состоялось в 1650 году. Из материала ветхой деревянной Троицкой церкви была построена колокольня.

Среди разнообразных забот о благоустроении своего скита преподобный Елеазар приближался к кончине и созревал для вечности. Опыты своей духовной жизни он сохранил на память ищущим спасения, изложив их в «Своеручной хартии... о бывших ему видениях и откровениях».

«Во ино же время стоящу ми пред образом Христа, Бога нашего, молящеся со слезами и глаголюще тако: “О, Владыко Христе, Царю и Содетелю мой, что воздам против милости Твоей? И ничто же бо благо сотворих пред Тобою!” И видех, яко голубь лицу моему тихо приразися и глаголюще тако: “Богу моему и Богу твоему слезы твоя принесу”. И тако невидим бысть. И возрадовася душа моя, и вся внутренняя в веселии бысть.

В некое время преставися брат у нас, имя ему Тихон, ин же брат, имя ему Тихон же, диавольским навождением украде того брата умершаго две книги. Последи же того по обычаю поюще нам вечерню, и еще тогда немного братства, четыре брата, и видех на неких на главех седяще некая сила божия в голубине образе, на ином же на раму посреде, ко иному брату полете и скоро сердцу приникнушу крылома, ко иному же паки отвратися. Аз же чудихся зря, не ведех тайны. Той же брат прииде во умиление, исповеда ми, кланяяся и прощения прося.

Во ино же время мало приимшу мне сна лежаще на ложи моем, имуще во устах молитву, и обретохся на некоем месте при горе, недалече от церкви к восточной стороны с полпоприща. И видех умныма очима чудное видение: седяще на престоле Господа Бога ветхи денми, яко же описуют иконописцы, с Ним же видяще на престоле Сына Божия, на третием престоле Святаго Духа в голубине образе. Чуднаго же зрака их и сияния невозможно списати. Пред ними же стояще ангелы, имуще на себе одежду белу, яко снег, держаще в руку своею кадило, и нача кадити, яко же священники обычай имать по чину по трижды. И нача кадити прежде Отца и Бога, глаголюще тако: “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу”, — и поклоняшеся до земли. Прииде же к Сыну Божию, нача кадить, глаголюще сице: “Славословлю тя, Сына, со Отцем и Духом Святым”, и поклоняшеся. Прииде же ко Святому Духу кадить, глаголюще: “Прославляю тя, Святаго Духа, со Отцем и Сыно”. Аз же грешный приложих к сим словесем: “Троица Святая, спаси души наша ныне и во веки веком, аминь”. И ощути сердце мое исполнено радости многи зело...

Егда мне бывают многи скорби от бесов и злых человек, многажды невидимо глаголюще: “Не бойся бесов — Господь с тобою”. Иногда же глаголюще: “В терпении стяжите души ваша”. Многажды и от братий соловецких и от пребывающих со мною быша скорби и не могущи терпети, утешающе мя и невидимо глаголюще: “Вы бо сильни есте и немощи немощных носите”.

И по многим временем многим сим знамением не верующе ми, да некако прельщен буду от врага. И седящу ми в келии при оконце и слышах глас от полуденныя страны, яко гром от небеси, истязающе мя за неверие многим видениям явным и в тонком сне, и глаголюще сице: “О, роде неверный и развращенный, доколе буду с вами, доколе терплю вас!” И от гласа того страшнаго ужасеся душа моя и вострепета вся внутренняя моя зело.

Не в кое же время хотяще ми изыти от острова Анзерскаго в руския места от стужения злых человек и бесовских страстей, и видех знамение. Стоящу ми на поле чисте и показующе ми некто незнаем перстом на небо: “Зри”. И видех чрез все небо лучю световидну, яко радуга во время дождевное. И, мало помедлив, паки глаголюще: “Возри на небо”. И видех образ Христа Бога нашего и Пречистую Богородицу, и святаго пророка Иоанна, с ними же дву ангелов и апостолов, яко же в Деисусе описуются. Мне же чудящеся сим знамениям. И паки показующе ми: “Зри на небо!” И видех нерукотворенный образ Христа Бога, тако бысть велик во все небо. И глаголаше ми: “Виждь величество Божие и славу Его: егда Отчим изволением во чреве вместися в Пресвятую Богородицу и на земли многи скорби претерпе человек вас ради быв, ныне же и небо не вместит. А ты не хощеши терпети скорби”.

Некогда ми бдяще в молитвах и совершающе Иисусовы молитвы, число и поклоны. Последи же нача призывати Пречистую Богородицу. Обычай имущи молитися: “Пресвятая госпоже Мария, Пречистая Богородица, спаси мя, грешнаго!” И к совершению сотни сотвори, является мне Пресвятая Богородица, имуще на себе три звезды велми светлы — на главе и на рамех, яко же описуют, имуще ризу багровидну. И глаголаше ми: “Елеазар, разумей на мне звезды сия. И аще имаши всегда мя тако призывати в молитвах, буду тебе помогати до исхода души твоея”. В то же время лежаще у мене труждающему — пришел из своея келии, угорел зимнею порою. И приниче к нему, на него подула и глагола мне: “Побереги угорчака сего”. И тако невидима бысть.

В день недельный, во святый пост, видех Святую Богородицу на Литургии умным оком: стояща пред образом Своим болшим от леваго крылоса, лицем на Церковь. И нача мы на сходе пети оба крылоса стих: «О Тебе радуется...» — задостойна. Она же двигнуся с того места и ста посре-

де нас с молчанием, стояла до скончания стиха того. Мы же пропевше поклонишася по обычаю, Она же тако же поклонися и невидима бысть. Мне же страхом и радостию объяту бывшу.

Во ино ж время летнее приидох в церковь к обедни в день суботный поранее прежде братии и в трапезе начало положих по обычаю. И является мне образ Пречистыя Богородицы подобие Смоленския, держаще на руку левою Превечнаго Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, яко же в Соловецком монастыре против игуменскаго места, имуще на Себе ризу багровидну, златом часто испещренну. И глагола ми тако: "Елеазар, имейте заповеди Христовы — смирение и любовь, да во имя Мое поставите святую церковь". И невидима бысть.

По сем является ми в церкви Пресвятыя Троицы во ино время во образе апостол Христов Павел, держит в правой руке знамение — образ пядничной Пресвятыя Богородицы. И глаголаше мне тако: "Елеазар, аще когда приходите во святую церковь, приходите и покланяйтеся образу Христа Бога нашего со страхом и трепетом. Да сия глаголы моя и братии яви".

На другой же день в келию прииде ко мне искуситель. Является мне тем же образом Павла апостола, токмо в руках не имать образа. Мене же сохрани сила Божия. Опознах чувством приход его. И нача глаголати: "Верую во единаго Бога Отца!" И тако силою Христовою в той час исчезе.

Некогда ми прииде помышление: како сотворю угодно Творцу и Богу моему и что угодно Ему моление? И востах помолихся прилежно: "Владыко, Боже Отче и Сыне и Святый Душе! Яви мне, како Тя призову на всяко время — псалмопением или красною молитвою?" И слышах глас глаголющ ко мне:

"Сим образом молися — глаголи на всяк день: "Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» до конца и: "Господи прибежище бысть нам" и: "Сподоби, Господи, в день сей и на другой день". Паки помолихся. И паки тоже повелевает глаголати. Се бо есть песнь к Богу обща ангельска и человеческа. Аминь" [4, 2000, с.183].

Читая и перечитывая это письмо из XVII века, всякий раз приходишь в умиление и трепет, как близок Бог к любящим Его — тяжка духовная брань, но духовные утешения превосходят все мыслимые человеческие радости.

Поработав Господеви в монашеских подвизех 40 лет, преподобный Елеазар преставился с миром ко Господу в лето 1656 января в 13-й день.

После Елеазара Анзерским скитом 21 год в духе своего учителя управлял ученик его Никодим. Денежное и ружное жалованье, о котором извещал скитян Патриарх Никон в 1655 году, подтверждено царской гра-

мотой 1662 года. В результате смуты, возникшей в Соловецком монастыре по поводу исправления богослужебных книг, Анзерский скит был разорен «от начальствующих» за поддержку мятежной Соловецкой обители. В год смерти Никодима (1667 г.) по указу Патриарха Иоасафа, отобраны были в Анзерском скиту иконы, церковные сосуды, книги, ризы, жалованные грамоты и денег 494 рубля.

По просьбе строителя Романа (1680—1685 гг.) царь Феодор Алексеевич велел все отобранное возвратить и продолжать ружное и денежное жалованье на скит. В 1681 году «Святейший Патриарх Никон прислал святых книг: Псалтирь толковую на виршах, книгу Триодь Святаго Великаго поста, книгу Житие Иоасафа царевича великия Индии — все новоисправленные» [29, с.246]. Будучи тяжело больным, в заточении и предчувствуя скорую встречу с вечностью, Святейший Никон пожелал, хотя бы через книги, ещё раз поклониться месту своего обещания, Анзерскому скиту, прося молитв о водворении души своей в небесные кровы со всеми угодившими Богу. В 1682 году указом архиепископа Холмогорского Афанасия скит был отдан в ведение Соловецкого архимандрита и ему велено иметь строжайшее наблюдение за пустынниками и распоряжаться всем по усмотрению. В 1702 году в Анзерский скит был переведен иеромонах Иов, прежний духовник царской семьи, по указу царя сосланный в Соловецкий монастырь и постриженный в монашество. Через два года по благословению Соловецкого архимандрита Фирса он стал строителем Свято-Троицкого скита. Скитоначальник возобновил строгий скитский устав, пополнил хозяйственные припасы, начал ремонт ветхих строений, восстановление библиотеки. Преподобный Иов с 1712 года начал заботиться об устроении на Анзере Голгофо-Распятского скита. Строителем Свято-Троицкого скита в 1714 году стал иеромонах Паисий. В 1729—1730 годах в Троицком скиту была построена деревянная церковь преподобных Зосимы и Савватия, в которую «за теснотою» были перенесены приделы Михаила Малеина и Знамения Богородицы. В 1740—1743 годах при строителе Глебе приезжие каменщики Федосей Иванов и Яков Прокофьев со товарищи разобрали обветшалый храм Св. Троицы и на его месте возвели новый с восьмигранным барабаном. Над местом погребения преподобного Елеазара построена новая деревянная часовня.

В 1757 году при сооружении фундамента для каменной часовни преподобного Елеазара в числе четырех гробов найден один, у которого верхняя доска и колода целы; тело нетленно, только одежды истлели; от гроба исходило благоухание. Анзерские иноки заключили, что это гроб основателя скита преподобного Елеазара, и донесли архиепископу Архангелогородскому Варсонофию. Преосвященный указом от 16 августа 1758 года [49, с. 72] предписал Анзерскому строителю Мелхиседеку с

братией все найденные гробы с костьми поставить в новую могилу в самой часовне; эту могилу покрыть брусьями или каменным сводом и поставить над ней присланную от преосвященного гробницу, которую железными решетками не окружать и покровами не покрывать; при переложении мощей петь панихиду преподобному Елеазару. Впоследствии вместо деревянной часовни, устроенной над могилой преподобного в 1757 году, построена каменная, а в XIX столетии прежняя обветшавшая рака заменена новой, сделанной из меди и посеребренной. В 1762 году Иоасаф, епископ Архангелогородский, посещая паству свою, был и в Анзерском скиту. Он произвел строителя Мельхиседека[197] в игумена и желал навсегда утвердить за Анзерскими настоятелями это звание. Иоасаф установил ежедневное чтение акафиста Божией Матери пред чудотворною иконою «Знамение», а в праздничные дни — отправление молебна пред Чудотворною иконою Святой Троицы. В 1764 году Анзерский скит опять приписан к Соловецкому монастырю с назначением в нем строителя и 12 монашествующих.

В 1801—1803 годах к Свято-Троицкому храму пристроен каменный двухэтажный братский корпус. В 1829 году поставлен деревянный двухэтажный корпус для трудников и паломников, в 1837 году — валунная баня и другие хозяйственные постройки. Несколько позднее возведена деревянная часовня в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение».

Нынешний Свято-Троицкий храм заново отстроен по проекту архангельского архитектора Введенского в 1880—1884 годах, тогда же перестроена колокольня. В это время в скиту были обновлены жилые и хозяйственные постройки, деревянные сооружения. Архитектурный облик скита значительно изменился, поскольку храм сооружен в неорусском стиле в отличие от церкви XVIII века, которая была построена в стиле барокко. В XIX веке в числе иноков скита были подвижники: старец Наум, иеросхимонах Иероним (Лукин), пустынник Филипп, — которые своей благочестивой жизнью заслужили уважение братии, и память о них сохраняется в истории Анзерского скита и Соловецкой обители. В «Историческом описании Свято-Троицкого Анзерского скита», которое вышло в 1914 году, говорилось, что в Анзерский скит уходят по благословению настоятеля Соловецкого монастыря «испытанные в благочестии старцы, чтобы в отдаленном уединении и тишине беспрепятственно предаваться молитвенному подвижничеству и в безмолвии, внимая своему спасению, беседовать с единым Богом».

В 1924 году, после закрытия Соловецкого монастыря, на Анзере было создано VI отделение Соловецкого лагеря особого назначения. Скит стал

[197] Иеромонах Мелхиседек по принятии схимы наречен Адамом, за старостью и слепотой от настоятельства отказался и умер в скиту в 1777 году.

административным центром анзерского отделения. Здесь содержали духовенство и политзаключенных. В 1929—1931 годах в келейном корпусе скита находились в заключении инокини из разных монастырей. Анзерское отделение Соловецкой тюрьмы существовало до 1939 года.

После Второй мировой войны на острове располагались различные подразделения вооруженных сил. Строения Свято-Троицкого скита использовались с хозяйственными целями. Колхозники беломорского села Летняя Золотица заготавливали на Анзере сено. Заброшенный скит подвергался бесконтрольной и зачастую варварской эксплуатации. С 1967 года все здания и сооружения скита перешли в ведение Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. В 1994 году начались реставрационные работы под руководством В.В. Сошина.

После возрождения иноческой жизни в Соловецком монастыре Святейший Патриарх Алексий II благословил совершать Божественную Литургию во всех сохранившихся храмах и приделах Соловецкого монастыря, его скитов и пустыней. В престольный праздник Свято-Троицкого храма в 1992 году состоялось первое богослужение: Всенощное бдение и Божественная Литургия. В настоящее время церковь и келейный корпус требуют восстановления и благоустройства. Регулярные богослужения в храме не проводятся. Келейный корпус скита непригоден для постоянного проживания братии.

17—18 июня 2003 года Комиссия под руководством игумена Дамаскина (Орловского) обследовала место погребения преподобного Елеазара[198] на предмет поиска его святых мощей. В 1925 году в лагерной газете была опубликована заметка о том, что мощи преподобного Елеазара изъяты из Троицкого храма и выставлены в краеведческом музее (в Благовещенской церкви Соловецкого монастыря). При расчистке строительного мусора на глубине 1,6 м от современного деревянного пола были найдены тесаные камни, оказавшиеся частями каменной гробницы. Подтвердились сведения, что сами мощи были изъяты, однако небрежно, так что остались незамеченными фрагменты крупных костей (черепа, ребер, позвонков) и мелких костей кисти и стопы. По совокупности исторических, археологических и медико-антропологических данных был сделан вывод, что найденные частицы мощей принадлежат преподобному Елеазару. Знаменательно, что как только в скиту стала возрождаться монашеская жизнь, угодник Божий не замедлил послать в утешение и укрепление братии части своих мощей.

[198] При перестрйке и расширении Троицкого храма в 1886 году место погребения преподобного Елеазара оказалось внутри храма в подклете у солеи правого клироса. Над местом погребения у южной стены была поставлена рака.

7.4. ОБ УСТРОЕНИИ ГОЛГОФО-РАСПЯТСКОГО СКИТА

Как упоминалось выше (7.3), в 1702 году в Анзерском скиту появился инок, которому было суждено не только собственным духовным подвигом восстановить традиции пустынножительства, но и стать основателем нового скита на горе Голгофа. Этим иноком был преподобный Иов (в схиме Иисус) Анзерский. Его мирское имя — Иоанн Иоаннов. Родился он в 1635 году в семье московского священнослужителя. По достижении совершеннолетия Иоанн был рукоположен во иерея. Семьи он не имел, поэтому все силы своей души направлял он на служение Богу и своей пастве. Отец Иоанн по возможности ежедневно совершал Божественную Литургию или пел на клиросе. Он водворял мир в домах и скорбящих душах, посещал темницы и творил милостыню. Его благочестие и добродетели не укрылись от Государя Петра Алексеевича, который сделал отца Иоанна своим духовником и духовником всей царской семьи. Однако, когда по наветам недоброжелателей отец Иоанн был оклеветан перед царём и обвинён в участии в деле «вора» Гришки Талицкого, Петр не поколебался сослать своего 65-летнего духовника в Соловецкий монастырь для пострижения в монахи. Это произошло в 1701 году. Надо сказать, что всю жизнь отец Иоанн исполнял, кроме священнического, ещё и иноческое правило. Он желал монашества, приучал себя к уединению, посту, ночной молитве, но не дерзал сам просить пострижения и ожидал, когда Господь укажет ему место подвига. Поэтому, направляясь в ссылку в Соловецкий монастырь, он радовался, воспевая: «Се удалихся, бегая, и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающаго мя от малодушия и от бури».

13 марта 1701 года отец Иоанн прибыл в Холмогоры. Преосвященный Афанасий, приняв его братски, препроводил в Соловецкий монастырь с грамотой от себя, в которой писал, чтобы священника Иоанна постригли и отдали в послушание опытному старцу.

С упованием на Промысл Божий, старец Иоанн предстал перед настоятелем обители архимандритом Фирсом, который, видя его духовную опытность, сказал: «Согласно воле государя, надлежит постричь тебя в монашество, что ты сам об этом думаешь?» «Промыслитель Христос Бог,— отвечал старец, — привел меня к твоей святыне, произволяя спастись мне тобою. Поэтому, что ты мне, недостойному, повелишь, то и сотворю», — и поклонился своему новому пастырю. «Благословен Бог, укрепляющий тебя на подвиги; вот для тебя место спасения», — сказал архимандрит. Старец еще раз поклонился архимандриту до земли, прося удостоить пострижения. Смиренный старец был пострижен в монашество в соборном храме архимандритом Фирсом, о чем была отправлена в Ар-

хангельск к преосвященному Афанасию отписка следующего содержания: «В нынешнем, Государь, 1701 году, апреля 3-го, по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, и по твоей архиерейской грамоте прислан к нам в монастырь распяцкой поп Иван Иванов... и, приняв его в монастыре, мы и постричь, и в подначальство старцу, бывшему келарю Ионе, отдать велели: а монашеское имя ему Иов...» [4, 2000, с. 55].

Предав себя всецело воле своего старца, Иов начал трудиться с твердым желанием угождать во всем Господу Богу, смиренным послушанием изумляя всю братию. Инок, с которым новый труженик жил в одной келии, свидетельствовал, что этот сокровенный раб Христов, кроме хлеба и воды, не вкушал ничего — и братия прозвали блаженного Иова постником. Сперва послали его на послушание в братскую поварню. Он рубил дрова и на старческих раменах носил их по высоким лестницам в поварню. Скоро отец Иов был переведен на послушание в братскую трапезу, где трудился с неменьшим усердием.

Но враг, желающий погибели душ человеческих, не дремал и старался всячески отвлечь избранника Божия от спасительного пути. Однажды искуситель явился в образе известного ему в миру врача и говорил как бы с состраданием: «Возлюбленный! Следует тебе поберечь здоровье свое, чтобы, изнуривши плоть трудом и воздержанием, не ослабеть под игом, которое ты взял на себя Христа ради. Бог не желает трудов или поста выше сил, а ищет сердца чистого и смиренного. Ты, при старости своей, работаешь на черноризцев, как купленный раб. Не следует тебе так трудиться и потому, что ты священноинок. Довольно с тебя и того, что, оставив славу и честь в мире, ты пришел в убожество и принял на себя столь тяжкие труды. Удивляюсь, как ты можешь принимать эту суровую пищу. Берегись, чтобы недуги твои не умножились сверх меры, тогда и я не возьмусь помочь тебе и ты умрешь прежде времени».

«Хорошо не щадить плоти, чтобы она не восставляла брани, — отвечал подвижник мнимому своему знакомцу. — Впрочем, хотя бы плоть и изнемогала, но сила Божия в немощах совершается. Святой апостол сказал более: ***“Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явитися в нас”***[199]. Пост есть мать целомудрия — ты внимай себе». Услышав такой ответ, враг тотчас исчез.

Через год настоятель и братия обители, признав нового постриженника совершенным монахом, единогласно освободили его от монастыр-

[199] Это жемчужина, обретенная преподобным Иовом в послании апостола Павла. Если мы вспомним эти слова во время искушения, вспомним, что человеку надлежит быть сосудом Духа Божия, мы с Его помощью можем сказать духу лукавому твердое: «Нет», — и не потерпим вреда, но только укрепимся от искушения.

ских послушаний и разрешили затвориться в келии. Иеромонах Иов занимался непрестанно Иисусовой молитвой, чтением святого Евангелия, Апостола, Псалтири, житий преподобных Зосимы и Савватия и рукоделием. Пищи он принимал мало — из общей братской трапезы, а особо для себя не готовил ничего.

В 1702 году Петр I посетил Соловецкую обитель и встретил там своего бывшего духовника. Удостоверясь, что отец Иоанн был оклеветан, царь хотел возвратить его в Москву на прежнее служение, но согбенный бременем лет и трудов старец просил позволения остаться на Соловках. Желание еще большего безмолвия совершенно овладело им. В 1702 году, по благословению архимандрита Фирса, он переселился в Анзерский Свято-Троицкий скит. Считая себя среди скитской братии новоначальным, он всем служил и особенно старался помогать немощным. При этом церковных служб и келейного правила никогда не опускал.

В 1703 году скончался Анзерский скитоначальник Исаия. Холмогорский архиепископ Варнава, знавший благочестивую и подвижническую жизнь старца Иова, предложил Соловецкому архимандриту Фирсу почтить его должностью строителя Анзерского скита. Выслушав от настоятеля волю архипастыря, преподобный Иов из послушания принял это назначение. Вместе с тем, старец просил, чтобы его удостоили пострижения в схиму, но в этой просьбе настоятель ему отказал. Благословляя на должность, архимандрит сказал новому строителю: «Предаю тебе Анзерский скит Святой Троицы, осторожно блюди его: как все устроено, так да и будет, устава церковного не изменяй, но твори все по правилам святых отец». Старец, простившись с архимандритом, отправился опять в скит. Здесь, созвав в соборную церковь братию, скитоначальник Иов с коленопреклонением совершил молебен Святой Троице, затем преподобному Елеазару, как первоначальнику и покровителю скита, а потом, приветствуя братию, предложил им следующее поучение: «Молю вас, братия мои возлюбленные, поспешим к наследию Царства Небесного постом и молитвой. Позаботимся о спасении душ наших, оставим все дурное и путь лукавый: любодеяния, татьбу, клевету, празднословие, ссоры, пьянство, объядение и братоненавидение. Уклонимся и возгнушаемся этим, братия, чтобы не осквернить душ своих, но пойдем по пути Господнему, ведущему нас в Отечество Небесное. Взыщем Бога рыданием и слезами, пощением, бдением, покорностью воле Его и послушанием, да обрящем милость у Господа. Возненавидим прелестный мир, вспоминая слова Господа: «Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и матерь, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик» (Лк 14; 26). Мы, братия, отрекшись мира, отречемся и всех дел его. Как убежим бесконечной муки, проводя жизнь свою

в лености? Нам, братия, нарекшимся иноками, прилично каждый день плакать и каяться о грехах своих. Покаяние есть путь, приводящий к Царству Небесному, покаяние есть ключ Царства Небесного, без которого никому нельзя войти туда. Укрепимся на пути Царства Небесного, сюда не приближаются лукавые. Это шествие хотя ныне и прискорбно, но зато после будет радостно».

На новом поприще строитель Иов, вспомянув слова Господни: «Ему-же дано будет много, много взыщется от него» (Лк. 12, 48), — усугубил труды и подвиги. Преподобный Иов хотел сохранить память об основателе и о всех благотворителях Анзерского скита. По благословению преподобного Иова его ученик и сподвижник чернец Макарий составил первое житие преподобного Елеазара и вкладную книгу Анзерского скита. Однако Макарий не смог умолчать и о преподобном Иове: «Аз убо,... чернец Макарий, аще и многое возбранение себе приях от добраго нашего наставника и блаженнаго отца ... иеросхимонаха Иисуса Распяцкаго, или и впредь от него некое запрещение понесу, еже заповеда ми о себе молчати и ничтоже отнюд повеле являти, но некая сила судеб Божиих весма понуждает мя о нем всем на спасение душевное возвещати» [29, с. 225]. Прислушаемся к его словам, звучащим как церковный гимн:

«И по пророчеству отца нашего и чудотворца преподобнаго Елеазара, воздвиже Христос во храм Свой вящего Ему Своего раба и угодника. И Всепречистая Богоматерь и Богородица избра животворящей тайне Сына Своего и Бога истиннаго хранителя — предреченнаго и блаженнаго Иисуса Распяцкаго[200], еже восхотеша прославити им святое их скитское место. И возставиша таковаго благодетеля в последния слабыя человеческия роды всей России во удивительное светило. Нам же, недостойным чадом его, сего преизящнейшего отца на спасения наставление, яко дар освящен, дароваша. И учиниша его по благодати Своей непоколебима столпа, и скиту строителя, и, яко твердаго адаманта, укрепиша его благочестию ревнителя.

Аз же.., аще и не достоин нарещися, но по Церкви Святей сын ему есть и делам его благим самовидец бысть. В нем же Пресвятая Троица жилища Себе сотвори. И не токмо устрои его пустынным монахам кроткого правителя, но паче всех сих убеди его, смиренномудреннаго о душах человеческих всегдашняго молителя, и непрестаннаго в церкви Божией святаго служителя, и ... Животворящаго Тела Христова употребителя. И кто не прославит Вседержителя и Господа, видя сего чуднаго мужа, иже пребываяй в телеси своем на земли, яко бесплотный ангел! ... Таковаго

[200] В 1710 году Соловецкий архимандрит Фирс удостоил старца Иова пострижения в схиму с именем Иисуса, в память Иисуса Навина, израильского вождя.

Преподобный Иов. Соловецкий патерик. СПб., 1873 г.

страдальца и самовольнаго мученика, иже по Евангельскому Господню словеси, “явися соль миру” и столп по его Христову распятому житию.

Той же благий иеросхимонах Иисус весь страха Божия и Духа Святаго исполнен бысть, и ревностию своею разжеся в Бозе о душах приснопоминаемых за святою Божественною проскомидиею, и трудолюбно попечеся изыскати разнесенное, и во едино восхоте собрати расточенное, и богомудренно памятством своим восстави издавна забвенное: ово от олтарных дискосов и священных потирей сребренных, ово от воздвизальных и запрестольных крестов Христовых, от начертанных на них летописей, паче же от подписания святых книг церковных, иже благочестивыя великия государи цари и святейший великий господин Никон Патриарх своею рукою подписывали, и инии раби Божии данныя ими святыя иконы и книги своими руками закрепляху. К тому же от многолетных старец, издревле живущих ту, он, Богоносный Иисус, правым слышанием уверися, что от кого и кия всякия разныя вклады от них во храм Святыя Троицы поданы. И елико от всех сих возмог уведати и со многим тщанием вместе совокупи погибшее, и минувших и настоящих тех боголюбивых вкладчиков имена их в сию книгу вписати повеле, и всегда за здравие их поминати утверди, а отшедшим ко Господу усопшим душам приносимою бескровною жертвою Христовою свободную пользу благоразумно учини, да не вси убо нерадивым небрежением вечныя памяти своея лишени будут. Но аще убо зде в писании сем и умалишася числом, но в книзе жизни небесныя никогда же имена их оскудеют святаго сего поминанием, божественнаго светильника Иисуса» [29, с. 227, 228].

Братство в скиту незаметно стало умножаться, так что в короткое время собралось до тридцати человек. Новоначальных иноков отец Иов учил смиренному послушанию Богу и начальству, без чего, говорил он, нет спасения, поскольку послушание — первая из всех добродетелей. В ночное время старец имел обычай обходить братские келии, напоминая о ночном бдении. Если слышал кого молящимся, с радостью отходил от келии, а кого заставал в беседе — стукнув в дверь, отходил с печалью в душе и утром призывал того брата и наедине обличал. Скитян, желавших жития еще более уединенного, преподобный Иов благословлял на пус-

тынножительство. Старец часто посещал их, побуждал к иноческим подвигам и давал рукоделие. Обладая даром прозорливости, он иногда обличал пустынножителей в прегрешениях прежде, чем они успевали каяться ему.

Вспомнив однажды, что Господь наш Иисус Христос, умыв на Тайной вечере ноги Своих учеников, сказал им: «И вы творите такожде» (Ин 13; 15), — преподобный Иов начал с горьким рыданием укорять себя: «Окаянный, как высоко возведен ты! Имеешь сугубый сан священнический и строительский, а нет у тебя смирения в подражание Христу Спасителю». С этого времени он стал навещать больных, сам служил им, обмывал и обвязывал своими руками раны, больные части тела мазал святым елеем и нередко исцелял их. Этого подвига любви и заботы о ближних не оставлял он до самой кончины своей.

Иеросхимонах Иисус нередко удалялся на безмолвие в пустынные места, а также ходил к отшельникам для духовной беседы. Так, 18 июня 1712 года, в среду, старец пришел посетить уважаемого им пустынника, иеродиакона Паисия, жившего в четырех верстах от Анзерского скита, при высокой горе, называемой ныне Голгофой. Утрудившись, он остался ночевать в келии отца Паисия. По обычаю своему старец Иисус стал на вечернюю молитву, которую и продолжал до самой полуночи, читая псалмы с коленопреклонением. По молитве он сел и в тонком сне вдруг увидел в келии своей необыкновенный свет и в сиянии небесной славы Пресвятую Богородицу и с Нею преподобного Елеазара Анзерского. В благоговейном страхе, встав с места, он поклонился им до земли. При этом услышал голос Царицы Небесной: «Сия гора наречется вторая Голгофа, на ней будет церковь Распятия Сына Моего и Господа и устроится скит для вселения иноков и тебя с двумя учениками, схимонахом Матфием и монахом Макарием, и скит прозовется Распятским, соберется к тебе множество монахов и прославится имя Божие. Я Сама буду посещать гору и пребуду с вами во веки». С этими словами видение кончилось. Но в то же время послышался с высоты другой голос: «Освяти гору сию Голгофу и водрузи на ней крест!» Благочестивый старец много удивлялся виденному и слышанному и рассказал все иеродиакону Паисию, который все слышанное вырезал на кресте, сделанном руками самого строителя.

29 июня, в праздник святых апостолов Петра и Павла, преподобный Иисус, исполняя волю Божию, с учениками Матфием и Макарием отправился из Анзерского скита на гору Голгофу, там освятил воду и, окропив ею гору, водрузил приготовленный Крест с надписью. «Егда же кропляше гору, исхождаше от горы дым смраден и нечистые духи, яко враново исхождаху с вопли и гласы». После устроения церкви на Голгофе тот

Крест некоторое время был запрестольным, а затем находился в стеклянном футляре над гробницей старца Иисуса.

По преданию, Пресвятая Богородица неоднократно являлась иеросхимонаху Иисусу в образе Своем Тихвинском. Во вкладной книге Троицкого скита упоминается, что «иеросхимонах Иисус Распяцкий новоявленную ему икону Пресвятыя Богородицы Тихвинския обложил окладом сребреным, венец чеканной, поля басменныя. И сей чудотворный Богоматере образ с Превечным Ея Младенцем, Господем нашим поставил в церкви вкладом быти на аналой всегда и по себе в вечное свое в воспоминание» [29, с. 250].

С этого времени строитель начал заботиться об учреждении новой киновии на Голгофской горе. В 1713 году он отправился с учеником своим Макарием к архиепископу Холмогорскому Варнаве просить благословения на устройство церкви и скита на горе Голгофе. Грамотой архипастыря было разрешено устроить скит, с наименованием его Распятским, а горы — Голгофою.

Получив эту грамоту, старец сложил с себя обязанности строителя Свято-Троицкого скита и с несколькими учениками перешел на гору Голгофу, где начал устраивать скит. Вскоре ученики преподобного Иисуса соорудили на Голгофе деревянную церковь, которая была освящена архимандритом Фирсом в честь Распятия Господня, согласно грамоте преосвященного от 15 мая 1715 года.

Петр I, узнав о явлении блаженному старцу Пресвятой Богородицы и об устройстве скита на Голгофе, в знак особого расположения к бывшему духовнику много помог ему. Так, последовало повеление о ежегодном отпуске из архангельских государственных магазинов хлеба для братии Голгофского скита. А в 1714 году, в самом начале устройства скита, от великой княжны Марии Алексеевны поступило пожертвование драгоценной церковной утвари, одежды и книг. Особенно ценным пожертвованием была икона Успения Божией Матери в серебряной ризе с позолоченными полями и в ней вкладной ящик со многими святыми мощами. Царица Параскева Феодоровна (вдовствующая супруга царя Иоанна Алексеевича), кроме других пожертвований, пожаловала на строительство церкви сто рублей, князь Меньшиков дал сто червонцев.

В 1718 году на новоустроенный скит напали разбойники и увезли с собой церковное и скитское имущество, которое после так и не отыскалось. В этот час скорби блаженный старец безвыходно находился в келии и молился Господу о спасении братии. Разбежавшиеся пустынники опять собрались в скит к своему духовному отцу. Старец упрекнул их в малодушии, и иноки тогда же дали обещание: лучше умереть, а не выходить из скита, какие бы скорби ни последовали.

Все приходящие в скит для подвижнической жизни принимаемы были с любовию, только каждый должен был срубить себе келию для жительства. Так собралось до 20 иноков. Жизнь братии протекала в подвигах духовных и трудах телесных. Сам престарелый строитель, в пример другим, нередко рубил дрова, носил на гору воду для поварни, в пекарне замешивал тесто для хлеба. Однажды, в праздник Успения Божией Матери, пришел к преподобному келарь скита и сказал: «Отче! Некому в поварню воду носить». Старец встал и сам начал носить воду с озера из-под горы, но ученики его, увидев это, выбежали и наносили воды с избытком.

Тот же келарь через некоторое время пришел опять к преподобному с жалобой: «Повели, отче, одному из братии, праздному, приготовить дров для поварни». «Я праздный, пойду и приготовлю»,— отвечал блаженный. А между тем было время обеда. Старец благословил братию идти на трапезу, сам взял топор и начал рубить дрова. По окончании обеда взялась и братия за приготовление дров.

В келии преподобный Иисус постоянно занимался рукоделием. Если случалось выручить за свой труд немного денег, он делил эти деньги на три части: одну — на нужды церковные, другую — на нужды братии и третью — на милостыню нищим. Ничего, кроме некоторых духовных книг, у старца не было. Из одежды он довольствовался только двумя свитками: власяной, жесткой, на теле, и верхней, покрывавшей первую. На укоризны в таком простом образе жизни старец не обращал никакого внимания. Был и такой обычай у старца: если кто из братии подвергался болезни, преподобный, оставив свою келию, приходил к больному и служил ему до тех пор, пока тот не выздоравливал.

Но кто может исчислить все духовные подвиги угодника Божия? Они вполне известны только Господу, для Которого и были совершаемы. На повседневных церковных службах преподобный Иисус присутствовал без упущения, приходя прежде других, а в келейной молитве с коленопреклонением проводил целые ночи. При наступлении святой Четыредесятницы обыкновенно затворялся в келии и, пребывая весь Великий пост в этом уединении, упражнялся в непрестанной молитве. Из этого затвора он выходил не ранее, как перед самым праздником Пасхи.

Для учеников своих преподобный составил скитской устав, в котором особенно замечательно следующее правило: «Если кто соизволит жить со мной и после меня в скиту, то не должен употреблять в пищу: коровьего масла, молока и рыбы, особенно же не пить вина. Общая трапеза должна состоять из огородных овощей, с употреблением в меру постного масла. В келиях собственных вещей не иметь; женского пола не принимать и отроков в послушании не держать. Кроме общего церковного прави-

ла, в келиях каждому читать по пяти кафизм из Псалтири, пятьсот молитв Иисусовых и делать триста поклонов».

За богоугодную жизнь преподобный был удостоен особенных откровений. Некоторые ученики его скорбели и роптали из-за того, что трудно было носить на гору воду с озера, отстоявшего от скита за версту. Опасаясь, что после его кончины братия уйдут с горы, старец, став на молитву с вечера, прилежно и со слезами молился до полуночи. Он просил Господа Бога и Пресвятую Богородицу, да изведут источник водный на самой горе на потребу братии. В самую полночь он увидел в келии своей свет неизреченный: ему явилась Сама Владычица Небесная, сияющая небесной славой паче солнца; при ней преподобный Елеазар Анзерский и два ангела. Старец пал ниц, а Царица Небесная промолвила: «Встань! Услышана твоя молитва, заутра возьми учеников твоих и ископай на горе кладезь, здесь будет вода на потребу тебе и братии». Пречистая указала и самое место, где следовало копать. Прийдя в себя, блаженный старец рассказал ученикам о чудесном явлении. С наступлением дня преподобный поспешил с ними пойти на указанное место, начали копать колодец и действительно докопались до изобильного источника воды. Все признали это явление знаком особенного Промысла Божия о ските и радовались, прославляя Бога и Пресвятую Богородицу единогласной песней: «Дивна дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси». Когда же источник был вполне устроен, то старец с братией совершил Божественную Литургию и по Литургии благодарственный молебен с коленопреклонением, а затем крестный ход на новый источник. По освящении воды в источнике он окропил ею святой храм, братские келии и вершину горы с пением стихиры Святому Духу: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра; и вси вземше крест Твой...» А по окончании священнодействия преподобный утешил своих учеников поучением, приличным случаю. Вот о чем он говорил:

Преподобный Иов.
Илл. к житию [12]

«Не скорбите, братия, не малодушествуйте, но уповайте всегда на Бога. Господь всесильным Своим словом извел из бездны источники воды

сладкие для всех живущих на земле верных и неверных. Нас ли, рабов Его, оставит, не пропитает? Вспомним обещание Его: “Мать исчадие свое скорее забудет, нежели Аз вас!”»

Водой из этого источника пользовались жители скита со времени открытия его до 1828 года, когда при постройке новой каменной церкви на горе Голгофе колодец, к сожалению, был засыпан.

Однажды ночью к старцу пробрались воры, не зная, что у него нечего было похищать. Притаившись у келии, они дожидались, чтобы преподобный ушел в церковь к утреннему богослужению. Старец еще не спал и стоял на обычном правиле. Он прозрел их намерение и обратился ко Господу: «Боже, пошли сон рабам Твоим, утрудившимся в суетном угождении врагу». Молитва была услышана, и незваные посетители проспали у келии старца беспросыпно пять дней и пять ночей, пока сам преподобный, пришедши с братией, не разбудил их словами:

«Доколе стережете всуе? Подите в домы свои». Пробудившись, они встали, но идти не могли, потому что немало времени пробыли без пищи. Старец накормил их и отпустил. Услышав впоследствии, что эти люди привлечены к ответственности, он послал просьбу об избавлении их от суда. Сам же поспешил продать последние книги, какие были у него, а деньги раздать нищим — из опасения, чтобы опять кто не впал в подобную беду. Злополучные разбойники, освободившись от суда, пришли в скит и, испросив прощения и благословения у старца, трудились целое лето на пользу братии.

В другое время воры пришли в огород старца за овощами. Наполнив мешки, они закинули их на плечи, чтобы унести, но не могли и сдвинуться с места и так простояли два дня и две ночи неподвижно с тяжелым грузом. Потом начали кричать: «Отче святый, пусти нас с места!» На голос пришли некоторые из братии, но не могли свести их с места. На вопрос иноков: «Когда вы сюда пришли?» — они отвечали: «Два дня и две ночи стоим здесь». — «Мы всегда ходили сюда, почему же не видели вас?» — «Да и мы, если бы видели вас, давно уже со слезами просили бы прощения у вашего старца». Пришел и сам преподобный и сказал ворам: «Вы всю жизнь, пребывая в праздности, без трудов, крадете чужие труды, поэтому стойте здесь в праздности все годы вашей жизни». Со слезами воры умоляли отпустить их, обещая впредь не делать ничего подобного. Старец сказал: «Если хотите руками трудиться и от труда вашего других питать, то отпущу». Они с клятвой дали обещание исполнить его повеление. Тогда он сказал: «Благословен Бог, укрепляющий вас, потрудитесь год в этой обители на братию». После этого разрешил их от невидимых уз своей молитвой, и они действительно трудились год в скиту.

Один из скитской братии, будучи обуреваем блудной страстью, пришел к преподобному просить помощи с намерением исполнить все, что старец повелит. Старец, научив его воздержанию, прикоснулся своим жезлом к телу брата — тотчас же плотская страсть исчезла, и инок никогда более не страдал ею.

Годы протекали за годами. Угодник Божий, испытавший в своей жизни столько превратностей, приближался к концу своего многотрудного земного поприща. Силы стали оставлять преподобного старца, и заблаговременно начал он готовиться к переселению в жизнь нескончаемую. Теперь он обращал больше внимания на себя, хотя не прекращал обычной заботы и о пользе ближних. Старец часто ходил к изготовленной им самим могиле и над ней, размышляя о смерти и суде Божием, проливал слезы и глубоко вздыхал: «Душе моя, душе моя! Что спиши? Конец приближается, и имаши смутитися».

Господь открыл Своему верному рабу не только приближающуюся кончину, но определил и самый день ее. Блаженный старец задолго до смерти объявил братии, что кончина его последует в воскресный день до восхода солнца.

Лежа на одре болезни, преподобный призвал учеников и сказал им: «Я отхожу от вас к вечной жизни, а вы пребывайте богоугодно, каждый в своей, Богом предызбранной службе, безвыходно из скита, ради любви братской по Бозе».

Вскоре к тяжелой болезни старца присоединилась другая — изнурительная горячка. Изнемогая, он только повторял себе: «Воля Господня да будет о мне, что угодно Господу, да сотворит», — и потом погружался в молитву. Угасающий подвижник три дня и три ночи лежал недвижим, и было едва заметно его дыхание, так что ученики, рыдая, ожидали скорой кончины его...

Но к общей радости и удивлению, через три дня старцу неожиданно стало легче, он встал с одра и обратился к братии со словами: «Время жизни моей оканчивается, о чем мне и Господь возвестил! Вы изберите среди вас себе наставника вместо меня, я его поставлю и благословлю». Почувствовав облегчение от болезни, преподобный Иисус в последний раз совершил Божественную Литургию и причастил братию Святых Христовых Таин. После Литургии он опять почувствовал изнеможение и уже больше не вставал. В эти предсмертные минуты он весь исполнен был необыкновенной радости.

Рано утром, призвав к себе учеников, преподобный в последний раз облобызал и благословил каждого. Братия горько рыдали. Простившись со всеми, старец сказал: «Я отхожу ко Владыке моему Господу Иисусу Христу... Заповедаю вам: тела моего по смерти не омывайте, одежду на

нем не переменяйте, а в которой теперь нахожусь, в ней положите во гроб, погребение сотворите сами, без мирских людей». Когда плачущие иноки спросили: «Отче святый, как мы останемся в сиротстве без тебя? Желали бы и мы умереть с тобою, ибо ты нас вел ко Христу за собою, а ныне далеко оставляешь». Старец сказал: «Утешьтесь, мои возлюбленные, ибо я хотя телом разлучаюсь, но духом пребуду навсегда с вами». И с этими словами отпустил их в келии.

Один из учеников, служивший старцу в болезни, выйдя от преподобного, остановился и не пошел в свою келию. Он тайно, через скважину, посмотрел на больного и увидел, что, проводив из келии иноков, старец встал с одра, преклонился на колена посреди келии и молился со слезами Богу и Пресвятой Богородице, призывая и святых угодников, и в молитве этой часто поминал устроенную им святую киновию и братию. После молитвы он лег на одр и перекрестился. Через несколько минут преподобный опять встал с одра и на коленах молился Господу с воздетыми руками: «Господи Боже мой! Благодарю Тебя, что призрел на смирение мое и сподобил меня скончаться в православной вере в Тебя, в исповедании и в исполнении заповедей Твоих! Приими, Владыко Преблагий, в мире дух мой, а Твоих рабов, которых во едино стадо чрез меня грешнаго собрал, сохрани...» Непродолжительна была эта молитва добродетельного подвижника, и он лег на одр. В эти минуты лицо его с устремленным к небу взором сияло необъяснимым спокойствием и радостью. Он пребывал уже недвижим в молчании и как будто с кем-то душевно беседовал. Вдруг молчание свое старец прервал восклицанием: «Благословен Бог Отец наших! Если так, то уже не боюсь, но в радости отхожу от мира сего!» С этими словами келия озарилась необыкновенным светом, разлилось благоухание и слышны стали голоса, поющие псаломскую песнь: «Яко пройду в место селения дивна, даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания шума празднующаго» (Пс. 41, 5). В эту минуту блаженный на одре своем совершенно обратился лицом вверх, ноги простер, руки сложил на персях крестообразно, и душа его отлетела в обители небесные, куда постоянно стремилась во все время своего земного странствования.

Тело почившего положили в деревянную гробницу, на которой сделали надлежащую надпись, а на саму гробницу положили еще доску со словами: «Здесь скончался 1720 года, марта 6 дня, преподобный Иов (в схиме Иисус), строитель прежде бывший Анзерский, а потом Голгофский. В монашество поступил 1701 года. В Анзерский скит перешел на безмолвие 1702 года. Строительство Анзерское принял 1706 года. В схиму постригся в 1710 году. На гору Голгофу пришел жить строителем 1714 года. Показавый образ добродетелей — словом и житием, любовию и

духом, верою и чистотою сердечною. 1720 года марта 9 дня погребен здесь».

С самого дня погребения почитатели преподобного во множестве начали отправлять на его могиле панихиды, так что через некоторое время старанием учеников блаженного старца над гробницей была поставлена часовня и на надгробной доске изображен лик преподобного.

По смерти преподобного Иова Голгофо-Распятский скит пришёл в запустение и вскоре был соединён с Троицким скитом. В 1764 году скит был приписан к Соловецкому монастырю. Через четыре года в него вернули все вывезенные из скита драгоценные вещи. Но истинное возрождение скита связано с настоятелем Соловецкого монастыря, архимандритом Досифеем. По его тщанию на г. Голгофу была проведена широкая и пологая дорога, а затем началось строительство каменных зданий. В 1830 году была освящена каменная церковь Распятия Господня с теплым приделом Успения Богородицы, в котором под спудом находились мощи преподобного Иова. Старая деревянная церковь была перенесена с вершины к подножию горы и переосвящена в память Воскресения Христова. Из Соловецкого монастыря в скит назначался опытный в иноческой жизни монах в качестве строителя и десять иноков под его ведение. Скитский устав, данный скиту преподобным Иовом, исполнялся в точности. Главной особенностью скита было непрерывное чтение Псалтири в поминовение живых и умерших благотворителей монастыря.

Таким образом, в XIX веке Анзерские скиты приобрели благоустроенный вид. В них были построены каменные келейные корпуса, заведено своё хозяйство, по острову были проложены дороги, для паломников были построены гостиницы. Однако молитвенному деланию это не мешало.

Среди подвижников благочестия XIX века, жизнеописания которых содержатся в «Соловецком патерике», пять подвизались какое-то время в качестве Анзерских пустынников. Здесь исполнял послушание псаломщика в Голгофском скиту старец Наум (3.8). Тут же, под Голгофой, на том месте, где в 1999 году был сооружен небольшой келейный корпус, стояла келья старца Феофана. И ещё о двух подвижниках упоминается в «Соловецком патерике», хотя сведения о них весьма скудны, но пустынным подвигом своим они заслужили уважение братии.

Схимонах Зосима происходил из чудского племени, трудился на рыбной и звериной ловле в Кирилловской и Троицкой тонях. Он никогда не держал в руках денег, не принимал кружечного вознаграждения. Умер 23 июня 1855 года, оставшееся после него имущество состояло из одного только пояса.

Схимонах Матфей по пострижении в схиму жил в Голгофо-Распятском ските, «неусыпно упражняясь в молитвах и трудах, имел дар слез, и

в ночное время его рыдания слышались в соседних келиях». Умер в глубокой старости и перед смертью видел ангелов.

В 2000 году преподобный Иов был прославлен Юбилейным Архиерейским Собором для общецерковного почитания. Честные мощи его, обретенные 11 июня 2000 года, покоятся ныне в храме в честь Воскресения Христова Голгофо-Распятского скита.

7.5. ГОРА ГОЛГОФА

В конце 1928 — начале 1929 года, когда в СЛОНе свирепствовала эпидемия тифа, в Голгофо-Распятском скиту был устроен стационар медчасти Соловецкого лагеря особого назначения, в котором умерли тысячи заключённых. Сбылось предсказание Божией Матери преподобному Иову о том, что «придет время, верующие на этой горе будут падать от страданий как мухи» [38, с. 73]. Один из служащих этого тифозного госпиталя вспоминал: «Картина, которую я застал по приезде, была ужасна, название Голгофы вполне оправдалось. В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спертый воздух, что само пребывание в нем... казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз, была совершенно раздета... Истощенные люди... скелеты, обтянутые кожей, голыми выбегали, шатаясь, из часовни к проруби, чтобы зачерпнуть воды в банку из-под консервов. Были случаи, когда, наклонившись, они умирали...» Множество таких свидетельств было собрано в 1930 году комиссией по расследованию случаев жестокого обращения с заключенными. Читая об этом, например в прекрасно изданной книге Ю. Бродского [50], люди даже из Италии приезжают на Соловки посмотреть на место красного террора, посочувствовать жертвам СЛОНа и убедиться, что все ужасы коммунистического режима остались в прошлом. Однажды группа итальянских туристов, желавших посетить Голгофо-Распятский скит, отправилась на о. Анзер вместе с паломниками. И вот они, пройдя 2 км по болотистой лесной дорожке, увидели Голгофу. Храм Распятия Господня, хотя и поруганный в советское время, поразил их своим величием: «Кому могло прийти в голову строить такой храм на необитаемом острове?» — был вопрос. Но ещё больше они были поражены тем, что небольшой деревянный храм под горой вполне обжит, что в нём каждую ночь совершается Божественная Литургия, за которой поминаются все «зде лежащие и повсюду православные», что сейчас находятся люди, готовые стать монахами и служить Богу на этом «крайсветном» острове. Расспросив об иконах в храме и о раке с мощами преподобного Иова, к которой прикладывались паломники, итальянские гости сказали: «Мы поняли, почему русские сюда приходят — потому, что здесь жили Святые!»

Святитель Петр, архиепископ Воронежский. 1926 г.

История Святости простирается вплоть до нашего времени. В конце 1928 года оказался на Голгофе архиепископ Воронежский Петр (Зверев). На последнем месте своего служения, Воронежской кафедре, он показал себя ревностнейшим пастырем Христовым: служил, проповедовал, собирая множество народа. В нем была особенная благодатная сила, которая притягивала к нему людей. При архиепископе Петре в Воронеже началось почти поголовное возвращение духовенства из обновленчества. В то время, когда вся страна была скована страхом от беспощадных преследований, арестов и расстрелов, в душе Святителя Петра царили удивительные мир и тишина, он был свободен от этого страха. 16 ноября 1926 г. владыка был арестован и с приговором «10 лет» отправлен в Соловецкий лагерь весной 1927 г. И в испытаниях Владыка был спокоен, он как-то сказал: «Как хотел бы я открыть свое сердце и показать вам, как страдания очищают сердце» [38, с. 42]. В лагере Владыка был определен в 6-ю рабочую роту 4-го отделения в стенах монастыря, затем был переведен в 4-ю роту 1-го отделения. Он работал сторожем вместе с архиепископом Курским Назарием. Потом Владыку перевели на должность счетовода на продовольственном складе, где в то время работало заключенное духовенство. Он жил в помещении при складе вместе с епископом Печерским Григорием. Любовь к Богу согревала его сердце и поддерживала силы. В конце 1927 года он писал одной из духовных чад своих: «Молитвенно желаю вам от Господа всяких милостей и спасения душевного — последнее самое главное: будет оно, будет и все остальное, только сумейте полюбить Христа, сумейте Им единым дышать, жить, о Нем лишь думать, к Нему стремиться, о Нем беседовать, Его слова в Евангелии читать, заучивать и воплощать в жизни. Сумейте полюбить Христа, и всем около вас будет тепло, покойно и не тесно. Помолитесь, чтобы и меня Господь научил этой единственно нужной науке» [38, с. 65]. На Соловках еще действовала церковь преподобного Онуфрия Великого, и владыка имел возможность служить. Молитва в храме была для него великим утешением. «Одна у нас радость и утешение — это церковь, где находим абсолютный душевный покой, забываются все жизненные невзгоды далекого севера. В церковь имеем возможность ходить почти ежедневно. Вот тут в уголке, в тиши молитвенно вспомина-

ются лица, с которыми так или иначе приходилось в жизни встречаться; и когда всех вспомнишь, легко-легко на душе станет, уходишь из храма обновленным и ободренным», — писал верный сподвижник и помощник Владыки Петра архимандрит Иннокентий [38, с. 446][201]. Летом 1928 года ссыльный епископат избрал Владыку Петра главой Соловецкого православного духовенства. Режим и условия жизни СЛОНа все более ужесточались. Новое лагерное начальство, желая избежать влияния Владыки на заключенных, отправило его в октябре 1928 года на Анзер за то, что, несмотря на строжайшие запреты лагерной администрации на совершение треб, архиепископ Петр крестил в Святом озере эстонку.

Владыка Петр находился на лагерной командировке, расположенной в доме «спасательной станции» на Троицком мысу. 15 января 1929 года он писал: «Слава Богу за все, что пришлось мне за это время пережить и переживать. Нынешний раз как-то особенно грустно и скорбно я встретил и провожу праздники — ведь шестые праздники провожу вне дома, не с теми, с кем бы желалось. Но все это решительно надо терпеть. Ну, что делать. Не так живи, как хочется, а как Бог велит... У нас, по-видимому, настала настоящая зима, с ветрами и метелями, так что ветер едва не валит с ног... Живу в уединенном и пустынном месте на берегу глубокого морского залива, никого не вижу, кроме живущих вместе, и могу воображать себя пустынножителем» [38, с. 70]. Владыка Петр искал утешение в молитвах преподобному Герману — первому Соловецкому пустынножителю, и составил ему акафист, который переслал по частям своим чадам в Воронеж. Одна, тогда юная, будущая монахиня Ксения (Новикова) собрала разрозненные отрывки по знакомым и восстановила этот акафист праведника праведнику, соловчанина последних времен первооснователю. Затем этот акафист был издан игуменом Германом (Подмошенским) [51, с. 25—35]. В завершающей акафист молитве преподобному Герману Владыка Петр просит помощи и укрепления: «Да ревностне поработаем Господу Богу прочее время живота нашего и понесем на себе иго Его благое и легкое Его бремя и, тако достигше благодатию Христовою Небеснаго Царствия, сподобимся с Тобою и со всеми Святыми славити и воспевати пречестное и великолепое Имя Отца и Сына и Святаго Духа...» Владыка предчувствовал близкую встречу с вечностью.

В январе 1929 года Владыка заболел тифом и был доставлен в больничный изолятор, открытый в стенах церкви Распятия Господня на Голгофе. Перед кончиной архиепископ Петр удостоился посещения Великомученицы Варвары, которая причастила его Святых Христовых Таин. В

[201] Преподобномученик Иннокентий (Беда) скончался после тяжелой болезни 24 декабря (6 января) 1928 года, не произнеся ни единого слова ропота, и был погребен на монастырском кладбище близ Онуфриевской церкви.

тот же день, 25 января (7 февраля) 1929 года на праздник любимой им иконы Царицы Небесной «Утоли Моя Печали», Владыка Петр скончался. Он чувствовал себя готовым переступить порог вечности и несколько раз написал на стене карандашом: «Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает». Лагерное начальство приказывало хоронить всех умерших в общих могилах. Архиепископ Петр был также сначала похоронен в общей могиле, но близкие и почитатели покойного Владыки добились разрешения перезахоронить его отдельно. Вопреки запрещениям начальства, его облачили в мантию и клобук, одели омофор, вложили в руки крест, четки, Евангелие и совершили отпевание. На могиле был поставлен крест. «Похоронили Владыку внизу против престола (алтаря храма) на полугоре. Поставили крест. В головах — елка, в ногах — три пихты. Владыка умер от тифа последним, после него никто уж не умирал. Тиф кончился, и настало тепло», — вспоминала позднее духовная дочь архиепископа Петра — игумения Иулиания.

В июне 1999 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил рабочую группу при Синодальной комиссии по канонизации святых под руководством иеромонаха (ныне игумена) Дамаскина (Орловского) из Синодальной комиссии и игумена Германа из Соловецкого монастыря отыскать место захоронения архиепископа Воронежского Петра. Ранее Синодальная комиссия по канонизации святых изучила документы, свидетельства и другие исторические материалы, касающиеся судьбы Владыки, и передала их в Синод для решения вопроса о канонизации архиепископа Петра на ближайшем Архиерейском Соборе.

По возвращении в Москву участники рабочей группы вспоминали: «Стояли мы у подножия анзерской Голгофы в растерянности. Густой лес, травы и мхи покрывали склоны горы. Никаких видимых следов захоронений! Еще весной 1929 года, по свидетельству архимандрита Феодосия, “все кресты на Соловецких кладбищах были сняты и обращены в дрова. В Соловках, видите ли, дров мало и топиться нечем. Да видит и судит Господь...” После закрытия тюрьмы в 1939 году всякие следы концлагеря уничтожались с участием военных.

Рабочей группе могли помочь свидетельства очевидцев. Известно, что Владыку Петра похоронили напротив алтаря. Но какого алтаря? Каменного ли Распятского храма на вершине или нижней деревянной Воскресенской церкви? После общей молитвы в нижней церкви решили начать поиски наверху, у каменного храма. Там, за развалинами старой монастырской конюшни, просматривались среди травы какие-то ямы. Но к исходу второго дня работы убедились, что захоронений здесь нет. Члены поисковой группы вновь спустились к подножию горы, к Воскресенской церкви, и начали обследование старого монастырского кладбища. И вот вечером 17 июня, почти одновременно, были обнаружены следы пяти

захоронений периода соловецкого концлагеря: одиночная могила на полугоре, выше апсиды храма и четыре больших захоронения к северо-западу от церкви. Все собрались у одиночной могилы — предполагаемого места захоронения архиепископа Петра — служить литию в память Владыки-мученика. Закатное небо окрасилось в густой багровый цвет. Поднялся сильный ветер. Облака с бешеной скоростью летели на север...

Вскрытие общих захоронений непреложно свидетельствовало: на Анзере замученных, умерших от голода, страданий и болезней сбрасывали в ямы без гробов и даже без одежды, а по мере наполнения присыпали эти чудовищные братские могилы землей. Мы, наверное, никогда не узнаем, сколько безымянных узников приняла таким образом Соловецкая земля. Неслышный крик разносился над Голгофой. Семьдесят лет души этих несчастных томились и ждали упокоения. После обследования могилы были закрыты, над каждой поставили крест. У подножий крестов загорелись свечи. В наступившей ночной тишине послышалось тихое церковное пение: совершался чин погребения усопших...» [41, с. 172].

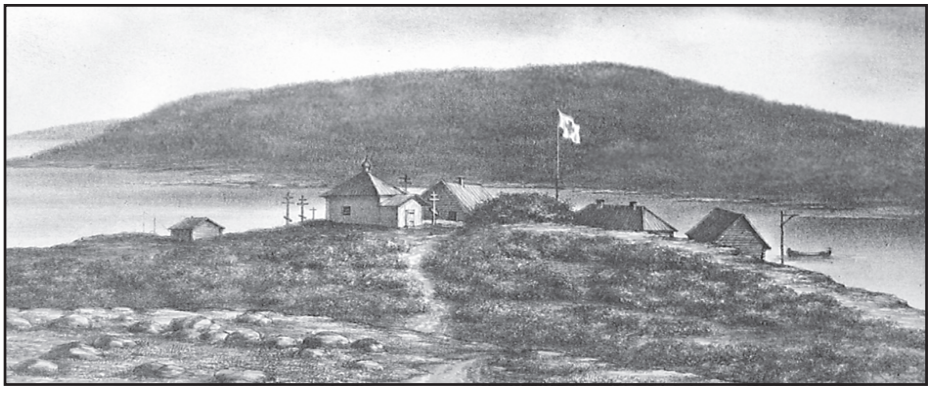
В одиночном захоронении, по милости Божией, были обретены честные останки архиепископа Петра. Сначала они были перенесены в Воскресенскую церковь, где отслужили перед ними первые молебны. И те, кто прикладывался к мощам священномученика, ощущали не могильный холод, а живую теплоту и благоухание...

На Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года архиепископ Петр был прославлен в лике Святых. 23 августа, в день памяти Святых новомучеников и исповедников Соловецких, его честные мощи впервые были принесены в Спасо-Преображенский собор для общецерковного поклонения. Ныне рака с мощами находится в храме Святителя Филиппа. На месте обретения мощей, на склоне Голгофы, в 2002 году поставлена деревянная часовня.

7.6. ОБ АНЗЕРСКИХ ДОРОЖКАХ

От Соловецкого острова Анзер отделен проливом Анзерская салма. Минимальное расстояние от мыса Кеньга на Анзере до монастырского посёлка Реболда[202] на Соловецком острове составляет около пяти кило-

[202] Здесь, на холме у причала, была деревянная часовня, а в ней доска с надписью: «Часовня эта вновь отстроена по распоряжению архимандрита Александра с братиею и освящена в 1857 году во имя Святителя Христова Николая, спасающаго призывающих имя его в морях и во всех концах вселенной. Св. Николай — сильнейший ходатай пред Богом и посредник спасения для всех, с истинною верою и любовию к нему прибегающих, и невозможно исчислить множества благодетельных чудес его, совершенных и ныне совершаемых в помощь и спасение людям»[25, с. 118]. В часовне служились молебны о даровании благополучного плавания. Море всегда ненадёжно, поэтому и теперь паломническое путешествие на Анзер начинается с молебна с акафистом Святителю Николаю.

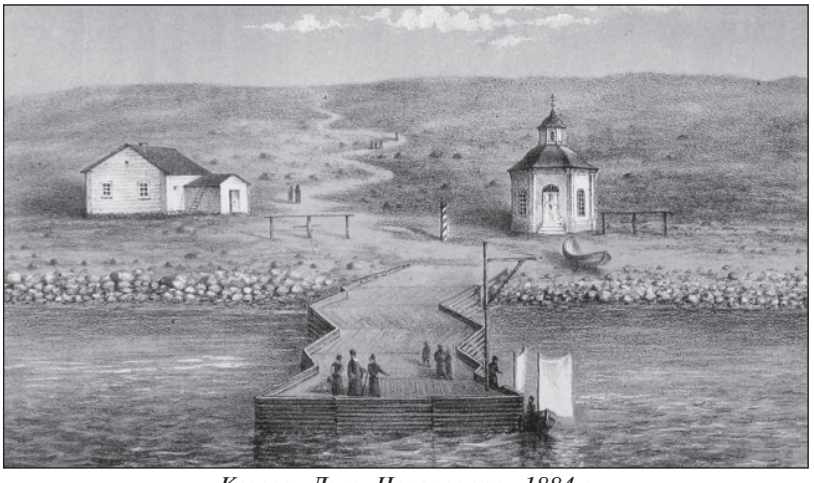


Троицкая спасательная станция. Лит. Черепанова, 1884 г.

метров. Раньше здесь была налажена переправа на Анзер паломников и грузов. Теперь из-за плохой дороги на Реболду предпочитают пользоваться морским путем из бухты Благополучия или из Долгой губы[203]. Берега о. Анзер сильно изрезаны и образуют несколько глубоких, удобных для подхода небольших морских судов и рыбацких лодок, бухт: Троицкая губа на северо-западе, Кирилловская губа на севере, Капорская губа на юге острова. В зависимости от состояния моря выбирается маршрут: Кеньга — Капорская губа, когда ветер северный, или Троицкая губа — Кирилловская губа, когда ветер южный, чтобы обеспечить безопасность высадки на берег. Если корабль доставил вас на Троицкий мыс, вы увидите деревянный дом, в котором с 1875 года была открыта спасательная станция для подания помощи при кораблекрушениях. Для этого монастырским начальством избирался старшина из опытных моряков-монахов и 12 моряков из рабочих людей. Общество спасения на водах выдало спасательный бот со всеми принадлежностями и одеждой для рабочих. Здесь была устроена часовня во имя Святой Троицы для молитвословия братии, тут живущей и занимающейся рыбной и звериной ловлей. В конце 20-х — начале 30-х гг. XX века на Троицкой спасательной станции содержались в заточении католические священники. В 1928 году здесь помещен был и архиепископ Петр.

К Троицкому скиту ведёт красивейшая лесная дорога (4 км), проходя по которой мимо невысоких березок и полян, покрытых тундровой растительностью, мы попадаем в чудесный сосновый бор, в котором, по выражению одного из паломников, «можно детские сказки снимать без декораций». Пройдя около трёх километров, посматривайте влево, чтобы не пропустить тропу, спускающуюся круто вниз к источнику преподобного Елеазара. Если вы проскочили тропинку или она показалась мало-

[203] Так в поморье именуют заливы.



Кеньга. Лит. Черепанова, 1884 г.

удобной, можно, пройдя сотню метров вперёд, вернуться по пологой дороге, по ней же потом следует и продолжать путь до скита (1 км). Вода в источнике чистейшая, вкусная и, по вере, обладает целебными свойствами. Рядом с источником поставлен крест с надписью: «При строителе Пармене поставлен иеромонахом Ефремом 1917 года октября 24». В день богоборческого переворота, как видимое знамение пребывающей с нами силы Божией, был поставлен этот крест, выкрашенный красно-коричневой краской. Поразительно, что он уцелел, находясь на перепутье Анзерских дорог. В лагерные времена сюда приезжали водовозы со всего острова и на срубе источника писали свои имена, чтобы подать о себе весточку. Существующий сруб и сень над источником восстановлены в 2005 г.

Если ваш путь по Анзеру начался с Кеньги[204], вспомните о бывшей здесь прежде восьмигранной каменной часовне в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Помолитесь Пресвятой Богородице, вступая на остров, где Сама Пречистая неоднократно являлась. Отсюда около трех километров до Троицкого скита. В Троицком скиту (7.3) сохранились церковь во имя Святой Троицы (1884 г.) с трапезной и келейным корпусом[205], млечный дом[206], расположенный на ручье к северо-во-

[204] Это место называется также «Красная (красивая) пристань».

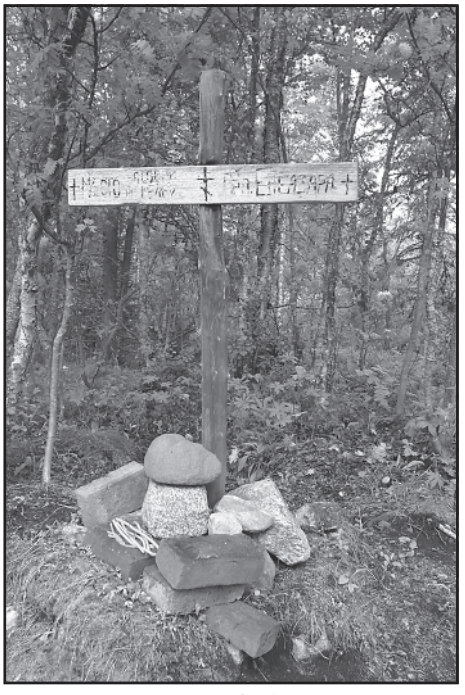
[205] Двухэтажные каменные келии были построены в 1803 году. Архимандрит Досифей упоминает о них: «Сие строение находится в связи с упомянутой церковью с западной стороны. В нижнем этаже расположены братские келии с трапезою и поварнею, все по сводам; в коридоре сего этажа сделаны зимний и летний погреба, и в верхнем этаже устроены настоятельские и братские келии с накатными потолками, которые все оштукатурены и выбелены. Весь корпус сей покрыт тесом и украшен тремя приличными фронтонами».

[206] Здесь хранились и перерабатывались молочные продукты, а на втором этаже проживали трудники.

стоку от церкви. Рядом находились (ныне полностью утраченные) коровники. Поблизости от млечного дома можно видеть остатки валунной бани. Ближе к берегу моря сохранились три амбара и причал. С южной стороны от церкви — плохо сохранившееся здание конюшни и развалины печи от сгоревшего в советсткое время корпуса для трудников и богомольцев. Отсюда дорога уходит на восток в Голгофо-Распятский скит. У мосточка, где дорога пересекает канал из Святого озера[207] , в море находилась часовня в память иконы Божией Матери «Знамение». Метров через триста дорога выходит на Богородичный луг, на котором, по преданию, до сих пор растут незабудки на месте явления Пресвятой Богородицы преподобному Елеазару. Многие иноки старались привезти семена трав из своих родных мест и посеять на этом лугу. Километра через два дорога упирается в Большое Елеазарово озеро (бывшее Круглое). Посмотрите внимательно на противоположный берег: на пригорке, поросшем островерхими елями, построил себе келию преподобный Елеазар (см. 7.2). Обогнув озеро, нужно не пропустить тропинку вправо, ведущую к вершине холма. В начале XIX века иеромонах Иосиф нашел здесь крест, поставленный преподобным Елеазаром, и устроил келию для безмолвствующих. В 1825 году рядом была поставлена часовня во имя преподобного Елеазара. В середине XIX века здесь поселился схимонах Феодор. Он служил прежде в Преображенском полку и однажды по простоте сердца высказал Государю своё желание стать Соловецким монахом. Через два дня будущий инок получил увольнение и деньги на дорогу в обитель, где был пострижен с именем Филиппа. Жизнь монастырская в многолюдном обществе не вполне соответствовала его пламенным стремлениям и он, испросив благословения, удалился первоначально на Заяцкий остров, «место дикое и угрюмое», куда обычно ссылали провинившихся. Вскоре подвижник перешёл сюда, в пустынь преподобного Елеазара. Приняв схиму с именем Феодора, в глубокой старости он вышел из пустыни в Троицкий скит, где и почил с миром.

В лагерное время в часовне располагался пикет охраны, а в келии — карцер. В 2005 г. часовня была восстановлена на прежнем месте. Пройдя по основной дороге ещё около километра, увидим справа тропинку к девятиметровому Поклонному Кресту, установленному братией Соловецкого монастыря 25 июня 1994 года в день Всех святых, в земле Российской просиявших. От Креста открывается вид на Голгофу. Таким образом, Голгофский скит устроился во образ Иерусалима: в поднебесье гора Голгофа, под горой деревянная церковь Воскресения Христова — Гроб Госпо-

[207] Раньше на берегу озера были устроены купальни для богомольцев, сейчас они, к сожалению, отсутствуют. Если вы имеете намерение омыться в водах Святого озера, позаботьтесь, чтобы это выглядело благопристойно.



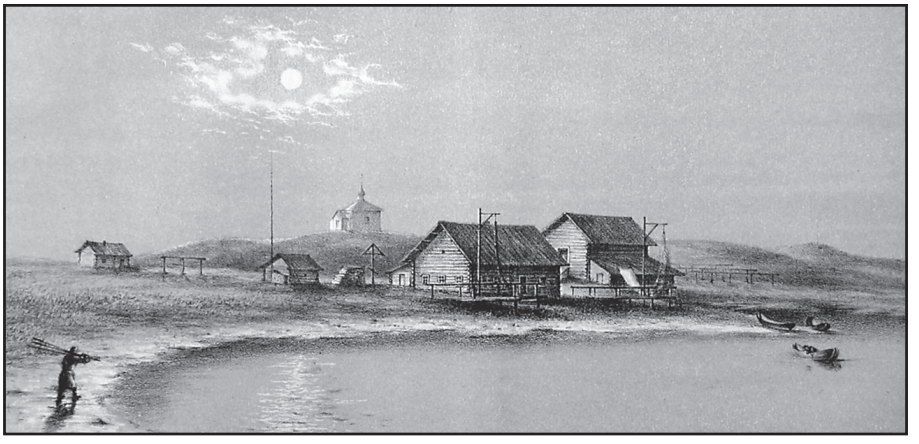
Место келии преподобного Елеазара. Фото 2003 г.

день, а холм с Крестом представляет собой поклонную гору. Примечательно, что Голгофа Иерусалимская и Голгофа Анзерская находятся на одном меридиане: 36 градусов восточной долготы. Помолившись у Креста о упокоении всех прежде почивших отцев и братий, здесь подвизавшихся, и о упокоении всякой души, в лютую годину безбожия здесь конец принявшей, направимся к Голгофе.

Под горой нас встречает деревянный храм Воскресения Христова, поставленный на месте явления Пресвятой Богородицы и преподобного Елеазара преподобному Иову[208]. В 2004 году была написана большая икона с изображением этого явления. Обратите внимание: она расположена на западной стене храма напротив иконостаса, так что видна только, когда вы находитесь в четверике храма. У южной стены четверика (справа от входа) рака с мощами преподобного Иова. Здесь паломники по возможности совершают молебен. Новый иконостас написан в 2002—2003 гг. в мастерской Никиты Нужного. В местном ряду рядом с царскими вратами икона Божией Матери «Страстная».

Голгофо-Распятский скит был приведен в благоустройство «тщанием» соловецкого настоятеля Досифея. В 1828 году в Голгофо-Распятский скит проложена новая дорога, полого поднимающаяся вокруг горы до самой вершины. По ней стало возможным подвозить материалы, в первую очередь кирпич, для строительства нового храма. В 1830 году на горе Голгофе была уже освящена холодная церковь Распятия Господня с теплым приделом Успения Пресвятой Богородицы справа от входа в трапезную часть храма, а слева почивали под спудом мощи преподобного Иова. С западной стороны к трапезной примыкает паперть с келиями и тридцатиметровой колокольней. Прежний деревянный храм был перенесен под гору на братское кладбище и освящен в память Воскресения Христова. Поднимаясь по пологой дороге на Голгофу, сверните на тропинку,

[208] То есть на месте келии диакона Паисия. В срубе храма могли сохраниться бревна, которых касался сам преподобный Иов; этот самый сруб стоял на вершине Голгофы с 1715 по 1830 год.



Кирилловская губа. Лит. Черепанова, 1884 г.

идущую по восточному склону. Чуть не доходя до бывшего келейного корпуса, вы увидите слева березу-крест. В советские годы все кресты уничтожались, но Голгофа без креста остаться не могла. Господь сотворил чудо: выросла крестообразная берёза. Считая годовые кольца на рядом расположенном пне, оставшемся от берёзы приблизительно такой же толщины, мы оценили возраст её около 90—100 лет. Хорошо бы, конечно, эту оценку проверить специалистам. А нам довольно и того, что «всякое дыхание, да хвалит Господа»: дерево готово воспринять образ Креста, а готовы ли мы воспринять образ Распятого Господа? Подумайте об этом, вспоминая о живших и живущих здесь монахах, они-то, принимая постриг, по крайней мере изъявили намерение последовать Распятому Христу. Да и мы давали обет в таинстве святого Крещения! Трижды отвечали мы на вопрос священника: «Сочетаешися ли Христу?» — «Сочетаюсь!» Часто ли мы вспоминаем о своем обещании? В начале пути Господь нам сразу показывает цель — соединение с Ним, а путь к этой цели — вся жизнь. Так, Голгофа издали видна с моря (особенно с южной стороны), потом скрывается, пока совершаем мы свой путь по лесам, болотам, грязи, и вот мы замираем от восхищения, стоя на вершине и созерцая красоту этой поднебесной земли. А Господь желает открыть нам Небо. Паломники покидают Голгофу все чуть изменившиеся и умиротворенные. В душе Пасха и мы обычно поем «Христос воскресе...» внизу у деревянной церкви, благо, что это тропарь престольного праздника.

В 2002—2006 годах в Голгофском скиту были проведены обширные восстановительные работы. Сначала взялись за построенный в 1833 году на южном склоне кухонный корпус с трапезной и келиями. Здание медленно сползало по склону, отчего появились трещины в стенах: требовалось не «лечение», а «реанимация». Тем не менее здание удалось «ожи-

Часовня Покрова в Капорской губе. Лит. Черепанова, 1884 г.

вить». С храмом дело обстояло ещё сложнее, но уже в 2004 году, укрепив стены и своды, восстановили главы и поставили кресты.

От Голгофы группы обычно уходят к ожидающему их кораблю или в северо-восточную сторону к Кирилловской губе (1,5 км), или на юг в Капорскую губу (3 км). В Кирилловской губе в 2003 году был поставлен Поклонный Крест. Здесь в прежние времена располагалась Кирилловская тоня, названная по имени деревянной часовни, сооруженной в память преподобного Кирилла Новоезерского для занимавшейся здесь рыбной ловлей братии. Часовня восстановлена в 2006 г. В Капорской (Капельской, Копальской) губе с 2004 по 2006 год восстанавливается кирпичная часовня в память Покрова Пресвятой Богородицы на том месте, где она была прежде.

Уникальная природа Анзера требует особо бережного отношения к ней со стороны посещающих остров паломников и туристов. Весь остров является особо охраняемой зоной, поэтому его посещение разрешается только в составе организованных групп в сопровождении проводника от монастыря или музея, причём посещение некоторых частей острова (побережье Троицкой губы, мыс Колгуев) запрещено.

ГЛАВА 8

ОБРАЗЫ СОЛОВКОВ

«О ты — горний, грядущий Иерусалим! Не одно исстрадавшееся, облитое кровью сердце бьется великою верою в твое пришествие. Не один грустный взгляд измученного устремляется в синюю, бездонную высь, следит за серебристо-белыми облаками, словно испытуя, где сверкают стены этого града, где стоят купола его, где зыблются и шепчут, зеленеют и цветут благоуханные сады Эдема» [3, с. 5].

Согласно Священному Преданию Церкви, храм объемлет всю вселенную и созидается, по существу, не только людьми, но и великим Строителем — Словом и существует на земле как мысленное подобие того, что превыше небесного свода. Расположенный за морем на краю света Соловецкий монастырь, естественно, воспринимался как земля обетованная, образ обителей Небесных. Эта ассоциация укреплялась и историей основания монастыря: преподобный Зосима видел «осияние Божественное» и церковь, стоящую на «воздусе». Видение Божественного света определило посвящение первого храма Преображению Господню[209].

О явлении церкви, сходящей с небес, тоже не забыли. На одной из икон Преображения XVII века [27, с. 178] Соловецкий монастырь изображен в виде Града Небесного. При документально точном воспроизведении, например, деревянной кровли Благовещенской церкви стены обители изображены в виде четырехугольника[210], а не пятиугольника, как на самом деле, и написаны стены согласно иконописной традиции изображения стен Иерусалима (например, позади Распятия). На обращенной к зрителю стене изображены трое врат, согласно «Откровению» Иоанна Богослова[211]. В изображенном на иконе Небесном граде три обители:

[209] Интересно, что на иконе «Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия» (1545 г.) деревянные храмы обители показаны как образ сияющего Небесного Града и одновременно как прообраз каменных храмов, построенных через 20 лет игуменом Филиппом.

[210] «Город расположен четвероугольником и длина его такая же, как широта» (Откр. 21,16).

[211] «С востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот» (Откр. 21,13).

Спасителя, Пресвятой Богородицы и Святителя Николая. Спасо-Преображенский собор представлен как образ горы Фавор. Это, очевидно, соответствовало и замыслу строителей: шатер центральной главы напоминает вершину горы, а потоки света, льющиеся через световой барабан на иконостас, — нетварный Фаворский свет. Преподобные Зосима и Савватий изображены упокоившимися в раках в приделах собора, но в то же время стоящими на молитве и созерцающими Фаворский свет. Подчеркивается и островное положение обители: по волнам бурного моря житейского к тихой пристани направляются кораблики с богомольцами. В конце XX века эта идея получила развитие в работе протоиерея Льва Лебедева о том, что Русская земля сознательно устраивалась во образ Иерусалима Небесного: «Соловецкий остров с монастырем на нем — настоящая церковная твердыня, сущий град, или Престол Божий, но не посреди земли, а посреди моря. Вполне вероятно, что образ Престола Божия, града святых посреди воды, тогда уже запал в душу иеромонаха Никона[212], породив прямые ассоциации с Откровением Иоанна Богослова, где сказано: “Перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу” (Откр. 4, 6), и в другом месте: “И видел я как бы море стеклянное, смешанное с огнем, и победившие зверя и образ его... стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея — раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь Святых! Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? Ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою...” (Откр. 15, 2—4)» [13, с. 307].

Протоиерей Лев предложил своеобразное богословие «острова спасения»: в XVII веке Русская земля была единственным островом Православия в мире, в самой России хранительницей веры (духовным островом) является Церковь, а в ней островом посреди «житейского моря, воздвизаемого напастей бурею», является монастырь. Чтобы подчеркнуть эту отделенность от мира, вокруг монастырей всегда строили стены.

Помимо стен, Иоанн Богослов описывает в «Откровении» таинственный храм, который по временам «отверзается на небе» (Откр. 11, 19; 15, 5—8). Алтарь земного храма почти в точности повторяет описание храма небесного [13, с. 313—314]. Праздничные монастырские богослужения в Преображенском соборе, в ходе которых 24 иеромонаха возносили хвалу Богу, поразительно соответствовали образу «Откровения». Алтарь, город, новая земля — все это разные способы описать явление Царства Небес-

[212] Возможно, что еще здесь, на Соловках, будущий Патриарх Никон понял, что монастырь может быть архитектурной иконой Града Небесного Иерусалима, хотя окончательно замысел построить монастырь, именуемый Новый Иерусалим, созрел в 1656 году.

ного, то есть области вечного жития праведников. Крестьяне-паломники интуитивно так и воспринимали Соловецкий монастырь: «Это — наше царство!» [3, с. 194]. «Рай — наши Соловки!» — говорили монахи. «Господь своим инокам предоставил их, чтоб здесь на земле еще видели, что будет даровано праведникам там, на том свете» [3, с. 80]. С точки зрения XXI века, когда уже во многом открылась тайна беззакония, Преображенский собор воспринимается как Престол Божий, а весь остров, как «золотой жертвенник», под которым обитают «души убиенных за Слово Божие» (Откр. 6, 9).

Священноисповедник протоиерей Сергий Правдолюбов писал дочери [4, 2006, с. 294]:

«Достойная человека жизнь — только небесная. И на земле надо научиться дышать небом, иначе на небе задохнешься…»

Священноисповедник Сергий, чтец Анатолий и священномученик Николай Правдолюбовы — узники СЛОНа. Фото 18 января 1937 г.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

С Соловками трудно прощаться. Хочется сказать, как Петр на Фаворе: «Господи, хорошо нам здесь быти! Поставим три кущи...» Но, как и в прежние времена, срок пребывания паломников в Соловецкой обители ограничен 3—5 днями. Однако, если есть возможность потрудиться в обители и на это будет дано благословение священноначалия, то появляется больше возможностей присмотреться к монастырской жизни, пробудить душу свою от тяжкого сна греховного. Мудро поступает тот, кто, достигнув святых мест, дорожит здесь каждой минутой, каждым священнодействием Церкви, чтобы употребить их во благо своей души, привлечь на себя благодать, даруемую свыше. Благо нам, если, прося о своих нуждах, благодаря Господа за Его милости, молясь о родных и близких, мы сумеем излить пред лицем Господа Всеведущего все горе нашей томящейся души. Покаянные молитвы, происходящие от живого сознания «множества содеянных нами лютых», не будут отвергнуты здесь милосердным Господом. Благо нам, если в сознании своей виновности и безответности перед Богом мы поспешим на исповедь и дадим решительный обет переменить свою жизнь. Тогда по благоговейно-трепетном принятии Святых Таин мы уже вступим на новое поприще святой деятельности христианской[213]. Если вы так поступили, братия и сестры, труд вашего хождения за море не напрасен.

Но не осудим тех, кто пока только присматривается к церковной жизни. По разным причинам попадают люди на Соловки: из любознательности, из желания увидеть не тронутую пока цивилизацией северную природу, иногда даже за компанию, и Господь принимает всех: многих сердец касается благодать, люди пробуждаются к духовной жизни. Наместник монастыря архимандрит Иосиф так говорит об этом: «Все в жизни совершается постепенно. После зимы не сразу набухают почки, не сразу распускаются листочки... И сейчас, после “советской зимы”, нужен достаточно продолжительный период, чтобы листья души и цветы святости вновь возросли на нашей Русской земле. Я верю, что Господь благоволит

[213] В помощь Вам молитва иеромонаха Флавиана, сохранившаяся на заглавном листе принадлежавшего ему «Правила молитвенного готовящимся ко Св. Причащению» (М., 1893) и по его кончине поступившего на братское пользование в Онуфриевскую церковь: «Господи Иисусе Христе, Боже мой, посещаяй тварь Свою, Емуже явленны страсти моя, и немощь естества нашего человеческаго, и крепость супостата нашего. Ты Сам покрый мя от злобы его, зане сила его крепка, естество же наше страстно, и сила наша немощна. Ты убо, о Благий! ведый немощь нашу и носяй неудобство бессилия нашего, сохрани мя от смущения помыслов и потопа страстей и достойна сотвори мя сея службы Твоея святыя, да не како в страстех моих растлю сладость ее, и обрящуся безстуден пред Тобою и дерзостив: Господи, Пресладкий мой Иисусе, помилуй и спаси мя».

Исповедь

к нашему Отечеству. И это возрождение Православной веры свидетельствует о любви Божией к русскому народу. Значит, среди наших соотечественников еще есть немало праведников, ради которых Господь нас не только терпит, но и благоволит к нам. Я вижу, что увеличивается число приходящих богомольцев как в сам монастырь, так и на подворья. Люди идут к нам не просто поставить свечку и уйти, а идут с тем, чтобы исповедать свои грехи, получить очищение от душевной скверны, от всего того, что смущает совесть. А это значит, что есть в людских сердцах сожаление о грехе, есть желание быть лучше. И таким людям, я уверен, придет на помощь Господь».

Тысячи богомольцев ежегодно стремятся побывать в Соловецкой обители. И кто может исчислить, сколько в этих благочестивых путешествиях получается сердечной отрады, духовного назидания и благодатной силы к благодушному терпению жизненных скорбей! Сколько снимается тяготы греховной, накопившейся в душе от суеты мирской! «Иди, учись у иноков, — говорил святый Иоанн Златоуст, — это светильники, сияющие по всей земле, это стены, коими ограждаются и поддерживаются сами города. Они для того удалились в пустыню, чтобы и тебя научить презирать суету мирскую... Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог настоящую жизнь провести сколь можно лучше и сподобиться будущих благ...»

ПЕСНОПЕНИЯ И МОЛИТВЫ НАИБОЛЕЕ ЧТИМЫМ СОЛОВЕЦКИМ СВЯТЫМ

Житейское море воздержанием безбедно преплысте и ко пристанищу мысленному бесстрастия, радующеся доидосте, преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе, Богомудрии и преблаженнии; молите Христа Бога спастися душам нашим.

Преподобным Зосиме, Савватию и Герману (8/21 августа)

Тропарь, глас 8

Яко светильницы явистеся всесветлии/ во отоце окиана моря,/ преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе,/ вы бо, крест Христов на рамо вземше,/ усердно Тому последовасте/ и, чистотою Богови приближившеся,/ отонудуже силами чудес обогатистеся./ Темже и мы любезно притекаем ко святым мощем вашим и умильно глаголем:/ о преподобнии, молите Христа Бога// спастися душам нашим.

Кондак, глас 2

Христовою любовию уязвившеся, преподобнии,/ и Того крест на рамо вземше,/ понесли есте, Божественне вооружившеся на невидимыя враги,/ и непрестанные молитвы, яко копие в руках имуще,/ крепко победили есте бесовская ополчения;/ благодать Господню приемше целити недуги душ и телес/ притекающих ко святым мощем вашим,/ чудес лучи испущаете всюду./ Тем зовем вам:// радуйтеся, преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе, монахов удобрение.

Ублажаем вас,/ преподобнии отцы наши Зосимо, Савватие и Германе,/ и чтим святую память вашу,/ наставницы монахов и собеседницы ангелов.

Молитва

О преподобнии отцы, велицыи заступницы в скорби и услышателие молитв, угодницы Божии и чудотворцы Зосимо, Савватие и Германе! Не забудите, якоже обещастеся, посещати чада ваша. Аще бо и отыдосте от нас телом, но духом присно с нами пребываете. Молим убо вы, о преподобнии: избавите ны от огня и меча, от нашествия иноплеменников и междоусобныя брани, от тлетворных ветров, и от напрасныя смерти, и от всех прилогов бесовских, находящих на ны. Услышите нас, грешных, и приимите молитву сию и моление наше, яко кадило благовонное, яко жертву благоугодну, и души наша, злыми делы, и советы, и помыслы умерщвленныя, оживите и, якоже умершую отроковицу востависте, якоже неисцельныя раны многих исцелисте, от духов нечистых зле мучимых избависте, тако и нас, содержимых во узах вражиих, измите и от сетей диавола избавите, из глубины прегрешений изведите и милостивым вашим посещением и ходатайством от врагов видимых и невидимых оградите ны благодатию и силою Всесвятыя Троицы, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Преподобному Зосиме (17/30 апреля)

Тропарь, глас 4

Изволением Божественного разума / вселился еси в пустыню / и тамо, вперив ум твой в Небесныя обители,/ равно Ангелом житие на земли пожив,/ в молитвах, и трудех, и пощениих образ был еси твоим учеником./ Отонудоже Бог, видя твое благое изволение,/ умножи тебе чада в пустыни,/ слез твоих теченьми напаяемей./ Но, яко имея дерзновенние к Богу,/ поминай стадо, еже собрал еси, мудре,/ и не забуди, якоже обещался еси,/ посещая чад твоих,// Зосимо преподобне, отче наш.

Кондак, глас 8

Христовою любовию уязвився, преподобне,/ и Того Крест славный на рамо взем,/ понесл еси, Божественне вооружився,/ и непрестанныя молитвы, яко копие в руце имый,/ крепко ссекл еси бесовская ополчения./ Тем зовем ти:/ радуйся, преподобне отче Зосимо,/ монахов удобрение.

Ублажаем тя,/ преподобне отче наш Зосимо,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Преподобному Савватию (27 сентября/10 октября)

Тропарь, глас 3

Удалився мира и водворися в пустыни,/ добрым подвигом подвизався,/ злостраданием, и вниманием, и молитвами./ Отонудуже и по смерти источаеши исцеления,/ Савватие отче наш,// моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 2

Житейския молвы отбег/ и вселися в морский остров, премудре./ И крест Господень на рамо взем,/ Христови последовал еси/ в молитвах, и во бдениих, и в пощениих,/ злостраданием плоть свою изнуряя./ Тем бысть иноком удобрение,/ иже любовию память твою празднующим;/ преподобне Савватие,// моли непрестанно о всех нас.

Ублажаем тя,/ преподобне отче наш Савватие,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Преподобному Герману (30 июля/12 августа)

Тропарь, глас 8

Желанием духовным от юности распаляемь,/ преподобне Германе,/ Христу тесным жития путем последовал еси/ и, в морский пустынный остров, аки в тихое пристанище, вселився,/ в нем многа лета постнически пожил еси,/ идеже блаженным отцем Зосиме и Савватию сожитель был еси,/ с нимиже моли Христа Бога// о нас, любовию чтущих святую память твою.

Ин тропарь, древний, глас тойже

Украсився, премудре, постническим житием,/ спостник был еси и сожитель в морстем отоце преподобным отцем Зосиме и Савватию,/ сподвизався в молитвах, в трудех и в пощении,/ преподобне отче Германе,/ но, яко имея дерзновение к Богу,// моли избавити нас от враг и спасти души наша.

Кондак, глас 4

Вышних желая,/ вся долу влекущая возненавидел еси/ и, отечество свое оставль,/ в поморие пустынное отшел еси,/ таже в морский остров удалився,/ в нем многа лета Господеви поработал еси./ Темже, память твою празднующе,/ любовию вопием ти:// радуйся, Германе богомудре, отче наш.

Ублажаем тя,/ преподобне отче наш Германе,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Святителю Филиппу, митрополиту Московскому и всея Руси (9 / 22 января)

Тропарь, глас 8

Первопрестольников преемниче,/ столпе Православия, истины поборниче,/ новый исповедниче святителю Филиппе,/ положивый душу за паству твою,/ темже, яко имея дерзновение ко Христу,// моли за обитель сию и люди, чтущия достойно святую память твою.

Кондак, глас 3

Православия наставника и истины провозвестника,/ златоустаго ревнителя, Российскаго светильника,/ Филиппа премудраго восхвалим,/ пищею словес своих разумно чада своя питающа:/ той бо языком хваления пояше,/ устнама же пение вещаше,// яко таинник Божия благодати.

Величаем тя,/ святителю отче наш Филиппе,/ и чтим святую память твою,/ ты бо молиши о нас Христа Бога нашего.

В день праздника перенесения мощей Святителя Филиппа от земных недр в храм Преображения Господня (31 мая / 11 июня)

Тропарь, глас 5

Радостный возсия день светлаго торжества:/ днесь церковная расширяются недра,/ приемлюще духовных даров неоскудеемо боготворное сокровище,/ струю благодатей неисчерпаемую,/ источника чудесем обильна,/ чудотворивыя и священныя мощи твоя, святителю Филиппе./ Тем же моли прославившего тя Дародателя Христа Бога// о воспевающих тя и кланяющихся священным мощем твоим.

Кондак, глас 3

Яко солнце, днесь от земных недр возсияша честныя твоя мощи, Святителю./ Землю же и воздух шествием твоим освятил еси/ и всех верных чудес богознаменьми облистал еси,/ чудотворец предивен и молитвенник к Богу о мире изящен явися./ Сего ради вопием ти:/ спасай нас теплым своим предстательством,// яко ученик Божия благодати.

Преподобному Елеазару Анзерскому (13/26 января)

Тропарь, глас 3

Отверг плоти тленная,/ нетленных потщался еси достигнути,/ и, мира удалився,/ вселился еси в морский остров,/ и на нем усердно многа лета Господеви поработал еси,/ сего ради и дары прозрения и чудес обогатился еси,/ отче Преподобне Елеазаре,// Христа Бога моли даровати нам мир и велию милость.

Кондак, глас 2

Воздержанием и труды постническими душу предочистив,/ храм Пресвятаго Духа был еси,/ желанием крайним ум очистив/ с вышними ликостоянии в вышних Богу предстоиши,/ наслаждаяся ясно Божественного осияния/ и приемля красная воздаяния за труд многий,/ иже в теле на земли показал еси,// молися, Преподобне Елеазаре, непрестанно о всех нас.

Кондак 13 акафиста:

О преподобне и богоносне отче наш Елеазаре! Приими ныне приносимая тебе хваления наша, и святыми твоими молитвами в жизни сей нас от всякаго злаго обстояния сохрани, в будущей же вечнаго осуждения избави, да сподобимся купно с тобою и со всеми святыми воспевати в Троице славимому Богу: Аллилуиа.

Молитва

О преподобне отче наш Елеазаре, безмолвнаго иноческаго жития в пустыни Анзерстей богоизбранный начальниче и основателю! Молим тя мы, смиреннии и недостойнии, обстояще священный гроб твой во храме Пресвятыя Троицы, ими же место сие освятися и, сущия ради в тебе благодати пророческия, прославися; испроси, угодниче Божий, у Вседер-

жителя Бога, в Троице поклоняемаго, Ему же в дерзновении с лики святых предстоиши, да дарует православному народу нашему на враги победу и одоление, державе Российстей мир и утверждение, церквам благостояние и всем людем тишину, и благоденствие, и изобилие плодов земных. Угаси молитвами твоими разженныя на ны стрелы диавольския, да не прикоснется нам злоба вражия, да благочестно скончавше временное житие, сподобимся наследовати Царствие Небесное и купно с тобою славити Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Ублажаем тя,/ преподобне отче наш Елеазаре,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Преподобному Иову Анзерскому (6/19 марта)

Тропарь, глас 5

Показавый образ добродетелей,/ весь страха Божия и Духа Свята исполнен бысть,/ Преподобне отче Иове,/ безмолвия истинный рачитель явился еси,/ страстем Господним покланяяся,/ имже и обитель воздвигл еси во отоце Анзерстем./ Пустынножителей наставниче,// моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Любовь Христову в сердце стяжа,/ еяже ради многи скорби претерпевый,/ пристанище обрел еси в морстем отоце,/ Преподобнаго Елеазара заветов верный преемник явился еси,/ покровом Божия Матере осеняемый:/ достоблаженне отче Иове,/ поминай нас, чтущих/ святую память твою.

Молитва

О преподобне и богоносне отче наш Иове! Пустыни Анзерския безмолвный обителю, обетов монашеских истинный ревнителю, ангелов любезный собеседниче, иноков в Бозе верный наставниче! Чудно житие твое, неисчислими подвизи твои, велие пред Богом дерзновение твое! Молим тя, избранниче Христов, посети немощствующие души наши, простри о нас теплую к Богу молитву твою, огради заступлением твоим обитель, тебе во изгнании приимшую, и на подвиг безмолвия тебе вдохновившую. Ты неустанно в покаянном плаче пребывавый, поучая братию,

яко сие есть ключь к царству небесному, помози нам, погибающым в нечувствии и окаянстве, твоим благодатным предстательством отвергнути всякия греховныя скверны, и плоды истиннаго покаяния Господу принести. Ты, украсивый собою сонм иноков Соловецких, украси наше скудное житие, призывая на нас благословение Божие, да оставивше вся долу влекущая, обратим мысленнии очи свои к Богу, и истинных небесных благ насладимся. О досточудне Иове, во смирении твоем возвеличивыйся, и нищетою твоею обогативыйся! Умоли Христа Бога смирением душы наша украсити, оскудевшая сердца наша небесными даровании исполнити. Сподоби нас нищету Христову возлюбити, и стяжания единаго Духа Святаго в сердце своем присно желати. Ты до конца заповедь Божию о любви исполнивый, безмерную любовь к людем до последнего вздоха в сердце носивый, недугующым и страждущым со усердием велиим выну служивый, научи и нас сей вящщей добродетели, умоли Господа Иисуса Христа, да излиет от приснотекущаго источника своея Божественныя любве в обнищавшая сердца наша, да не токмо постом и бдением, молитвою и коленопреклонением, но наипаче незлобием и всепрощением, друг друга немощей ношением приклоним к себе милосердие Господа, иже есть всесовершенная любовь, и в царство небесное, царство вечныя радости, благодатию Его внидем. Достоблаженне Иове, молитвенниче к Богу усерднейший и благоприятнейший, глубиною сердечною сокровенныя тайны Божия созерцати сподобивыйся, научи нас теплая и сокрушенная моления к Тому простирати, неусыпно Бога пред очима внутреннима имети, имя Его сладчайшее яко некое многоценное сокровище, в сердце присно благодарно хранити.

Молим тя, преблагий отче, богоугоднаго жития твоего ради сподобившагося посещения Матере Божия, и повеление обитель Распятию Христа Бога создати от нея приимшаго, испроси нам твоею благомощною молитвою Тоя заступление и покров, да никогдаже оставит нас всесильная помощь Царицы Небесныя. Поминай обещание твое, мудре, духом присно пребывати с нами, не отлучайся нас, раб твоих, верою тебе молящихся, и во благовременную помощь тя призывающих. Моли за обитель сию, да процветет в ней Святыня Господня, да не исчезнут ея сокровеннии в Бозе подвижницы и молитвенницы, да не умолкнет глас воспевающих Бога, Ему же слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Ублажаем тя,/ преподобне отче наш Иове,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Преподобному Иринарху (17/30 июля)

Тропарь, глас 4

Постническое по Бозе житие возлюбив,/ вся плотская мудрования духу покорил еси/ и воздержанием страсти умертвил еси,/ во трудех, и бдениих, и молитвах образ быв добродетели,/ тем монашеского жития наставник показался еси,/ отче преподобне Иринарше,// моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Чистотою душевною Божественныя благодати дары стяжав,/ блаженную жизнь совершил еси,/ и путь ко спасению всем указал еси,/ и богомудрый начальник монахов явился еси./ Темже имея дерзновение ко Святей Троице,/ поминай нас, чтущих память твою, да зовем ти:/ радуйся, преподобне Иринарше,/ монашествующих похвало.

Ублажаем тя,/ преподобне отче наш Иринарше,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Преподобным Вассиану и Ионе Пертоминским (12/25 июня)

Тропарь, глас 8

Прежде отвержением мира,/ яко морскаго треволнения, избегосте, отцы преподобнии,/ послежде же, изволением Божиим,/ в водах морских кончину блаженную приясте/ и к неболезненному покою преставистеся от земли, радующеся./ Тем и по кончине от Христа Бога прославистеся чудесы обильно,/ теплии в бедах верным помощницы показастеся,/ и ныне на Небесех предстояще Престолу Христову,/ Вассиане преблаженне и Ионо преславне,// молитеся присно о душах наших.

Кондак, глас 2

Яко сокровище богатно, верным/ Божественная благодать из морских недр издаде мощи ваша,/ отцы преблаженнии,/ и в месте пусте целы и невредимы обретошася преславно,/ и тако вас ради ныне славится Бог,/ Емуже со дерзновением предстояще ныне на Небесех,/ Вассиане и Ионо досточуднии,// молитеся непрестанно о всех нас.

Ублажаем вас,/ преподобнии отцы наши Вассиане и Ионо,/ и чтим святую память вашу,/ наставницы монахов и собеседницы ангелов.

Молитва

О преподобнии и всечестнии отцы Вассиане и Ионо, угодницы Христовы блаженнии, чудотворцы преславнии! Постничеством Богу первее угодивше и делы благочестно на земли подвизавшеся, яко светила светлая, по смерти в мире возсиявше, просвещающе верных чудес светлостию, вы заступницы теплии показастеся. Многих, в скорбех и бедах страждущих и погибнути имущих, здравы сохранисте, непослушавших же завещания вашего и маловерующих отмстительне наказасте, и прежде заблудшей жене путевожди бывше, и ослепшему паки прозрение даровасте. Дерзостно же коснувшагося целебных мощей ваших напрасно отринусте и, разслаблением наказавше, помиловасте. К сим же и иная преславная соделасте, и бывшее оскудение во обители вашей сугубо исполнисте, соблюдающе ю. Молимся убо ныне вам, о преблаженнии отцы, услышите моление наше, не презрите нас в бедах и скорбех, призывающе вас верою, будите помощницы нам скории и покровители, сохраните же во благоденствии, мире и тишине отчество наше. К сим же и духовнаго о вас собрания не оставите до конца, посещающе я всегда, о преподобнии, изобилованием всяцем, и молитеся присно о нас ко Господу, да молитвами вашими грехов прощение получим, и Царствия Небеснаго сподобимся благодатию Его, яко Тому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Преподобным Иоанну и Лонгину Яренгским (16/29 октября)

Тропарь, глас 8

Яко звезды многосветлыя, от юности возсиявше,/ осветили есте сердца верных пренесением честных мощей ваших,/ добродетельми чудес ваших,/ во плоти яко бо ангели на земли показастеся,/ пощением насаждени бысте, яко древо при водах воздержания,/ напоени струями слез ваших, и скверну омысте,/ сего ради явистеся приятелище Божия Духа, Иоанне и Лонгине,// молите Христа Бога спастися душам нашим.

Всем Соловецким святым (9/22 августа)

Тропарь, глас 4

Взыскующе Христа вожделеннаго бисера,/ во страну полунощную востекли есте,/ и подвигом первоначальников соловецких поревновавше,/

леса и пустыни облагоухали есте своими богоугодными молитвами./ Темже и Христос вас прослави,/ и мы вам вопием:/ вси святии Соловецтии,/ молите Христа Бога// спастися душам нашим.

Ин тропарь, глас 8

Паче звезд сияюще добродетельми и чудесы,/ преподобием и правдою послуживше своему Владыце,/ Святии вси отоков Соловецтих/ с преподобными Зосимою, Савватием и Германом,/ Святителя Филиппа, яко бисера краснейша во множестве своем имуще,/ молите о нас Христа Бога,/ и от напастей вражиих ограждайте// любовию славящих Вас.

Кондак, глас 3

Духовнаго жительства желающе,/ устремистеся в суровыя островы Беломория/ и, безбедно преплывше житейское море,/ соблазнов мирских избегосте/ и в радости велией водвористеся./ Непрестанным умным восхождением Бога достигли есте// и нас учите небесному восходу.

Молитва Собору Преподобных отец Соловецких Чудотворцев

О божественный полче, Небеснии воини Христа Бога, Преподобнии и богоноснии отцы Соловецтии! Вы первее ралом евангельских учений души своя плодоносны явили есте, послежде и неплодную пустыню сию, яко благоцветущий рай соделали есте. И явилися есте жертвы благоприятныя Богу, преобразившеся умным деланием, во Свете Невечернем узрели есте будущей жизни славу. И Божественым огнем души своя возжегосте, востекли есте в Сион Горний и Нетварнаго Света причастилися есте. Темже и нам, на земли сущим, ходатайствуете душам спасение, земных плодов изобилие, времена мирна, блага. Да и мы, недостойнии, направляемии вашими молитвами поне, на конец нашего многомятежного жития, возлюбим вечное паче временнаго, и в свой единонадесятый час поработаем с усердием Небесному Домовладыке Христу, и услышим Его благоуветливый глас: «Приидите, наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира». И мы с сердечным благодарением пролиемся слезами неизреченной радости и восхвалим великое и достопокланяемое имя Отца и Сына и Святаго Духа ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Ублажаем вас,/ вси Соловецтии Святии,/ и чтим святую память вашу,/ наставницы монахов и собеседницы ангелов.

Всем святым новомученикам и исповедникам Соловецким (10/23 августа)

Тропарь, глас 1

Земли Соловецтей всемирную славу стяжасте,/ Голгофы Российския образ священный явили есте,/ венцы нетленными от Бога увенчастеся мук лютых терпением,/ отоки богоизбранныя напоивше обильно безвинною кровию./ Новомучеников Соловецких множество, / страдании велиими Вашими дерзновение в вышних обретосте:/ испросите нам у Господа покаяние и грехов прощение,/ да сподобит нас благий конец восприяти/ и Царство Небесное// вкупе с Вами наследовати.

Ин тропарь, глас 4

Подвиги иноческими освященныя отоки/ славою мученическою увенчали есте страстотерпцы Соловецтии,/ во страданиих и смерти Христу Богу подражатели явилися есте,/ со святителем Петром молите человеколюбца Господа,// обители сей и Отечеству нашему в мире спастися.

Кондак, глас 2

Светлое воинство новомучеников Соловецких/ с небесными лики престолу Божию ныне предстоит./ Тех бо страдании попираются врата адова,/ исповедничества подвигом отверзаются райския двери:/ тии бо за Христа мучении исполниша святыню древния обители,/ от гор Голгофы и Секирныя в мир горний шествие творяще,/ процветоша, яко крини, в Царстве вечного блаженства./ Мы же память благоговейную о вас всегда храним,/ достопокланяемые сродницы наши:// заступайте нас от всякия напасти вражия, смиренно молим вас.

Молитва собору новомучеников и исповедников Соловецких

О достохвальный и досточтимый великоименитый соборе новых мучеников и исповедников Соловецких! Слава о велиих страданиих ваших пройде даже до конец вселенныя: священнии сии отоцы потрясошася, и вся земля вострепета и ужасом исполнися о муках лютых, яже вы за Христа претерпели есте. За умножение беззаконий и отступление от веры буря злодеяний поколеба великую Российскую державу, силою многою обрушися на святыя Соловецкия отоки, в мори мученическия крови потопити их хотящи, богомерзкими деянии оскверняющи древнюю обитель, самую же память о святыни истребити тщащися. Кое зло ни сотвори зде

ярость сатанинская, кую муку верным ни измысли изощренный разум диаволь. Морю Белому вдашася страдальцы, безбожными мучители потопленныя; езера водная имут останки страстотерпцев; каяждо пядь священныя земли сея напитана есть кровию безвинною убиенных и умученных архиереев и священников, монахов и мирских, всякаго звания и возраста верных. Тии же веру Христову твердо храняще не отступили суть пред силою вражиею, Царства Небеснаго приснии жители явишася, к лику избранных Божиих причтеннии. О славное и чудное воинство новомучеников и исповедников Соловецких, егоже предваряет Вениамин прехвальный, иноком обители сея начальник богомудрый! Смиренно молим вас, пред Богом дерзновение имущих: молите за обитель Соловецкую, милостию Божиею ныне паки восстающую, за ны, недостойныя жители ея, дабы время сие благоприятное нам к пользе душевной и ко спасению нашему употребити. Молитеся, присноблаженнии, за державу Российскую, во еже свободитися ей от власти темныя, и к свету правды Божия воспрянути, да паки процветет во всякой благостыни. Всему же роду православному испросите духа мира и любве Христовы, и благодати исполнения, да тою сохраняеми вся до конца претерпевше спасени будем и в радости Господней водворимся, славяще о всем Вседержителя и Благопромыслителя единаго в Троице Бога, Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Величаем вас,/ святии новомученицы и исповедницы Соловецтии/ и чтим честная страдания ваша,/ яже за Христа// претерпели есте.

Священномученику Петру, архиепископу Воронежскому (25 января/7 февраля, 4/17 июня)

Тропарь, глас 4

Верою пламенною апостолу Петру подобяся,/ таже и трикратным слышанием воззвания Христова,/ душу твою за Того положил еси, святителю отче Петре,/ каменю твердый веры православныя:/ светильниче во мраце беззаконий добродетельми сиияй,/ радостию страдания за Христа претерпети изволил еси,/ со исповедники и страстотерпцы Российскими.// Молися с ними о нас, архиерею Божий, священномучениче Соловецкий.

Кондак, глас 8

Во святительстве твоем добре подвизался еси, богомудре,/ и мученичества венцем светло украсился еси,/ прещения врагов Христовых не уст-

рашився,/ кровьми твоими землю во оттоце Анзерстем освятил еси:/ сего ради Силы Небесныя удивишася терпению твоему,/ мы же с верою и любовию притекаем ко святым мощем твоим, досточудне./ Ныне со всеми Соловецкими святыми/ моли о нас Христа Бога, всеблаженне Петре, да зовем ти:// радуйся, отче приснопамятне.

Величаем тя,/ святителю отче наш Петре,/ и чтим святую память твою,/ ты бо молиши о нас Христа Бога нашего.

Священномученику Илариону, архиепископу Верейскому (15/28 декабря)

Тропарь, глас 4

Воине Христов Иларионе,/ славо и похвало Церкве Русския,/ пред гибнущим миром Христа исповедал еси,/ кровьми твоими Церковь утвердися,/ разум Божественный стяжал еси,/ людем верным возглашаше:// без Церкве несть спасения.

Кондак, глас 6

Иларионе, священномучениче Христов,/ служителей грядущаго антихриста не убоялся еси,/ Христа мужески исповедал еси,/ за Церковь Божию живот твой положи./ Красо новомученик российских,/ Руси святыя похвало,// ты Церкви нашея слава и утверждение.

Величаем тя,/ святителю отче наш Иларионе,/ и чтим святую память твою,/ ты бо молиши о нас Христа Бога нашего.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Соловецкий патерик. М., 1991.

2. Соловецкое море. Историко-литературный альманах Архангельск – Москва, 2002–2007. Вып. 1–6.

3. *Немирович-Данченко В.И.* Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. М., 2000. (Первое издание 1875).

4. Соловецкий православный календарь. Издание Соловецкого Спасо-Преображенского ставропигиального мужского монастыря. М., 1995–2008.

5. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М.: Товарищество Северного Мореходства, 2001. (Репринт. изд. СПб., 1899).

6. Летописец Соловецкий... 1-е изд. М., 1833; 3-е изд. М., 1853.

7. Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев / Под ред. С.В. Минеевой. Курган, 1995.

7а. *Минеева С.В.* Рукописная традиция жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.). В 2-х тт. М., 2001.

8. Путеводитель по Соловецким островам. СПб., 1900.

9. *Досифей II (Немчинов),* архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836.

10. *Чудинова И.А.* День Соловецкого клирошанина // Наследие монастырской культуры. Вып. 3. СПб., 1998, с. 93.

11. *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск, 1985.

12. Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / Под общ. ред. Д.С. Лихачёва. М.: Искусство, 1980.

13. *Лебедев Л.*, прот. Москва патриаршая. М., 1995.

14. *Зызыкин М.В.* Строитель Святой Руси // Патриарх Никон. Протопоп Аввакум. М.: Новатор, 1997, с. 217—237.

15. *Толстой М.В.* История Русской Церкви. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991.

16. *Кедров С.* Авраамий Палицын. М., 1880.

17. *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909.

18. *Макарий (Булгаков),* митр. Московский. История русской церкви. Кн. VII., Т. 12. М., 1996.

19. *Иоанн (Снычев),* митр. Санкт-Петербургский и Ладожский. Патриарх Никон // Патриарх Никон. Протопоп Аввакум. М.: Новатор, 1997, с. 395–404.

20. Материалы для истории раскола за первое время его существования. / Под ред. Н. И. Субботина. В 8-ми тт. М., 1878—1890.

21. *Денисов Семен.* История об отцах и страдальцах Соловецких. М., 2002.

22. *Игнатий (Семенов)*, архиеп. Воронежский. Истина Святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. СПб., 1844.*

23. *Крижанич Юрий.* Опровержение Соловецкой челобитной, писанное им в Сибири. 1675. ОР ГИМ Син. 889. То же / Изд. А. Башкиров // ЧОИДР. 1893. Кн.2. Отд.2, с. I—XI, 81—167.

24. ЖМП. 1971, № 6, с. 5—7; Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая — 2 июля 1971 года: Документы, материалы, хроника. М., 1972, с. 129—131.

25. *Мелетий*, архим. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881.

26. Подвиги Соловецкой обители. Изд. 10. СПб., 1902.

27. Житие и чудеса преподобных Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев. Издание Соловецкой обители, 2001.

28. *Федотов Г.П.* Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991.

29. *Севастьянова С.К.* Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2001.

30. *Мануил (Лемешевский)*, митр. Соловецкий цветник // Духовный собеседник. 2000. № 1, 2.

31. *Фёдоров П.Ф.* Соловки. Архангельск. 2003. (Кронштадт, 1889).

32. *Митрофан (Баданин),* иером. Блаженный Феодорит Кольский. Мурманск. Изд. Мурманской и Мончегорской епархии, 2002.

33. *Буров В.А.* Головленкова тюрьма Соловецкого монастыря. СПб., 2000.

34. *Ширяев Борис.* Неугасимая лампада. М.: Сретенский монастырь, 1998.

* Книга издана с предисловием Соловецкого архимандрита Илария, управлявшего обителью в 1836—1842 годах. Текст челобитной был опубликован по рукописи, хранившейся в Соловецком монастыре (Игнатий побывал там в 1838 году, будучи епископом Олонецким), а для комментария использованы материалы из книг монастырской библиотеки. В приложении был опубликован «Список старинных книг, писанных и печатных до патриарха Никона, находящихся в библиотеках Соловецкого монастыря, составленный в буквенном порядке названий», в котором перечислено 1378 книг, в том числе 978 рукописных. Следы «антистарообрядческого» использования книг Соловецкой библиотеки остались в приписках на них вроде следующей: «Зри, расколышче, сия книга ученика преподобнаго Зосимы Соловецкаго писана 6999. Везде, где следует, писано имя господа Иисуса два «Ии». Но тут же, ниже, написано возражение: «Писали и в те времена одно «Исус», но не полагали сего в догмат, как нынешние раскольники, но сокращения ради писали» (Солов. собр. № 491/510-из книг, написанных «повелением» Досифея).

35. С.Л.О.Н. О.Г.П.У. Фотоальбом. СПб., 2004.

36. *Чирков Ю.И.* А было всё так... М., 1991.

37. *Волков О.В.* Погружение во тьму. М., 2002.

38. *Дамаскин (Орловский),* игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 4. Тверь, 2005.

39. *Виноградов Н.* Обозрение христианских древностей Музея С.О.К. Отдел II. Заповедник Б. Заяцкого острова (деревянная Андреевская церковь). Соловки, 1927.

40. *Скопин В.В.* На Соловецких островах. М.: Искусство, 1991.

41. Соловецкий монастырь. М.: Лето, 2000.

42. *Мартынов А.Я.* Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов. Архангельск, 2002.

43. *Пришвин М.М.* За волшебным колобком. М., 1984., с.194—212.

44. *Столяров В.П.* Анзер и его святыни. Соловецкий монастырь, 2001.

45. Известие о рождении и о воспитании и о житии Святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным // Патриарх Никон. Протопоп Аввакум. М.: Новатор, 1997, с. 13—106.

46. Очерк жизни Никона, патриарха Московскаго, основателя Крестнаго монастыря // Арх. епарх. вед. 1890, № 8.

47. *Никодим (Кононов)*, иером. Архангельский патерик. Исторические очерки о жизни и подвигах русских святых и некоторых приснопамятных мужей, подвизавшихся в пределах Архангельской епархии. СПб., 1901.

48. *Морозов С.* Тогда на Анзерском острове. М.: Товарищество Северного мореходства, 2000.

49. *Никодим (Кононов)*, иером. Верное и краткое исчисление, сколь можно было собрать, преподобных отец Соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших, которые известны по описаниям, и исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1900.

50. *Бродский Ю. А.* Соловки. Двадцать лет особого назначения 1920—1939. М. 2002.

51. Русский паломник. Валаамское общество Америки. 1995. № 11—12.

52. Соловки: монастырь на островах. М., 2004.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авраамий (Палицын Аверкий Иванович, ок. 1550—1626), иеромонах 10, 92, 182—186, 349

Александр Невский, благоверный великий князь 13, 81, 82, 128, 137, 195, 269

Александр (Булатников), старец (XVII в.) 92, 122, 294, 297

Александр (Павлович Андроник Иванович, 1798—1874), архиепископ Полтавский, архимандрит Соловецкий (1852—1857) 13, 14, 29, 72—81, 127, 133, 134, 136, 146, 190, 192—196, 260, 264, 269, 272—274

Александр II Николаевич (1818—1881), император 81—84, 114, 135—137, 194, 198, 228, 229

Алексий II (Ридигер, р. 1929), Святейший Патриарх Московский и всея Руси 12, 97, 100—102, 122, 134, 267, 306, 323

Алексий (Юренев), игумен Соловецкий (1534—1548) 24, 168—170

Алексей Михайлович (1629—1676), царь 31, 32—36, 40, 43, 45, 56, 133, 174, 181, 223, 297, 349

Антоний, игумен Соловецкий (1605—1613) 29, 30, 219

Арсений (Коневский), игумен Соловецкий (1478—1479) 22, 23, 144, 165,

Арсений Грек (XVII в.), ссыльный в Соловецкий монастырь 36, 222, 223

Артемий, игумен Троице-Сергиева монастыря (XVI в.), ссыльный в Соловецкий монастырь 221

Афанасий (Любимов Алексей Артемьевич, 1641—1702), архиепископ Холмогорский 63, 64, 134, 282, 304, 307, 308

Борецкая Марфа Ивановна (Марфа Посадница), боярыня 21, 164, 165

Буров Владимир Андронович (1948), с.н.с. Института археологии РАН и Соловецкого музея—заповедника, кандидат исторических наук 10, 27, 180, 181, 350

Варвара, мать преподобного Зосимы 153

Варвара, мать святителя Филиппа 167

Варлаам (Горбачев Василий Феодорович), архимандрит Соловецкий (1891—†16 декабря 1894) 72, 142, 147, 199—202,

Варсонофий, архимандрит Соловецкий (1720—1740) 69, 70

Варфоломей (Коноплев), игумен Соловецкий (1636—1639) 180

Варфоломей, архимандрит Соловецкий (1660—1667) 38—40, 42, 43, 181

Василий III Иоаннович (1479—1533), великий князь 176

Василий, священник из Рязани, узник СЛОНа (1935) 235

Вассиан Пертоминский, преподобный Соловецкий (†1561) 64, 343

Вениамин (Кононов Василий Васильевич), архимандрит Соловецкий (1917—1920, † 17 апреля н.с. 1928), преподобномученик Соловецкий 94, 210, 212—217

Виктор (Островидов Константин Александрович, 1875—†2 мая 1934), епископ Вятский, священноисповедник Соловецкий (на Соловках 1928—1931 гг.) 254, 256

Виноградов Николай Николаевич (†1937), узник СЛОНа (1926—1929) 250, 281, 284, 285, 351

Волков Олег Васильевич (1900—†1996), писатель [37], узник СЛОНа 138, 236, 237, 254, 350

Волохов Игнатий, стряпчий, осаждавший Соловецкий монастырь в 1668—1671 гг. 45, 47, 281

Гавриил, отец преподобного Зосимы 153

Ганнибал Павел Исаакович (†1841), подполковник, ссыльный в Соловецкий монастырь 227

Геннадий (Дроздовский), архимандрит Соловецкий (1741—1761) 70, 134, 151

Герасим (Ионин), архимандрит Соловецкий (1793—1796) 71

Герасим Фирсов, книжник Соловецкий (XVII в.) 3 7, 40, 61

Герман, преподобный Соловецкий († 1478) 8, 15—20, 23, 30, 42, 43, 63, 69, 82, 97, 99—102, 113, 118, 128, 137, 139, 143—146, 150, 151, 153—156, 158—160, 166, 167, 180, 181, 188, 200, 224, 234, 245, 250, 259, 260, 263, 271—273, 322, 336—339, 345

Герман (Чеботарь Георгий Андреевич, р. 1956), игумен Соловецкий, духовник, в 1990—1992 гг. и в 2006 г. исполняющий обязанности наместника 6, 99, 133, 216, 323

Геронтий, иеромонах Соловецкий (XVII в.), автор Соловецкой челобитной 1667 г. 38, 41—44, 49—51, 55, 57

Головленков Иван, ссыльный в Соловецкий монастырь (1616) 219

Горожанский Александр Семенович († 1846), ссыльный в Соловецкий монастырь 226, 227

Григорий (1864—после 1931), монах Соловецкий (пострижен 19.01.1903) 233, 234

Григорьев Матвей, рабочий, ссыльный в Соловецкий монастырь (1879—1882) 228, 229

Гурий, монах Соловецкий (нач. XX в.) 9, 207—212

Дамаскин (Орловский), игумен, современный агиограф 256, 257, 306, 323, 350

Даниил, монах Соловецкий (в рясофоре старец Дионисий, † 31 октября 1881) 140, 141

Димитрий, архимандрит Соловецкий (1843— † 19 августа 1852) 72, 147, 188, 191, 192

Дионисий Зобниковский (†1633), архимандрит Троице-Сергиевой Лавры 183—185

Долгорукий Василий Лукич (†1739), князь, ссыльный в Соловецкий монастырь 223, 224

Досифей, игумен Соловецкий (кон. XV в.), автор жития преподобных Зосимы, Савватия и Германа 23, 90—92, 148, 167, 350

Досифей II, архимандрит Соловецкий (1761—1777) 70

Досифей III (Немчинов), архимандрит Соловецкий (1825—1836, † 1845), автор [9] 28, 72, 109, 166, 185, 187, 190, 191, 226, 280, 319, 326, 328, 349

Елеазар (Севрюков, † 1656), преподобный Анзерский 29, 30, 82, 121, 127, 250, 289—306, 310, 315, 325, 327, 328, 340, 341, 350

Елизавета Петровна (1709—1761), императрица 219, 223

Зосима, преподобный игумен Соловецкий (1452 — †1478) 6, 8, 16, 17—24, 31, 42, 43, 46, 54, 69, 70, 75, 82, 87, 88, 90—93, 96, 97, 101, 102, 113, 116, 118, 128, 137, 143—145, 148, 153—167, 171, 175, 180, 187, 191, 193, 198, 199, 208, 210, 212, 214, 235, 250, 271—273, 331, 332, 336—338, 345, 349, 350

Зосима, иеромонах (кон. XV— нач. XVI в.) 24, 175, 176

Зосима († 23 июня 1855), схимонах Анзерский 319

Зосима, иеросхимонах (кон. XIX — † 4 мая 1920) [30, № 2. С. 40, 51] 200

Зосима (Чеботарь Иван Андреевич, р. 1958), игумен Соловецкий, эконом 99, 133,

Иаков, игумен Соловецкий (1581—1597) 27, 174, 293

Игнатий (Римский-Корсаков, 1630/1635—1701), митрополит Тобольский 54, 56, 69, 263, 264

Игнатий (Семенов Матвей Афанасьевич, 1791—1850), епископ Олонецкий (впоследствии архиепископ Воронежский) 55, 56, 187, 350

Игнатий, епископ Тамбовский († 26 марта 1718), ссыльный в Соловецкий монастырь 146

Иевлев Клементий, голова Московских стрельцов, осаждавший Соловецкий монастырь в 1672—1673 гг. 47, 48

Иероним (Колпаков), архимандрит Соловецкий (1777—1793, †1804) 70

Иероним (Лукин Иерофей, 1764—†1847), иеросхимонах Соловецкий 218, 291, 292, 305

Иларий, архимандрит Соловецкий (1836—1842, †1845) 55, 191, 350

Иларион, архимандрит Соловецкий (1680—1686, †1 февраля 1691) 63

Иларион II (Кананыкин), архимандрит Соловецкий (1806— †4 июня 1813) 71, 72

Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич, 1886 — †28 декабря н.с. 1929), архиепископ Верейский, священномученик Соловецкий (на Соловках 1923—1925 и 1926—1929 гг.) 138, 139, 230, 244, 255, 276, 348

Илия (Пестриков), архимандрит Соловецкий (1645—†1 июля 1659) 31, 32, 35—38, 40, 67, 146, 299, 300

Иннокентий (Беда, 1881 — †6 января 1928 н.с.), архимандрит, преподобномученик Соловецкий (на Соловках 1926—1928 гг.) 256, 322

Иоанн III Васильевич (1440—1505), великий князь 23, 88, 165
Иоанн IV Васильевич Грозный (1530—1584), царь 24, 26, 74, 87, 88, 91, 92, 94, 106, 168, 171—175, 178, 179, 221, 274
Иоанн V Алексеевич (1666—1696), царь 63, 69, 313
Иоанн, Новгородский купец, иконописец (сер. XV в.) 90, 143, 152, 153, 162, 163
Иоанн Яренгский, преподобный Соловецкий (†1561) 344
Иоанн (Сорокин Иван Васильевич, 1781—†1860), послушник Соловецкий 218
Иоанникий (Юсов Иван Филиппович), архимандрит Соловецкий (1895—1917, †6 июня 1921) 72, 86, 94, 121, 186, 200—207, 209, 210, 213, 214, 218, 260
Иоасаф I (...†1640), Святейший Патриарх Московский и всея Руси 180
Иов (Иоаннов Иоанн, в схиме Иисус, 1635—1720), преподобный основатель Голгофо-Распятского скита на о. Анзер 82, 218, 304, 307—320, 328, 341, 342
Иона (Отенский, †1470), архиепископ Новгородский 27, 158, 159, 163, 164
Иона, игумен Соловецкий (1450— †28 апреля 1452) 21, 159, 279
Иона Пертоминский, преподобный Соловецкий (†1561) 64, 343, 344
Иона III, архимандрит Соловецкий (1796—1805) 71
Иона (Шамин, †1568), иеромонах Соловецкий 145, 168, 169, 174
Иосиф, архимандрит Соловецкий (1667) 38, 40, 42—45, 47
Иосиф (Братищев Иван Алексеевич), архимандрит, наместник Соловецкого монастыря (с 1992) 100, 103, 134, 139, 216, 267, 334
Иринарх, преподобный игумен Соловецкий (1614—1626, †1628) 29, 30, 82, 121, 128, 137, 145, 146, 167, 180, 250, 293, 294, 296, 298, 343
Иринарх (1873 — † после 1931), монах Соловецкий (пострижен 7.04.1907) 243
Иринарх (Михеев), иеродиакон (1960 — †7 сентября 1994) 142, 143
Исаия, игумен Соловецкий (1483—1485) 23, 144, 167
Исидор, митрополит Новгородский, игумен Соловецкий (1597—1604, †10 апреля 1619), 29, 120
Кальнишевский Петр, кошевой атаман Запорожской Сечи, ссыльный в Соловецкий монастырь 146, 147, 224, 225
Кириак, больничный старец Соловецкий (1656) 299
Константин Николаевич, великий князь (1827—1892) 135, 136
Крижанич Юрий (1617—1683), духовный писатель 56—60, 62, 350
Леонид, старец Соловецкий (1538) 24, 211
Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906—†1999), ученый, узник СЛОНа 217, 237, 349
Лонгин Яренгский, преподобный Соловецкий (†1561) 344
Львов Михаил, князь, ссыльный в Соловецкий монастырь 36, 40, 134
Макарий, игумен Соловецкий (1626—1632) 30, 146, 297
Макарий I, архимандрит Соловецкий (1676—1680) 14, 54, 63, 263

Макарий, монах Анзерский, ученик преподобного Иова 310—313

Макарий II, архимандрит Соловецкий (1818—†22 ноября 1825) 72, 147, 189, 190, 269

Макарий (Марк, рыбак), монах, ученик преподобных Зосимы и Германа 158, 160,

Мануил (Лемешевский Виктор Викторович, 1884—1968), митрополит, узник СЛОНа (1924—1928), составивший «Соловецкий цветник» [30] 200, 234, 250, 350

Маркелл, архиепископ Вологодский, игумен Соловецкий (1640—1645, †1662) 31, 128, 146, 180, 181,

Мартин (1868—после 1931), иеромонах Соловецкий (рукоположен 7.07.1911) 234

Марфа, инокиня, мать царя Михаила Романова 184, 185, 293

Матфий, схимонах Анзерский, ученик преподобного Иова 312

Матфей, схимонах Анзерский (XIX в.) 319, 320

Мелетий, архимандрит Соловецкий (1879—1891, †1897) 72, 140, 201, 226, 228, 229, 350

Мелхиседек, архимандрит Соловецкий (1857—1859) 136, 137

Мелхиседек (в схиме Адам, †1777), игумен Анзерский 305

Мещеринов Иван Алексеевич, воевода, осаждавший Соловецкий монастырь в 1674—76 гг. 48, 50—53

Михаил Феодорович (1596—1645), царь 30, 31, 43, 88, 91, 180, 184, 185, 293—295, 297, 300

Михаил Озеров, воевода Соловецкого монастыря (†27 марта 1579) 10, 27

Наум (1776—†1853), старец Соловецкий 31, 147, 186—189, 305, 319

Нафанаил, игумен (1435) 151—153, 162

Нектарий (Трезвинский Нестор Константинович), епископ Вятский, узник СЛОНа 234

Немирович-Данченко Василий Иванович (1848—1936), русский писатель и публицист, брат знаменитого театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко, автор очерка «Соловки» [3] 10, 85, 225, 349

Никанор, архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря (†1676) 32, 36, 40—46, 49, 52—54, 55

Никифор (Кучин, †17 апреля н.с. 1928), иеромонах Соловецкий, преподобномученик 214—217

Никодим (†1667), строитель Анзерский 298, 303, 304

Никодим, протоиерей, узник СЛОНа 230

Никон (Минин Никита, 1605—1681), Святейший Патриарх Московский и всея Руси 31, 32—37, 40, 54, 59, 60, 62, 82, 92, 112, 133, 174, 222, 223, 263, 264, 298—300, 303, 304, 332, 349—351

Осоргин Георгий Михайлович, узник СЛОНа (1928—†1929) 251, 252

Павел, игумен Соловецкий (1442—1443) 20, 21, 158, 159

Павел (Флоренский), священник, узник СЛОНа (†1937) 238, 276

Паисий, иеродиакон, пустынник Анзерский (1712) 312

Паисий II, архимандрит Соловецкий (1813—1818, †4 декабря 1825) 72, 142

Петр I Алексеевич (1672—1725), император 54, 63—70, 74, 79, 88, 113, 134, 137, 219, 223, 227, 281, 282, 307—309, 313—325

Петр (Зверев Василий Константинович, 1878—†7 февраля 1929 н.с.), архиепископ Воронежский и Задонский, священномученик Соловецкий (на Соловках 1926—1929 гг.) 233, 245, 251, 255, 321—325, 346—348

Порфирий, архимандрит Соловецкий (1859—†1865) 72, 85, 147, 196, 197, 200, 264

Пришвин Михаил, писатель 287, 288, 351

Потапов Яков (†1919), рабочий, ссыльный в Соловецкий монастырь 227—229

Рафаил, игумен Соловецкий (1632—1636, †1650) 31

Роман, строитель Анзерский (1680—1685)

Савватий, преподобный Соловецкий (†1435) 6, 8, 15, 17—21, 31, 42, 43, 54, 69, 75, 82, 90, 91, 96, 97, 99—102, 113, 116, 118, 128, 137, 143—145, 148—153, 155, 162,163, 167, 171, 175, 180, 187, 191, 193, 198, 199, 209, 212, 214, 234, 235, 249, 250, 259, 260, 263, 331, 332, 336—338, 345, 349, 350

Севрюковы, родители преподобного Елеазара: священник Афанасий и матушка Татиана 289

Сивко Иван Михайлович (†2 августа 1941) в числе первых выпускников Учебного отряда Северного флота летом 1941 г. ушел на фронт в составе бригады морской пехоты. Героически погиб в бою недалеко от Мурманска, посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза 11, 99

Сильвестр (в мон. Спиридон, †до 1577), протоиерей, автор “Домостроя”, ссыльный в Соловецкий монастырь 92, 221, 222

Симеон Бекбулатович, казанский царь, сосланный на Соловки (в иночестве Стефан) 87, 222

Стефан, отец святителя Филиппа 167

Толстой Петр Андреевич (†1729), граф, ссыльный в Соловецкий монастырь 223

Трифон (Кологривов, †ок. 1620—1621), монах, строитель Соловецкой крепости 28, 120

Трифон, преподобный Печенгский (†1583) 176, 177, 199

Феодор (Ушаков Иоанн Игнатиевич, 1718 — 19 февраля 1791), преподобный Санаксарский, ссыльный в Соловецкий монастырь (1774—1783) 219

Феодор Иоаннович (1557—1598), царь 26, 28, 88, 182,

Феодор Алексеевич (1662—1682), царь 53, 54, 87, 304

Феодорит Кольский, блаженный (†1571), архимандрит, просветитель лопарей 10, 175—179, 350

Федоров П.Ф., судовой врач, составивший описание Соловецкой обители [31], в которой он провел 76 дней в 1882—1886 гг. 84, 88, 350

Феодосий I, игумен Соловецкий (1443—1445) 21, 159,

Феодосий, иеромонах, подвизавшийся с преподобными Зосимой и Германом 158

Феодосий (Алмазов Константин Захарьевич, 1870—1933), архимандрит, узник СЛОНа 138, 234, 323

Феофан (1739 —†26 июля 1819), пустынник Анзерский 17, 146, 319

Феофан (Комаровский), архимандрит Соловецкий (1865—†21 июля 1871) 72, 196—200

Феофан (1863—15.03.1932), архимандрит Соловецкий (поставлен 25.12.1927) 234

Филарет (Романов Феодор Никитич, 1553—†1633), Святейший Патриарх Московский и всея Руси 183, 294

Филипп (Колычев Феодор Степанович, 1507—1569), митрополит Московский, игумен Соловецкий 8, 11—13, 16, 17, 21, 24—27, 31, 42, 43, 46, 71,78, 82, 88—92, 96, 99, 102, 104, 105, 112, 114, 118, 122, 126, 127, 128, 132, 133, 137, 145, 149, 167—175, 221, 259, 271, 272, 274—276, 279—281, 324, 331, 339, 340, 345, 350

Филипп (в схиме Феодор), монах Анзерский (сер. XIX в.) 305, 327

Фирс, иеромонах Соловецкий (1616) 291

Фирс (Шарапов), архимандрит Соловецкий (1689—1718) 63—70, 134, 263, 282, 304, 307, 309, 310, 313

Фредерикс Наталья Модестовна (р. 1864—†1927), дворянка, узница СЛОНа (1924—†1927) 230

Чирков Ю.И. в 15 лет по обвинению в шпионаже стал узником СЛОНа (1935—1938) 235, 250, 350

Чумичева О. В., автор исследований о Соловецком восстании 32, 53

Ширяев Борис (р. 1889), писатель, узник СЛОНа (1922—1927), автор воспоминаний [34] 230, 231, 240, 244, 350

БЛАГОТВОРИТЕЛЯМ И ПАЛОМНИКАМ

Паломничество в Соловецкую обитель связано либо с воздушным путешествием из Архангельска (круглогодично), либо с морским путешествием из Кеми в период навигации (обычно с 1 июня по 30 сентября). Проезд до станции Кемь Мурманской ж.д. от Москвы, Петербурга или Архангельска, в летнее время с южного направления ходят прямые поезда Адлер—Мурманск. По прибытии на подворье паломники могут обратиться непосредственно в монастырь за благословением на переезд морем на монастырском катере. Кемское подворье монастыря оказывает помощь паломникам как транспортом, так и предоставлением жилья в случае непогоды.

Адрес Кемского подворья: 186601 г. Кемь, Карелия, пос. Рабочеостровск, ул.Портовая, 8.

Телефон: 8-81458-56068.

В связи с тем что в летнее время Соловки посещает множество гостей, паломническая служба монастыря убедительно просит всех желающих приехать в обитель группами более 10 человек, предварительно обращаться по приведённым ниже телефонам или адресам для получения благословения на проживание в гостиничных корпусах монастыря.

Почтовый адрес Соловецкого монастыря:

164070 Архангельская обл., пос. Соловецкий. Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, паломническая служба.

Телефоны: 8-818-3590-298, +79115758310

Электронная почта: «Паломническая служба» <palomnik_05@mail.ru>

Для желающих паломническая служба монастыря организует посещение святых мест Соловецкого архипелага по следующим маршрутам:

Святыни и история Соловецкого монастыря.

Места молитвенных подвигов основателей Соловецкой обители (Свято-Вознесенский скит на г. Секирная, места келий преподобных Зосимы и Германа, Филипповы садки, Макариева пустынь).

Скит апостола Андрея Первозванного на о. Заяцкий;

Пустынножительство на острове Анзер (Свято-Троицкий и Голгофо-Распятский скиты).

Дополнительную информацию можно найти на сайте

http://www.solovki-monastyr.ru

Банк Ломоносовский ф-л ОСБ № 27,
Северного банка СБ РФ г. Архангельска.
ИНН/КПП 2901056813/292901001.
Расчетный счет № 40703810704080100066.
БИК 041117601;
к/с № 30101810100000000601.
ОКОНХ 98700. ОКПО 26777602.

ВО ОТОЦЕ ОКЕАНА МОРЯ...

Книга паломника Соловецкой обители

Издание третье исправленное

Автор-составитель Марина Васильевна Осипенко

Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь выражает благодарность всем оказавшим помощь при подготовке этого издания

Паломническая служба Соловецкого монастыря выражает благодарность научным сотрудникам Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника за их многолетние труды по историко-культурным памятникам Соловецкого архипелага. Их опыт был использован в работе паломнической службы и при составлении настоящей книги паломника. Особую признательность автор выражает заместителю директора Соловецкого музня-заповедника Рубцову С.Г. — составителю приложения к методической разработке экскурсии «История и архитектура Соловецкого монастыря», заведующему научно-методическим отделом Волкову О.Г. — составителю приложения к методической разработке экскурсии «Соловецкий лагерь особого назначения», ведущему методисту Яковлевой А.П. за методические и исторические консультации.

Автор сердечно благодарит священноначалие монастыря за поддержку в работе, заведующую Церковно-археологическим кабинетом Соловецкого монастыря А.А. Сошину за ценные замечания и консультации при подготовке рукописи, сотрудников издательства «Общество сохранения литературного наследия» («ОСЛН») за подготовку издания

Об изданиях и информационной деятельности Общества
читайте на сайте — www.osln.ru

Адрес для писем: 109044, Москва, а/я 22; e-mail: litnas@mail.ru
Юр. адрес: 107258, г. Москва, ул. 1-я Бухвостова, д. 12/11, корп. 17-18, ком. 215

Директор АНО «ОСЛН» Л.Г. Рудин
Редактор А.Н. Стрижев
Верстка А.Е. Успенский, Д.С. Воронцов
Корректор М.М. Лоевская
Обложка В. Алиев

Свои отзывы об издании, предложения и пожелания просим направлять в Соловецкий монастырь на имя автора-составителя Осипенко М.В.

Подписано в печать 15.02.2008. Формат 70x100 1/16
Объем 22,5 п.л. Тираж 5000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ОАО «Ульяновский Дом печати»